LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891

Perwolf, J.

СЛАВЯНСКАЯ ВЗАИМНОСТЬ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ

ДО XVIII ВѢКА.

Соч. I. ПЕРВОЛЬФА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева (Большая Садовая ул., домъ № 49/2).
1874.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 19-го Апрѣля 1874 года.

СЛАВЯНСКАЯ ВЗАИМНОСТЬ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО XVIII ВѢКА.

Цѣль этого сочиненія — по возможности собрать и свести свидѣтельства о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ народовъ съ древнѣйшихъ временъ до XVIII вѣка, на сколько эти сношенія имѣли практическіе результаты въ духовной и политической жизни Славянъ, и на сколько въ нихъ проявлялось сознаніе племеннаго сродства. Авторъ остановился на XVIII вѣкѣ, такъ какъ въ этомъ вѣкѣ произошелъ въ судьбахъ Славянъ рѣшительный поворотъ: въ этомъ вѣкѣ совершилось преобразованіе Россіи и паденіе Польши, приготовилось возрожденіе Чеховъ, а отчасти и Югославянъ; въ этомъ же вѣкѣ положена основа послѣдующему затѣмъ развитію славистики, особенно стараніемъ безсмертнаго Іосифа Добровскаго, и слѣдовательно, началась новая эпоха въ духовной жизни народовъ славянскихъ. Авторъ взялся за дѣло со всевозможною добросовѣстностью. Многочисленные недостатки и пробѣлы своего труда чувствуетъ онъ лучше всѣхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, надѣется, что этотъ его опытъ — представить Славянъ, какъ одно цѣлое, не окажется совсѣмъ безполезнымъ и поспособствуетъ распространенію и усиленію идеи славянской взаимности.

ВВЕДЕНІЕ.

I.

Очеркъ древней исторіи Славянъ.

Славяне принадлежатъ къ племени Индо-Европейскому или Арійскому, отрасли котораго въ доисторическія времена переселились изъ Средней Азіи въ Европу. На югѣ поселились Латины, Иллиро-Ѳраки и Греки; на сѣверъ отъ нихъ—Кельты или Галлы, Германцы, Литовцы и Славяне. Жилища послѣднихъ простирались—вообще говоря—отъ Адріатическаго моря черезъ Придунайскія земли за Карпаты (Татры).

Славяне назывались первоначально, вѣроятно, Сербами, а у другихъ народовъ—Венетами (Венедами). Оба названія—темнаго происхожденія. Первое сохранили до сихъ поръ два славянскіе народа—Сербы Лужицкіе и Дунайскіе; вторымъ Нѣмцы и Чудь до сихъ поръ называютъ нѣкоторыя отрасли славянскія (Wenden, Winden, Väne). Изъ Дунайскихъ земель Славяне, по большей части, были вытѣснены Влахами или Волохами (Галлами или Римлянами?) за Карпаты. Здѣсь, на Вислѣ и на Днѣпрѣ, они или умножили число обитавшихъ тамъ своихъ соплеменниковъ, или отняли земли у другихъ племенъ, особенно у Чуди. Въ этихъ закарпатскихъ странахъ, извѣстныхъ древнему міру подъ названіемъ Скиѳіи и Сарматіи, греческіе и римскіе писатели знаютъ уже нѣсколько племенъ Венетовъ подъ именами Нуровъ, Будиновъ, Сербовъ, Хорватовъ, Полянъ, Велетовъ, Словѣнъ, Кривичей, Сѣверянъ и др. Дальнѣйшему распространенію Славянъ на востокъ помѣшало движеніе племенъ Уральскихъ, Чудскихъ и Тюркскихъ на западъ, именно — Гунновъ и Аваровъ. Тѣснимые, въ послѣдствіи, и покоренные этими иноплеменниками, Славяне (superiores barbari) стали напирать на западныхъ своихъ сосѣдей, особенно на Нѣмцевъ, и распространяться на западъ — въ земли Лабскія, и на югъ—въ давнюю свою родину, въ земли Дунайскія.

Въ VI вѣкѣ по Р. Х. „многочисленное племя Венедовъ“ раздѣлялось на двѣ отрасли, западную—Славянъ, и восточную—„безчисленныхъ“ Антовъ (Венетовъ). Послѣднее названіе скоро исчезаетъ, и всѣ племена древнихъ Сербовъ или Венетовъ принимаютъ имя Славянъ, или правильнѣе, Словѣнъ. На западъ Славяне подвигались вслѣдъ за племенами германскими и къ концу V вѣка были уже на Лабѣ, Салѣ, Волтавѣ и Моравѣ. Такимъ образомъ Бодричи, Велеты или Лютичи, Сербы, Чехи и Мораване заселили свои земли, лежащія на востокъ отъ Лабы, Салы и Шумавы. На югѣ Славяне, въ теченіе IV и V вѣковъ, заняли сѣверное прибрежье Дуная; потомъ, перешедши за Дунай, стали селиться въ имперіи Византійской, Мизіи, Ѳракіи, Македоніи, Эпирѣ, Ѳессаліи, и даже въ собственной Греціи. Около того же времени, въ концѣ VI вѣка, Славяне стали распространяться изъ Придунайскихъ земель въ земли Альпійскія. Эти Славяне, поселившіеся въ земляхъ Дунайскихъ и Альпійскихъ, больше и чаще, чѣмъ всѣ другія славянскія племена назывались своимъ именемъ „Словѣне, Словенцы (Словенскій)“ и у себя и у иностранцевъ.

Въ первой половинѣ VII столѣтія выступили изъ древнеславянскихъ земель Карпатскихъ—изъ Бѣлой или Великой Хорватіи и Сер-

бія, Хорваты и Сербы, перешли за Дунай и поселились посреди Славянъ Альпійскихъ и Византійскихъ, занявъ южную Паннонію, Далмацію и Иллирію. Въ VII же вѣкѣ прекратилось это громадное переселеніе Славянъ на западъ и на югъ. Съ этихъ поръ Славяне являются племенемъ, распространеннымъ въ средней, восточной и юговосточной Европѣ, начиная отъ Лабы, Салы, Шумавы, Инна, Альпъ и Адріатическаго моря глубоко на востокъ къ верхнему Дону и нижнему Днѣпру, отъ моря Балтійскаго, озера Ильменя и верховья Волги на югъ — къ морямъ Черному и Эгейскому.

А) *Западные Славяне* занимали земли на Лабѣ, Одрѣ, Вислѣ, Волтавѣ и Моравѣ: 1) *Бодричи* (Вагры, Полабы, Глиняне, Древляне и др.); 2) *Велеты* или *Лютичи* (Чрезпѣняне, Ратари, Укране, Брежане, Стодоряне, Рана, Волынь и др.); 3) *Сербы* (Суслы, Нишане, Гломачи, Мильчане, Лужичане и др.); 4) *Чехи* (Лучане, Лютомиричи, Хорваты, Дудлѣбы и др.); 5) *Мораване* и *Словаки*—старѣйшіе обитатели южнаго склона Карпатъ; 6) *Ляхи* (Поляне, Поморяне, Мазовшане, Куяване, Хорваты, Слязане и др.).

В) *Югославяне* населяли земли, начиная отъ Альпъ до Чернаго и Эгейскаго морей; раздѣлялись, какъ и теперь, на четыре главныя отрасли: 1) *Словенцы*, 2) *Хорваты*, 3) *Сербы*, 4) *Славяне*, принявшіе въ послѣдствіи названіе *Болгаръ*, по племени Урало-Чудскому, которое основало въ Мизіи свое государство (678 г.). Они раздѣлялись на нѣсколько племенъ (Браничевцы, Драговичи, Сакулаты, Берзяки, Вагенеты, Велегостичи, Мильчане, Езеричи и др.).

С) *Восточные Славяне*, принявшіе въ послѣдствіи названіе *Руси*, жили въ бассейнахъ Днѣстра, Днѣпра, Двины и верхней Волги: *Хорваты*, *Тиверцы*, *Волыняне*, *Дулѣбы*, *Древляне*, *Поляне*, *Сѣверяне*, *Радимичи*, *Вятичи*, *Кривичи*, *Дреговичи*, *Словѣне* и др.

Сверхъ этого, колоніи славянскія являются въ Германіи, Малой Азіи, Сиріи и въ арабскихъ владѣніяхъ—Сициліи, сѣверной Африкѣ и Испаніи.

Пространство, занимаемое Славянами, было огромно, и если уже писатели VI вѣка называютъ ихъ народомъ многочисленнымъ, безконечнымъ, то позднѣйшимъ авторамъ, напримѣръ, XII вѣка, казалось, что ихъ почти нельзя сосчитать: такъ возрасла численность Славянскаго народа.

Не всѣ эти Славянскія племена успѣли дать прочную основу дальнѣйшему своему быту и развитію; только нѣкоторымъ удалось создать государства и возвыситься, такимъ образомъ, надъ первобытною

жизнью отдѣльныхъ родовъ, общинъ и племенъ, другъ отъ друга вполнѣ независимыхъ. У западныхъ Славянъ возникли только два государства — *Чешское* и *Польское*. У всѣхъ остальныхъ западныхъ Славянъ стремленія нѣкоторыхъ князей собрать подъ болѣе сильную центральную власть нѣсколько племенъ были лишь кратковременны, или остались только попытками. Таково было именно государство Моравское (Великая Моравія), существовавшее только одно столѣтіе, и нѣсколько мелкихъ государствъ у Балтійскихъ Славянъ. Государственнымъ элементомъ въ Чехіи было племя собственно Чеховъ, въ Польшѣ — племя Полянъ; вокругъ обоихъ собирались и сосѣднія, ближайшія, и дальнія племена Славянскія въ прочнѣйшія цѣлыя, которыми княжили князья обоихъ упомянутыхъ племенъ.

У восточныхъ Славянъ государство создано не ими самими, а чужеземцами: государственнымъ элементомъ являются здѣсь норманскіе Варяги, прибывшіе въ 862 году „княжить и владѣть". Эти варяжскіе князья собрали въ теченіе одного вѣка (X) многочисленныя восточныя Славянскія племена въ одно цѣлое — Русь. Подобное тому случилось и у восточной части южныхъ Славянъ, гдѣ, какъ уже выше сказано, основали государство тоже иноплеменники, Болгаре (678 г). Но у обѣихъ этихъ вѣтвей славянскихъ вліяніе иноплеменниковъ было слишкомъ слабо, чтобы долго удержаться; чужая, малочисленная стихія скоро изчезла въ огромной массѣ славянства, оставивъ по себѣ незамѣтные слѣды. У Сербовъ, Хорватовъ и отчасти у Словенцевъ основали государства, хотя мелкія, свои собственные князья.

Принятіе христіанства—событіе вообще въ исторіи всѣхъ народовъ европейскихъ очень важное и рѣшавшее ихъ дальнѣйшее развитіе — сдѣлалось въ особенности важнымъ и рѣшительнымъ для народовъ Славянскихъ. Народы, съ которыми Славяне граничили на западѣ и на югѣ—Нѣмцы, Италіанцы и Греки, сдѣлались христіанами гораздо раньше и стремились потомъ къ распространенію христіанства и у своихъ сосѣдей.

Первые зачатки христіанства у Славянъ западныхъ и южныхъ были по большей части мимолетны и безъ прочной основы, благодаря нѣмецкимъ, италіанскимъ и греческимъ миссіонерамъ, не знавшимъ славянскаго языка. Только апостоламъ, братьямъ Константину (Кириллу) и Меѳодію, Солунскимъ уроженцамъ, и ихъ ученикамъ удалось въ IX и X вѣкахъ распространить и утвердить христіанство у большей части Славянъ западныхъ и южныхъ. Нельзя сомнѣваться, что еслибъ единство тогдашней церкви продолжало существовать, то

и всѣ Славяне вскорѣ приняли бы отъ этихъ апостоловъ и ихъ учениковъ и послѣдователей христіанство, а также и важный символъ народнаго единства—славянское письмо и языкъ „словѣнскій", на который первоначально переведены всѣ богослужебныя книги.

Но уже тогда все сильнѣе и сильнѣе проявлялись признаки распаденія церкви христіанской на двѣ половины, уже тогда кипѣла борьба за первенство между Римомъ и Царьградомъ. Борьба эта сдѣлалась особенно роковою и рѣшительною для Славянъ и ихъ дальнѣйшаго развитія.

Славяне южные и западные находились именно на рубежѣ обоихъ патріархатовъ — Римскаго и Царьградскаго, и когда расколъ между церквями западной латинской и восточной греческой упрочился, то естественно, эта борьба и ея послѣдствія коснулись главнымъ образомъ Славянъ. У южныхъ Славянъ западная церковь должна была по большей части уступить восточной церкви, къ которой примкнули именно Болгаре и Сербы, не смотря на всѣ усилія римскихъ папъ. Хорваты и Словенцы присоединились къ западной церкви. Восточная церковь принята потомъ и народомъ Русскимъ. Къ церковному расколу присоединились потомъ и другія важныя обстоятельства, которыя еще болѣе упрочили раздробленіе Славянъ. Римскіе папы, перенеся императорскую римскую корону на королей Франкскихъ и Нѣмецкихъ, пріобрѣли себѣ въ лицѣ ихъ могучаго союзника для распространенія своего авторитета и своей власти: императоры „священной Римской имперіи Нѣмецкаго народа" сами по себѣ, какъ Нѣмцы, уже завоевательные „всегда умножатели имперіи", считали себя въ правѣ подчинять папѣ и себѣ, духовной и свѣтской властямъ, кресту и мечу, всѣ остальные народы. Кромѣ этой опасности со стороны римско-нѣмецкаго „креста и меча", наступила для Славянъ, уже и безъ того разъединенныхъ, новая гроза, вслѣдствіе которой славянство, такъ-сказать, разрублено были на двѣ части Дикіе. Мадьяры или, какъ ихъ называли Славяне, Угры, Онгры, Венгры, одноплеменники Гунновъ, Аваровъ и Болгаръ, вторглись въ древнюю Дакію и Паннонію, истребили или подчинили себѣ тамошнихъ Славянъ (и Румынъ) и основали (около 900 года) на развалинахъ Великой Моравы и въ Предунайской Болгаріи свою державу, которая не пошла по слѣдамъ Гунновъ, Аваровъ и Болгаръ, а сохранилась, и не ославянилась, а осталась мадьярскою. И Мадьяры, благодаря вліянію Чеховъ, примкнули къ западной церкви. Слѣдствіемъ основанія Угорскаго королевства было отдѣленіе южныхъ Славянъ отъ западныхъ и преданіе этихъ

жизнью отдѣльныхъ родовъ, общинъ и племенъ, другъ отъ друга вполнѣ независимыхъ. У западныхъ Славянъ возникли только два государства — *Чешское* и *Польское*. У всѣхъ остальныхъ западныхъ Славянъ стремленія нѣкоторыхъ князей собрать подъ болѣе сильную центральную власть нѣсколько племенъ были лишь кратковременны, или остались только попытками. Таково было именно государство Моравское (Великая Моравія), существовавшее только одно столѣтіе, и нѣсколько мелкихъ государствъ у Балтійскихъ Славянъ. Государственнымъ элементомъ въ Чехіи было племя собственно Чеховъ, въ Польшѣ — племя Полянъ; вокругъ обоихъ собирались и сосѣднія, ближайшія, и дальнія племена Славянскія въ прочнѣйшія цѣлыя, которыми княжили князья обоихъ упомянутыхъ племенъ.

У восточныхъ Славянъ государство создано не ими самими, а чужеземцами: государственнымъ элементомъ являются здѣсь норманскіе Варяги, прибывшіе въ 862 году „княжить и владѣть". Эти варяжскіе князья собрали въ теченіе одного вѣка (X) многочисленныя восточныя Славянскія племена въ одно цѣлое — Русь. Подобное тому случилось и у восточной части южныхъ Славянъ, гдѣ, какъ уже выше сказано, основали государство тоже иноплеменники, Болгаре (678 г). Но у обѣихъ этихъ вѣтвей славянскихъ вліяніе иноплеменниковъ было слишкомъ слабо, чтобы долго удержаться; чужая, малочисленная стихія скоро изчезла въ огромной массѣ славянства, оставивъ по себѣ незамѣтные слѣды. У Сербовъ, Хорватовъ и отчасти у Словенцевъ основали государства, хотя мелкія, свои собственные князья.

Принятіе христіанства—событіе вообще въ исторіи всѣхъ народовъ европейскихъ очень важное и рѣшавшее ихъ дальнѣйшее развитіе — сдѣлалось въ особенности важнымъ и рѣшительнымъ для народовъ Славянскихъ. Народы, съ которыми Славяне граничили на западѣ и на югѣ — Нѣмцы, Италіанцы и Греки, сдѣлались христіанами гораздо раньше и стремились потомъ къ распространенію христіанства и у своихъ сосѣдей.

Первые зачатки христіанства у Славянъ западныхъ и южныхъ были по большей части мимолетны и безъ прочной основы, благодаря нѣмецкимъ, италіанскимъ и греческимъ миссіонерамъ, не знавшимъ славянскаго языка. Только апостоламъ, братьямъ Константину (Кириллу) и Меѳодію, Солунскимъ уроженцамъ, и ихъ ученикамъ удалось въ IX и X вѣкахъ распространить и утвердить христіанство у большей части Славянъ западныхъ и южныхъ. „Нельзя сомнѣваться, что еслибъ единство тогдашней церкви продолжало существовать, то

и всѣ Славяне вскорѣ приняли бы отъ этихъ апостоловъ и ихъ учениковъ и послѣдователей христіанство, а также и важный символъ народнаго единства—славянское письмо и языкъ „словѣнскій“, на который первоначально переведены всѣ богослужебныя книги.

Но уже тогда все сильнѣе и сильнѣе проявлялись признаки распаденія церкви христіанской на двѣ половины, уже тогда кипѣла борьба за первенство между Римомъ и Царьградомъ. Борьба эта сдѣлалась особенно роковою и рѣшительною для Славянъ и ихъ дальнѣйшаго развитія.

Славяне южные и западные находились именно на рубежѣ обоихъ патріархатовъ — Римскаго и Царьградскаго, и когда расколъ между церквями западной латинской и восточной греческой упрочился, то естественно, эта борьба и ея послѣдствія коснулись главнымъ образомъ Славянъ. У южныхъ Славянъ западная церковь должна была по большей части уступить восточной церкви, къ которой примкнули именно Болгаре и Сербы, не смотря на всѣ усилія римскихъ папъ. Хорваты и Словенцы присоединились къ западной церкви. Восточная церковь принята потомъ и народомъ Русскимъ. Къ церковному расколу присоединились потомъ и другія важныя обстоятельства, которыя еще болѣе упрочили раздробленіе Славянъ. Римскіе папы, перенеся императорскую римскую корону на королей Франкскихъ и Нѣмецкихъ, пріобрѣли себѣ въ лицѣ ихъ могучаго союзника для распространенія своего авторитета и своей власти: императоры „священной Римской имперіи Нѣмецкаго народа“ сами по себѣ, какъ Нѣмцы, уже завоевательные „всегда умножатели имперіи“, считали себя въ правѣ подчинять папѣ и себѣ, духовной и свѣтской властямъ, кресту и мечу, всѣ остальные народы. Кромѣ этой опасности со стороны римсконѣмецкаго „креста и меча“, наступила для Славянъ, уже и безъ того разъединенныхъ, новая гроза, вслѣдствіе которой славянство, такъ-сказать, разрублено были на двѣ части Дикіе. Мадьяры или, какъ ихъ называли Славяне, Угры, Онгры, Венгры, одноплеменники Гунновъ, Аваровъ и Болгаръ, вторглись въ древнюю Дакію и Паннонію, истребили или подчинили себѣ тамошнихъ Славянъ (и Румынъ) и основали (около 900 года) на развалинахъ Великой Моравы и въ Преддунайской Болгаріи свою державу, которая не пошла по слѣдамъ Гунновъ, Аваровъ и Болгаръ, а сохранилась, и не ославянилась, а осталась мадьярскою. И Мадьяры, благодаря вліянію Чеховъ, примкнули къ западной церкви. Слѣдствіемъ основанія Угорскаго королевства было отдѣленіе южныхъ Славянъ отъ западныхъ и преданіе этихъ

СЛАВЯНСКАЯ ВЗАИМНОСТЬ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ

ДО XVIII ВѢКА.

Соч. I. ПЕРВОЛЬФА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева (Большая Садовая ул., домъ № 49/2).
1874.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 19-го Апрѣля 1874 года.

СЛАВЯНСКАЯ ВЗАИМНОСТЬ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО XVIII ВѢКА.

Цѣль этого сочиненія — по возможности собрать и свести свидѣтельства о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ народовъ съ древнѣйшихъ временъ до XVIII вѣка, на сколько эти сношенія имѣли практическіе результаты въ духовной и политической жизни Славянъ, и на сколько въ нихъ проявлялось сознаніе племеннаго сродства. Авторъ остановился на XVIII вѣкѣ, такъ какъ въ этомъ вѣкѣ произошелъ въ судьбахъ Славянъ рѣшительный поворотъ: въ этомъ вѣкѣ совершилось преобразованіе Россіи и паденіе Польши, приготовилось возрожденіе Чеховъ, а отчасти и Югославянъ; въ этомъ же вѣкѣ положена основа послѣдующему затѣмъ развитію славистики, особенно стараніемъ безсмертнаго Іосифа Добровскаго, и слѣдовательно, началась новая эпоха въ духовной жизни народовъ славянскихъ. Авторъ взялся за дѣло со всевозможною добросовѣстностью. Многочисленные недостатки и пробѣлы своего труда чувствуетъ онъ лучше всѣхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, надѣется, что этотъ его опытъ — представить Славянъ, какъ одно цѣлое, не окажется совсѣмъ безполезнымъ и поспособствуетъ распространенію и усиленію идеи славянской взаимности.

ВВЕДЕНІЕ.

I.

Очеркъ древней исторіи Славянъ.

Славяне принадлежатъ къ племени Индо-Европейскому или Арійскому, отрасли котораго въ доисторическія времена переселились изъ Средней Азіи въ Европу. На югѣ поселились Латины, Иллиро-Ѳраки и Греки; на сѣверъ отъ нихъ—Кельты или Галлы, Германцы, Литовцы и Славяне. Жилища послѣднихъ простирались—вообще говоря—отъ Адріатическаго моря черезъ Придунайскія земли за Карпаты (Татры).

Славяне назывались первоначально, вѣроятно, Сербами, а у другихъ народовъ—Венетами (Венедами). Оба названія—темнаго происхожденія. Первое сохранили до сихъ поръ два славянскіе народа—Сербы Лужицкіе и Дунайскіе; вторымъ Нѣмцы и Чудь до сихъ поръ называютъ нѣкоторыя отрасли славянскія (Wenden, Winden, Väne). Изъ Дунайскихъ земель Славяне, по большей части, были вытѣснены Влахами или Волохами (Галлами или Римлянами?) за Карпаты. Здѣсь, на Вислѣ и на Днѣпрѣ, они или умножили число обитавшихъ тамъ своихъ соплеменниковъ, или отняли земли у другихъ племенъ, особенно у Чуди. Въ этихъ закарпатскихъ странахъ, извѣстныхъ древнему міру подъ названіемъ Скиѳіи и Сарматіи, греческіе и римскіе писатели знаютъ уже нѣсколько племенъ Венетовъ подъ именами Нуровъ, Будиновъ, Сербовъ, Хорватовъ, Полянъ, Велетовъ, Словѣнъ, Кривичей, Сѣверянъ и др. Дальнѣйшему распространенію Славянъ на востокъ помѣшало движеніе племенъ Уральскихъ, Чудскихъ и Тюркскихъ на западъ, именно—Гунновъ и Аваровъ. Тѣснимые, въ послѣдствіи, и покоренные этими иноплеменниками, Славяне (superiores barbari) стали напирать на западныхъ своихъ сосѣдей, особенно на Нѣмцевъ, и распространяться на западъ—въ земли Лабскія, и на югъ—въ давнюю свою родину, въ земли Дунайскія.

Въ VI вѣкѣ по Р. Х. „многочисленное племя Венедовъ“ раздѣлялось на двѣ отрасли, западную—Славянъ, и восточную—„безчисленныхъ“ Антовъ (Венетовъ). Послѣднее названіе скоро исчезаетъ, и всѣ племена древнихъ Сербовъ или Венетовъ принимаютъ имя Славянъ, или правильнѣе, Словѣнъ. На западъ Славяне подвигались вслѣдъ за племенами германскими и къ концу V вѣка были уже на Лабѣ, Салѣ, Волтавѣ и Моравѣ. Такимъ образомъ Бодричи, Велеты или Лютичи, Сербы, Чехи и Мораване заселили свои земли, лежащія на востокъ отъ Лабы, Салы и Шумавы. На югѣ Славяне, въ теченіе IV и V вѣковъ, заняли сѣверное прибрежье Дуная; потомъ, перешедши за Дунай, стали селиться въ имперіи Византійской, Мизіи, Ѳракіи, Македоніи, Эпирѣ, Ѳессаліи, и даже въ собственной Греціи. Около того же времени, въ концѣ VI вѣка, Славяне стали распространяться изъ Придунайскихъ земель въ земли Альпійскія. Эти Славяне, поселившіеся въ земляхъ Дунайскихъ и Альпійскихъ, больше и чаще, чѣмъ всѣ другія славянскія племена назывались своимъ именемъ „Словѣне, Словенцы (Словенскій)“ и у себя и у иностранцевъ.

Въ первой половинѣ VII столѣтія выступили изъ древнеславянскихъ земель Карпатскихъ—изъ Бѣлой или Великой Хорватіи и Сер-

біи, Хорваты и Сербы, перешли за Дунай и поселились посреди Славянъ Альпійскихъ и Византійскихъ, занявъ южную Паннонію, Далмацію и Иллирію. Въ VII же вѣкѣ прекратилось это громадное переселеніе Славянъ на западъ и на югъ. Съ этихъ поръ Славяне являются племенемъ, распространеннымъ въ средней, восточной и юговосточной Европѣ, начиная отъ Лабы, Салы, Шумавы, Инна, Альпъ и Адріатическаго моря глубоко на востокъ къ верхнему Дону и нижнему Днѣпру, отъ моря Балтійскаго, озера Ильменя и верховья Волги на югъ — къ морямъ Черному и Эгейскому.

A) *Западные Славяне* занимали земли на Лабѣ, Одрѣ, Вислѣ, Волтавѣ и Моравѣ: 1) *Бодричи* (Вагры, Полабы, Глиняне, Древляне и др.); 2) *Велеты* или *Лютичи* (Чрезпѣняне, Ратари, Укране, Брежане, Стодоряне, Рана, Волынь и др.); 3) *Сербы* (Суслы, Нишане, Гломачи, Мильчане, Лужичане и др.); 4) *Чехи* (Лучане, Лютомиричи, Хорваты, Дудлѣбы и др.); 5) *Моравяне* и *Словаки*—старѣйшіе обитатели южнаго склона Карпатъ; 6) *Ляхи* (Поляне, Поморяне, Мазовшане, Куяване, Хорваты, Слязане и др.).

B) *Югославяне* населяли земли, начиная отъ Альпъ до Чернаго и Эгейскаго морей; раздѣлялись, какъ и теперь, на четыре главныя отрасли: 1) *Словенцы*, 2) *Хорваты*, 3) *Сербы*, 4) *Славяне*, принявшіе въ послѣдствіи названіе *Болгаръ*, по племени Урало-Чудскому, которое основало въ Мизіи свое государство (678 г.). Они раздѣлялись на нѣсколько племенъ (Браничевцы, Драговичи, Сакулаты, Берзяки, Вагенеты, Велегостичи, Мильчане, Езеричи и др.).

C) *Восточные Славяне*, принявшіе въ послѣдствіи названіе *Руси*, жили въ бассейнахъ Днѣстра, Днѣпра, Двины и верхней Волги: *Хорваты*, *Тиверцы*, *Волыняне*, *Дулѣбы*, *Древляне*, *Поляне*, *Сѣверяне*, *Радимичи*, *Вятичи*, *Кривичи*, *Дреговичи*, *Словѣне* и др.

Сверхъ этого, колоніи славянскія являются въ Германіи, Малой Азіи, Сиріи и въ арабскихъ владѣніяхъ—Сициліи, сѣверной Африкѣ и Испаніи.

Пространство, занимаемое Славянами, было огромно, и если уже писатели VI вѣка называютъ ихъ народомъ многочисленнымъ, безконечнымъ, то позднѣйшимъ авторамъ, напримѣръ, XII вѣка, казалось, что ихъ почти нельзя сосчитать: такъ возрасла численность Славянскаго народа.

Не всѣ эти Славянскія племена успѣли дать прочную основу дальнѣйшему своему быту и развитію; только нѣкоторымъ удалось создать государства и возвыситься, такимъ образомъ, надъ первобытною

жизнью отдѣльныхъ родовъ, общинъ и племенъ, другъ отъ друга вполнѣ независимыхъ. У западныхъ Славянъ возникли только два государства — *Чешское* и *Польское*. У всѣхъ остальныхъ западныхъ Славянъ стремленія нѣкоторыхъ князей собрать подъ болѣе сильную центральную власть нѣсколько племенъ были лишь кратковременны, или остались только попытками. Таково было именно государство Моравское (Великая Моравія), существовавшее только одно столѣтіе, и нѣсколько мелкихъ государствъ у Балтійскихъ Славянъ. Государственнымъ элементомъ въ Чехіи было племя собственно Чеховъ, въ Польшѣ — племя Полянъ; вокругъ обоихъ собирались и сосѣднія, ближайшія, и дальнія племена Славянскія въ прочнѣйшія цѣлыя, которыми княжили князья обоихъ упомянутыхъ племенъ.

У восточныхъ Славянъ государство создано не ими самими, а чужеземцами: государственнымъ элементомъ являются здѣсь норманскіе Варяги, прибывшіе въ 862 году „княжить и владѣть". Эти варяжскіе князья собрали въ теченіе одного вѣка (X) многочисленныя восточныя Славянскія племена въ одно цѣлое — Русь. Подобное тому случилось и у восточной части южныхъ Славянъ, гдѣ, какъ уже выше сказано, основали государство тоже иноплеменники, Болгаре (678 г). Но у обѣихъ этихъ вѣтвей славянскихъ вліяніе иноплеменниковъ было слишкомъ слабо, чтобы долго удержаться; чужая, малочисленная стихія скоро исчезла въ огромной массѣ славянства, оставивъ по себѣ незамѣтные слѣды. У Сербовъ, Хорватовъ и отчасти у Словенцевъ основали государства, хотя мелкія, свои собственные князья.

Принятіе христіанства—событіе вообще въ исторіи всѣхъ народовъ европейскихъ очень важное и рѣшавшее ихъ дальнѣйшее развитіе — сдѣлалось въ особенности важнымъ и рѣшительнымъ для народовъ Славянскихъ. Народы, съ которыми Славяне граничили на западѣ и на югѣ—Нѣмцы, Италіанцы и Греки, сдѣлались христіанами гораздо раньше и стремились потомъ къ распространенію христіанства и у своихъ сосѣдей.

Первые зачатки христіанства у Славянъ западныхъ и южныхъ были по большей части мимолетны и безъ прочной основы, благодаря нѣмецкимъ, италіанскимъ и греческимъ миссіонерамъ, не знавшимъ славянскаго языка. Только апостоламъ, братьямъ Константину (Кириллу) и Меѳодію, Солунскимъ уроженцамъ, и ихъ ученикамъ удалось въ IX и X вѣкахъ распространить и утвердить христіанство у большей части Славянъ западныхъ и южныхъ. „Нельзя сомнѣваться, что если бъ единство тогдашней церкви продолжало существовать, то

и всѣ Славяне вскорѣ приняли бы отъ этихъ апостоловъ и ихъ учениковъ и послѣдователей христіанство, а также и важный символъ народнаго единства—славянское письмо и языкъ „словѣнскій", на который первоначально переведены всѣ богослужебныя книги.

Но уже тогда все сильнѣе и сильнѣе проявлялись признаки распаденія церкви христіанской на двѣ половины, уже тогда кипѣла борьба за первенство между Римомъ и Царьградомъ. Борьба эта сдѣлалась особенно роковою и рѣшительною для Славянъ и ихъ дальнѣйшаго развитія.

Славяне южные и западные находились именно на рубежѣ обоихъ патріархатовъ — Римскаго и Царьградскаго, и когда расколъ между церквями западной латинской и восточной греческой упрочился, то естественно, эта борьба и ея послѣдствія коснулись главнымъ образомъ Славянъ. У южныхъ Славянъ западная церковь должна была по большей части уступить восточной церкви, къ которой примкнули именно Болгаре и Сербы, не смотря на всѣ усилія римскихъ папъ. Хорваты и Словенцы присоединились къ западной церкви. Восточная церковь принята потомъ и народомъ Русскимъ. Къ церковному расколу присоединились потомъ и другія важныя обстоятельства, которыя еще болѣе упрочили раздробленіе Славянъ. Римскіе папы, перенеся императорскую римскую корону на королей Франкскихъ и Нѣмецкихъ, пріобрѣли себѣ въ лицѣ ихъ могучаго союзника для распространенія своего авторитета и своей власти: императоры „священной Римской имперіи Нѣмецкаго народа" сами по себѣ, какъ Нѣмцы, уже завоевательные „всегда умножатели имперіи", считали себя въ правѣ подчинять папѣ и себѣ, духовной и свѣтской властямъ, кресту и мечу, всѣ остальные народы. Кромѣ этой опасности со стороны римсконѣмецкаго „креста и меча", наступила для Славянъ, уже и безъ того разъединенныхъ, новая гроза, вслѣдствіе которой славянство, такъ-сказать, разрублено были на двѣ части Дикіе. Мадьяры или, какъ ихъ называли Славяне, Угры, Онгры, Венгры, одноплеменники Гунновъ, Аваровъ и Болгаръ, вторглись въ древнюю Дакію и Паннонію, истребили или подчинили себѣ тамошнихъ Славянъ (и Румынъ) и основали (около 900 года) на развалинахъ Великой Моравы и въ Преддунайской Болгаріи свою державу, которая не пошла по слѣдамъ Гунновъ, Аваровъ и Болгаръ, а сохранилась, и не ославянилась, а осталась мадьярскою. И Мадьяры, благодаря вліянію Чеховъ, примкнули къ западной церкви. Слѣдствіемъ основанія Угорскаго королевства было отдѣленіе южныхъ Славянъ отъ западныхъ и преданіе этихъ

послѣднихъ наступательной политикѣ Римско-Нѣмецкой имперіи и соединечной съ нею церкви латинской.

Церковь латинская одержала побѣду также въ Чехіи, Моравіи и Польшѣ, куда была занесена изъ Чехіи. Зачатки славянскаго богослуженія, съ успѣхомъ развивавшіеся въ обѣихъ земляхъ, въ послѣдствіи здѣсь совсѣмъ исчезли. Церкви чешская и польская сдѣлались частями церкви западной, латинской и такимъ образомъ, народы чешскій и польскій вошли въ кругъ западно-европейскихъ народовъ и ихъ культуры. Тѣмъ рѣшена была и судьба Славянъ Балтійскихъ и Лабскихъ, пребывавшихъ еще въ язычествѣ, не смотря на сосѣдство принявшихъ уже христіанство Поляковъ, Чеховъ, Нѣмцевъ и Датчанъ: они должны были, по тогдашнимъ понятіямъ, или сдѣлаться христіянами, или, какъ язычники, быть истреблены.

При этихъ перемѣнахъ является все больше и больше и сопровождающая всю исторію славянскую вражда и ненависть обоихъ сосѣднихъ племенъ Славянскаго и Нѣмецкаго. Ненависть эта, причины которой скрыты въ доисторическихъ временахъ, обнаружилась съ самаго перваго столкновенія обоихъ племенъ и повела къ страшнымъ, безпрерывнымъ войнамъ, и доселѣ не конченнымъ. Почти вся исторія западныхъ Славянъ, а отчасти и восточныхъ, не что иное, какъ постоянныя столкновенія и борьба обоихъ этихъ элементовъ — нѣмецкаго и славянскаго, который, очутившись въ особомъ положеніи, долженъ былъ главнымъ образомъ защищать свое существованіе. Характеристическія черты Славянъ — внутреннія междоусобицы, безграничная любовь къ свободѣ и нежеланіе подчиниться центральной власти — повели ихъ къ политической слабости и были причиною, что Славянамъ не удалось созданіе сильнаго государства по примѣру сосѣднихъ Нѣмцевъ, которые, сами по себѣ будучи болѣе склонны къ завоеваніямъ, кромѣ того, сосредоточены подъ сильною властью,—бросались на своихъ разрозненныхъ, вѣковыхъ враговъ, добиваясь, по словамъ одного нѣмецкаго лѣтописца, „славы и великаго и обширнаго господства, между тѣмъ какъ Славяне сражались за свободу и и для избѣжанія крайняго рабства“.

Эта племенная ненависть между Нѣмцами и Славянами является естественно сильнѣе у тѣхъ Славянъ, которые жили въ болѣе близкомъ сосѣдствѣ съ Нѣмцами, именно—у Чеховъ, Поляковъ и Славянъ Лабскихъ и Балтійскихъ. Этой ненависти не смягчило даже и принятіе христіанства. Нѣмцы, по какой-то врожденной гордости и над-

менному высокомѣрію, не переставали презирать Славянъ и ихъ языкъ, какъ замѣчаетъ первый лѣтописецъ чешскій Косма.

Великимъ несчастіемъ для западныхъ Славянъ было то, что имъ не удалось основать на долго сильное государство, которое могло бы съ успѣхомъ начать борьбу съ сильною и сосредоточенною имперіей римско-нѣмецкой.

Всѣ большія западно-славянскія государства распадались со смертью ихъ основателей. Такъ, уже Само собралъ (627—662) многія славянскія племена, начиная съ Альпійскихъ Словенцевъ и до жителей прибрежья Лабы, Одръ и Вислы, и успѣшно воевалъ съ Аварами и Франками. Подобно тому собралъ въ одно государство большую часть западныхъ Славянъ и Святополкъ Моравскій (870—894), для усмиренія котораго Нѣмцы вынуждены были пригласить на помощь Мадьяръ, отселѣ вѣрныхъ своихъ союзниковъ противъ Славянъ.

По примѣру Сама и Святополка, и чешскіе, и польскіе князья стремились собрать, на сколько возможно, племена западно-славянскія подъ свою власть, чтобъ остановить наступленіе Нѣмцевъ. Такъ дѣйствовали въ X вѣкѣ оба чешскіе Болеслава, господство которыхъ простиралось далеко на востокъ въ земли Польскія, до самыхъ границъ Руси.

Но существованіе всѣхъ этихъ государствъ было не продолжительно; они изчезали со смертью своихъ основателей. Подобной же участи подверглось и самое блестящее западно-славянское государство, основанное наслѣдникомъ чешскихъ Болеславовъ, польскимъ княземъ Болеславомъ Храбрымъ (992—1025 гг.). Этотъ сильный „король славянскій“ избралъ Чешскую Прагу средоточіемъ могучаго государства славянскаго, которое, по его плану, должно было обнимать всѣхъ западныхъ Славянъ, Чеховъ, Мораванъ и Словаковъ, Лабскихъ Сербовъ, Лютичей и Поляковъ. Подъ ударами этого „грознаго Славянина“, „ревущаго льва“, „ядовитой змѣи“—такими эпитетами честятъ Болеслава современники-Нѣмцы—падали ницъ нѣмецкія войска, дрожала вся Римско-Нѣмецкая имперія, и наконецъ, должна была примириться съ мыслью имѣть подлѣ себя сильную державу западно-славянскую, отъ которой, себѣ въ ущербъ, отстали Чехи.

Но со смертью Болеслава изчезло и это государство, возобновленіе котораго уже не удалось чешскому Брячиславу (1039 г.). Народы западно-славянскіе отселѣ живутъ скромно, заслоненные сильною Германіей. Чехи должны были примкнуть къ ней, хотя пользовались въ ней исключительнымъ положеніемъ. Польшу спасла отъ подобной уча-

сти только бо́льшая отдаленность — хотя и на нее имѣли притязаніе всѣ сильные императоры римско-нѣмецкіе, — и безпрерывная борьба Нѣмцевъ съ Лабскими и Балтійскими Славянами, которою долго занималась экспансивная сила нѣмецкая.

II.

Разъединеніе Славянъ.

1) Славяне Балтійскіе и Лабскіе.

Грозная борьба между Лабско-Балтійскими Славянами и Нѣмцами не могла иначе кончиться, какъ только гибелью того или другого племени. При тогдашнемъ положеніи дѣлъ не подлежало сомнѣнію, что погибнутъ Славяне: ихъ преслѣдовали и Нѣмцы, и Датчане, и даже, какъ язычниковъ, родственные имъ Чехи и Поляки; они безпрестанно ссорились между собою, часто воевали только за „могущество и храбрость" и сами призывали Нѣмцевъ на помощь.

Христіанство распространяли у нихъ нѣмецкіе монахи, не знавшіе славянскаго языка, иногда одни, а иногда и съ толпами вооруженныхъ ратниковъ, которые на принявшихъ крещеніе Славянъ налагали иго и разныя подати. Латинскіе обряды и пѣніе, которыхъ Славяне не понимали, — такъ напримѣръ, превращали „Kyrie eleison" съ насмѣшкой въ „у кри вольса", то-есть, въ кустѣ ольха, — подати епископамъ и герцогамъ (бископовница и воеводница) и другія обременительныя вещи, къ тому же и презрѣніе со стороны господствующихъ Нѣмцевъ, — вотъ что̀ главнымъ образомъ ожидало Славянъ съ принятіемъ христіанства. По свидѣтельству современныхъ нѣмецкихъ лѣтописцевъ, Нѣмцы не такъ дорожили распространеніемъ христіанства, какъ порабощеніемъ Славянъ. Къ тому же Нѣмцы-христіане, въ случаѣ нужды, не стѣснялись приглашать на помощь и полки языческихъ Славянъ противъ Славянъ крещеныхъ. Такъ было именно въ ихъ войнахъ съ польскимъ Болеславомъ Храбрымъ: тогда Нѣмцы не пренебрегали помощью языческихъ Лютичей.

Нельзя удивляться, что Славяне, при всякомъ удобномъ случаѣ, усиливались свергнуть это насильно навязываемое имъ христіанство; изъ этого возникали все болѣе и болѣе страшныя войны и велись иногда съ безпримѣрнымъ ожесточеніемъ. Лабскіе и Лужицкіе Сербы прежде всего должны были покориться Нѣмцамъ (968 г.) и принять христіанство, которое Нѣмцы потомъ разнымъ образомъ упрочивали,

Упорнѣе другихъ сопротивлялись Бодричи и Лютичи, но и эти пали подъ ударами Нѣмцевъ побѣдителей и соединенныхъ съ ними Датчанъ (1157—1168 гг.). На развалинахъ побѣжденнаго славянства основано нѣсколько нѣмецкихъ державъ, именно—зародышъ нынѣшней имперіи Германской, маркграфство Бранденбургское. Убывшіе въ этихъ земляхъ Славяне, едва терпимые, если не совсѣмъ прогоняемые, скоро уступали мѣсто нѣмецкимъ колонистамъ.

Это распространеніе нѣмецкаго элемента не ограничивалось только землями, подвластными непосредственно нѣмецкимъ герцогамъ, маркграфамъ, графамъ, епископамъ и другимъ, но пошло и дальше на востокъ, въ края, гдѣ остались еще свои князья славянской крови, — въ Мекленбургѣ, Ранѣ, Поморьѣ, Силезіи. Сами эти князья скоро принимали нѣмецкую народность, поддерживали изо всѣхъ силъ нѣмецкую колонизацію въ своихъ державахъ, вообще любя Нѣмцевъ и благопріятствуя имъ. При такомъ положеніи дѣлъ понятно, что Славяне уступали Нѣмцамъ: вѣдь эти князья хотя и были славянскаго происхожденія и назывались князьями славянскими (principes, duces Sclavorum), сами однако постановляли, чтобы право суда перешло отъ Славянъ къ Нѣмцамъ, чтобы Славяне больше не селились въ деревняхъ, и наконецъ, даже такъ забылись, что прямо называли усиленіе славянскаго элемента въ балтійскихъ земляхъ въ ущербъ нѣмецкому—несчастіемъ, „отъ котораго да избавитъ насъ Богъ“.

Но эти послѣднія опасенія не сбылись: славянскій элементъ изчезалъ все больше и больше, преслѣдуемый и тѣснимый разнымъ образомъ. Высшія сословія, славянскаго происхожденія, сколько ихъ еще оставалось, скоро онѣмечивались, города и монастыри и другія мѣстности заселялись почти исключительно Нѣмцами; оставшіеся Славяне, едва терпимые, исключались изъ цеховъ, заставляемы были жить на особыхъ мѣстахъ и проч. Уже во второй половинѣ XIV вѣка земли лабскія и балтійскія были по большей части онѣмечены, и отъ Бодричей, Велетовъ, Сербовъ и Поморянъ остались только незначительные остатки. Нѣмецкій языкъ господствовалъ здѣсь вездѣ—въ Мекленбургѣ, Ранѣ, Поморьѣ, Бранденбургѣ, Мишніи, Лужицахъ и Силезіи. Только на нижнемъ Лабѣ, въ Люнебургіи, сохранились остатки Бодрицкихъ Древлянъ, существовавшіе до конца прошлаго столѣтія, да въ обѣихъ Лужицахъ остатки Сербовъ, не вымершіе и до сихъ поръ.

Славяне Балтійскіе и Лабскіе погибли вслѣдствіе внѣшняго насилія и внутренней слабости; сами они не сумѣли и не были въ состояніи создать большое государство. Равнымъ образомъ, не упрочилось въ

ихъ сосѣдствѣ на востокѣ, послѣ Болеслава Храбраго, государство Польское, на столько, чтобъ они могли на него опираться при напорѣ Нѣмцевъ. Нѣмцы тѣснились все больше на востокѣ и Поляки, скоро послѣ гибели своихъ балтійскихъ и лабскихъ соплеменниковъ, должны были также начать съ ними жестокую борьбу не только на западѣ, но и на сѣверѣ, гдѣ, вслѣдствіе польской неосторожности, внѣдрились хищные рыцари нѣмецкіе и распространялись все больше на востокъ въ земли балтійскія.

2) Чехи.

Особое положеніе между западными Славянами занимаютъ Чехи, которые, такъ сказать, чудомъ спаслись отъ судьбы своихъ лабскихъ и балтійскихъ соплеменниковъ. Но историческое развитіе Чеховъ въ Чехіи и Моравіи было иное, чѣмъ развитіе прочихъ Славянъ.

Чешскіе князья рано успѣли основать въ Чехіи, — землѣ, составляющей опредѣленное географическое цѣлое, — большое государство съ сильною центральною властью. Сильному князю Пражскому скоро должны были уступить или совершенно покориться всѣ другіе князья и жупаны въ Чехіи и присоединенной къ ней Моравіи. Принявъ христіанство латинскаго исповѣданія, народъ и государство Чешское обезпечились отъ завоевательныхъ притязаній Нѣмцевъ, которыя могли повести къ войнамъ подъ предлогомъ религіи, какъ это дѣлалось въ земляхъ Славянъ Лабскихъ и Балтійскихъ. Наконецъ, князь, въ послѣдствіи король Чешскій, сдѣлался и первымъ членомъ коллегіи нѣмецкихъ курфирстовъ, пользуясь своими правами въ Нѣмецкой имперіи. Это присоединеніе къ Германіи и къ западной церкви, съ одной стороны, спасло Чеховъ отъ судьбы Славянъ Лабскихъ, сохранило имъ политическую независимость и возможность развиваться на народной основѣ: ибо, не смотря на всѣ побѣды Болеславовъ, Брячислава, Собѣслава и другихъ князей, Чешскій народъ, въ сравненіи съ Нѣмцами малочисленный, никѣмъ не поддерживаемый, и слѣдовательно, самъ собою ограничиваемый и на себя только опирающійся, не могъ бы наконецъ выдержать напора всей имперіи, всего народа Нѣмецкаго и ихъ опаснаго стремленія на востокъ. Но съ другой стороны, нельзя не принять въ соображеніе, что вслѣдствіе этого присоединенія къ Германіи, распространялись въ Чешскомъ народѣ разныя нѣмецкія учрежденія, и что съ теченіемъ времени навѣрное образовались бы здѣсь подобныя отношенія, какія были и въ другихъ, первоначально славянскихъ, земляхъ — въ Мекленбургѣ, Поморьѣ,

Ранѣ, Силезіи, — если бы народное сознаніе въ Чехіи не оставалось всегда живымъ и сильнымъ, усиливаясь все болѣе и болѣе въ борьбѣ съ чужеземщиной.

Чешскіе князья Премысловичи поступали также, какъ и другіе князья славянскаго происхожденія въ тѣхъ земляхъ: безпрестанно, по славянскому обычаю, ссорясь между собою, призывали Нѣмецкихъ императоровъ на помощь другъ противъ друга, приглашали нѣмецкихъ колонистовъ въ свои земли, населяли ими города и деревни, любили и благопріятствовали нѣмецкимъ правамъ и языку. По примѣру двора, дѣлали такъ и многіе чешскіе вельможи. Нѣмецкій языкъ и нравы въ Чехіи и Моравіи въ XIII и XIV вѣкахъ были очень распространены не только въ городахъ, первоначально почти исключительно нѣмецкихъ, но и вообще между высшимъ сословіемъ.

Однако, паралельно этому наплыву нѣмечины, и сопротивленіе мѣстнаго славянскаго элемента усиливалось все болѣе и болѣе, проявлялось и въ литературѣ (указываю только на замѣчательную лѣтопись горячаго патріота чешскаго Далимила въ самомъ началѣ XIV вѣка) и въ практической жизни, и наконецъ, прорвавшись въ гуситскомъ движеніи, одержало блестящую побѣду. Хорошо характеризовали тогда Пражане въ своемъ замѣчательномъ манифестѣ въ 1420 году весь ходъ исторіи нѣмецко-славянской борьбы, сказавъ, что „Нѣмцы, которые безъ всякой причины всегда злятся на нашъ народъ, и какъ поступили съ нимъ на Рейнѣ, Мишніи и Пруссіи и выгнали его, такъ хотятъ поступить и съ нами и сами занять мѣста выгнанныхъ“.

Гусситское движеніе возвысило Чеховъ на высокую степень, въ культурной исторіи Славянскихъ народовъ. Въ Чехіи явилось множество разныхъ мнѣній, начиная съ самыхъ умѣренныхъ до самыхъ радикальныхъ, объ устройствѣ церковномъ, государственномъ и соціальномъ, которыя отличались отъ признаваемыхъ тогда церковнымъ и государственнымъ авторитетомъ воззрѣній. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и національное сознаніе чешское и славянское достигло необыкновенной высоты и сохранилось и въ слѣдующемъ вѣкѣ. Но не удалось Чехамъ сохранить всѣ результаты гусситскаго движенія: частію они совсѣмъ изчезли, частію сдѣлались достояніемъ только ограниченнаго кружка; такъ, напримѣръ, мысли о древнеславянской демократіи и равенствѣ, объ освобожденіи церкви изъ-подъ власти государства и іерархіи, и проч.

Чрезъ насильственное сокрушеніе гусситскаго движенія значительно

возвысилась шляхта; способствовавъ уничтоженію демократическихъ идей, она поработила простой народъ, начала, въ союзѣ съ городами, давнюю борьбу съ королевскою властью и вела ее до самаго паденія Чешскаго государства. Уже спустя 100 лѣтъ послѣ гусситскаго движенія, послѣ совершеннаго утвержденія западно-европейскихъ учрежденій и возвышенія шляхты въ Чешскомъ государствѣ, нѣмецкій элементъ, едва вытѣсненный, сталъ вновь проникать въ народъ Чешскій, то съ новою династіей Габсбурговъ, которую Чехи пригласили на свой престолъ, то съ нѣмецкою реформаціей, которую потомки древнихъ Гусситовъ легко принимали. Распространеніе нѣмецкаго элемента въ Чехіи было такъ сильно и опасно, что въ началѣ XVII вѣка, — именно на сеймѣ 1615 года, — сама законодательная власть считала нужнымъ принять мѣры для „сохраненія древняго языка чешскаго и образованія его". Черезъ пять лѣтъ послѣ этого замѣчательнаго сеймоваго заключенія, Чешское государство пало вслѣдствіе неудавшейся оппозиціи Чеховъ протестантовъ противъ усиливающагося католическо - іезуитскаго абсолютизма. Этою катастрофой, выселеніемъ массы высшихъ сословій и интеллигенціи, и наконецъ, страшными бѣдствіями Тридцатилѣтней войны, Чешскій народъ былъ погруженъ въ вѣковой, и какъ казалось, смертельный сонъ. Въ его смерти не сомнѣвались даже благородные патріоты позднѣйшихъ временъ. Вотъ, напримѣръ, въ какихъ словахъ Бальбинъ (1672 г.) проситъ помощи для погибающаго Чешскаго народа — которому предостерегательно указываетъ на судьбу Лабскихъ Славянъ — у патрона чешскаго св. Вячеслава: „Не дай погибнуть намъ и потомкамъ, буди намъ Вратиславомъ" (то-есть, возврати намъ славу). Грустныя предчувствія о будущности чешскаго языка высказываетъ еще въ концѣ прошлаго вѣка (1791 г.) чешскій историкъ Ф. Пельцель, заканчивая свою статью объ исторіи Нѣмцевъ въ Чехіи слѣдующими словами: „Чехія относительно языка очутится, вѣроятно, когда-нибудь въ такомъ положеніи, въ какомъ теперь Мишнія, Бранденбургія и Силезія, гдѣ говорятъ исключительно по-нѣмецки, и гдѣ отъ славянскаго языка ничего болѣе не остается, кромѣ названій городовъ, деревень и рѣкъ".

3) Поляки.

Полтора вѣка спустя послѣ паденія Чешскаго государства, утратила свою независимость Польша. И въ Польшѣ основано было сильное государство, которое, однако, въ послѣдствіи, по причинѣ безпрестанныхъ дѣленій въ родѣ княжескомъ и возвышенія аристократіи, почти

два вѣка волновалось большими смутами и только въ началѣ XIV вѣка вновь возродилось, какъ единое политическое тѣло. Отъ великой задачи, которую преслѣдовалъ Болеславъ Храбрый и попытался осуществить еще Болеславъ Кривоустый, отъ этой великой задачи—соединить западное славянство въ одно цѣлое, или по крайней мѣрѣ, защищать его отъ завоевательныхъ Нѣмцевъ, Польша вынуждена была отказаться, не имѣя какъ сама по себѣ, такъ и вслѣдствіе своего раздробленія, довольно силъ, чтобы съ продолжительнымъ успѣхомъ начать борьбу съ Нѣмецкою имперіей. Вліяніе Польши на западно-славянскія земли погибло навсегда; на нихъ потомъ обращали вниманіе только немногіе мыслящіе люди изъ Поляковъ. Польша отвратила свое вниманіе отъ запада, въ большой ущербъ всему западному славянству и себѣ самой, и обратила его преимущественно на востокъ, на земли Русскія. Польша съ теченіемъ времени успѣла завладѣть всей юго-западною Русью. Русскія земли были присоединены къ государству Польскому частію непосредственно (Червоная Русь), по большей же части достались ей вмѣстѣ съ Литвой. Это соединеніе Польши и Литвы (1386 г.) случилось особенно вслѣдствіе водворенія въ Пруссіи и въ другихъ земляхъ балтійскихъ нѣмецкихъ рыцарей, которые стали потомъ тѣснить и Польшу, и Литву. Для ихъ усмиренія оба эти государства нуждались во взаимной помощи и въ соединеніи своихъ силъ. Борьба Польши и соединенной съ нею Литвы съ Нѣмцами продолжалась полтора вѣка и велась съ большимъ ожесточеніемъ, именно такъ, какъ борьба Нѣмцевъ съ Балтійскими Славянами, которой была, собственно говоря, только продолженіемъ. Она окончилась сильнымъ ослабленіемъ, но не совершеннымъ уничтоженіемъ рыцарей, какъ это слѣдовало бы сдѣлать для обезпеченія Польши и вообще славянства.

Вмѣстѣ съ этою внѣшнею борьбою съ Нѣмцами, Польша должна была начать и внутреннюю борьбу съ нѣмецкимъ элементомъ, который, поглотивъ Славянъ Лабскихъ и Балтійскихъ, все сильнѣе тѣснился и въ земли Польскія. Прежде всего онѣмечилась Силезія, по большей части при содѣйствіи тамошнихъ князей, вельможъ, церкви и многочисленныхъ нѣмецкихъ колонистовъ въ городахъ и деревняхъ. Изъ Силезіи проникалъ германизмъ дальше на востокъ, въ собственную Польшу, преимущественно въ города и духовное сословіе. Даже и нѣкоторые Пястовичи благопріятствовали Нѣмцамъ и ихъ нравамъ; въ Краковѣ, въ Познани, и даже во Львовѣ языкъ нѣмецкій господствовалъ, или значительно былъ распространенъ, до

самаго конца XV столѣтія. Еще въ половинѣ XV вѣка сильно ратуетъ противъ этихъ злоупотребленій, противъ этого постыднаго и вреднаго для Поляковъ, положенія дѣлъ славный польскій патріотъ Іоаннъ Остророгъ.

Съ возвышеніемъ національной шляхты польской и съ упадкомъ городовъ, наступила рѣшительная реакція противъ германизма въ Польшѣ. Польская шляхта, въ теченіе XIV и XV вѣковъ, пріобрѣтала себѣ все бо́льшія права и сдѣлалась, наконецъ, единственною и привиллегированною корпораціей въ Польшѣ, единственною законодательною властью; города потеряли всякое политическое значеніе, простой народъ сдѣлался подданнымъ шляхты. Польша сдѣлалась совершенною шляхетско-демократическою республикою. Шляхта и въ первоначальной Польшѣ, и въ Литвѣ, и земляхъ Русскихъ, соединенныхъ съ Польшей Люблинскою уніей (1569 г.), была ея единственнымъ законнымъ представителемъ.

Между тѣмъ, какъ въ сосѣднихъ земляхъ — въ Чехіи, Германіи, Россіи и другихъ, власть государева все болѣе усиливалась въ ущербъ народному представительству, и исподволь образовывалась абсолютная монархія, новѣйшее централизованное государство, — въ Польшѣ государь лишался все болѣе и болѣе своего могущества и сдѣлался, наконецъ, только орудіемъ господствующаго шляхетскаго сословія.

Вмѣстѣ съ этимъ въ Польшѣ все грознѣе выступало впередъ вѣковое бѣдствіе всего Славянскаго племени, вытекающее изъ различія вѣроисповѣданія, — это споры религіозные, которые, по обычаю тогдашнихъ вѣковъ, переносились и на политическую почву. Уже гусситское движеніе, которое было причиною большаго возвышенія славянской народности въ Чехіи, въ то же время помѣшало тѣснѣйшему сближенію Поляковъ и Чеховъ, ибо гусситизмъ не проникъ въ Польшу съ такою силой, чтобы сломать могущество іерархіи, которая потомъ всевозможными средствами стремилась помѣшать или ослабить сношенія Поляковъ съ „еретическими“ Чехами.

Вслѣдствіе присоединенія многихъ Русскихъ земель къ Польшѣ, католическое и православное исповѣданія столкнулись въ Польшѣ и въ Литвѣ. Господствующій родъ въ обоихъ государствахъ, позже соединенныхъ, Ягайловичи, принявъ католичество, считали своимъ долгомъ распространять его и между православными своими подданными. Немало побуждало къ такимъ дѣйствіямъ и то обстоятельство, что одинъ изъ митрополитовъ всей Руси (Исидоръ) принялъ Флорентинскую унію церквей восточной и западной, вслѣдствіе чего

распространеніе верховной власти папы между православною Русью пріобрѣло какъ-бы юридическую форму.

Но эта унія не была принята Русскимъ народомъ и въ единственномъ самостоятельномъ Русскомъ государствѣ, въ Москвѣ, она совсѣмъ отвергнута; изчезнувъ вскорѣ почти совершенно — особенно послѣ громаднаго распространенія протестантизма въ Польшѣ и въ Литвѣ,—унія только позже была возобновлена къ большому ущербу и даже гибели Польскаго государства и народа. Смѣшеніе религіознаго вопроса съ политикою—дѣло необыкновенное въ вѣротерпимой Польшѣ XVI вѣка—усиливалось съ конца того вѣка все больше и больше, и было главною причиною враждебнаго столкновенія государствъ Польскаго и Русско-Московскаго. Послѣднее, между тѣмъ, значительно возвысилось, въ сосѣдствѣ Польши и Литвы, и какъ самостоятельная русская держава пріобрѣла себѣ потомъ большую притягательную силу относительно остальнаго народа Русскаго.

4) Русскій народъ.

Русскій народъ первоначально объединенъ былъ, какъ уже выше замѣчено, въ государственное цѣлое варяжскими князьями. Символомъ народнаго единства русскаго былъ, кромѣ одного языка, одного устройства и одной вѣры православной, и княжескій родъ Рюриковичей, который владѣлъ Русью сообща, имѣя во главѣ старшаго въ родѣ, великаго князя, пребывавшаго сначала въ Кіевѣ, а потомъ, съ 1169 года, во Владимірѣ на Клязьмѣ. Возлѣ великаго князя было много удѣльныхъ князей, которыхъ число все больше увеличивалось.

Пространныя земли восточной Европы манили къ колонизаціи, и народъ Русскій воспользовался тѣмъ вполнѣ, распространяясь и самовольно, и по вызову князей преимущественно на востокъ между племенами чудскими и татарскими, или вытѣсняя ихъ, или же ассимилируя ихъ себѣ. Именно здѣсь, въ предѣлахъ племенъ славянскаго и чудскаго, около г. Владиміра, поселился потомъ великій князь русскій, представитель всего княжескаго рода, а поэтому и всей Руси, и здѣсь было положено основаніе къ средоточію будущей Русской монархіи.

Между тѣмъ какъ въ остальной Руси—въ Кіевѣ, Владимірѣ Волынскомъ, Смоленскѣ, Полоцкѣ, Новгородѣ, Псковѣ и др., при безпрерывныхъ спорахъ и междоусобіяхъ князей, народъ пріобрѣталъ все большее вліяніе на общественныя дѣла, призывалъ и удалялъ князей по своей волѣ, рѣшалъ все на своихъ вѣчахъ и вообще при-

лагалъ къ жизни древне-славянскія демократическія начала и учрежденія, — положеніе дѣлъ во Владимірѣ было иное. Здѣсь, на сѣверовостокѣ раньше изчезаютъ древне-русскія учрежденія, уничтожается начало родоваго старшинства, слабѣютъ родовыя связи между княжескими линіями; вмѣсто цѣлаго рода выступаетъ болѣе тѣсная семья князя, и каждая изъ нихъ стремится къ подчиненію себѣ остальныхъ; здѣсь воли народа, заявляемая на вѣчахъ, уже обходится, и на ея мѣсто все больше и больше выступаетъ воля князя.

Хотя нашествіемъ Манголовъ въ половинѣ XIII вѣка Русь и была парализована на долгое время, разрублена, такъ-сказать, на двѣ части, — но съ другой стороны, тѣмъ данъ былъ болѣе сильный толчекъ къ образованію могущественнаго государства Русскаго. Монголы не вмѣшивались во внутреннія отношенія Руси, довольствуясь податью и признаніемъ верховной власти. Для этого имъ нуженъ былъ посредникъ, и самымъ удобнымъ такимъ представителемъ всей Руси для великихъ хановъ былъ великій князь. Такимъ образомъ, могущество этого князя стало значительно возвышаться; древнія права родоваго старшинства все болѣе изчезали; достоинства велико-княжескаго достигалъ тотъ князь, который съумѣлъ какимъ-либо образомъ пріобрѣсти себѣ пріязнь и расположеніе хана.

Достоинства великихъ князей достигли, въ первой половинѣ XIV вѣка, князья Московскіе и успѣли сохранить его уже навсегда. Москва, столица княжества сначала небольшого, стала съ тѣхъ поръ, вслѣдствіе умной политики своихъ князей, средоточіемъ восточной Руси: въ Москвѣ изчезаютъ, наконецъ, совершенно родовыя и княжескія отношенія и уступаютъ идеѣ государства. Князья Московскіе, будучи въ одно и то же время великими князьями „всея Руси", — первый назвался такъ Иванъ Калита — распространяли свои предѣлы разнымъ образомъ — покупаніемъ удѣловъ, завоеваніемъ и проч. Престолъ переходилъ въ ихъ семействѣ только отъ отца къ сыну, сила давней дружины княжеской слабѣла, изъ дружинниковъ образовывались осѣдлые крупные землевладѣльцы, которые, будучи щедро вознаграждаемы за свою службу, благопріятствовали и способствовали усиленію Московскаго государства. Могущество князя Московскаго возрастало еще тѣмъ, что многіе удѣльные князья Рюриковичи приходили въ Москву служить богатому великому князю и дѣлались его боярами; родовыя отношенія измѣнялись въ отношенія служебныя, родственные князья удѣльные превращались въ подданныхъ, подручниковъ великаго князя, или, какъ онъ въ послѣдствіи назывался, царя. Кромѣ

того, Москва пріобрѣла себѣ большое вліяніе тѣмъ, что сдѣлалась мѣстопребываніемъ русскаго митрополита. Такимъ образомъ, и церковь поддерживала усиленіе новой русской монархіи. Наконецъ, самъ народъ сѣверо-восточной Руси, болѣе серіозный по характеру, менѣе привыкшій къ древне-русской свободѣ, не любилъ безпрерывныхъ княжескихъ междоусобицъ, желалъ прочныхъ порядковъ и поэтому способствовалъ усиленію могущественной центральной власти. Князья Московскіе собрали до конца XV вѣка всю сѣверо-восточную Русь, освободились отъ татарскаго ига и образовали сильное государство, въ которомъ все рѣшала воля великаго князя, почти никѣмъ и ничѣмъ не ограниченная. Личные интересы должны были вполнѣ подчиняться интересамъ цѣлаго, интересамъ государства, представителемъ котораго былъ только государь.

Таково было развитіе сѣверо-восточной Руси. Иное было развитіе Руси, юго-западной, страшно разоренной нашествіемъ монгольскимъ. Галицкіе Романовичи, правда, стремились собрать и южную Русь въ одно цѣлое, но это имъ не удалось, и эту задачу приняли на себя иностранцы — Литовцы. Воинственные князья литовскіе, воспользовавшись татарскими бѣдствіями и княжескими усобицами, выступили изъ понѣманскихъ земель и собрали въ теченіе одного вѣка (1250—1350 гг.) всю юго-западную, поднѣпровскую Русь.

Такъ, подлѣ сѣверо-восточной Руси, Москвы, образовалось второе русское государство, Русь юго-западная, Литва, отъ моря Балтійскаго до Чернаго, отъ Буга до самаго Смоленска: ибо въ этой державѣ было народонаселеніе по большей части русское: собственные Литовцы занимали только теперешнія свои земли на верхнемъ Нѣманѣ; было и устройство русское, господствовали русскій языкъ и православное вѣроисповѣданіе,—суровые князья и вельможи литовскаго происхожденія принимали русскую народность и православное вѣроисповѣданіе. Оба эти русскія государства боролись долго за первенство, и борьба эта не прекратилась и тогда, когда Литва и сосѣдняя Польша соединились, посредствомъ литовской династіи Ягайловичей, въ одно государственное цѣлое, хотя сначала довольно шаткое и непрочное.

Особое мѣсто въ русской исторіи занимаетъ Новгородъ Великій, который будучи отдаленъ отъ средоточія Руси, вмѣстѣ съ Псковомъ и Вяткой (Хлыновымъ), сохранилъ себѣ древне-славянское устройство дольше, чѣмъ какая-нибудь другая русская область. Великіе князья Русскіе, занятые другими дѣлами, довольствовались отъ отда-

леннаго Новгорода только признаніемъ своей верховной власти и не трогали его республиканско-демократическаго устройства. Въ Новгородѣ, подлѣ князя, сначала избираемаго, когда того хотѣлось Новгородцамъ, былъ избираемый посадникъ тысяцкій и другіе временно избираемые народомъ, сановники; древне-славянское вѣче господствовало въ полной силѣ. Но это устройство сѣверо-русскихъ общинъ не соотвѣтствовало направленію новаго абсолютнаго государства Русскаго; оно, при удобномъ случаѣ, уничтожило ихъ независимость и присоединило себѣ обширныя владѣнія Новгородскія, Вятскія и Псковскія.

Начала демократическія и республиканскія, вытѣсненныя изъ сѣверо-восточной Руси и все болѣе и болѣе приходящія въ упадокъ, подъ вліяніемъ шляхты въ югозападной, польско-литовской Руси, нашли себѣ пріютъ на самыхъ окраинахъ русскаго міра, и здѣсь, начиная съ нижняго Днѣпра на востокъ до Яика (Урала), образовались демократическія *вольныя казацкія общины:* въ радахъ и кругахъ казаковъ на Запорожьѣ, Дону, Яикѣ и Терекѣ воскресли древнерусскія вѣча и другія учрежденія.

Великіе князья Московскіе и „всея Руси", усилившись уничтоженіемъ независимости Новгорода, обратили отселѣ вниманіе на Русь югозападную, литовскую, которую считали по праву своею „отчиной" (то-есть, собственностью) по прадѣду, Владиміру Святому. Собрать всѣ Русскія земли, сдѣлать законный титулъ „великаго князя (въ послѣдствіи царя) всея Руси" дѣйствительнымъ фактомъ, — къ этому направлены были преимущественно всѣ стремленія государей Московскихъ.

Къ достиженію этой цѣли много имъ помогало самое положеніе православнаго исповѣданія въ Литвѣ и Польшѣ, къ которому принадлежала большая часть тамошняго народонаселенія на Бѣлой, Черной, Червоной и Малой Руси (Русины), и которая не пользовалась одними правами съ господствующимъ католицизмомъ.

5) Польша и Русь.

Преслѣдованіе православнаго вѣроисповѣданія въ Литвѣ было причиною, что уже въ концѣ XV-го вѣка многія литовско-русскія земли именно въ Сѣверской области отошли къ Москвѣ. При короляхъ Сигизмундѣ и Сигизмундѣ-Августѣ прекратилось это не политическое гоненіе, хотя католицизмъ все-таки не переставалъ присвоивать себѣ характеръ господствующей церкви: такъ, напримѣръ, пра-

вославные епископы не засѣдали ни въ сенатѣ литовскомъ, ни въ соединенномъ въ послѣдствіи сенатѣ польско-литовскомъ, какъ католическіе епископы.

Не смотря на это, разница исповѣданій христіанскихъ (католическаго, протестантскаго и православнаго) въ XVI-мъ вѣкѣ въ Польшѣ, особенно при просвѣщенномъ Сигизмундѣ-Августѣ, не влекла за собою никакихъ препятствій въ пользованіи политическими правами; и русская шляхта, пользуясь здѣсь, по примѣру польской, все болѣе обширными правами и дѣлаясь все болѣе и болѣе важнымъ факторомъ въ государственной жизни, не могла еще заявлять желанія промѣнять это свое положеніе на положеніе сосѣдняго государства Московскаго, гдѣ все больше и больше развивалась идея абсолютной монархіи. О простомъ народѣ нечего говорить: онъ находился, какъ вездѣ въ Европѣ въ то время, въ положеніи очень грустномъ и жалкомъ.

Но такая вѣротерпимость, какая существовала тогда въ Польшѣ, многимъ не нравилась. Вліяніемъ особенно іезуитовъ вновь провозглашена была давно забытая унія церквей латинской и греческой (1596 г.). Это возбудило всеобщее волненіе въ народѣ русскомъ. Унію распространяли, а коренную въ земляхъ Русскихъ православную „русскую" вѣру преслѣдовали разными способами. Народъ, оскорбляемый въ своей высшей святынѣ, въ вѣрѣ, сильно тому сопротивлялся: сначала протестовала противъ того православная шляхта русская, какъ единственный тогда законный представитель Русскаго народа. Но число этой шляхты все уменьшалось, такъ какъ она, особенно стараніями ловкихъ іезуитовъ, принимала католичество, а тѣмъ самымъ и польскую народность. На мѣсто ея выступаетъ военное братство русское, казаки; вмѣсто словесныхъ протестовъ на сеймахъ и сеймикахъ являются протесты вооруженные на поляхъ сраженій. Казаки Запорожскіе отселѣ безпрестанно поднимаютъ знамя возстанія, и сражаясь не только за свои интересы, но и за православную вѣру, находятъ живѣйшія симпатіи въ Русскомъ народѣ, который толпами прибѣгаетъ подъ знамена казацкихъ вождей.

Такое положеніе дѣлъ въ столь разностихійномъ государствѣ, какова была Польша, было очень опасно при сосѣдствѣ Москвы. Царство Московское, будучи послѣ паденія Сербіи, Болгаріи и Царьграда единственнымъ независимымъ восточно-христіанскимъ государствомъ, написало на своемъ знамени, кромѣ идеи монархіи, еще двѣ другія идеи: защищать православіе и собирать земли русскія. Опасность эту

предвидѣли и нѣкоторые польскіе патріоты и усердно возставали противъ неполитическаго гоненія русскаго православнаго элемента, но такіе отзывы были гласомъ вопіющихъ въ пустынѣ. Споръ русскаго православія съ польскимъ католицизмомъ былъ тѣмъ опаснѣе, что Русское царство, оправившись послѣ страшныхъ потрясеній, которыя постигли его въ началѣ XVII вѣка и въ которыхъ ему приходилось бороться и противъ Польши, помогавшей самозванцамъ, пріобрѣло себѣ большое могущество.

Эта борьба двухъ противоположныхъ партій въ Польшѣ разразилась наконецъ возстаніемъ Русскаго народа и казачества подъ предводительствомъ Хмѣльницкаго (1648 г.). Примиреніе обоихъ враждебныхъ началъ, католическаго польско-шляхетскаго и православнаго, русско-казацкаго и народнаго, оказалось невозможнымъ. Въ эту борьбу вмѣшалась наконецъ и Великая Русь, призванная на помощъ Малою Русью. Хотя Русскій царь уже съ тѣхъ поръ сталъ носить названіе царя Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи, но это было только номинально, ибо къ Россіи присоединена только малая часть означенныхъ въ царскомъ титулѣ польско-русскихъ земель. Но не смотря на этотъ неполный успѣхъ, взаимныя отношенія Польши и Россіи съ того времени значительно измѣнились: Россія, доселѣ побѣждаемая и оттѣсняемая на востокъ, начинаетъ подвигаться на западъ въ ущербъ Польшѣ.

Между тѣмъ какъ Польша все болѣе и болѣе упадала, Россія поднималась. Идея абсолютной монархіи и здѣсь, какъ въ остальныхъ европейскихъ государствахъ, взяла верхъ и подчинила себѣ всѣ сопротивляющіяся ей стихіи—казачество и соединенный съ нимъ народъ. Россія подвигалась все больше на западъ, и наконецъ, ей удалось совершенно приблизиться къ западной Европѣ и пробраться къ Балтійскому морю, къ этому древнему „Славянскому заливу“ (Sinus Venedicus). Эта заслуга принадлежитъ императору Петру Великому. Россія стала наконецъ государствомъ европейскимъ и по формѣ правленія (абсолютная монархія), и по своему устройству, какими были и Пруссія, и государство Габсбурговъ. Среди такихъ государствъ, каковы были Россія, усилившаяся Пруссія и земли Австрійскія, въ которыхъ все рѣшала вездѣ воля государя, окруженнаго сильнымъ войскомъ и чиновничествомъ,—республика Польская не могла уцѣлѣть. Въ Польшѣ король, выбираемый пожизненно, не былъ ничѣмъ, а шляхта всѣмъ; войско и финансы находились въ самомъ жалкомъ состояніи, и вопросъ о диссидентахъ, безпрестанно преслѣдуемыхъ, по-

давалъ сосѣднимъ государствамъ желанный поводъ къ вмѣшательству во внутреннія отношенія слабой Польши. Польша распалась. Пруссіи и Австріи досталась первоначальная Польша Пястовичей: Поморье, Мазовія, великая и малая Польша. Россіи удалось, наконецъ, собрать почти всѣ Русскія земли.

6) Югославяне.

Самую грустную картину въ славянской исторіи представляютъ южные Славяне.

Словенцы, послѣ паденія могучаго государства Сама, очутились опять въ своемъ раздробленіи, и живя подъ властью своихъ слабыхъ князей и жупановъ, сдѣлались очень рано добычей Нѣмцевъ Баварской отрасли. Герцогство Каринтійское, маркграфства Штирское, Австрійское (Ракусское), Словенское (Windische Mark) и др. стали уже въ IX—X вѣкѣ частями Нѣмецкой имперіи. Ихъ правители были Нѣмцы; высшія сословія рано онѣмечились, и народность словенская рано утратила (до XIII вѣка) половину своихъ земель на сѣверѣ въ пользу нѣмецкаго элемента; въ южной же, оставшейся ей половинѣ, сохранилась только въ низшихъ слояхъ. Въ Фріулѣ и сосѣдней Истріи взялъ верхъ италіанскій элементъ. Языкъ словенскій остался достояніемъ простого народа, и послѣ нѣкоторыхъ мимолетныхъ попытокъ въ X вѣкѣ, сталъ употребляться въ книгахъ только со времени реформаціи. Но иногда раздавался словенскій языкъ и при самомъ дворѣ князя Каринтійскаго, именно когда близь столицы Каринтіи, Цѣловца, на полѣ Госпосветскомъ, словенскіе крестьяне, по древнеславянскому обычаю, сажали на каменный престолъ Каринтійскихъ князей, или вѣрнѣе, герцоговъ.

Хорваты и *Сербы* долгое время жили въ раздробленіи подъ властью своихъ жупановъ и только исподоволь образовывалась у нихъ центральная власть въ лицѣ великаго жупана. Верховная власть Византійскихъ императоровъ была, по большей части, лишь номинальна. Славянское стремленіе къ раздробленію отразилось больше всего на этихъ двухъ частяхъ одного народа. Хорваты и Сербы, пришедши изъ-за Карпатъ на югъ, составляли нѣсколько племенъ одной отрасли славянской; и все-таки, съ теченіемъ времени, судьба раздѣлила эти обѣ отрасли такъ, что, хотя нельзя ихъ назвать двумя особыми народами—ибо они говорятъ и пишутъ на одномъ языкѣ,—но уже значительно отличаются другъ отъ друга.

Главная причина этого разъединенія — вѣроисповѣданіе и проис-

текающее изъ того историческое и культурное развитіе. Хорваты примкнули къ западу и къ Риму; Сербы, послѣ нѣкотораго колебанія, къ востоку и Царьграду.

Хорваты ранѣе другихъ Югославянъ образовали государство. Освободившись изъ-подъ ига завоевательныхъ Франковъ, которые изъ Словенскихъ земель вторглись и въ Хорватію, Паннонскіе и Далматскіе Хорваты соединились подъ однимъ великимъ жупаномъ, или съ XI вѣка—королемъ. Послѣ прекращенія мѣстной королевской династіи и внутреннихъ смутъ, Хорваты призвали сосѣднихъ королей Угорскихъ на свой престолъ. Съ этихъ поръ—съ 1102 года—корона Хорватско-далматская соединена была съ короной Угорскою, какъ „союзное государство — regnum socium"; король Угорскій сдѣлался въ то же время и королемъ Хорватско-Далматскимъ и присылалъ въ эти земли своихъ князей и брановъ. Хорваты, вошедши въ составъ короны Угорской, раздѣляли и ея судьбу, хотя всегда отстаивали себѣ полную свободу и всегда защищали независимость своего отечества противъ притязаній Мадьяръ, хотѣвшихъ сдѣлать изъ „regnum socium"—„pars adnexa" (земля присоединенная). Этимъ отличаются Хорваты отъ другихъ народовъ славянскихъ, вошедшихъ непосредственно въ составъ королевства Угорскаго, какъ напримѣръ, Словаки и Карпатскіе Русскіе.

Позже образовали государство *Сербы*. Отношенія разныхъ жупановъ, князей и бановъ сербскихъ племенъ къ великому жупану въ собственной Сербіи были очень шатки: племя Неречанъ и князья Захолмскіе стремились къ полной независимости. Это раздробленіе прекратилось только со второй половины XII вѣка. Колыбелью Сербскаго государства сталъ южно-сербскій городъ Раса, по которому Сербія и Сербы часто назывались и „Расскою землей", „Рашане" (Rascia, Rasciani, мадьярск. Rácz). Великій жупанъ Расскій Стефанъ Неманя собралъ раздробленныя сербскія области въ одно крѣпкое цѣлое, освободилъ Сербію отъ верховной власти Византіи и распространилъ ея предѣлы на востокъ и на югъ въ земли Болгарскія (до Ниша) и въ сѣверную Македонію. Эту политику продолжали и его преемники. Вмѣстѣ съ этимъ, въ Сербіи взяло верхъ и православіе противъ католицизма и ученія секты павликіанъ или богомиловъ.

Болгарское государство, едва основанное, начало вѣковую борьбу съ своею соперницею Византіей; не разъ было сомнительно — возьметъ ли верхъ царь Болгарскій (Крумъ, Симеонъ и Самуилъ), или кесарь Византійскій. Послѣ долговременной и отчаянной борьбы, Болгарія

пала (1019 г.) и стала Византійскою провинціей. Но черезъ полтора столѣтія (1186 г.) Болгаре соединенные съ ними, балканскіе Влахи (Волохи, Румыны), сбросили греческое иго и создали вновь независимое царство Болгарское между Дунаемъ и Балканомъ, которое хотя и распространилось въ началѣ XIII вѣка за Балканъ, но въ послѣдствіи снова было заключено этимъ рубежемъ. И у Болгаръ взяло верхъ православіе, хотя многіе цари Болгарскіе, особенно послѣ возобновленія царства въ концѣ XII и въ началѣ XIII вѣка (Іоаннъ Асѣнь I), изъ политическихъ причинъ клонились къ Риму. Прекрасные зачатки славянской литературы, которая послѣ изобрѣтенія славянскаго письма процвѣтала въ Болгаріи, особенно въ X вѣкѣ, при царѣ Симеонѣ, прекратились потомъ вслѣдствіе безпрестанныхъ войнъ и смутъ.

У Югославянъ Хорватскихъ и Сербскихъ, обитавшихъ на поморьѣ Адріатическомъ, образовались, подъ вліяніемъ римско-италіанскаго элемента, цвѣтущія городскія общины, между которыми больше всего отличается Дубровникъ (Ragusa). Въ этихъ прибрежныхъ областяхъ и общинахъ, въ сосѣдствѣ Италіи, развилась потомъ богатая югославянская литература, произведшая, особенно въ XV—XVII вѣкахъ, славныхъ поэтовъ. Приводимъ только имена Лучича, Даржича и Гундулича. Но не смотря на все это, славянскій элементъ здѣсь не былъ господствующимъ, а подчиненъ италіанскому.

Мысль соединенія всѣхъ или большей части Югославянъ принадлежитъ (въ половинѣ XIV вѣка) сильному царю Сербскому Стефану Душану. Онъ, продолжая политику своихъ предшественниковъ, счастливыми войнами съ Уграми и особенно съ Греками распространилъ границы сербскія и на западъ—въ Боснію и Захолмію, и на югъ, въ Албанію, Македонію и Ѳессалію. Душанъ сталъ первымъ царемъ, или императоромъ на полуостровѣ Балканскомъ; Болгарскій царь находился въ зависимости отъ Сербіи, а Греческій, столько разъ разбитый, дрожалъ передъ Душаномъ въ своемъ Царьградѣ. Но царь Стефанъ самъ положилъ основаніе гибели своей обширной имперіи, раздѣливъ ее на многія намѣстничества. Послѣ его внезапной смерти,— онъ умеръ въ 1356 году, готовясь идти на самый Царьградъ,—слабый его сынъ Урошъ не былъ въ состояніи сохранить единство своей отчины: сильные намѣстники, убивъ его—послѣдняго Неманича,—разрушили это единство и стали воевать другъ съ другомъ. Сербія, терзаемая внутренними смутами, стала добычею болѣе страшныхъ враговъ, чѣмъ были Греки византійскіе: Турецкіе Османы, вторгнувшись

въ Европу изъ Малой Азіи, разбили сербскія войска на Косовомъ полѣ (1389 г.). Сербскіе князья, или какъ они потомъ назывались по гречески, деспоты, стали турецкими вассалами; но уже черезъ 70 лѣтъ (1459 г.) Сербія сдѣлалась турецкимъ пашалыкомъ.

Одновременно съ Сербіею, чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ Косовскаго сраженія, пала и Болгарія, ставъ турецкою провинціей.

Независимость сербская держалась еще нѣсколько времени въ Босніи и соединенной съ нею Захолміи, или какъ она позже называлась, Герцеговинѣ. Банъ Босенскій, Стефанъ Твердко, имѣя въ виду вмѣсто падающей собственной Сербіи создать новое государство Сербское, назвался королемъ Сербскимъ и Боснійскимъ и присоединился къ движенію Хорватіи и Далмаціи, направленному противъ Угорскаго государства. Но это соединеніе земель хорватско-боснійскихъ не удалось: и Боснія съ Герцеговиной, не поддерживаемая Угорскою короною, погибла отъ Турокъ (1463—1483 гг.). Османскіе бунчуки, водруженные надъ древними столицами царей сербскихъ— въ Призрѣнѣ и болгарскихъ — въ Терновѣ, стали подвигаться далѣе на сѣверъ въ Хорватію и Угрію.

Только одинъ уголокъ Сербіи отстоялъ свою независимость: древняя Дукля или Зета, позднѣйшая Черная Гора, подняла знамя сербской независимости и высоко держала его во всѣ послѣдующіе вѣка.

Сербскій и Болгарскій народъ, погруженный въ долговѣчный мракъ, попалъ въ тяжелое рабство ислама и турецкихъ варваровъ, которымъ онъ долженъ былъ доставлять въ войско свою молодежь, янычаръ, а кромѣ того, и въ духовное рабство вѣковыхъ своихъ враговъ Грековъ-фанаріотовъ, которые, успѣвъ уничтожить народную іерархію болгарскую и сербскую, старались, подъ предлогомъ религіи, наносить вредъ и юго-славянской народности.

Остальные Югославяне, главнымъ образомъ Хорваты, начали страшнѣйшую борьбу съ заклятыми врагами христіанско-европейской цивилизаціи, и вмѣстѣ съ многочисленными сербскими бѣглецами, или какъ ихъ называли, Ускоками, и съ Черногорцами, напрягали до изнеможенія свои силы въ этой борьбѣ и справедливо заслужили себѣ названіе „оплота христіанства". Эта борьба, сначала мало успѣшная и только въ послѣдствіи болѣе счастливая, представляетъ главное явленіе позднѣйшей исторіи югославянской.

Южные Славяне также несчастливы, какъ и западные: и тѣмъ, и другимъ, они хотя были такъ близки другъ къ другу, не удалось создать себѣ національное и государственное единство. Вслѣдствіе раз-

ныхъ неблагопріятныхъ событій, Югославяне распались уже очень рано на нѣсколько особыхъ цѣлыхъ, народныхъ и государственныхъ единицъ, другъ отъ друга отличающихся и даже враждебныхъ другъ другу, или достались въ добычу чужеземщинѣ европейской — Нѣмцамъ и Италіанцамъ, и азіатской — Мадьярамъ и Туркамъ. Кромѣ того, по поводу раскола церкви, а позже и вслѣдствіе водворенія между ними ислама — особенно между дворянствомъ въ Босніи и Герцеговинѣ, — произошла у нихъ разница въ вѣроисповѣданіи, письмѣ и вообще во всемъ духовномъ развитіи.

Мы обозрѣли вкратцѣ древнюю и среднюю исторію народовъ славянскихъ. Мы видѣли, что Славяне, очутившись въ особенномъ положеніи, утратили первоначальное народное единство и раздробились на нѣсколько большихъ и малыхъ частей. Это раздробленіе увеличилось потомъ еще больше вслѣдствіе различія историческаго развитія разныхъ отраслей, проистекающаго изъ разнаго рода обстоятельствъ.

Иначе развивались западные Славяне, иначе южные и восточные. Столкновеніемъ съ чужимъ враждебнымъ элементомъ погибли Славяне Балтійскіе, и по большей части, Лабскіе, или изчезнувъ совсѣмъ, или принявъ чужую народность. Чехи отстояли свою самостоятельность и народность на долгіе вѣка, но и они наконецъ упали такъ, что, казалось, начинаютъ идти по слѣдамъ своихъ лабскихъ братьевъ. Поляки, утративъ на западѣ значительную часть своихъ одноплеменниковъ, создали себѣ большое государство, которое однако, основываясь на началахъ не прочныхъ, упало послѣ перваго болѣе сильнаго потрясенія. Южные Славяне рано лишились политической самостоятельности. Одному только Русскому народу удалось, послѣ величайшихъ бѣдствій, создать сильное государство на прочномъ основаніи, и такимъ образомъ, обезпечить себѣ свой національный бытъ болѣе, чѣмъ остальные Славяне, лишенные политической независимости.

Славянскія учрежденія.

Славяне, живя въ своей первобытной родинѣ и составляя одинъ народъ или, по крайней мѣрѣ, совокупность довольно близкихъ другъ другу племенъ, пользовались одинаковыми или сходными учрежденіями и обычаями. Это единство или сходство могло ослабѣть, когда многія племена славянскія вышли изъ закарпатскихъ земель на западъ и югъ, поселились въ другомъ климатѣ, въ сосѣдствѣ другихъ народовъ, и вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ, стали и отдѣльно раз-

виваться. Но не смотря на такое разъединеніе, на такія перемѣны, общее достояніе славянства сохранилось, болѣе или менѣе, у разныхъ народовъ славянскихъ и въ послѣдствіи.

Славянскія племена или отдѣльные ихъ выходцы, переселившись на другое мѣсто, продолжали жить по прежнему, называли новыя свои жилища прежними названіями и вообще долго еще сохраняли и на новой родинѣ древній свой бытъ, пока онъ наконецъ не измѣнился, болѣе или менѣе, подъ вліяніемъ новыхъ отношеній или чужихъ элементовъ. Не сомнѣнно, одинаково жили, напримѣръ, карпатскіе, лабскіе и задунайскіе Хорваты и Сербы, восточно- и западнославянскіе Дулѣбы, Волыняне, Древляне, Лучане, Стадичи, сѣверные и южные Словѣне, Сѣверяне, Смоляне, Драговичи, западные и южные Стодоряне, Суслы, Бодричи, Мильчане, Дѣчане, Моравание и проч. Поэтому понятно, что во всѣхъ славянскихъ странахъ встрѣчаемъ Кіевы, Кладорубы, Прилѣпы, Верхлобія, Вышеграды, Бѣлграды, Новограды, Полоцки, Мельники, Черторыи, Краковы, Прѣславы, Просѣки, Лабы, Упы, Моравы и проч. Поэтому и понятно, что у всѣхъ Славянъ находимъ Ярославовъ, Болеславовъ, Вячеславовъ, Брячиславовъ, Владиславовъ, Святополковъ, Владиміровъ, Всеволодовъ, Доброгостовъ и проч. Этимъ же надо себѣ объяснить сходство и тождество многихъ учрежденій, сохранившихся у восточныхъ, западныхъ и южныхъ Славянъ до позднѣйшихъ временъ, а отчасти и до сихъ поръ.

Общественная жизнь Славянъ основывалась на *родовомъ быть*. Славянскій *родъ* представлялъ совокупность родичей разныхъ степеней, людей одного происхожденія, или вообще, соединенныхъ кровною связью. Эти родичи жили и трудились сообща въ нераздѣльномъ имѣніи, подъ выбираемымъ начальникомъ. Самъ родъ назывался у Славянъ разнообразно, кромѣ названій *родъ* и *племя*, были въ употребленіи и слова: *челядь, войско, полкъ, жупа, вервь*; все это означаетъ союзъ людей, соединенныхъ, связанныхъ въ одно цѣлое. Родоначальникъ назывался или просто *отецъ*, *отъ башта* или *батя*, *отъ челядный*; или такъ какъ обыкновенно, но невсегда старшій членъ рода былъ и его начальникомъ — *староста*, *старъшина*, или какъ начальникъ, владѣлецъ жупы, воя, *жупанъ*, *воевода*, *владыка*, или наконецъ, *господарь*, *господинъ*, *князь*, то-есть, начальникъ рода, племени. Нераздѣльное, общее имѣніе рода называлось *баштина* или *отчина*, *дѣдина*, *племенщина*, то-есть, наслѣдство батей или отцовъ, дѣдовъ, племени. Нераздѣльность, впрочемъ, не исключала раздѣленія на равныя доли между членами рода. Усадьба и округъ рода не

имѣлъ особаго названія, а назывался просто по роду, напримѣръ, члены рода Лютобора назывались Лютоборичи и также называлась и ихъ усадьба.

Родовой бытъ сохранился дольше всего у южныхъ Славянъ; у нихъ часто является „племя“ съ разными своими „кучами“ (домами), или „колѣнами“—однимъ юридическимъ цѣлымъ. Нынѣшняя же югославянская *задруга* (у древнихъ Хорватовъ и *верная дружина*), управляемая господаремъ или старѣшиною, соотвѣтствуетъ древнеславянскому роду, какъ онъ описанъ въ одномъ древнечешскомъ памятникѣ: „Всякъ отъ свей челеди воеводи, мужіе пашу, жены рубы строя; и умрели глава челедина, дѣти всѣ ту збожіемъ въ одно владу, владыку си зъ рода выберуце“.

У другихъ Славянъ родовой бытъ, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, рано изчезъ; родъ измѣнился въ болѣе обширную общину, то-есть, союзъ людей уже не одного происхожденія, не родственниковъ. Но сами, оставшіяся у этихъ Славянъ, слова: дѣдина—въ смыслѣ села новаго, не родоваго устройства, староста—въ смыслѣ начальника общины, господарь—въ смыслѣ хозяина, и нераздѣльное владѣніе русской общины указываютъ на первоначальный родовой бытъ.

Но если родовой бытъ и изчезъ у западныхъ и восточныхъ Славянъ, если родъ перемѣнился въ общину, то все-таки долго еще оставались болѣе или менѣе значительные слѣды первоначальнаго славянскаго быта. У западныхъ Славянъ, Чеховъ, Поляковъ и Лабско-Балтійскихъ Славянъ, встрѣчаемъ, особенно въ высшихъ сословіяхъ нераздѣльное владѣніе имѣніемъ, либо цѣлымъ родомъ, либо родичами извѣстныхъ степеней, довольно поздно, даже до XVI столѣтія. Родъ представляетъ одно юридическое цѣлое; для распоряженія дѣдинами требуется согласіе всѣхъ членовъ рода, а не только родоначальника, или какъ онъ продолжаетъ называться у Чеховъ, старосты и владаря (вмѣсто древняго владыки), господаря (въ Моравіи), у Поляковъ — отца челяднаго.

У восточныхъ, русскихъ Славянъ родъ рано замѣняется общиною. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, остались и нѣкоторые его слѣды, особенно въ высшихъ сословіяхъ, именно—нераздѣльное владѣніе „отчинами и дѣдинами“, членами одного рода и племени, согласіе которыхъ требуется въ случаѣ распоряженія имѣніемъ.

Изъ родового быта слѣдуетъ, что первоначально у Славянъ не было нищихъ; бѣднымъ дѣлался тотъ, который, по поводу совершеннаго преступленія, исключенъ изъ родовой связи и лишенъ пользо-

ванія родовымъ имуществомъ, такъ-называемый *изгой*; *злой сынъ*, *худой* до сихъ поръ у нѣкоторыхъ Славянъ означаетъ первое — преступника, второе—бѣднаго, нищаго.

Изъ родового быта слѣдуетъ дальше, что первоначально всѣ Славяне были лично свободные люди, и что между ними не было невольниковъ, рабовъ, отроковъ, хлоповъ (холопей). Невольничество у Славянъ основывалось на внѣшнихъ обстоятельствахъ, именно—на плѣнѣ во время войны; да у Славянъ и такой плѣнникъ, рабъ, по крайней мѣрѣ въ первые вѣка послѣ Р. Х., скоро пріобрѣталъ себѣ опять свободу. Кромѣ этого главнаго источника рабства, у Славянъ лишались личной свободы и не заплатившіе должники, преступники, приговоренные къ смерти, но помилованные, и разумѣется, и тѣ, которые родились въ рабствѣ или сами добровольно его приняли. Невольничество изчезаетъ прежде всего у западныхъ Славянъ (XII—XIII вв.), потомъ у южныхъ (XIV—XV вв.). У восточныхъ, Русскихъ Славянъ оно сохранилось гораздо дольше: въ югозападной, литовской Руси до конца XVI столѣтія и еще дольше, въ сѣверовосточной, Московской Руси оно распространилось на огромную массу народа. Рабами, плѣнниками становились, прежде всего, иноплеменники, потомъ и воюющіе между собою Славяне. Но и позже, въ XIV столѣтіи, встрѣчаемъ еще примѣръ, что Сербы и Болгаре считають грѣхомъ порабощеніе въ плѣнъ попавшихъ „соплеменниковъ".

Вслѣдствіе безпрерывныхъ войнъ Славянъ съ ихъ сосѣдями, особенно Нѣмцами, множество славянскихъ плѣнниковъ наполняло базары западно-европейскіе; оттуда произошло названіе раба Славяниномъ (склавомъ) у всѣхъ германскимъ и романскихъ народовъ.

Слѣды родового быта сохранились у Славянъ до позднѣйшихъ временъ, особенно въ юридическомъ ихъ бытѣ. На родовомъ бытѣ основывается и круговая порука, то-есть, отвѣтственность, ручательство рода за всѣ поступки и преступленія его членовъ. Съ преобразованіемъ рода въ общину, обязанность круговой поруки перешла на послѣднюю, на извѣстный округъ, на околину, ополе и вервь. Принадлежащіе къ этому округу отвѣчали за всѣ, совершившіяся въ ихъ границахъ, преступленія, напримѣръ, въ случаѣ убійства они должны были нести повальное наказаніе, вражду или главу (головщину). Круговая порука сохранилась у западныхъ Славянъ до XIII—XIV столѣтій, у южныхъ до XV, и ея слѣды остались еще до сихъ поръ; у восточныхъ, русскихъ Славянъ до XVI—XVII вѣковъ;

древнесербскія „окольныя села“ соотвѣтствуютъ древнерусскимъ „околичнымъ селамъ“.

Родовой бытъ представляетъ самую низшую степень общественнаго развитія у Славянъ. Вслѣдствіе разныхъ причинъ, особенно внѣшнихъ, нѣсколько родовъ соединилось въ болѣе широкое общество, въ племя, и наконецъ, нѣсколько племенъ—въ высшую степень общественнаго быта, въ одно, какое бы то ни было, политическое цѣлое, въ государство. Но самыя названія: племя, часто замѣняющее слово родъ,—жупа, княжество, господарство, названія начальниковъ новыхъ общественныхъ тѣлъ, *князь*, *господарь* (государь), *жупанъ*, *владыка*, *воевода*, и *батя*, *батюшка*, наконецъ, самыя названія племенъ (Лютомиричи, Бодричи, Радимичи, Велегостичи) указываютъ на происхожденіе племенъ и государствъ изъ родовъ.

Съ изчезновеніемъ родового быта при соединеніи племенъ въ государства, то-есть, въ болѣе или менѣе централизованныя политическія тѣла, и самыя названія рода и родоначальника принимаютъ другое значеніе. Такъ, *челядь* стало означать прислугу, *войска* или *войско*, *полкъ*—вооруженныхъ людей (у Юго-славянъ просто народъ), *жупа*—извѣстный округъ новой общественной формаціи, *жупанъ*, *воевода*, *староста*—извѣстныхъ чиновниковъ, намѣстниковъ князя, государя. Значеніе этихъ названій у Славянъ, послѣ разрушенія родового быта, было вообще довольно шатко и неопредѣленно. Такъ, напримѣръ, великій жупанъ былъ представителемъ, государемъ Хорватовъ, Сербовъ, жупаны—его намѣстники; у западныхъ Славянъ жупанъ былъ тоже намѣстникъ князя; вмѣстѣ съ тѣмъ, у Лабскихъ Сербовъ, у Ляховъ и у Словенцевъ—жупаномъ назывался и сельскій судья. Князь у восточныхъ и у западныхъ Славянъ означалъ государя (у Лабскихъ Сербовъ господина, пана), у южныхъ князь стоялъ ниже жупана и означалъ и начальника селъ; господарь—у восточныхъ и южныхъ былъ князь—государь, у западныхъ—хозяинъ и проч.

Въ государствахъ славянскія племена соединены въ болѣе тѣсныя и прочныя политическія и національныя цѣлыя, въ народы.

Государства создались преимущественно вслѣдствіе потребности общей защиты противъ внѣшнихъ враговъ; князь извѣстнаго племени соединилъ подъ свою власть сосѣднія племена или добровольнымъ ихъ соглашеніемъ, или вооруженною рукою.

Такимъ образомъ, во главѣ извѣстнаго государства и народа сталъ одинъ родъ княжескій. Такъ у Чеховъ—*Премысловичи*, у Поляковъ—*Пястовичи*, у Сербовъ—*Неманичи*, у Русскихъ—*Рюрик-*

вечи. Княжескій родъ считалъ подвластную себѣ землю своею „дѣдиной" или отчиной", которою пользовались всѣ его члены, какъ было у частныхъ родовъ. „Великій князь" или „великій жупанъ" былъ представителемъ не только своего государства и народа, но и своего рода, заботясь о его членахъ, назначая имъ „дѣлы, удѣлы" и проч. Знакомъ возвышенія въ княжеское достоинство было сажаніе на „столъ отенъ и дѣденъ". Позже, когда славянскіе князья замѣнили свой титулъ чужими титулами *кралей* (*королей*) и *царей*, этотъ обычай замѣненъ вѣнчаніемъ, коронаціей.

Непрочный наслѣдственный порядокъ въ княжескихъ родахъ славянскихъ установленъ введеніемъ сеніората или старѣйшинства, по которому старшій членъ всего рода занималъ великокняжескій столъ. Старѣйшинство введено одновременно въ княжескихъ родахъ русскихъ (1054 г.) и чешскомъ (1055 г.), позже въ польскомъ (1139 г.), и вѣроятно, и въ сербскомъ. Но введеніе старѣйшинства не установило престолонаслѣдія, а напротивъ того, дало поводъ къ безпрерывной борьбѣ за престолъ между членами княжескихъ родовъ. Оно замѣнено позже въ XIII—XIV столѣтіи примогенитурой или первородствомъ. Княжеское достоинство у Славянъ основывалось первоначально, какъ и достоинство родоначальника, на выборномъ началѣ и только позже сдѣлалось наслѣдственнымъ. Но древнее выборное начало безпрестанно оспаривало новое, наслѣдственное, особенно при слабѣющей власти князей. Такъ было преимущественно на Руси, и при извѣстномъ положеніи дѣлъ, и въ Польшѣ, Чехіи, Хорватіи и Сербіи.

Съ замѣною родового и племенного быта государственнымъ, настали у Славянъ и новые порядки въ ихъ общественномъ строѣ. Во-первыхъ, произошла болѣе рѣзкая разница между его классами, образовались *сословія*. Съ упадкомъ родового быта, народонаселеніе очутилось въ другихъ условіяхъ жизни и должно было принимать новыя обязанности и повинности. Изъ среды его выдѣлились болѣе знатные и богатые люди, и вмѣстѣ съ бывшими племенными князьями или жупанами, стали составлять новое сословіе знатныхъ людей, крупныхъ землевладѣльцевъ, *боляръ* (*бояръ*) и *вельможъ*, то-есть, болихъ, великихъ людей (у восточныхъ и южныхъ Славянъ), *лѣховъ*, *лиховъ*, *шлѣхты*, *шляхты*, то-есть, владѣтелей лѣхъ, земель (оттуда и *земляне* у западныхъ Славянъ), *племства*, *племичей*, то-есть членовъ извѣстныхъ племенъ, родовъ (у Хорватовъ), *властелей*, то-есть, землевладѣльцевъ (у Сербовъ). Въ это новое сословіе вошли и многіе родоначальники и составили второй разрядъ знатныхъ людей. У за-

падныхъ Славянъ, именно у Чеховъ и Поляковъ, они продолжаютъ называться древнимъ своимъ названіемъ *владыкъ, влодыкъ*; у остальныхъ Славянъ они, въ отличіе отъ великихъ, старшихъ бояръ или властелей, принимаютъ названія *малыхъ, младшихъ, меньшихъ* или *властеличичей, дѣтей боярскихъ*, и проч. Въ число этой родовой знати входили и лица, пожалованныя такимъ достоинствомъ княземъ, государемъ. Сословіе боярское или шляхетское занимало первое мѣсто въ государственной жизни; оно окружало князя, составляя его совѣтъ, занимало всѣ высшія мѣста, совѣщалось о дѣлахъ земскихъ и проч. Оно, наконецъ, привело и остальное народонаселеніе въ свою зависимость.

Массу народа составляло сельское народонаселеніе; у Русскихъ, а отчасти и у Ляшскаго племени они назывались *смерды*, то-есть, люди; у западныхъ и у южныхъ Славянъ—*кмети*, то-есть, хозяева, земледѣльцы; у послѣднихъ, Сербовъ и Болгаръ,—*себры* и *неропхи*, вѣроятно, по покореннымъ ими народамъ Сабировъ и Нороповъ; у Русскихъ позже и *крестьяне*. Поселяне пользовались личною, но не вещественною свободой; они, сидя на чужой землѣ, обязаны были отправлять для своихъ господъ извѣстныя повинности, опредѣленныя по закону. Только немногимъ изъ нихъ удалось сохранить за собою землю своихъ дѣдовъ. Это такъ-называемые нѣкоторыми Славянами—*дѣдичи*. Сельское народонаселеніе хотя и подпадало все подъ бо́льшую зависимость отъ своихъ господъ, сохранило, однако, личную свободу до XV, даже XVI столѣтій (въ Московской Руси), и только тогда прикрѣплено къ землѣ и обременено игомъ подданства или даже крѣпостнаго состоянія.

Славяне жили либо въ укрѣпленныхъ, огороженныхъ мѣстахъ, *градахъ* (*городахъ*), либо въ открытыхъ *селахъ, весяхъ*. Градъ былъ средоточіемъ и убѣжищемъ племени преимущественно въ случаѣ войны, непріятельскаго нападенія и проч. Племя и его городъ часто имѣли одно и то же названіе: Лютомиричи—городъ Лютомиричей, Гломачи—городъ Гломачей, Полоцкъ—городъ Полочанъ, Браничево—Браничевцевъ, Волынь—Волынянъ. Иногда и стародавнія племенныя названія замѣнялись названіями по городамъ. Такъ было особенно на Руси. Кіевляне (Поляне) назвались по Кіеву, Новгородцы (Словѣне) по Новгороду, Смольняне (Кривичи) по Смоленску и проч. Подъ или передъ городомъ находилось открытое поселеніе *подградіе* или *передгородіе*; здѣсь, равно какъ и въ селахъ, жили и высшія, и низшія, особенно къ самому городу принадлежащія сословія, купцы, ремесленники и

проч. Разницы между жителями городовъ, подградій и селъ не было: всѣ они жили подъ однимъ закономъ. Между славянскими городами замѣчательны на Руси—Владиміръ, Новгородъ, Смоленскъ, Полоцкъ, Кіевъ; у Славянъ Балтійскихъ—Гданскъ, Щетинъ, Волынь; у западныхъ Славянъ—столицы государствъ чешскаго и польскаго, Прага и Краковъ. Южные Славяне въ новыхъ своихъ жилищахъ застали и много римскихъ городовъ, которые подверглись вліянію окружившихъ ихъ Славянъ.

Кромѣ сословій боярскаго или шляхетскаго и сельскаго, включая въ это послѣднее и разныхъ ремесленниковъ, слугъ и пр., другихъ сословій у Славянъ первоначально не было.

Городское сословіе, то-есть, община, живущая подъ особымъ закономъ, является у Славянъ позже. „Мѣста“ и „мѣщане“ перешли къ Чехамъ и Полякамъ изъ Германіи, въ XIII и XIV столѣтіяхъ; въ юго-западную, польско-литовскую Русь—изъ Польши. У Югославянъ подлѣ славянскихъ городовъ остались и городскія общины еще со временъ римскаго владычества.

Государства славянскія основывались на древнемъ *жупномъ* или городскомъ устройствѣ. Жупа, первоначально родъ и его округъ, приняла позже болѣе обширное значеніе; она или соотвѣтствовала племени, или извѣстному его подраздѣленію. Съ развитіемъ государственной идеи, жупы сдѣлались извѣстными административными и судебными округами, которыми управляли княжескіе намѣстники и чиновники,—*жупанъ*, *судья*, *коморникъ* или *приставъ*, *владарь*, *владалецъ* или *тіунъ* и проч. Названія жупа и жупанъ встрѣчаются у западныхъ и у южныхъ Славянъ. У Русскихъ жупѣ соотвѣтствуетъ первоначально вервь, позже волость и уѣздъ, жупану—посадникъ, позже намѣстникъ. Средоточіемъ жупы было укрѣпленное мѣсто, градъ, городъ, а жупа, по древне-сербскому опредѣленію, была „предѣлъ того града“. Жители жупы (др.-серб. *жупляне*) были, безъ различія, обязаны нести извѣстныя повинности относительно своей жупы, всей земли и особы князя, были обязаны къ постройкѣ и поправкѣ городовъ (зиданію града, городовому дѣлу), земскому ополченію, доставленію путешествующимъ князю и его чиновникамъ подводовъ, проводовъ, съѣстныхъ припасовъ или корму, нарѣзу, оспу, позобу и къ другимъ повинностямъ, которыя назывались въ Балтійскихъ земляхъ прямо „славянскими“. Жупное устройство со всѣми повинностями сохранилось съ одинаковыми названіями до позднѣйшихъ временъ, особенно у восточныхъ и южныхъ Славянъ; у послѣднихъ (въ коронѣ Угорской) существуетъ

отчасти и до сихъ поръ. У западныхъ Славянъ жупное устройство если и не совсѣмъ упало, то значительно измѣнилось, вслѣдствіе проникновенія чужихъ порядковъ въ ихъ государственный строй.

Славяне съ древнѣйшихъ временъ всегда имѣли участіе въ государственныхъ дѣлахъ, рѣшая ихъ вмѣстѣ съ выбираемымъ или наслѣдственнымъ княземъ. „Народы славянскіе и антскіе", говоритъ одинъ Византіецъ VI вѣка, „не повинуются одному мужу, но живутъ издавно въ народномъ правленіи, и потому всегда о своихъ пользахъ и нуждахъ сообща совѣщаются; равнымъ образомъ и почти всѣ другія дѣла у нихъ по древнимъ законамъ управляются".

Такія народныя сходки встрѣчаются у Славянъ и въ послѣдующихъ вѣкахъ. Это — славянскія *вѣча*, *соборы*, *снемы* или *сеймы*, на которыхъ народъ совѣщался, собирался (снимался). У Русскихъ Славянъ народныя *вѣча* издавна собирались въ главныхъ, племенныхъ городахъ (властяхъ)—въ Кіевѣ, Новгородѣ, Смоленскѣ, Полоцкѣ и др.; звономъ вѣчевыхъ колоколовъ созывался каждый свободный человѣкъ на вѣче „думать" о важныхъ дѣлахъ. Вѣча на Руси пріобрѣтаютъ себѣ большую силу и власть во время безпрерывныхъ междоусобицъ княжескихъ, но лишаются ея при сильныхъ князьяхъ, особенно въ сѣверо-восточной Руси, Владимірско-Московскихъ и, наконецъ, совсѣмъ изчезаютъ въ централизованномъ государствѣ Московскомъ; позже всего, въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣковъ, они изчезаютъ въ Новгородѣ и Псковѣ. Слабымъ ихъ отголоскомъ сдѣлались *земскіе соборы* Московскаго государства; но болѣе прямые преемники вѣчъ явились на окраинахъ русскаго міра: *казацкіе круги и рады* не что иное, какъ древне-русскія вѣча.

Такія всенародныя вѣча являются и у западныхъ Славянъ, особенно у Поморянъ и у Лютичей. У Чеховъ и Поляковъ и, соединенныхъ съ ними впослѣдствіи, юго-западныхъ Русскихъ *снемы* или *сеймы* позже сдѣлались сходками только шляхты. Сеймы ограничивали государей во все существованіе обоихъ западно-славянскихъ государствъ.

У южныхъ Славянъ *соборы* и *вѣча* разнообразны. Въ городскихъ общинахъ адріатическихъ римское начало смѣшалось съ славянскимъ; первоначальные всенародные соборы замѣнились позже сходками только властельства. Но подлѣ нихъ остались и древне-славянскія вѣча, какъ напримѣръ, въ хорватскихъ общинахъ Полицкой, Винодольской, Керцкой и др. Въ государствахъ Хорватскомъ, Сербскомъ, Болгарскомъ общенародные соборы превратились, какъ и у Чеховъ и Поляковъ, въ соборы одного только племства, властельства или бо-

лярства. Такіе соборы, примѣненные къ требованіямъ времени, сохранились до сихъ поръ въ Хорватіи и вообще въ земляхъ короны Угорской, перенявшей государственное устройство отъ Славянъ.

У Славянъ искони было свое право, своя правда, свои законы, о которыхъ упоминаютъ уже Византійцы VI вѣка. Это древне-славянское право и законы, „по которымъ всегда жили отцы, дѣды и всѣ предки", составляетъ и основу права, какъ оно въ послѣдствіи развилось у разныхъ народовъ славянскихъ. Въ ихъ правахъ сохранилось до позднѣйшихъ временъ много сходства, и нѣкоторые юридическіе обычаи у Югославянъ напоминаютъ до сихъ поръ многіе древнечешскіе, древне-польскіе и древне-русскіе законы. Нѣкоторыя сходства права государственнаго и частнаго у всѣхъ Славянъ видны и въ этомъ очеркѣ внутренняго быта Славянъ. Приведемъ еще нѣсколько сходныхъ чертъ въ юридическомъ быту у Славянъ. *Сводъ* (*изводъ*), то-есть, отклоненіе отъ себя подозрѣнія въ преступленіи, встрѣчается у Чеховъ, Сербовъ и Русскихъ; *слѣдъ*, то-есть, преслѣдованіе преступника — у Поляковъ и Русскихъ; *соки*, то-есть, родъ судебныхъ сыщиковъ—у Чеховъ, Русскихъ и Югославянъ, у которыхъ отчасти остались до сихъ поръ (въ Черной Горѣ); *вданіе* (*вздание*, *выдачка*), то-есть, судебный закладъ противниковъ — у Чеховъ, Сербовъ, Русскихъ (въ Литвѣ, Кіевѣ, Смоленскѣ); *лице*, *поличное* (corpus delicti)—у всѣхъ Славянъ и пр. *Судъ присяжныхъ* (*порота*) встрѣчается особенно у Югославянъ; слѣды его у Чеховъ, Поляковъ, Русскихъ; *суды божіи* (вода, желѣзо, мечъ, кій) употреблялись у всѣхъ Славянъ, и слѣды ихъ остались до сихъ поръ у Югославянъ, и пр.

Законы хранились главнымъ образомъ посредствомъ устнаго преданія, но вмѣстѣ съ тѣмъ, и записывались чертами или рѣзами на таблицахъ, *доскахъ*, *дескахъ*. Такія доски, въ смыслѣ записей, встрѣчаются на Руси до XV вѣка (въ Новгородѣ и Псковѣ); у Чеховъ же государственный архивъ называется до сихъ поръ „земскими десками".

Много общихъ чертъ сохранилось у Славянъ и въ духовной ихъ жизни: такъ, въ славянской миѳологіи, не смотря на то, что она не развивалась у всѣхъ племенъ одинаково. У нихъ былъ одинъ наивысшій богъ *Сварогъ* — небо, отецъ обоихъ *Сварожичей*, солнца и огня; обожаніе небеснаго свѣта, солнца, играетъ важную роль во всей славянской миѳологіи. Кромѣ того главнаго бога, было много и другихъ божествъ высшаго и низшаго разряда, боги домовые (дѣды) и пр., которые, равно какъ и разные богослужебные обряды, у Сла-

вянъ были болѣе или менѣе сходны. Отголоски этихъ древнихъ вѣрованій раздаются до сихъ поръ въ народной поэзіи славянской.

Нравы древнихъ Славянъ описываютъ сами враги ихъ въ недурномъ свѣтѣ. Особенно хвалятъ ихъ добрый и искренній характеръ, ласковое обхожденіе съ плѣнными и безпредѣльное гостепріимство. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, рано замѣтна въ характерѣ Славянъ черта, которая оказалась роковою для ихъ дальнѣйшей судьбы. „Славяне дорожатъ свободой, никакимъ образомъ не склоняются служить или слушаться и не выносятъ никакого повелителя. Между ними постоянно господствуютъ различныя мнѣнія; ни въ чемъ они между собою несогласны; если одни на что-нибудь согласятся, другіе тотчасъ же нарушаютъ ихъ рѣшеніе, ибо всѣ питаютъ другъ къ другу вражду, и ни одинъ не хочетъ повиноваться другому. Еслибы многочисленные Славяне не были такъ раздроблены и не воевали безпрестанно другъ съ другомъ, то они были бы самый могучій народъ въ свѣтѣ“.

Такъ отзываются о Славянахъ иноплеменники VI и X вѣковъ.

Эта-то безграничная, ничѣмъ необуздаемая любовь къ свободѣ, или скорѣе, къ неповиновенію, эти безпрестанныя драки, приводящія съ собою политическую слабость, и были главною причиною неудачъ и паденія независимости Славянъ.

А.

Сознаніе національнаго единства у отдѣльныхъ народовъ славянскихъ.

Славяне, лишившись дѣйствительнаго народнаго единства, сохраняли, однако, всегда ясное сознаніе, что они составляли когда-то одинъ народъ, одно цѣлое; признавали себя, не смотря ни на разстояніе, ни на раздробленіе, членами одного великаго народа Славянскаго. Такъ смотрѣли на Славянъ и иностранцы — Нѣмцы, Греки, Италіанцы, Арабы и проч.

I.

Славянское сознаніе у Чеховъ.

1. Славянское сознаніе въ общественной жизни.

О своемъ славянскомъ происхожденіи Чехи заявляли часто въ общественной и государственной жизни, въ грамотахъ, въ уложеніяхъ, на сеймахъ и проч. Въ грамотахъ чешскихъ князей встрѣчающіяся

чешскія слова называются „славянскими“ и чешскій языкъ „славянскимъ“. Чехи, требуя отъ папской столицы возвышенія Пражскаго епископства въ архіепископство (1344 г.), приводятъ между разными доводами и тотъ, что жители Чехіи говорятъ языкомъ, совершенно отличающимся отъ нѣмецкаго, „языкомъ славянскимъ“. Въ проектѣ новаго чешскаго уложенія (1348 г.) постановляется, чтобы въ Чехіи не назначался чиновникомъ человѣкъ, не знающій общаго языка чешскаго, „который называемъ славянскимъ“. Чешскій языкъ не разъ называютъ „славянскимъ“ и короли Премыслъ II, Отакаръ и Карлъ (IV); послѣдній совѣтуетъ и нѣмецкимъ князьямъ учиться по славянски, то-есть, по чешски. Когда, въ началѣ XV-го вѣка, въ земляхъ чешской короны происходило волненіе по поводу Іоанна Гуса, когда этотъ чешскій реформаторъ находился въ Констанцѣ въ тюрьмѣ, когда онъ сожженъ, а его приверженцы подверглись преслѣдованію, и на всѣхъ Чеховъ легло пятно еретичества, то (141 года) и паны моравскіе на сеймѣ Берненскомъ, и Пражскій университетъ публично заявляютъ, что все это дѣлается „на поруганіе не только всей чешской короны и Чешскаго и Моравскаго народа, но и всего языка славянскаго“. И когда, въ послѣдующія затѣмъ бурныя времена, вся Чехія и Моравія обливались кровью, когда явился страшный мститель чешскихъ мучениковъ, Іоаннъ Жижка, то онъ борется не только „за освобожденіе правды закона Божьяго, но и особенно языка чешскаго и славянскаго“ [1]).

Славянское сознаніе Чеховъ является особенно въ сношеніяхъ съ сосѣднимъ государствомъ Славянскимъ—съ Польшей, какъ ниже увидимъ. Еще наканунѣ паденія Чешскаго государства (1620 г.) чешскіе чины, обстоятельно доказывая, что Чехія есть государство избирательное, а не наслѣдственное, говорятъ въ началѣ своей „дедукціи“, что Славянскій народъ вообще, и Чешскій въ особенности, ужь отъ самой природы рожденъ свободнымъ, что онъ никогда не былъ подчиненъ наслѣдственному государю, а какъ свободный народъ, въ рукахъ котораго находится вся власть, всегда имѣлъ и пользовался правомъ избирать себѣ государя, какъ о томъ свидѣтельствуетъ уже

[1]) Regesta Bohemiae et Moraviae I, 79, 99, 137, и др.; Codex diplom. Moraviae VII, 542; Majestas Carolina XIX. (Archiv český III, 103); Palacký: Formelbücher I, 288; *Pelzel*: Karl IV (I. Urkundenbuch, 91); Золотая булла Карла IV, гл. 30; Palacký: Documenta M. J. Hus 547, 561; Archiv český III, 183; Výbor z liter. české II, 278.

византійскій историкъ Прокопій, что Славяне живутъ подъ народнымъ правленіемъ, неподвластные одному господину [1]).

2. Славянское сознаніе въ исторической литературѣ чешской. — Лѣтописи, легенды и пр. Пулкава. — Собраніе чешскихъ лѣтописей. — Грамота Александра Великаго. — Чешскіе историки XV и XVI вѣковъ. — Споръ о происхожденіи Чеховъ въ Пражскомъ университетѣ въ началѣ XVII столѣтія.

Сознаніе родства съ другими Славянами является въ чешской литературѣ преимущественно въ историческихъ и филологическихъ сочиненіяхъ. Изъ своихъ лѣтописей Чехи знали, что они—Славяне или даже Сербы (древнѣйшее названіе Славянъ, которые-де послѣ Вавилонскаго столпотворенія заняли юго-восточную Европу); знали, что преимущественно для нихъ изобрѣтено „словѣнское письмо", переведены богослужебныя книги на „словѣнскій" языкъ св. Константиномъ и Меѳодіемъ и ихъ сподвижниками, приглашенными „Словѣнскимъ" княземъ Ростиславомъ на Мораву, въ Словѣнскія страны, что словѣнскій языкъ въ моравско-паннонской церкви одобренъ и самой столицею папскою. И хотя позже, вслѣдствіе разныхъ историческихъ событій, славянское богослуженіе должно было по большей части уступить латинскому, то все-таки оно не изчезло совсѣмъ. Дѣдичъ Чешской земли, св. князь Вячеславъ, учился не только латинскимъ, но и „словѣнскимъ книгамъ". Другой святитель чешскій, св. Войтѣхъ, сынъ князя Славника и Стрѣзиславы „изъ знаменитаго рода славянскаго", самъ называетъ себя „Словѣниномъ". Третій, св. Прокопій, „дѣдичъ словѣнскій", посѣщалъ славное Вышеградское училище и учился здѣсь на словѣнскомъ языкѣ; для него построенъ (1032—1039) монастырь на берегу рѣки Сазавы, гдѣ до конца XI столѣтія были монахи славянскіе, „Словѣне", отправлявшіе богослуженіе на словѣнскомъ языкѣ, и только въ 1096 году, вслѣдствіе козней враговъ славянскаго богослуженія, должны были уступить латинско-нѣмецкимъ монахамъ. Но самая память о дѣдичѣ славянскомъ, св. Прокопіѣ, о славянскомъ монастырѣ Сазавскомъ живо сохранилась у Чеховъ и еще въ XIV вѣкѣ они хорошо знали, что у нихъ было когда-то богослуженіе на славянскомъ языкѣ, учрежденное св. Кирилломъ и Меѳодіемъ, какъ это тогда еще соблюдалось въ Болгаріи, Хорватіи и въ другихъ странахъ славянскихъ и какъ это тогда возобновилось и въ Чехіи, хотя

---

[1]) Deductio darumb Ferdinandus II, des Regiments in Kgr. Böheimb verlustiget (1620, p. 6). То же самое и на французскомъ языкѣ.

только въ одномъ мѣстѣ, въ Пражскомъ монастырѣ славянскомъ. Что касается славянскаго письма, то уже въ XVI столѣтіи Чехи сами хорошенько не знали, которое именно изобрѣлъ св. Кириллъ: то ли, которое употребляютъ Русскіе, или же то, которое въ употребленіи у Хорватовъ и вообще у Славянъ Иллирскихъ, и которое другіе приписывали св. Іерониму. О самомъ славянскомъ языкѣ въ богослуженіи церквей русской, болгарской, сербской и хорватской знали Чехи, хотя и немногіе, что онъ отличается отъ нарѣчія простого народа, который его совсѣмъ не понимаетъ, поэтому попы изучаютъ этотъ древній языкъ, какъ у другихъ народовъ—латинскій [1]).

Краткія извѣстія первыхъ лѣтописцевъ о славянскомъ происхожденіи Чеховъ распространилъ въ послѣдствіи особенно Прибикъ Пулкава изъ Раденина въ своей чешской исторіи на латинскомъ и чешскомъ языкахъ (1374 г.) Подобно русскому лѣтописцу, онъ выводитъ „Словянъ" (такъ пишетъ онъ не только по чешски „Slované", но и по латински „Slowani") изъ равнины Сенарской, откуда разошлись разные языки послѣ Вавилонскаго столпотворенія. „Здѣсь", пишетъ Пулкава, „начался и одинъ языкъ словянскій, который испорченнымъ словомъ называется славянскій, и по которому народы того жь языка назвались Словяне, ибо въ ихъ рѣчи означаетъ слово—verbum, слова—verba, и такъ по слову или по словамъ этого языка назвались Словяне. Вышеупомянутые Славяне вышли изъ равнины Сенарской, шли черезъ Халдею и прибыли въ землю, гдѣ теперь живутъ Греки; потомъ черезъ какой-то морской заливъ вошли въ большое море у Византіи, которая теперь называется Константинополь, и вступили въ слѣдующія земли: въ Болгарію, Россію, Сербію, Далмацію, Хорватію, Боснію, Каринтію, Истрію и Краину, которыя занимаютъ и до сего времени. Наконецъ, въ Хорватіи былъ какой-то человѣкъ, по имени Чехъ, который оставивъ Хорватію, пошелъ искать себѣ новой родины, и переходя съ мѣста на мѣсто, перешелъ Дунай, откуда прибылъ въ страну, которая по латински называется Boemia, по нѣмецки Bemen. Его братъ или товарищъ, по имени Лѣхъ, который прибылъ съ нимъ, перешелъ снѣжныя Альпы, раздѣляющія Чехію и Польшу. Когда онъ увидѣлъ большую равнину, простирающуюся до самаго моря, помѣстился здѣсь и населилъ ее своимъ родомъ, ибо надо знать, что въ словянскомъ языкѣ равнины (campi plani) назы-

[1]) Все, здѣсь вкратцѣ сказанное, почерпнуто изъ разныхъ лѣтописей, легендъ и др., и изъ позднѣйшихъ писателей—Кодицилла, Велеславина, Коменскаго и другихъ.

ваются поля, и оттуда называется *Польша*, такъ-сказать, полевая равнина. Кромѣ того, нѣкоторые изъ его рода перешли на *Русь* (Rusiam вмѣсто Rugiam?), въ Поморье, Кошубію до самого королевства Датскаго и наполнили приморскія страны на сѣверѣ и всю Русскую землю и воздѣлывали ее. Другіе же вышли изъ Чехіи къ рѣкѣ Моравѣ и здѣсь поселились въ землѣ Моравской, равно и въ Мишніи, Будышинѣ, Бранденбургѣ и въ Лужицѣ. Всѣ эти страны были лѣсисты и безлюдны, и вышеупомянутые Словяне всѣ ихъ воздѣлали и живутъ въ нихъ до сего времени"[1]). Мы привели это мѣсто изъ чешской лѣтописи XIV вѣка вполнѣ, такъ какъ высказанное здѣсь мнѣніе о происхожденіи Славянъ и Чеховъ осталось господствующимъ на долгіе вѣки съ разными измѣненіями и прибавленіями.

Уже во время національной и религіозной борьбы Чеховъ противъ западной Европы, и особенно противъ Нѣмцевъ, стали распространяться разныя новыя мнѣнія о происхожденіи Славянъ и Нѣмцевъ,— мнѣнія, въ которыхъ ярко отражаются тогдашнія взаимныя отношенія этихъ двухъ искони враждебныхъ другъ другу племенъ. Такъ въ одномъ замѣчательномъ историко-политическомъ сочиненіи (1437 г.) въ „Краткомъ собраніи чешскихъ лѣтописей", неизвѣстный авторъ разказываетъ, что, по свидѣтельству древнихъ писаній, когда случилось при Вавилонскомъ столпотвореніи раздѣленіе языковъ, тогда всѣ народы имѣли своихъ вождей, и между всѣми ими раздѣлены извѣстныя земли и страны. Нѣмецкому языку данъ въ начальники Тевкадъ, по которому они и назвались Тевкадиты, по славянски — Нѣмцы. Этотъ народъ—скиталецъ въ мірѣ,—не имѣлъ никакого опредѣленнаго царства, ни страны, и служилъ всѣмъ другимъ народамъ, особенно славянскому. Этотъ нѣмецкій народъ называется „манный" (отъ „mann"—слуга), и имъ и слѣдовало бы быть и называться „маннами", какъ свидѣтельствуютъ грамоты, данныя великимъ царемъ Александромъ Славянскому народу"[2]).

Здѣсь, насколько намъ извѣстно, мы встрѣчаемся въ первый разъ съ извѣстною всѣмъ Славянамъ жалованною грамотой, или какъ ее называли Чехи, съ маестатомъ Александра Македонскаго Славянамъ. Изъ числа людей классическаго міра, пользовавшихся знаменитостью въ средніе вѣка, Александръ Македонскій занимаетъ первое мѣсто.

---

[1]) Pulkavae Chronicon boem., in *Dobner*: Monumenta Boem. histor. II, 72, чешское изданіе *Прохазки*, 13.

[2]) Krátké ebránie z kronik českých, при изданіи Далимила *Ганкой* (1851, 228); по русски въ *Чтеніяхъ Моск. Общ. Исторіи* 1862, I.

Его подвиги, дѣйствительные и мнимые, разказывались въ далекой Азіи и воспѣвались всѣми европейскими народами. Такъ было и у Чеховъ, у которыхъ уже въ XIII вѣкѣ обширный эпосъ прославлялъ подвиги этого героя. Но мало того. Личность Александра Великаго являлась западнымъ Славянамъ въ такомъ свѣтѣ, что и они пожелали быть участниками его славы. Въ Польшѣ, въ XII вѣкѣ, стали разказывать и о войнахъ Ляховъ съ славнымъ витяземъ Македонскимъ. Въ польской фантазіи того времени является Александръ Великій съ огромнымъ войскомъ въ Польшѣ, завладѣваетъ Краковомъ и Серадземъ, но наконецъ вынужденъ бѣжать изъ Польши. О своей войнѣ съ Ляхами онъ переписывается со своимъ учителемъ Аристотелемъ какъ видно—то-есть, по словамъ польской лѣтописи—изъ собранія его писемъ, числомъ около 200 [1]). При такомъ значеніи Александра Великаго въ средневѣковой Европѣ вообще, и у западныхъ Славянъ въ особенности, при распространенномъ мнѣніи о какихъ-то письмахъ этого героя, не мудрено, что неизвѣстный чешскій авторъ выдумалъ и грамоту или „маестатъ“ Александра Славянамъ. Въ этой грамотѣ Александръ, побѣдитель многихъ народовъ и повелитель міра, „ясному поколѣнію славянскому и ихъ народу или языку“ желаетъ мира и здоровья отъ себя и своихъ будущихъ намѣстниковъ, которые послѣ него будутъ править міромъ, и „такъ какъ вы намъ всегда служили вѣрой и правдой, въ сраженіяхъ храбрые воины и наши помощники, доблестные витязи и трудолюбивые, по этой причинѣ даемъ вамъ и утверждаемъ за вами на вѣчныя времена всю часть земли съ полуноши до предѣловъ Италіи и земли на полудни, чтобы въ ней никому, кромѣ вашего народа, не дозволялось жить и селиться. Если же найдется кто-нибудь другой живущимъ въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, пусть будетъ вашимъ слугой, и его потомки пусть будутъ слугами вашихъ потомковъ“. Слѣдуетъ и мѣсто (Александрія) и число изданія этой грамоты, и свидѣтели, какъ то требовалось въ XV столѣтіи.

Какъ-бы для объясненія этого маестата чешскій лѣтописецъ прибавилъ перечень всѣхъ странъ, въ которыхъ есть „языкъ наиславнѣйшаго, наизнаменитѣйшаго и наихрабрѣйшаго народа нашего Славянскаго“. Такъ какъ этотъ перечень во многихъ отношеніяхъ очень

[1]) Срв. особенно Викентія Кадлубка Chronicon Polonorum lib. I, c. 9, 10. (*Bielowski*: Monum. Polon. histor. II, 259). Какая-то cronica Polonorum cum epistola Alexandri» находилась около 1300 г. въ библіотекѣ Краковскаго капитула. (*Bielowski* M. P. h. I, 378): Срв. слѣдующее примѣчаніе.

зываются поэтому Нѣмцами или народомъ Нѣмецкимъ; итакъ, Нѣмцы, будь они въ какихъ бы то ни было странахъ, все-таки только Нѣмцы. Но у нашего народа иначе: ибо Словаки въ землѣ словенской, Хорваты въ хорватской, Чехи въ чешской, Поляки въ польской и проч. И кто изъ этихъ попадетъ въ другія земли, тотъ сохраняетъ свое собственное имя, speciale, non generale, uti Germani; будь они въ Италіи, Угріи, Германіи, они все-таки остаются и называются Чехи, Поляки, Словаки. Между тѣмъ Нѣмецъ, изъ какой бы земли онъ ни былъ, называется не иначе, какъ Нѣмецъ, хотя бы и не совсѣмъ хорошо могъ объясняться съ другимъ изъ другой страны прибывшимъ Нѣмцемъ. Которая изъ этихъ рѣчей или діалектовъ есть самая коренная, благородная, лучшая, красивая, богатѣйшая, это рѣшить предоставляется каждому на волю, и кто же тутъ произнесетъ справедливый приговоръ, который приняли бы всѣ? Но, по личному мнѣнію Благослава, чешская рѣчь занимаетъ первое мѣсто между частями этого языка, какъ самая образованная и пріятная; она пространна и удобна для звуковыхъ органовъ, для легкаго выговора словъ и не нуждается въ некрасивомъ носовомъ говорѣ, какъ у Поляковъ, которые портятъ свою рѣчь какимъ-то непріятнымъ для насъ гнусомъ; въ ней звуки и буквы строго отличаются, а не такъ какъ у Русскихъ, которые не отличаютъ *r* и ṙ (rz) и *s* и ṡ (sic), или какъ у Мазуровъ, которые частымъ употребленіемъ *z* вмѣсто ż обезображиваютъ свою рѣчь; въ ней не допускается протягиваніе словъ въ концѣ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые Хорваты, говоря какъ-то по жидовски.

О польской рѣчи распространяться нечего. Поляки намъ близки, да и въ Чехіи и Моравѣ ихъ не мало видно, особенно теперь по монастырямъ, гдѣ, такъ сказать, скорѣе можно слышать проповѣдывающаго или отправляющаго литургію Поляка, чѣмъ Чеха или Моравана, такъ какъ Чехи, имѣющіе другія хлопоты и занятія, уже немного занимаются религіей. Скажу о Полякахъ только то, что они, начиная съ двадцати лѣтъ, такъ расширили свою рѣчь, издавъ на своемъ языкѣ много книгъ и Священное Писаніе (лучше исправленное, чѣмъ на чешскомъ языкѣ), что надо имъ удивляться, а Чехамъ устыдиться [1]). О словенскомъ діалектѣ (то-есть, вообще о юго-славянскихъ нарѣчіяхъ Словенцевъ, Хорватовъ и Сербовъ) Благославъ замѣчаетъ, что его трудно понимаютъ Чехи, Поляки и даже Словаки,

---

[1]) Сравн. отдѣлъ: Чехи и Поляки. Не забудемъ, что эти слова писаны въ 1571 году, слѣдовательно, до изданія знаменитой Кралицкой библіи (1579—1593).

Вотъ любопытный памятникъ славянскаго сознанія у Чеховъ въ первой половинѣ XV столѣтія. Жаль, что авторъ его остался для насъ неизвѣстнымъ. Не былъ ли имъ современный историкъ гуситскаго движенія, Лаврентій изъ Брезовой, который, по одному позднѣйшему свидѣтельству, написалъ сочиненіе, теперь неизвѣстное, „О славѣ Чеховъ и Славянъ“?

„Маестатъ“ Александра Македонскаго Славянамъ находилъ себѣ вѣрующихъ не только у Чеховъ, но и у другихъ Славянъ, до XVII, даже и до XVIII столѣтія. Его приводятъ чешскіе историки Гаекъ и Папроцкій, польскіе—оба Бѣльскіе, Стрыйковскій, Сарницкій, югославянскій—Орбини, русскіе хронографы и др. Вѣра въ его подлинность существовала у Славянъ больше двухъ столѣтій и изчезла только съ развитіемъ исторической критики [1]).

Славянское сознаніе видно, болѣе или менѣе, у всѣхъ чешскихъ лѣтописцевъ, историковъ и географовъ XV—XVII столѣтій: въ такомъ смыслѣ пишутъ Эней Сильвій, Кутенъ, Гаекъ, Дубравскій, Сигизмундъ изъ Пухова, Велеславинъ, Папроцкій [2]).

Всѣ эти писатели, основывая свои доводы на выводахъ своихъ предшественниковъ, мѣстныхъ и иностранныхъ историковъ, и по обычаю тогдашнихъ некритическихъ вѣковъ, на своихъ выдумкахъ, разказываютъ болѣе или менѣе пространно о происхожденіи Чеховъ отъ Славянъ. Такъ, Эней Сильвій, согласно мнѣнію Пулкавы о происхожденіи Чеховъ изъ южной Хорватіи, замѣчаетъ, что „языкъ у Чеховъ и у Далматовъ одинъ“. Мало извѣстій о Славянахъ приносятъ Кутенъ и

дится въ очень древней книгѣ чешскихъ лѣтописей (in quodum pervetusto libro chronicorum bohemicorum, вѣроятно, выше упомянутое краткое собраніе изъ чешскихъ хроникъ). Но съ другой стороны, и Югославяне утверждаютъ, что подлинная привиллегія Александра, писанная на пергаменѣ въ Александріи, находится въ государственной казнѣ турецкой, куда досталась послѣ завоеванія Царьграда Турками.

[1]) Срв. особенно Сарницкаго Annales hoc de origine et rebus gestis Polonorum et Litvanorum, 44. На Руси вѣрятъ въ существованіе грамоты Александра Гизель (1680), Манкіевъ (1715), даже Щербатовъ (1794). Но, съ другой стороны, уже въ XVI—XVII вѣкахъ явились сомнѣнія въ ея подлинности; такъ, у Велеславина (1585), у Бальбина (Miscell. II, 98); хорватско-русскій писатель Крижаничъ называетъ ее «смѣшною баснью». (Русское государство № 3, стр. 92).

[2]) Aeneas Sylvius: Historia bohemica 1745 (чешскій переводъ 1510 и 1585); Kuthen: Kronyka o založenì země české (1539, 1585); Hájek: Kronyka česká (1541); Dubravius: Historia bohemica (1552): Sig. z Púchova: Kosmografia česká (1554); Veleslavin: Kronyky dvè o založenì země českè (1585); Paprocký: Zrcadło słavnèho markrabstvì Moravszèho (1593); Diadochos etc. Posłoupnost Knìžat i Králův českých (1602), Štambuch Slezstzý (1609); Ogród Królewski (1599).

Гаекъ; больше о нихъ знаютъ Дубравскій и Велеславинъ. Дубравскій, пользуясь ужь авторами классическаго времени (Птолемеемъ) и нѣкоторыми средневѣковыми лѣтописцами, пишетъ, что первоначальная родина всѣхъ народовъ, которые теперь называются Славянами, была Сарматія, которую Птолемей ограничиваетъ Дономъ, Вислою, Карпатами и Сарматскимъ моремъ. И такъ какъ всѣ уже тогда далеко распространенныя племена Сарматовъ имѣли одинъ языкъ и почти одни и тѣ же слова, то и назывались однимъ именемъ Словѣне (Slovani), кромѣ того, и отъ славы—славные; они жили сначала, по свидѣтельству Прокопія, подъ народнымъ правленіемъ. Изъ Славянъ происходилъ св. Іеронимъ; онъ перевелъ Св. Писаніе на славянскій языкъ, на которомъ еще и теперь Иллиры отправляютъ свое богослуженіе. Изъ миѳологіи Славянъ Дубравскій знаетъ, что они, по Прокопію — обожали нимфъ и подробно описываетъ культъ Свантовита на Ранѣ. Велеславинъ, въ длинномъ предисловіи къ изданнымъ имъ хроникамъ Энея Сильвія и Кутена, разказываетъ особенно о движеніи „Славовъ или Виндовъ“ отъ Вислы въ земли балтійскія и лабскія, гдѣ они отняли у Гермундуровъ соляные ключи около Галле и назвали эту мѣстность Доброборъ или Добросолъ; жалкіе остатки этихъ Славянъ живутъ и до сихъ поръ въ Германіи. Древніе Славяне имѣли между другими божествами и Вита, котораго называли Святовитомъ и особенно кланялись ему. О происхожденіи имени Славяне не знаетъ — отъ славы или отъ слова. Сигизмундъ изъ Пухова замѣчаетъ, что „Вандалы, Моравапе, Далматы, Хорваты, Словаки, Поляки, Русскіе, Ляхи и другіе, отъ нихъ происшедшіе, всѣ одинъ народъ, а только разныя имена имѣютъ по своимъ вождямъ“ [1]). Но больше всѣхъ знаетъ Славянъ Папроцкій; пользуясь уже разными, до него изданными, историческими сочиненіями (напримѣръ, польскимъ Кромеромъ) и живою своею фантазіей, онъ разказываетъ, какъ могучій царь Александръ Великій, повелитель и дѣдичъ міра, далъ Славянамъ, своимъ главнѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ рыцарямъ, всѣ страны съ полудня на востокъ и на западъ, гдѣ теперь Хорватія, Сербія, Болгарія, Чехія, Моравія, Силезія, Польша, Поморье, Кошубія, Мишнія, Москва, Русь, Подолье, Волынь и др., и гдѣ вездѣ живетъ великій, доблестный, славный народъ Словенскій

[1]) Знаменитый математикъ, астрономъ и филологъ чешскій XVI вѣка, Петръ Кодициллъ изъ Тулехова, обращается противъ клеветниковъ Славянъ: «Пусть насъ называютъ Вандалами, Скиѳами, варварами, какъ имъ угодно, а все-таки Славянскій народъ во всемъ превосходитъ другіе народы». (Minuci a pranostyka, 1588).

или Славенскій, Словаки или Славаки; по нѣкоторымъ, они называются такъ отъ „славы", по другимъ отъ „слова", такъ какъ они охотно исполняли обѣщанное слово; да, до сихъ поръ еще Чехи и Поляки считаютъ большимъ стыдомъ, еслибы кто-нибудь сказалъ честному человѣку, что онъ не говоритъ правды; и не только дастъ ему за то оплеуху, но изъ-за этого слова происходятъ драки и убійства. Особенно славятся исполненіемъ обѣщаннаго слова Чехи, такъ что и другіе Славяне, увѣряя кого-нибудь въ чемъ-нибудь, ссылаются на примѣръ Чеховъ. Впрочемъ, это все равно—назвали ли себя Славяне по славѣ, или по слову: слава тому, кто сдерживаетъ свое слово. Но къ сожалѣнію, замѣчаетъ Папроцкій, Славяне, считая первымъ долгомъ распространять свои владѣнія и предѣлы, не записывали о себѣ ничего, а другіе народы, завидуя имъ, не только не хотѣли о нихъ упоминать, но и другимъ запрещали о нихъ писать.

Вотъ вкратцѣ взгляды и мнѣнія древнечешскихъ историковъ о славянскихъ ихъ предкахъ.

Что касается происхожденія Чеховъ, то древнѣйшія преданія связываютъ ихъ имя съ полумиѳическимъ княземъ Чехомъ, который въ отдаленные вѣка — по Космѣ, уже послѣ Вавилонскаго столпотворенія — черезъ три рѣки прибылъ въ земли на рѣкахъ Волтавѣ и Лабѣ, и здѣсь, около горы Рипской, и поселился. Больше объ этомъ записалъ въ своей чешской хроникѣ любимый лѣтописецъ, такъ-называемый, Далимилъ (въ началѣ XIV вѣка). Онъ разказываетъ, что послѣ Вавилонскаго столпотворенія и смѣшенія языковъ, между прочимъ и Сербы или Славяне поселились въ сосѣдствѣ Грековъ при морѣ и распространились до Рима и до Рейна. „Въ сербскомъ (то-есть, славянскомъ) языкѣ", продолжаетъ лѣтописецъ, „есть земля, которой имя есть Хорватія (Хорвати). Въ этой землѣ былъ лѣхъ (то-есть, вельможа, бояринъ), по имени Чехъ; онъ, совершивъ убійство, вышелъ съ своимъ родомъ изъ этой земли Хорватской и поселился въ землѣ около Рипа, которая по немъ и назвалась Чехіей". Оставляя въ сторонѣ всѣ подробности этого извѣстія, замѣтимъ только, что Далимилова Хорватія есть страна на верхней Вислѣ около Кракова. Кромѣ Чеховъ, изъ этой Карпатской Великой или Бѣлой Хорватіи и сосѣдней Бѣлой или Великой Сербіи производились и южные Хорваты, и Сербы, поселившіеся въ Далмаціи, Илиріи и Мизіи [1]).

---

[1]) Dalimilova Chronika česká, vyd. *Hanka*, 6. О Бѣлой Хорватіи и Сербіи см. особенно *Шафарика* Славянскія древности §§ 38, 39.

Сама Карпатская Хорватія и Сербія осталась извѣстною только до X вѣка. Потомъ, особенно вслѣдствіе возвышенія Ляшско-Польскаго государства въ Карпатскихъ странахъ, совершенно изчезаетъ и названіе, и память о ея существованіи. Только южные Хорваты еще и въ позднѣйшихъ вѣкахъ помнятъ, что они когда-то вышли изъ земель Чешскихъ и Польскихъ. Такъ, и Чехи со временемъ забыли, что когда-то существовала „Хорватія“ въ карпатскихъ странахъ; но вѣрно сохраняя древнее преданіе о выходѣ своемъ изъ „Хорватіи“, и вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ-быть, и древнѣйшія преданія о первоначальномъ пребываніи Славянъ въ Дунайскихъ земляхъ, откуда вытѣснены нападеніемъ „Влаховъ“, и видя и зная потомъ только южную посавскую и далмацкую „Хорватію“, естественно подумали, что они вышли изъ этой „Хорватіи“. Въ этомъ мнѣніи ихъ особенно утвердилъ лѣтописецъ XIV вѣка Пулкава, разказъ котораго о происхожденіи Чеховъ, Поляковъ и другихъ Славянъ мы привели выше.

Эта теорія о происхожденіи Чеховъ и Поляковъ изъ юго-славянской Хорватіи пріобрѣла себѣ у обоихъ народовъ почти исключительное господство, и позднѣйшіе чешскіе и польскіе историки украсили ее и разными подробностями, напримѣръ, опредѣляютъ и время выхода обоихъ „славянскихъ князей“ Чеха и Лѣха, знаютъ число ихъ свиты и ихъ гербы, даже и происхожденіе моравскаго герба, клѣтчатой орлицы, соединеніемъ герба Чеха (орлицы) и южной Хорватіи (шахматной доски), и проч. [1]).

Но постепенное развитіе историческихъ наукъ, открытіе древнихъ памятниковъ, особенно въ XVI вѣкѣ, повліяло и на эту теорію. Многіе писатели, познакомившись съ греческими и латинскими сочиненіями классическаго времени, съ средневѣковыми писателями, увидѣли, что по этимъ источникамъ Славяне являются первоначально не въ Дунайскихъ земляхъ, а въ восточной Европѣ. Такъ, уже польскіе историки Ваповскій и Кромеръ выводятъ всѣхъ Славянъ прямо изъ Московіи, отъ озера Словна, или изъ Сарматіи. Но эта теорія не привилась въ Чехіи: всѣ чешскіе историки XV, XVI и XVII столѣтій, Эней Сильвій, Кутенъ, Гаекъ, Дубравскій, Велеславинъ, Папроцкій и др. провозглашали происхожденіе Чеха и Чеховъ изъ южной Хорватіи; и такъ какъ авторитетъ Гаека (чешскаго Кониcскаго) остался, такъ сказать, непоколебимымъ до самаго XVIII вѣка, то Чехи твердо вѣрили въ свое происхожденіе отъ Югославянъ.

---

[1]) Подробности разныхъ этихъ выдумокъ можно читать у Гаека, Велеславина, Папроцкаго, Бѣльскаго и др.

Можно себѣ вообразить, какой шумъ долженъ былъ подняться, когда въ началѣ XVII вѣка (1614 — 1616 гг.) профессоръ Пражскаго университета, Іоаннъ-Матвѣй Судетскій, сталъ утверждать, что Чехи происходятъ не отъ Юго-славянъ, а отъ *Руси*. Судетскій, для своего времени, является довольно ученымъ и начитаннымъ, хорошо знаетъ, кромѣ чешской исторіографіи, и многихъ греческихъ и латинскихъ авторовъ, равно какъ и другихъ писателей о Славянахъ,—Гельмгольда, Длугоша, Герберштейна, Кромера и др. На основаніи этихъ источниковъ Судетскій защищаетъ слѣдующую теорію: Чехи и Поляки или Ляхи (какъ ихъ называютъ до сихъ поръ Русскіе и Москвитяне) несомнѣнно происходятъ отъ двухъ братьевъ и принадлежатъ къ Славянскимъ народамъ, но откуда именно они вышли — въ этомъ наши писатели очень ошибаются. Раззоренную послѣ переселенія народовъ восточную Германію заняли, около 457-го года, Сарматы, поселившись въ Польшѣ, Чехіи и въ Лабскихъ и Балтійскихъ земляхъ (Бременъ = бремя); по славнымъ своимъ дѣйствіямъ назвались Славяне. Итакъ, вмѣстѣ съ Русскими, изъ которыхъ вышли, они наполнили всѣ земли отъ Варяжскаго моря („Варецкое" море — отъ Вагровъ) до Чернаго и до Волги. На другой сторонѣ Славяне заняли цѣлую Восточную Римскую имперію, такъ что, по свидѣтельству самихъ Грековъ, и Греція ославянилась; до сихъ поръ вездѣ въ Турціи живутъ Славяне. Чехи и Поляки не могли выйдти изъ южной Хорватіи, Иллиріи и Панноніи, такъ какъ эти земли заняты Славянами позже, чѣмъ сѣверныя и восточныя, населенныя Сарматами и Венедами. Слѣдовательно, они вышли изъ сѣвера и востока, изъ Сарматіи. Въ заключеніе, Судетскій предлагаетъ Чехамъ больше заниматься этимъ вопросомъ, и по примѣру Нѣмцевъ, разрабатывать свое прошедшее.

Судетскій своею диссертаціей возбудилъ въ Пражскомъ университетѣ живой споръ. Противники Судетскаго, твердо держась господствующей тогда теоріи о выходѣ Чеха изъ южной Хорватіи, горячо возстали противъ новой теоріи; по ихъ мнѣнію, она даже вредила народной чести Чеховъ, производя ихъ отъ Русскихъ.

Во главѣ противниковъ Судетскаго былъ Николай Троилъ Святопольскій, деканъ философскаго факультета, который, не равняясь своему противнику въ знаніи, замѣнялъ однако этотъ недостатокъ излишнимъ рвеніемъ. Въ публичной своей рѣчи „о благочестивой Чехіи противъ Русскихъ" (1615 года) горячо защищаетъ древнюю теорію о прибытіи Чеха изъ Хорватіи въ нынѣшнюю Чехію послѣ Боіевъ, Маркомановъ и Гермундуровъ, и наконецъ, восклицаетъ: „Пусть оста-

нется Русскимъ, кто не хочетъ быть Чехомъ; пусть останется Скиѳомъ и варваромъ, кто своихъ предковъ считаетъ варварами! (Maneat Roxolanus, qui Czechus aut Bohemus esse non vult. Maneat Scytha et barbarus, qui suos veteres pro barbaris agnoscit)". Эту рѣчь Троилъ посвятилъ „всѣмъ Чехамъ, любящимъ отечество", говоря, что и онъ любитъ свое дорогое отечество и свой народъ, который вовсе не происходитъ изъ Руси, отъ Русскихъ. Споръ пріобрѣлъ, такимъ образомъ, болѣе широкіе размѣры: Судетскій отвѣчалъ Троилу, и въ свою очередь, получилъ его отвѣтъ. Только 9-го февраля 1616 года прекратился этотъ споръ повелѣніемъ академическаго сената, который сдѣлалъ Судетскому выговоръ за то, что онъ послѣдній свой отвѣтъ напечаталъ безъ позволенія ректора [1]).

Итакъ, еще наканунѣ паденія Чешскаго государства велись живыя распри о происхожденіи Чеховъ, вышелъ ли Чехъ изъ южныхъ или изъ восточныхъ Славянъ, изъ Хорватіи или изъ Руси, или какъ ее тогда называли, Роксоланіи. Первое мнѣніе отстояло себѣ господство у Чеховъ еще на полтора вѣка.

3. Славянское сознаніе въ чешской лингвистической литературѣ. — Гусъ. — Грубый. — Благословъ. — Бенешовскій. — Лодерекеръ.

Вмѣстѣ съ историческими изысканіями о происхожденіи Чешскаго народа отъ Славянъ, у Чеховъ являются и первыя попытки по славянской лингвистикѣ. Вслѣдствіе частыхъ сношеній Чеховъ съ славянскимъ востокомъ и отчасти и съ югомъ, славянскія нарѣчія были имъ болѣе или менѣе извѣстны. Вспомнимъ, сколько разъ сносились и сталкивались Поляки и Чехи, сколько разъ чешскіе воины сражались не только въ земляхъ на Вислѣ, но и дальше около Днѣпра, и на югѣ, на Дунаѣ и на Балканахъ. Точно также и Чешскія земли видѣли у себя войска польскія, русскія и сербскія, либо какъ враговъ, либо какъ союзниковъ. Торговый путь чешскихъ купцовъ шелъ

---

[1]) Joann. Matth. a Sudetis: Bohemorum nationem non e Slavis, ut Aeneae Sylvio et Dubravio videtur, sed ex Russia seu Roxolania originem habere etc. (1614). De origine Bohemorum et Slavorum subseciva (1615). Nicol. Troilus Hagiochoranus: De Bojemia pia contra Roxolanos (1615). Сравн. *Kalina v. Jätenstein*: Nachrichten uber böhmische Schriftsteller u. Gelehrte I, 54. Ко второй статьѣ Судетскаго прибавлено, по обычаю того времени, нѣсколько похвальныхъ стихотвореній. Въ одномъ поэтъ воспѣваетъ автора за то, что тотъ уничтожилъ распространенное ошибочное мнѣніе, будто бы народъ Чешскій, храбрые Хорваты и знаменитые Славяне (то-есть, южные), родились въ одинъ и тотъ же день.

не только въ земли Дунайскія и въ Польшу, но и на Русь. Въ Пражскій университетъ, бывшій сначала единственнымъ высшимъ училищемъ для средней и восточной Европы, стекалось и много восточныхъ и южныхъ Славянъ, и проч.

Изъ славянскихъ языковъ Чехи знали преимущественно языкъ ближайшихъ имъ, и географически и культурно, соплеменниковъ Поляковъ, съ которыми всегда жили въ тѣсныхъ сношеніяхъ. Но и нарѣчія другихъ Славянскихъ племенъ, Русскихъ и Югославянъ, не были имъ не извѣстны. Въ половинѣ XIV столѣтія Чехи, послѣ почти трехсотлѣтняго молчанія, услышали вновь у себя въ Прагѣ въ „Славянскомъ монастырѣ“ „славянскій“ языкъ въ богослуженіи, сначала изъ устъ хорватскихъ монаховъ, потомъ и отъ природныхъ Чеховъ, увидали опять оба древне-славянскія письма: „словѣнское“ (глаголицу) и „русское“ (греко-славянское), и первое попытались даже примѣнить къ своему собственному языку [1]).

Посредствомъ этого славянскаго монастыря познакомился съ славянскою азбукой и съ церковно-славянскимъ языкомъ и реформаторъ чешскаго языка, Іоаннъ Гусъ. Поправляя грубое и неудобное правописаніе, которое употребляли до него Чехи для своего языка, и установляя новую орѳографію чешскую посредствомъ діакритическихъ знаковъ, Гусъ часто сравниваетъ чешскіе звуки съ славянскими, то-есть, съ языкомъ церковнославянскимъ, какъ его употребляли славянскіе монахи (slavi) въ Пражскомъ монастырѣ. Такъ-напримѣръ, онъ знаетъ, что соотвѣтствующія буквамъ и звукамъ чешскимъ ch и š называютъ Славяне *chěr* и *ša* (хѣръ, ша), что звука *h* въ славянскомъ языкѣ нѣтъ, и что еслибы Чехи хотѣли приблизиться къ своимъ отцамъ славянскимъ, то должны были бы говорить *gus*, *gubi*, *giby*, то-есть *hus*, *hubi*, *hiby*; знаетъ, что Славяне (Slovani) не имѣютъ звука *л* (ł), а только *ль* (l), и поэтому, по обычаю Нѣмцевъ, говорятъ *милій пане* (mili pane), гдѣ мы говоримъ *милый пане* (milý pane). Нѣтъ сомнѣнія, что по примѣру именъ славянскихъ буквъ (азъ, буки, вѣди и пр.) и Гусъ ввелъ подобный способъ въ чешскую азбуку (a bude celé čelešti din и проч.); между этими названіями встрѣчаемъ и не чешское *ша*; x (chie) поставилъ онъ на концѣ чешской азбуки [2]).

Славянскимъ языкознаніемъ особенно занимался въ началѣ XVI

---

[1]) Объ этомъ монастырѣ см. ниже въ отдѣлѣ: Чехи и Юго-славяне.

[2]) M. I. Husi Ortografie česká (vyd. Šembera 1857).

вѣрѣ, и уподобиться имъ и въ обычаяхъ, также какъ въ вѣрѣ, по обряду тѣхъ невѣрныхъ отпустилъ себѣ и носилъ длинную бороду и волосы, совершенно отринувъ и оставивъ одѣяніе и тонсуру клирика. И такъ было и есть дѣйствительно» [1]).

Мы видимъ, какъ дружелюбно и сочувственно относился Іеронимъ къ Русскимъ и къ ихъ православному вѣроисповѣданію. Еслибы Гусъ и Іеронимъ остались дольше въ живыхъ и во главѣ ими возбужденнаго движенія, то быть можетъ, гуситскіе Чехи, или по крайней мѣрѣ, партія умѣренныхъ гуситовъ, утраквисты или чашники, при извѣстныхъ условіяхъ, могли бы сблизиться съ православною церковью. Вѣдь тогда и у югославянскихъ Сербовъ разносился слухъ, что въ Прагѣ возстала „ересь, Хусь глаголемая, ихъ же нѣціи близь суще православія глаголють“ [2]).

Къ такому соединенію дѣйствительно сдѣланъ былъ шагъ спустя нѣсколько десятилѣтій. Тогда чешскіе чашники, видя, что примиреніе съ Римомъ не возможно, обратились въ другую сторону на востокъ и стали сноситься съ Царьградскимъ патріархомъ (1452 г.). При тогдашнемъ положеніи дѣлъ можно было ожидать, что умѣренные гуситы вступятъ въ какое-нибудь единеніе съ православною церковью. По крайней мѣрѣ архіереи восточной православной церкви, въ томъ числѣ и Болгарскій митрополитъ, очень радовались этому шагу, уговаривали Чеховъ соединиться съ православною церковью и надѣялись, что они будутъ съ нею согласны во всемъ [3]).

Но этотъ важный для всего будущаго славянскаго міра шагъ такъ и остался только шагомъ: дѣло прекратилось въ самомъ зародышѣ, вслѣдствіе скоро послѣдовавшаго завладѣнія Царьграда Турками, и можетъ-быть, еще по другимъ причинамъ. По крайней мѣрѣ знаменитые старѣйшины чешскихъ братьевъ XVI и XVII столѣтій, Благославъ и Коменскій, разказываютъ, что послѣ паденія Царьграда, два Грека пришли къ гуситскому архіепископу Пражскому, Іоанну Роки-

---

[1]) *V. d. Hardt.* Constant. Concil. IV, 634; *Гильфердинъ*, Гусъ, его отношеніе къ православной церкви, 16.

[2]) Жизнеописаніе сербскаго деспота Стефана, начала XV вѣка (*Григоровичъ*: О Сербіи, 55). Во всякомъ случаѣ Сербы знали гуситовъ лучше, чѣмъ нѣкоторые византійскіе Греки, которые считали ихъ приверженцами Іисуса, Моисея и Магомета. (Laonic. Chalcocondyl. lib. III, p. 55; сравн. Script. rer. hussit. III, 170).

[3]) Palacký: Dějiny: národn českébo IV, I, 227, 259; *Гильфердинга*; Гусъ, 43; Palacký: Urkundl. Beiträge zur Gesch. Böhmens in der Zeit Georgs von Podiebrad, 51; Palacký: Urkundl. Beiträge zur Gesch. Böhmens in d. Zeit Georgs v. Podiebrad, 51; Script. rer. hussit. III, 176.

цанѣ; онъ, принявъ ихъ ласково, имѣлъ съ ними многіе разговоры о религіи; наконецъ, имъ позволили отправлять литургію по своему, и тутъ оказалось, говорятъ эти историки, что „ихъ греческое вѣроисповѣданіе наполнено суевѣріями, и что нечего искать истины у Грековъ" [1]).

Если эта, дѣйствительно великая, мысль не могла осуществиться тогда, то позже, особенно послѣ появленія нѣмецкой, французской и швейцарской реформаціи, нечего было о ней и думать. Чешскіе чашники, не останавливаясь на одной точкѣ, или пошли дальше, примкнувъ къ новому ученію Лютера, или возвратились опять къ единству съ католическою церковью и къ повиновенію римскому папѣ съ сохраненіемъ своихъ особенностей и своей чаши (1564). Такимъ образомъ, прекратилась надежда соединенія, по крайней мѣрѣ, одной части Чеховъ съ православною церковью.

Но и тогда, черезъ сто лѣтъ послѣ мысли соединенія Пражскихъ чашниковъ съ Царьградскимъ патріархомъ, чувствовалось у Чеховъ какое-то сходство церквей чашнической и православной. Приведемъ одинъ характеристическій фактъ. Когда, въ 1554 году, несчастная княжна русская Елисавета Острожская и ея женихъ князь Димитрій Сангушко прибыли въ сѣверо-восточную Чехію, и здѣсь, въ городѣ Яромѣрѣ, сочетались бракомъ, то, по словамъ одного современника—очевидца, Чеха Яромѣрскаго, „ихъ вѣнчали два священника, одинъ подъ однимъ видомъ (то-есть, католическій), а другой подъ обоими видами (то-есть, чашническій, утраквистскій), по той причинѣ, что князь Димитрій былъ подъ обоими видами, такъ какъ соблюдаютъ Греки" [2]).

Гуситскіе, то-есть, особенно утраквистскіе историки стали тогда, въ XVI столѣтіи, во время отсутствія всякой исторической критики, распространять мнѣніе, что причащеніе подъ обоими видами сохранилось у Чеховъ со временъ введенія христіанства греческаго вѣроисповѣданія, св. Кирилломъ и Меѳодіемъ, до самаго Гуса [3]).

Самая мысль о соединеніи съ православною церковью не исчезла у Чеховъ. Эту мысль приняло чешское церковное общество—Един-

---

[1]) Błahosłav: Historie bratři českých (рукоп. I, 19, въ Пражск. универс. библ.); Comenius: Historia fratrum bohem. (Halae, 1702, 15).

[2]) Časopis Česk. Mus. 1852, 19.

[3]) Такъ, Билеёвскій (Kronika česzá spůsob víry Křestanské v sobě obsahující, 1537), Странскій (Respublica bojema, 1633), Коменскій (Historia fratrum bohem., начало). Сравн. *Палацкаго* Ист. гусит. I, 16, 40, 200.

зываются поэтому Нѣмцами или народомъ Нѣмецкимъ; итакъ, Нѣмцы, будь они въ какихъ бы то ни было странахъ, все-таки только Нѣмцы. Но у нашего народа иначе: ибо Словаки въ землѣ словенской, Хорваты въ хорватской, Чехи въ чешской, Поляки въ польской и проч. И кто изъ этихъ попадетъ въ другія земли, тотъ сохраняетъ свое собственное имя, speciale, non generale, uti Germani; будь они въ Италіи, Угріи, Германіи, они все-таки остаются и называются Чехи, Поляки, Словаки. Между тѣмъ Нѣмецъ, изъ какой бы земли онъ ни былъ, называется не иначе, какъ Нѣмецъ, хотя бы и не совсѣмъ хорошо могъ объясняться съ другимъ изъ другой страны прибывшимъ Нѣмцемъ. Которая изъ этихъ рѣчей или діалектовъ есть самая коренная, благородная, лучшая, красивая, богатѣйшая, это рѣшить предоставляется каждому на волю, и кто же тутъ произнесетъ справедливый приговоръ, который приняли бы всѣ? Но, по личному мнѣнію Благослава, чешская рѣчь занимаетъ первое мѣсто между частями этого языка, какъ самая образованная и пріятная; она пространна и удобна для звуковыхъ органовъ, для легкаго выговора словъ и не нуждается въ некрасивомъ носовомъ говорѣ, какъ у Поляковъ, которые портятъ свою рѣчь какимъ-то непріятнымъ для насъ гнусомъ; въ ней звуки и буквы строго отличаются, а не такъ какъ у Русскихъ, которые не отличаютъ *r* и *ṙ* (rz) и *s* и *ṡ* (sic), или какъ у Мазуровъ, которые частымъ употребленіемъ *z* вмѣсто *ż* обезображиваютъ свою рѣчь; въ ней не допускается протягиваніе словъ въ концѣ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые Хорваты, говоря какъ-то по жидовски.

О польской рѣчи распространяться нечего. Поляки намъ близки, да и въ Чехіи и Моравѣ ихъ не мало видно, особенно теперь по монастырямъ, гдѣ, такъ сказать, скорѣе можно слышать проповѣдывающаго или отправляющаго литургію Поляка, чѣмъ Чеха или Моравана, такъ какъ Чехи, имѣющіе другія хлопоты и занятія, уже немного занимаются религіей. Скажу о Полякахъ только то, что они, начиная съ двадцати лѣтъ, такъ расширили свою рѣчь, издавъ на своемъ языкѣ много книгъ и Священное Писаніе (лучше исправленное, чѣмъ на чешскомъ языкѣ), что надо имъ удивляться, а Чехамъ устыдиться [1]. О словенскомъ діалектѣ (то-есть, вообще о юго-славянскихъ нарѣчіяхъ Словенцевъ, Хорватовъ и Сербовъ) Благославъ замѣчаетъ, что его трудно понимаютъ Чехи, Поляки и даже Словаки,

[1]) Сравн. отдѣлъ: Чехи и Поляки. Не забудемъ, что эти слова писаны въ 1571 году, слѣдовательно, до изданія знаменитой Кралицкой библіи (1579—1593).

Грековъ. Проживъ въ Царьградѣ, они разъѣхались: Лука Пражскій—въ Греческія земли, рыцарь *Морешъ Коновецъ—въ Москву и въ другія, славянскій языкъ употребляющія, земли*, Мартынъ Кабатникъ, мѣщанинъ Лютоньлильскій,—въ Азію и черезъ Святую землю въ Египетъ. Каспаръ Морецкій, захворавъ, ожидалъ ихъ возвращенія въ Царьградѣ, но между тѣмъ успѣлъ осмотрѣть Ѳракію. Возвратившись домой, эти искатели благочестія, объявили своимъ, что не нашли ничего, что̀ искали; и такимъ образомъ, оказались обманутыми въ своихъ надеждахъ всѣ тѣ, которые не жалѣли ни труда, ни средствъ, чтобы воспользоваться хорошими примѣрами чуждыхъ церквей: такъ упали эти прежде процвѣтавшія церкви,—ибо они, точно будто сговорились, вездѣ видѣли христіанъ, преданныхъ распутству; религію, основанную на суевѣріяхъ и иконопоклоненіи и не радѣющую о томъ, что̀ въ завѣтѣ важнѣе; священниковъ, которые развратомъ превосходятъ народъ и не позволяютъ никому ихъ наказывать и проч.; такъ что признали справедливымъ свидѣтельство о порчѣ всего христіанскаго міра (со стороны) тѣхъ, которые имъ отсовѣтывали такое путешествіе".

При строгихъ взглядахъ чешскихъ братьевъ, нельзя было и ожидать иного результата, ибо братья не были чашники. Такъ какъ они не были въ состояніи отыскать первоначальную чистую церковь Христову, находя вездѣ порчу, грѣховность, развратъ, — то и стали вскорѣ считать самихъ себя такою чистою церковью и думать о ея распространеніи. Для этой цѣли они обратили главное вниманіе на славянскій востокъ Европы, на польскія и русскія земли. Къ этому ободряли ихъ и сами нѣмецкіе реформаторы. „Будьте вы апостолами народа Чешскаго и Славянскаго, я съ своими буду апостоломъ народа Нѣмецкаго", сказалъ Лютеръ братьямъ Аугустѣ и Израэлу (1542 г.); и Страсбургскій реформаторъ Буцеръ сознался брату Червенкѣ, что чешскіе братья „славянскимъ своимъ языкомъ могутъ служить болѣе распространеннымъ народомъ, чѣмъ Нѣмцы своимъ" [1]).

Первымъ поприщемъ для такой апостольской дѣятельности была Польша, куда чешскіе братья, выгнанные изъ отечества, обратились какъ къ своимъ „соплеменникамъ" (1548 г.). Ихъ вѣроисповѣданіе пріобрѣло себѣ здѣсь много приверженцевъ, особенно въ Великой Польшѣ, занимая видное мѣсто подлѣ другихъ двухъ главныхъ испо-

---

[1]) Ласитскій (чешскій переводъ 233, 237), Regenvolscius, 58.

ховъ того времени о взаимныхъ отношеніяхъ разныхъ „діалектовъ нашего языка“. Многія изъ нихъ имѣютъ до сихъ поръ цѣну, многія же, конечно, устарѣли. Но ихъ значеніе заключается особенно въ томъ, что славный старѣйшина единства чешскихъ братьевъ первый высказалъ такія мнѣнія, которыя послѣ него — кромѣ трудовъ знаменитаго Хорвата Крижанича — только черезъ два столѣтія вновь подняли его соотечественники.

Знаніе славянскихъ языковъ, между прочимъ и русскаго, является еще больше, чѣмъ у Богослава,—въ сочиненіяхъ другого филолога чешскаго того времени, Матвѣя Филопома Бенешовскаго [1]). Посвящая свою граматику чешскую императору и королю Рудольфу, онъ замѣчаетъ, что знаніе чешскаго языка очень полезно, такъ какъ онъ есть часть великаго языка и народа славянскаго (иллирскаго), который широко въ свѣтѣ распространился; онъ безконечно превосходитъ языкъ нѣмецкій, который хотя и больше въ сравненіи съ другими языками, но относительно славянскаго — меньше. По своей тщательной обработкѣ, чешскій языкъ — прекраснѣйшій цвѣтокъ славянскій; всѣ наши народы всего охотнѣе слушаютъ его и наслаждаются имъ, и нѣтъ сомнѣнія, что когда-нибудь самъ императоръ или его братья могутъ, по благосклонности этихъ народовъ, владѣть ими самими и, посредствомъ ихъ, даже другими народами. Другую интересную свою книгу словъ чешскихъ, этимологическаго содержанія, Бенешовскій издалъ „изъ любви къ славянскому языку“, и между прочимъ для того, чтобы всѣ Нѣмцы знали, что „чешскій языкъ содержится не только въ чешской землѣ, но что есть болѣе чѣмъ сто земель, въ которыхъ говорятъ нашимъ славянскимъ языкомъ: Чешская, Моравская, Силезская, Лужицкая, Первая Польская, Вторая Польская, Мазурская, Подлѣсская, Первая Русская, Бѣлая Русь, Волынская, Кіевская, Сѣверская, Кошубская и многія земли въ королевствѣ Польскомъ; потомъ многія страны и въ княжествѣ Московскомъ; въ народѣ Сербскомъ, подъ Туркомъ, также много земель; въ королевствѣ Угорскомъ и въ королевствѣ Далматскомъ, Хорватскомъ, Болгарскомъ, Славонскомъ и Босненскомъ. Всѣ эти народы употребляютъ одинъ славянскій языкъ, и поэтому наша рѣчь не можетъ быть узка. Нашъ языкъ обнялъ большую часть свѣта, такъ что ни одинъ языкъ подъ небомъ, даже греческій и

[1]) Grammatica Bohemica. Grammatyka česká (1577); Knižka słov českých vyłożených odkud svůj počátek mají, totiž jaký jejich jest rozum (1587), книга очень рѣдкая.

латинскій, не можетъ съ нимъ равняться. Бенешовскій показываетъ необыкновенное въ то время знаніе всѣхъ языковъ славянскихъ, церковно-славянскаго (словенскаго), польскаго, сербско-хорватскаго и русскаго (малорусскаго и великорусскаго); онъ знаетъ и церковно-славянскую библію, пѣсни и пословицы разныхъ Славянскихъ народовъ. Чешскія онъ слова сравниваетъ съ другими славянскими, конечно, — чему нельзя и удивляться у писателя этого времени, — иногда неудачно. Приведемъ нѣсколько примѣровъ: общеславянскія слова — *племя* производитъ отъ plni jmen (полно именъ), Поляки говорятъ imė и Славяне jimė, genitiv jimene. *Народъ* — оттого, что ихъ много „нарождено", gentis henetae—národu Slovanského, и проч. *Нѣмцы* отъ нѣмоты, такъ какъ они не охотно учатся чужому языку; многіе живутъ въ Чехіи тридцать лѣтъ и не научаются по чешски и пр. Изъ польскихъ словъ сравниваетъ ręka съ rek (герой), *vojvoda* съ v'evoda, rzecz — skutek (дѣло), kłopota — bida, starost, *liczba* — počet, szum — zvuk, и пр. Изъ церковно-славянскихъ словъ приводитъ *умъ*, слово, которое у Чеховъ вышло изъ употребленія; *чадо*, *младенецъ* — значитъ дитя, молодикъ, молодецъ—все равно, что младенецъ; *завѣтъ* — zákon; *языкъ* — означаетъ и народъ, и языкъ во рту, какъ въ псалтири: хвалите Господа вси языци, и въ другомъ мѣстѣ: языкъ мой трость книжника скорописца; *жизнь*—Поляки говорятъ pragnuti (sic); *часъ* — hodina, *часословецъ* — horologium, *исполинъ* — obr, и проч. Югославянскіе слова: *врутье* — по хорватски жарко, *буква* — очень древнее славянское слово, его употребляетъ до сихъ поръ нашъ Далматскій народъ, и буква — по чешски значитъ библія; *время*—čas, такъ говорятъ Сербы, которые находятся подъ Турками, и то же слово встрѣчается и въ славянскомъ завѣтѣ. Изъ русскихъ словъ сравниваетъ *князь* съ книгой: knėz отъ knėh (книгъ), потому что Русскіе и Москвитяне называютъ такъ своихъ княженъ (онъ думалъ о словѣ княгиня); *владыка* отъ vládnouti; этимъ словомъ Русскіе называютъ своихъ епископовъ; *пахати* — дѣлать, какъ говорятъ Русскіе до сихъ поръ; *глава* — Русскіе говорятъ голова; *хуть* (вкусъ, желаніе) отъ хотѣть: Русскіе говорятъ „что хочешь" и пр. Потомъ приводитъ въ особомъ отдѣлѣ „Славянскія слова древнія, русскія, Московскія", толкуя ихъ по чешски, напримѣръ: плѣнъ, хорошій, престолъ, чертогъ, книжникъ, хульникъ, блудъ и проч. Дальше „Русскія имена": дорога, собака, сука, батекъ—батько, дочка, бисъ, то-есть, бѣсъ (Русскіе ругаютъ другъ друга: бисы въ твоей матери), сподарь (такъ говоритъ въ Бѣлой Руси подданный своему князю), гораздъ, посохъ, сюда, годъ,

мужикъ, брашно, кошъ (то-есть, лагерь), дерево (отъ драть!), вѣдъ (daemon, и Чехи еще говорятъ: vědi leti — daemones volant), врства (то-есть, верста), поясъ и проч. Наконецъ, Бенешовскій приводитъ семь *псалмовъ* на подлинномъ церковно-славянскомъ языкѣ (съ неизбѣжными ошибками) съ чешскимъ правописаніемъ. „Изъ этихъ псалмовъ можетъ каждый узнать, какъ нашъ народъ Чешскій прежде говорилъ, но и какъ мы сильно удалились отъ своихъ предковъ; изъ этихъ же псалмовъ узнается, откуда я взялъ объясненіе чешскихъ словъ“ [1]).

Бенешовскій вообще знаетъ славянскіе языки и особенно русскій больше, чѣмъ всѣ его современники, которые, сравнивая свой языкъ съ другими славянскими, обращали главное вниманіе на польскій и отчасти и на юго-славянскій. Такъ дѣлали Грубый и Благославъ; подобно ему и Петръ Лодерскеръ, издавая словарь семи языковъ, помѣстилъ въ немъ изъ славянскихъ языковъ чешскій, польскій и „славянскій или далматскій (slavonica sive dalmat ca), изъ котораго проистекаютъ многіе другіе, какъ изъ богатѣйшаго источника“ [2]).

4. Чешскія книги у другихъ Славянъ.

Чехи, издавая книги на своемъ языкѣ и посвящая ихъ „любителямъ языка славянскаго“ [3]), имѣли въ виду болѣе широкій кругъ читателей, чѣмъ свой малый народъ: они разчитывали и на остальные Славянскіе народы, чему нечего и удивляться. Вспомнимъ только, что чешскій языкъ въ XV и XVI столѣтіяхъ былъ извѣстенъ и распространенъ на славянскомъ востокѣ, у Поляковъ и юго-западныхъ Русскихъ, что чешская, особенно духовная, литература пріобрѣла большое значеніе въ тѣхъ странахъ [4]).

Такъ, Конȁчъ, издавая свой чешскій переводъ хроники Энея Сильвія (1510 г.), вызываетъ Чеховъ, Словȁковъ, Моравант и Поляковъ,

[1]) Приведемъ здѣсь начало перваго псалма: Blažen muž, gižie negiede na sasové (sic) nečestivých y na púti hryšných nesta, y na sedališti hubitel nesedě, ano v zákoně geho poučí se den y nošt', y budet' gako dřevo saženo pry gischodištých vod, и пр. Сравн. *Ганки*: Объ остаткахъ славянскаго богослуженія у Чеховъ (1859).

[2]) Dictionarium septem diversarum linguarum (1605); изданъ по примѣру подобнаго словаря Хорвата Врaнчича (1595), который для Лодерскера написалъ замѣчательное предисловіе (см. ниже отдѣлъ: Славянское сознаніе у Югославянъ). Замѣтимъ, что Бенешовскій и Лодерскеръ были архимандритами въ Пражскомъ «славянскомъ» монастырѣ (первый только титулярный).

[3]) Конȁчъ при изданіи своихъ сочиненій: Pravidło lidského života (1528) и драмы Іудиѳь (1547).

[4]) См. ниже отдѣлы: Чехи и Поляки, Чехи и Русскіе.

чтобъ они ее читали, такъ какъ она можетъ принести имъ разную пользу. Братья Іоаннъ и Сигизмундъ изъ Пухова издаютъ большую космографію чешскую (1554 г.), между прочимъ и для того, чтобы славный народъ чешскій и всѣ остальные, сходные съ нимъ по языку, поучались; Сигизмундъ принялъ на себя трудъ перевода „во вниманіе добра и пользы своей родины и другихъ народовъ, особенно съ чешскимъ языкомъ сходныхъ". Мелянтрихъ изъ Авентина издаетъ чешскій переводъ гербарія Матіоме (1562 г.) не только въ пользу „Чешскаго народа и этого славнаго королевства, но также и для добра всѣхъ Чеховъ, Moраванъ и Поляковъ, равно какъ и для тѣхъ народовъ, которые употребляютъ нашъ благородный и обширный языкъ славянскій". Для продажи своей книги въ Польшѣ, онъ пріобрѣлъ себѣ особую привиллегію отъ короля Сигизмунда - Августа. Велеславинъ свое политическое сочиненіе (Politica historica, 1584) тоже издаетъ для всѣхъ добрыхъ, честныхъ и благородныхъ господъ, правителей, судей и пр. „славнаго и далеко распространеннаго народа славянскаго". Чешскія книги проложили себѣ путь не только на славянскій востокъ, особенно въ Польшу, но они въ послѣдствіи разсылались и на славянскій югъ [1]).

Кромѣ того, и Чехи, употреблявшіе обыкновенный тогда общеевропейскій языкъ латинскій, не разъ писали преимущественно для Славянскихъ народовъ. Такъ, латинско-чешскій поэтъ Митисъ издаетъ свои латинскіе гимны на Мессію (1581 г.) въ пользу литературнаго общества въ Чехіи, Польшѣ, Моравѣ и Славиніи (вѣроятно, у Югославянъ).

5. Чешскіе гусситы и православные Славяне. — Іеронимъ Пражскій на Руси. — Чешскіе чашники и Царьградскій патріархъ. — Чешскіе братья.

Славянское сознаніе у Чеховъ заявилось, какъ уже выше сказано, особенно сильно во время великаго религіозно-національнаго движенія гусситскаго. Не станемъ здѣсь распространяться о причинахъ этого движенія; скажемъ только вкратцѣ, что оно было самобытнымъ продуктомъ чешской жизни, который, выйдя первоначально только изъ оппозиціи противъ нѣкоторыхъ злоупотребленій въ устройствѣ католической церкви, повелъ, съ теченіемъ времени и вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, не только къ совершенному отпаденію отъ по-

[1]) См. отдѣлъ: Чехи и Югославяне.

слѣдней, но и къ образованію разныхъ вѣроученій, начиная съ самыхъ умѣренныхъ чашниковъ и кончая радикальными Таборами и пантеистами Адамитами [1]).

Чехи, поднявъ оппозицію противъ взглядовъ римско-католической церкви и начиная иначе понимать значеніе „церкви", естественно, обратили свое вниманіе на другую главную церковь христіанскую, православную или греческую, по католическому воззрѣнію „схизматическую", къ которой принадлежала большая часть Славянъ. Чехи, все больше освобождаясь отъ авторитета римско-христіанской церкви и, наконецъ, совершенно съ ней разставшись, стали смотрѣть на православную церковь иначе, чѣмъ ихъ предки [2]).

Чешскіе взгляды на восточную христіанскую церковь особенно характеризуетъ поведеніе лучшаго друга Гуса—магистра Іеронима Пражскаго въ юго-западной Руси. Іеронимъ, послѣ пребыванія при королевскомъ дворѣ Краковскомъ, отправился въ Литву ко двору великаго князя Александра Витовта. Приключенія Іеронима въ Русскихъ земляхъ разкажемъ словами одного инквизитора, его современника

«Въ Русскомъ краѣ существуетъ издавна многолюдный городъ, называемый Витебскомъ. Въ этомъ городѣ жители по большей части Русскіе или схизматики, придерживающіеся греческой секты, во многомъ уклоняющіеся отъ христіан-

---

[1]) О связяхъ гусситства съ славянскимъ богослуженіемъ, введеннымъ у Чеховъ и Моравянъ святыми Кирилломъ и Меѳодіемъ, нѣтъ никакихъ положительныхъ и вѣрныхъ свидѣтельствъ. О нихъ говорятъ только нѣкоторые позднѣйшіе историки чешскіе XVI и XVII вѣковъ, отличавшіеся полнымъ отсутствіемъ всякой критики. Эти писатели ввели въ заблужденіе и нѣсколькихъ русскихъ историковъ нашего времени (Елагина, Новикова, Гильфердинга, Невоструева).

[2]) Чехи, особенно въ важномъ тогда вопросѣ причащенія подъ обоими видами, часто указывали на «греческую, восточную» церковь; такъ, Пражане въ письмѣ къ Венеціанцамъ 1420 г., чешскіе священники 1429 г., Прокопій Великій на соборѣ Базельскомъ 1433 г., чешскіе послы въ Римѣ 1447 г., Таборы Энею Сильвію 1451 г., утраквистскіе администраторы Пражской архіепископіи въ письмахъ къ Грекамъ 1452 г. и пр. Таборскій епископъ Николай изъ Пильгримова называетъ (1444 г.) греческую церковь «непосредственною дочерью и ученицей апостоловъ и учительницею римской церкви» (Script. rer. hussit. II, 506). Греческую церковь Чехи узнали, между прочимъ, и изъ чешскаго перевода «Путешествія Мандвилля» Лаврентія изъ Брезовой (до 1419 г.) (Výbor z liter. české, II, 598), русскую православную церковь позже — изъ чешскаго перевода книги Гванини (см. ниже). Одинъ чешскій путешественникъ въ Іерусалимѣ 1490 г. заключаетъ, что такъ какъ другіе восточные христіане, причащающіеся подъ двумя видами, не еретики, то и Чехи не еретики, а истинные сыновья церкви. (Časop. Česk. Mus. 1861, 273).

II.

Славянское сознаніе у Поляковъ.

1. Выгодное положеніе Польши среди Славянъ.—Славянское сознаніе въ публичной и государственной жизни. — Андроникъ, Замойскій, Карнковскій, Гербуртъ, Збаражскій, Скарга, Грабовскій.

Если у Чеховъ славянское сознаніе живо являлось особенно вслѣдствіе ихъ опаснаго положенія посреди Нѣмцевъ, то географическое положеніе Поляковъ было таково, что они ужь отъ самой природы должны были приходить къ сознанію родства съ окружающими ихъ со всѣхъ сторонъ соплеменниками. Ни одно изъ древне-славянскихъ государствъ не имѣло положенія столь выгоднаго для того, чтобы сдѣлаться средоточіемъ всего западнаго и восточнаго славянства, какъ Польша. Съ запада примыкали къ ней славянскія племена Балтійскія и Лабскія, Лютичи и Сербы, Чехи и Мораване, съ востока многочисленныя племена Русскихъ Славянъ. На югѣ же Польша, посредствомъ Словаковъ и королевства Угорскаго, могла завязывать сношенія и съ южными Славянами.

Что такъ не случилось, что Польша не сдѣлалась средоточіемъ западнаго и восточнаго славянства, въ томъ виноваты отчасти независѣвшія отъ нея историческія причины, а отчасти и она сама. Историческія событія сложились такъ, что Польша первыхъ трехъ Болеславовъ оказалась слабѣе могучей имперіи Римско-Нѣмецкой, всегда заявлявшей притязанія на западныхъ Славянъ. Эти послѣдніе, особенно Чехи и Лютичи, отчасти изъ врожденной Славянамъ ненависти другъ противъ друга, отчасти и изъ династическихъ интересовъ, сами отказались отъ предлагаемой имъ политической комбинаціи—образованія западно-славянскаго государства, подъ властью сильныхъ князей Польскихъ. Собранію разныхъ славянскихъ племенъ около Польши не мало помѣшало и раздѣленіе христіанской церкви на западную римско-латинскую и царьградско-греческую, послѣдствія чего замѣтно проявились особенно между Славянами. Польскіе государи, проникая въ Галичъ, Владиміръ, Кіевъ, Смоленскъ, Москву и другія русскія земли, являлись православному *Русскому народу* не только простыми завоевателями, Ляхами, а и „латинянами“ — врагами православія, и дѣйствительно, они своими поступками оправдывали это мнѣніе восточныхъ Славянъ. „Православіе“ и „католицизмъ“ — вотъ то главное препятствіе, которое помѣшало добровольному сліянію обоихъ славянскихъ народовъ въ одно политическое тѣло.

Подобное тому явленіе мы видимъ и на западѣ: чешскіе гуситы нѣсколько разъ предлагаютъ чешскую корону Польскому королю, какъ своему соплеменнику; но преемникъ Болеслава Храбраго, желавшаго уже въ XI вѣкѣ сдѣлать изъ Праги столицу западно-славянскаго государства, Владиславъ Ягайло не принимаетъ этого подарка изъ рукъ чешскихъ „еретиковъ". Его потомки относятся довольно небрежно къ чешскимъ дѣламъ, и наконецъ, спокойно сложивъ руки, позволяютъ нѣмецкимъ Габсбургамъ занять чешскій престолъ.

Итакъ, Польша, по собственной винѣ и вслѣдствіе разныхъ историческихъ обстоятельствъ, не сдѣлалась средоточіемъ Славянъ. Не осуществилась мысль великаго государства славянскаго по иниціативѣ и старанію Польши. Не разъ упрекаютъ за эту безпечность сами Поляки свое отечество. „Еслибы мы", жалуется одинъ польскій публицистъ начала XVII вѣка, — „имѣли постоянно передъ глазами славу нашего имени, какъ наши предки, не отпала бы никогда отъ насъ Поморская земля, не отступили бы наши братья Силезцы; мы удержали бы Чеховъ и Моравянъ, которыхъ мы имѣли столько разъ подъ собою, и уже не говоря о прежнемъ, не выпустили бы Москвы, Швеціи, Валахіи и Молдавіи, такъ счастливо пріобрѣтенныхъ" [1]).

Не смотря на это равнодушіе Польши къ дѣламъ остальныхъ Славянъ, славянское сознаніе у Поляковъ проявлялось всегда очень сильно въ литературѣ и въ публичной, государственной жизни, въ сношеніяхъ съ сосѣдними государствами славянскими, съ Чешскимъ и Русско-Московскимъ. Поляки часто съ гордостью указывали на то, что они — первый народъ великаго Славянскаго племени, что они — защита, или по крайней мѣрѣ, должны быть защитой и опорой другихъ Славянъ, которые не находились въ такомъ выгодномъ положеніи. Мысли вполнѣ справедливыя. Вѣдь Польское государство вслѣдствіе соединенія съ Литвой и Литовскою Русью распространилось на востокъ далеко за Днѣпръ и до самаго Чернаго моря. Въ этой Польшѣ XVI столѣтія развилась богатая литература, какой не было ни у одного славянскаго народа того времени. Ядро будущаго великаго Русскаго государства, Москва, едва освободившись отъ тяжелаго ига восточныхъ варваровъ, находилась тогда въ довольно жалкомъ положеніи, политическомъ и умственномъ, и не была даже въ состоя-

---

[1]) *Starowolski*, Pobudka abo rada na zniesienie Tatarów perekopskich, (1618, введеніе). Ср. ниже мнѣніе Фредра о безпечности короля Сигизмунда I въ 1526 г. относительно чешской короны.

цанѣ; онъ, принявъ ихъ ласково, имѣлъ съ ними многіе разговоры о религіи; наконецъ, имъ позволили отправлять литургію по своему, и тутъ оказалось, говорятъ эти историки, что „ихъ греческое вѣроисповѣданіе наполнено суевѣріями, и что нечего искать истины у Грековъ“ [1]).

Если эта, дѣйствительно великая, мысль не могла осуществиться тогда, то позже, особенно послѣ появленія нѣмецкой, французской и швейцарской реформаціи, нечего было о ней и думать. Чешскіе чашники, не останавливаясь на одной точкѣ, или пошли дальше, примкнувъ къ новому ученію Лютера, или возвратились опять къ единству съ католическою церковью и къ повиновенію римскому папѣ съ сохраненіемъ своихъ особенностей и своей чаши (1564). Такимъ образомъ, прекратилась надежда соединенія, по крайней мѣрѣ, одной части Чеховъ съ православною церковью.

Но и тогда, черезъ сто лѣтъ послѣ мысли соединенія Пражскихъ чашниковъ съ Царьградскимъ патріархомъ, чувствовалось у Чеховъ какое-то сходство церквей чашнической и православной. Приведемъ одинъ характеристическій фактъ. Когда, въ 1554 году, несчастная княжна русская Елисавета Острожская и ея женихъ князь Димитрій Сангушко прибыли въ сѣворо-восточную Чехію, и здѣсь, въ городѣ Яромѣрѣ, сочетались бракомъ, то, по словамъ одного современника—очевидца, Чеха Яромѣрскаго, „ихъ вѣнчали два священника, одинъ подъ однимъ видомъ (то-есть, католическій), а другой подъ обоими видами (то-есть, чашническій, утраквистскій), по той причинѣ, что князь Димитрій былъ подъ обоими видами, такъ какъ соблюдаютъ Греки“ [2]).

Гуситскіе, то-есть, особенно утраквистскіе историки стали тогда, въ XVI столѣтіи, во время отсутствія всякой исторической критики, распространять мнѣніе, что причащеніе подъ обоими видами сохранилось у Чеховъ со временъ введенія христіанства греческаго вѣроисповѣданія, св. Кирилломъ и Меѳодіемъ, до самаго Гуса [3]).

Самая мысль о соединеніи съ православною церковью не исчезла у Чеховъ. Эту мысль приняло чешское церковное общество—Един-

---

[1]) Błahosłav: Historie bratři českých (рукоп. I, 19, въ Пражск. универс. библ.); Comenius: Historia fratrum bohem. (Halae, 1702, 15).

[2]) Časopis Česk. Mus. 1852, 19.

[3]) Такъ, Билеѣвскій (Kronika česzá spůsob víry Křestanské v sobě obsahující, 1537), Странскій (Respublica bojema, 1633), Коменскій (Historia fratrum bohem., начало). Сравн. *Палацкаго* Ист. гусит. I, 16, 40, 200.

сить у Бога всевозможныхъ успѣховъ для этого государства и стараться о его счастіи, ибо при очень тяжелыхъ бѣдствіяхъ и жалкомъ рабствѣ Славянскаго народа только оно одно остается его украшеніемъ, по милости Божіей, и я молю, чтобъ оно всегда преуспѣвало и было счастливымъ" [1]).

Подобную тому картину всего славянства рисуетъ и славный Замойскій, трактуя съ первымъ министромъ чешскимъ, Розенбергомъ, о выдачѣ плѣннаго эрцгерцога Максимиліана (1589 г.). Между прочимъ Замойскій замѣтилъ Розенбергу, что ихъ оба народа, польскій и чешскій, занимаютъ первое мѣсто между Славянами. „Славянское племя", сказалъ тогда Замойскій, „которое прежде было велико и даже теперь еще далеко и широко распространено, имѣло все-таки до сихъ поръ такую участь, что большая его часть не довольно образована и не меньшая находится въ рабствѣ. Сербы, Босняки, собственные Славяне, Иллиры и Венеды подпали подъ чужую власть и утратили почти все достоинство и свободу. Москвитяне, государство которыхъ распространено вдоль и вширь, совершенные варвары. Такимъ образомъ, большая часть народовъ Славянскаго племени погружена въ варварство; одни только Чехи и Поляки сохраняютъ, вмѣстѣ съ свободой, и достоинство племени Славянскаго" [2]).

На польскихъ сеймахъ раздаются голоса о славѣ и могуществѣ Славянъ, первымъ членомъ которыхъ считаются Поляки. „Найдешь въ томъ большую милость Божью", говоритъ самъ польскій архіепископъ-примасъ Станиславъ Карнковскій королю Сигизмунду III, „что ты сталъ повелителемъ народа непоколебимой вѣрности къ своимъ господамъ, воинственнаго, славнаго, отъ славы названіе имѣющаго и по всему міру распространеннаго. Ибо Поляки или Сарматы, Болгаре, Босняки, Сербы, Хорваты суть народы славянскаго языка, ими полна Азія. Европа и Африка" [3]). Сеймовые послы и другіе политики выставляютъ Польшу защитницей всѣхъ Славянъ, упрекаютъ свое отечество въ бездѣйствіи или даже въ превратной дѣятельности

---

[1]) Tranquilli Andronici Dalmatae ad optimates Polonos admonitio (Cracov. 1545, посвящено Андр. Горкѣ, 2-е изд. 1584).

[2]) Vita Ioannis Zamoyscii, сочиненіе его секретаря Гейденштейна, 1606 года. (Collectanea vitam resque gestas I. Zamoyscii illustrantia, ed (Dziatyński, Posn. 1861, 105). Обширнѣе объ этомъ свиданіи Замойскаго и Розенберга см. ниже въ отдѣлѣ: Чехи и Поляки.

[3]) Sentencya albo zdanie o odjeżdzie Króla I. M. do Szwecyi na sejmie Warszaw. r. 1593, (изд. *Туровскаго*, 39).

Грековъ. Проживъ въ Царьградѣ, они разъѣхались: Лука Пражскій — въ Греческія земли, рыцарь *Марешъ Коковецъ — въ Москву и въ другія, славянскій языкъ употребляющія, земли*, Мартынъ Кабатникъ, мѣщанинъ Лютомыльскій, — въ Азію и черезъ Святую землю въ Египетъ. Каспаръ Морецкій, захворавъ, ожидалъ ихъ возвращенія въ Царьградѣ, но между тѣмъ успѣлъ осмотрѣть Ѳракію. Возвратившись домой, эти искатели благочестія, объявили своимъ, что не нашли ничего, что̀ искали; и такимъ образомъ, оказались обманутыми въ своихъ надеждахъ всѣ тѣ, которые не жалѣли ни труда, ни средствъ, чтобы воспользоваться хорошими примѣрами чуждыхъ церквей: такъ упали эти прежде процвѣтавшія церкви, — ибо они, точно будто сговорились, вездѣ видѣли христіанъ, преданныхъ распутству, религію, основанную на суевѣріяхъ и иконопоклоненіи и не радѣющую о томъ, что̀ въ завѣтѣ важнѣе; священниковъ, которые развратомъ превосходятъ народъ и не позволяютъ никому ихъ наказывать и проч.; такъ что признали справедливымъ свидѣтельство о порчѣ всего христіанскаго міра (со стороны) тѣхъ, которые имъ отсовѣтывали такое путешествіе".

При строгихъ взглядахъ чешскихъ братьевъ, нельзя было и ожидать иного результата, ибо братья не были чашники. Такъ какъ они не были въ состояніи отыскать первоначальную чистую церковь Христову, находя вездѣ порчу, грѣховность, развратъ, — то и стали вскорѣ считать самихъ себя такою чистою церковью и думать о ея распространеніи. Для этой цѣли они обратили главное вниманіе на славянскій востокъ Европы, на польскія и русскія земли. Къ этому ободряли ихъ и сами нѣмецкіе реформаторы. „Будьте вы апостолами народа Чешскаго и Славянскаго, а я съ своими буду апостоломъ народа Нѣмецкаго", сказалъ Лютеръ братьямъ Августѣ и Израэлю (1542 г.); и Страсбургскій реформаторъ Буцеръ сознался брату Червенкѣ, что чешскіе братья „славянскимъ своимъ языкомъ могутъ служить болѣе распространеннымъ народамъ, чѣмъ Нѣмцы своимъ" *).

Первымъ поприщемъ для такой апостольской дѣятельности была Польша, куда чешскіе братья, изгнанные изъ отечества, обратились какъ къ своимъ „соплеменникамъ" (1548 г.). Ихъ вѣроисповѣданіе пріобрѣло себѣ здѣсь много приверженцевъ, особенно въ Великой Польшѣ, занимая заднее мѣсто подлѣ другихъ двухъ главныхъ испо-

*) [illegible] (чешскій переводъ 232, 237), [illegible], 38.

Въ соединеніи, или по крайней мѣрѣ, въ мирномъ сожительствѣ съ смежными государствами славянскими, Чешскимъ и Русско-Московскимъ, многіе Поляки видѣли пользу и выгоды не только для своего отечества, но и для всего славянства [1]).

2. Славянское сознаніе въ польской исторической литературѣ. — Польскіе лѣтописцы XII—XIV вѣка. — Григорій изъ Санока, Длугошъ, Ваповскій, Мѣховита, Бѣльскіе, Кромеръ, Сарницкій, Стрыйковскій, Папроцкій, Венгерскій. — Польскіе географы. — Вопросъ о происхожденіи Славянъ и Поляковъ. — Орѣховскій, Кохановскій, Демболэнцкій.

Ни одинъ народъ Славянскій не имѣлъ такихъ случаевъ познакомиться съ цѣлымъ славянствомъ, побывать почти во всѣхъ земляхъ славянскихъ, какъ Поляки. Ихъ видно на Лабѣ и Салѣ между Сербами, на Волтавѣ и Моравѣ между Чехами, на Дунаѣ между Словаками, даже и дальше на югѣ, въ самой Болгаріи и Сербіи. Съ другой стороны, они являются и подъ Галичемъ, Кіевомъ и Москвой. Со всѣми этими землями и народами Польша находилась въ безпрестанныхъ сношеніяхъ и столкновеніяхъ. Такимъ образомъ, исторія Польши тѣсно связана и съ судьбами всѣхъ этихъ смежныхъ народовъ и государствъ по большей части славянскихъ. Объемъ польской исторіи все больше и больше расширяется вмѣстѣ съ распространеніемъ границъ Польши, особенно на востокъ въ земли Русскія и съ увеличеніемъ ея вліянія на всѣ смежныя государства. И въ самомъ дѣлѣ, ни у одного славянскаго народа не находимъ въ его исторіографіи столько извѣстій о другихъ народахъ славянскихъ, какъ въ исторической литературѣ польской. Въ ней, начиная съ Мартина Галла и Викентія Кадлубка до Длугоша, Мѣховиты, Ваповскаго, Хвальчевскаго, Кромера, Бѣльскаго, Папроцкаго, Сарницкаго, Стрыйковскаго, Пясецкаго и друг., находится множество извѣстій по исторіи чешской, русской, угорской и отчасти югославянской [2]). Свои данныя эти писатели собрали отчасти изъ устныхъ разказовъ очевидцевъ, бывавшихъ въ этихъ странахъ, отчасти изъ разныхъ письменныхъ

тотъ же Грабовскій въ другой статьѣ, Папроцкій, Верещинскій, Рысинскій и др. Ср. ниже отдѣлъ: Поляки и Югославяне.

[1]) Ср. отдѣлы: Чехи и Поляки, Поляки и Русскіе, Поляки и Югославяне. Здѣсь мы привели примѣры, касающіеся Польши и всего славянства.

[2]) И въ краткихъ лѣтописяхъ древнепольскихъ подлѣ событій польскихъ приводятся также событія чешскія; такъ напримѣръ, въ лѣтописи малопольской (*Bielowski*, Mon. Polon. histor. II, 816). Въ одной лѣтописи всемірной и чешской до 928 года. (Helcel: Pomniki prawa pol. I, p. XXXV) и пр.

Чешскіе братья не упускали изъ виду и восточной Руси. Они, въ своемъ ревностномъ усердіи, подумали объ апостольской дѣятельности и на сѣверо-восточной Руси, въ Москвѣ, гдѣ, уже въ концѣ XV вѣка, искалъ чистую вѣру и церковь ихъ предшественникъ Коковецъ.

Чтобы лучше понять эту мысль чешскихъ братьевъ, вспомнимъ, что тогда, въ половинѣ XVI вѣка, появился въ Москвѣ раціоналистическій толкъ Матвѣя Башкина и Ѳедора Косаго, что уже 1552 года изъ глуби Московской Руси прибыли въ Витебскъ трое русскихъ православныхъ монаховъ и рьяно выступили противъ обрядовъ иконопоклоненія и проч. Припомнимъ себѣ и слова Ошмянскаго подкоморія, кальвиниста Николая *Зеновича*, сказанныя на упомянутомъ съѣздѣ Виленскомъ (1599) о Русскихъ (de Moscis): и они склонны къ евангелію, сходятся сотнями въ Витебскъ и въ другія смежныя церкви къ богослуженію, жадно покупаютъ и читаютъ польскую библію Брестскаго изданія то-есть, (кальвинистскую); экземпляры Новаго Завѣта, изданнаго на счетъ Зеновича въ Вильнѣ, разошлись нѣсколькими сотнями въ Московской Руси, и здѣсь открывается богатая жатва Божія, только чтобъ не недоставало рабочихъ [1]).

Если таково было положеніе дѣлъ во второй половинѣ XVI столѣтія въ смежныхъ съ Литвой великорусскихъ областяхъ, то нельзя удивляться, что и чешскіе братья подумали о пріобрѣтеніи приверженцевъ своего исповѣданія въ великомъ восточно-славянскомъ царствѣ. Этотъ вопросъ поднялъ, на сколько извѣстно, Чехъ Янъ Рокита, старѣйшина чешскихъ братьевъ въ Великой Польшѣ, отправившійся въ Москву съ польскими послами (1570 г.), въ числѣ которыхъ были и паны Янъ изъ Кротошина и Рафаилъ Лещинскій братскаго исповѣданія. „Одно меня утѣшаетъ“, пишетъ Рокита Червенкѣ до своего отъѣзда (1569 г.),—„что этотъ народъ Московскій употребляетъ славянскій языкъ, и что, можетъ-быть, въ этомъ случаѣ Богъ можетъ открыться въ этомъ густомъ тракѣ“ [2]). Въ разговорѣ съ царемъ Иваномъ, Рокита старался изложить ему свое вѣроисповѣданіе въ отвѣтахъ на его вопросы, касающіеся разныхъ частей вѣры. Царь спросилъ Рокиту, чему онъ учитъ, что̀ думаетъ о постахъ, почему не кланяется иконамъ святыхъ, исповѣдуетъ ли онъ

---

[1]) Rogenvolscius, 262, 485.

[2]) *Gindely*, Quellen zur Geschichte der böhm. Brüder, 124. (Fontes rer. austr. Dipl. et Acta XIX).

къ Западному океану, отъ Адріатики до сѣвернаго Ледовитаго, и точно они только теперь, восемьсотъ лѣтъ тому назадъ вышли на свѣтъ, какъ вылупленные изъ яйца. Нѣтъ сомнѣнія что мы имѣли до сихъ поръ безглавую и несовершенную исторію". И такъ какъ никто болѣе способный не намѣренъ устранить этотъ постыдный недостатокъ, то Сарницкій самъ берется пополнить его на сколько возможно и создать болѣе прочную основу польской исторіи: онъ подробно разказываетъ о судьбѣ Славянъ уже со временъ внука Ноя, Асармота, предка Сарматовъ [1]).

И въ самомъ дѣлѣ мысль объ исторіи общеславянской родилась прежде всего въ Польшѣ. Планъ написать исторію всѣхъ Славянъ, нарисовать ихъ судьбу приняли два польскіе историка XVI и XVII вѣка, Папроцкій и Венгерскій, и осуществили его, на сколько это было возможно при средствахъ и состояніи науки того времени [2]).

Желаніе познакомиться съ исторіею всѣхъ Славянъ побудило знаменитаго Мазовшанина Варѳоломея Папроцкаго изъ Глаголъ (1540—1614 гг.) посвятить всю жизнь генеалогическимъ изслѣдованіямъ и трудамъ о родахъ славянскихъ. „Мнѣ уже почти семьдесятъ лѣтъ", говоритъ онъ въ послѣднемъ своемъ генеалогическомъ сочиненіи,—„и я съ тридцати лѣтъ и больше слѣжу за древностью гербовъ и родовъ въ Славянскомъ народѣ, скитаясь въ разныхъ странахъ и трудясь надъ тѣмъ" [3]). Папроцкій описываетъ на польскомъ и чешскомъ языкахъ „хорошія и дурныя дѣла князей и королей *славянскихъ*", именно королей польскихъ и чешскихъ, князей русскихъ, литовскихъ, силезскихъ, моравскихъ, потомъ „славянскихъ" родовъ, польскихъ, русскихъ, литовскихъ, чешскихъ, моравскихъ, силезскихъ и друг., также и епископовъ чешскихъ, моравскихъ и силезскихъ. О моравскомъ духо-

---

[1]) Dlugoss Hist. Polon. (1480, въ посвященіи Збигнѣву Олесницкому), Matth. de Miechow Chron. Polon. (1521, въ предисловіи), Sarnicki—Annales de origine Polon. (1587, въ посвященіи польско-литовскому сенату). Первый издатель Длугоша, Гербуртъ (въ Добромилѣ 1615) посвятилъ свое изданіе дожу и сенату Венеціанскому: «Principem historiae Slavicae Dlugossum vobis, Veneti, adferro. Et quod ejusdem inclytae gentis et generis pars magna estis. Nam majores vestri ex Paphlagonia ad Timarum Illyricum amnem nostro slavico sanguini permixti unam ex duabus gentibus fecere».

[2]) Дубровничанинъ Орбини писалъ нѣсколько лѣтъ послѣ изданія первыхъ трудовъ Папроцкаго.

[3]) Stambuch slezský (1609), въ одномъ изъ многихъ посвященій дворянамъ гербу Подкова. Ту же самую мысль и почти тѣми же словами Папроцкій высказываетъ и въ сочиненіи Ogród Królewski (1599, fol. 146).

Чешскіе писатели, занимаясь отечественною исторіей и языкомъ, не перестаютъ обращать вниманіе своихъ читателей на то, что Чехи— часть великаго, распространеннаго далеко и широко, народа Славянскаго, что они считаютъ „Русскихъ, Поляковъ и Югославянъ своими братьями, и какъ одноплеменниковъ, больше любятъ ихъ, чѣмъ иноплеменниковъ“ [1]). Чешскій языкъ,—такъ разсуждаютъ занимающіеся его обработкой—вовсе не находится въ узкихъ предѣлахъ; онъ есть часть обширнаго славянскаго языка, распространеннаго въ видѣ разныхъ нарѣчій въ Европѣ и Азіи; знаніе „прекраснаго и великолѣпнаго чешскаго языка полезно всѣмъ, отправляющимся по разнымъ поводамъ въ другія славянскія земли“ [2]).

Такое живое славянское сознаніе встрѣчаемъ мы болѣе или менѣе у всѣхъ тогдашнихъ чешскихъ ученыхъ, занимавшихся исторіей своего народа и языка: у Странскаго, Пешины, Бецковскаго и особенно у знаменитаго Богуслава Бальбина. Послѣдній, кромѣ обширныхъ, въ свое время знаменитыхъ, сочиненій по чешской исторіи, горячо защищалъ и свой чешскій языкъ, и славянскій въ особомъ прекрасномъ сочиненіи [3]). Другой знаменитый для своего времени историкъ чешскій Іоаннъ Іорданъ обратилъ свое вниманіе и на другіе народы славянскіе и подробно разбираетъ ихъ начало не только съ помощію всѣхъ, ему доступныхъ, историческихъ источниковъ, но и сравнительнаго славянскаго языкознанія; именно, сравниваетъ языки чешскій, польскій, хорватскій и церковно-славянскій [4]).

Еще въ первой половинѣ XVIII столѣтія въ іезуитскихъ гимназіяхъ чешскихъ учили, что „сходство Поляковъ, Чеховъ и Русскихъ въ языкѣ и нравахъ доказываетъ, что они произошли отъ трехъ братьевъ славянскихъ Лѣха, Чеха и Руса“ [5]).

Чехи XVII столѣтія проявляютъ не только теоретическое сознаніе славянскаго единства, но заявляютъ свои симпатіи и на практикѣ, вступаясь за своихъ южныхъ братьевъ славянскихъ, которымъ тогда, во время безпрестанныхъ турецкихъ войнъ, представлялась

---

[1]) Пешина изъ Чехорода (Mars Moravicus 1677, p. 18).

[2]) *Rosa*, Grammatica linguae bohemicae (1672, предисловіе). Ср. также грамматики *Яндита* (1704), *Долежала* (1746), и др.

[3]) Dissertatio apologetica pro lingua slavonica, praecipue bohemica (пис. 1672, изд. 1775).

[4]) De originibus slavicis (1745).

[5]) Учебникъ Rudimenta historica (1729, opusc. IV, 108).

скій начерталъ планъ общеславянской церковной исторіи [1]). Принявъ во вниманіе, что „славянскій языкъ далеко и широко распространенъ въ Европѣ и въ Азіи разными нарѣчіями“, онъ разказываетъ о крещеніи Болгаръ и другихъ Югославянъ, а также Чеховъ и Поляковъ; описываетъ возникновеніе гусситизма въ Чехіи и его проникновеніе въ Польшу; пространно разказываетъ о началахъ единства чешскихъ братьевъ, о распространеніи реформаціи, начавшейся въ славянскихъ земляхъ вообще раньше, чѣмъ въ нѣмецкихъ,—въ Польшѣ, Литвѣ и у Югославянъ, особенно у Словенцевъ и Хорватовъ [2]). Наконецъ, онъ говоритъ о крещеніи Русскихъ и о церкви русской, особенно о задуманномъ соединеніи православныхъ и диссидентовъ въ Польшѣ и Литвѣ. Не станемъ здѣсь распространяться объ этомъ сочиненіи Венгерскаго, которое страдаетъ, конечно, многими недостатками и неполнотой, нося на себѣ отпечатокъ своего времени; оно для насъ представляетъ интересъ только потому, что авторъ—одинъ изъ знаменитѣйшихъ богослововъ некатоликовъ въ Польшѣ — сдѣлалъ попытку собрать и свести въ одно всѣ самыя важныя, по понятіямъ того времени, событія въ жизни народовъ и представить картину разныхъ перемѣнъ въ церковныхъ обществахъ всѣхъ Славянъ.

Не забудемъ также, что и Стрыйковскій сталъ писать свою польско-литовско-русскую хронику „изъ искренней любви къ нашимъ народамъ славянскимъ“ и съ большимъ трудомъ, пользуясь двумя стами надежными историками, описалъ начало славянскихъ русскихъ народовъ [3]).

О славянскомъ своемъ происхожденіи, о родствѣ съ другими Славянами, читали Поляки во всѣхъ своихъ лѣтописяхъ и исторіяхъ съ древнѣйшихъ временъ, начиная съ первой попытки по отечественной исторіи въ началѣ XII вѣка. Они знали, что ихъ родина — „Славянское государство“ (regnum Sclavorum), какъ гласила и надпись надъ гробомъ величайшаго ихъ князя Болеслава Храбраго [4]).

[1]) Regenvolscius Adrianus (псевдонимъ Андрея Венгерскаго): Systema historico-chronologicum ecclesiarum Slavonicarum per provincias varias, praecipue Poloniae, Bohemiae, Litvaniae, Russiae, Prussiae, Moraviae etc. (Frajecti 1652).

[2]) Польскіе католики гордились тѣмъ, что религіозное движеніе, извѣстное подъ именемъ реформаціи, началось раньше у Славянъ (Чеховъ), чѣмъ у Нѣмцевъ. «Въ *Славянскомъ народѣ*», пишетъ неизвѣстный авторъ (Сарницкій?) книжки Colloquium Piotrkowskie (1566), «раньше, чѣмъ въ Нѣмецкомъ, стали являться защитники св. христіанской вѣры противъ суевѣрій Рима».

[3]) Kronika polska, litewsza, żmodzka, i wszystkiej Rusi Kijowsziéj, Moskiewskiéj etc. (1582, p. 89).

[4]) *Bielowski*, Monum. Polon. histor. I, 320.

II.

Славянское сознаніе у Поляковъ.

1. Выгодное положеніе Польши среди Славянъ.—Славянское сознаніе въ публичной и государственной жизни. — Андроникъ, Замойскій, Карнковскій, Гербуртъ, Збаражскій, Скарга, Грабовскій.

Если у Чеховъ славянское сознаніе живо являлось особенно вслѣдствіе ихъ опаснаго положенія посреди Нѣмцевъ, то географическое положеніе Поляковъ было таково, что они ужь отъ самой природы должны были приходить къ сознанію родства съ окружающими ихъ со всѣхъ сторонъ соплеменниками. Ни одно изъ древне-славянскихъ государствъ не имѣло положенія столь выгоднаго для того, чтобы сдѣлаться средоточіемъ всего западнаго и восточнаго славянства, какъ Польша. Съ запада примыкали къ ней славянскія племена Балтійскія и Лабскія, Лютичи и Сербы, Чехи и Моравяне, съ востока многочисленныя племена Русскихъ Славянъ. На югѣ же Польша, посредствомъ Словаковъ и королевства Угорскаго, могла завязывать сношенія и съ южными Славянами.

Что такъ не случилось, что Польша не сдѣлалась средоточіемъ западнаго и восточнаго славянства, въ томъ виноваты отчасти независѣвшія отъ нея историческія причины, а отчасти и она сама. Историческія событія сложились такъ, что Польша первыхъ трехъ Болеславовъ оказалась слабѣе могучей имперіи Римско-Нѣмецкой, всегда заявлявшей притязанія на западныхъ Славянъ. Эти послѣдніе, особенно Чехи и Лютичи, отчасти изъ врожденной Славянамъ ненависти другъ противъ друга, отчасти и изъ династическихъ интересовъ, сами отказались отъ предлагаемой имъ политической комбинаціи—образованія западно-славянскаго государства, подъ властью сильныхъ князей Польскихъ. Собранію разныхъ славянскихъ племенъ около Польши не мало помѣшало и раздѣленіе христіанской церкви на западную римско-латинскую и царьградско-греческую, послѣдствія чего замѣтно проявились особенно между Славянами. Польскіе государи, проникая въ Галичъ, Владиміръ, Кіевъ, Смоленскъ, Москву и другія русскія земли, являлись православному *Русскому народу* не только простыми завоевателями, Ляхами, а и „латинянами“ — врагами православія, и дѣйствительно, они своими поступками оправдывали это мнѣніе восточныхъ Славянъ. „Православіе“ и „католицизмъ“ — вотъ то главное препятствіе, которое помѣшало добровольному слiянію обоихъ славянскихъ народовъ въ одно политическое тѣло.

вію, Штирію, Каринтію, Славонію (нынче Далмацію), Хорватію, Паннонію (нынче Угрію), Болгарію и много другихъ странъ“ [1]).

Вотъ вкратцѣ мнѣнія о происхожденіи Славянъ, распространенныя въ Польшѣ до XIV вѣка. Въ нихъ ясно пробивается сознаніе родства всѣхъ Славянскихъ народовъ, равно какъ и теорія о прибытіи Ляховъ и другихъ Славянъ въ закарпатскія равнины съ юга, изъ дунайскихъ земель. Но эта теорія хотя на долго удержала за собою господство и авторитетъ, не осталась все-таки неприкосновенною. Явилась теорія противоположная, проповѣдывающая о происхожденіи Поляковъ и вообще всѣхъ Славянъ изъ сѣверовостока, изъ Сарматіи или Руси. Это мнѣніе высказалъ уже въ половинѣ XV вѣка ученый архіепископъ Львовскій Григорій изъ Санока († 1479 г.), провожавшій короля Владислава въ его походахъ въ Сербію и въ Болгарію,—въ своихъ, для своего времени, удивительно вѣрныхъ разсужденіяхъ о началѣ Польскаго народа по Викентію Кадлубку. Онъ, приближаясь больше всѣхъ къ своему соотечественнику XIX вѣка, Суровецкому, утверждалъ, что Поляки происходятъ отъ древнихъ Венетовъ, которые, оставивъ свою сѣверную страну, распространились черезъ Сарматію до рѣки Днѣстра и до Вислы. Когда число ихъ увеличилось, они перешли черезъ Дакію въ Мизію и постепенно заняли Далмацію и Иллирію, такъ что не прерываясь жили въ странахъ, начиная съ океана до Адріатики. Это мнѣніе подтверждаетъ и языкъ, который у всѣхъ живущихъ въ этихъ обширныхъ полосахъ земель одинъ съ незначительными оттѣнками [2]). За Григоріемъ Саноцкимъ послѣдовали Ваповскій, Бѣльскій Мартинъ, Кромеръ, Стрыйковскій; но ни одинъ изъ этихъ многорѣчивыхъ писателей не высказался такъ хорошо, какъ Григорій въ нѣскольких своихъ замѣткахъ.

Такимъ образомъ, съ XV столѣтія въ польской исторической наукѣ существуютъ два мнѣнія о происхожденіи Поляковъ и Славянъ вообще: одни защищаютъ ихъ начало съ сѣвера, изъ Руси, другіе, слѣдуя своимъ древнимъ лѣтописямъ, выводятъ Славянъ съ юга.

Мы видимъ, что польскіе историки смѣшали два отдѣльные періода древней исторіи Славянъ—древнѣйшее преданіе о поселеніи

---

[1]) *Bielowski*, Monum. Polon. histor. I. 394, II. 16, 164, 266, 468. «W Panoniey to jest w Słowieńskiey ziemi» пишутъ еще Поляки XVI вѣка (Powieść o założeniu klasztora na Lysey Gorze).

[2]) Callimachi Vita Gregorii Sanoc. (*Wisznievski*) Pomniki historyi i liter. pol. IV, 53; его же Histor. liter. pol. IV, 10).

ніи отнять у Польши „отчину св. Владиміра"; всѣ Югославяне, давно потерявъ государственную независимость, подпали подъ чужую власть, по большей части подъ турецкое иго; наконецъ, Чехи, избравъ себѣ въ короли Габсбурговъ, вращались уже въ кругу ихъ нѣмецкой политики. Такія мысли не разъ высказывали не только другіе Славяне, но и сами государственные люди польскіе на сеймахъ, въ переговорахъ и въ разныхъ другихъ случаяхъ.

Отъ могучихъ польско-литовско-русскихъ государей Чехи ожидали защиты противъ Нѣмцевъ, а Югославяне помощи для освобожденія отъ турецкаго ига. Эту мысль особенно развилъ уже въ первой половинѣ XVI столѣтія далматскій Юго-Славянинъ Транквилъ Андроникъ. Вызывая Поляковъ къ тому, чтобъ они двинулись противъ Турокъ, завладѣвшихъ чуть ли не цѣлымъ Угорскимъ королевствомъ, онъ раскрываетъ передъ ними печальную картину всего славянства. „Народъ и языкъ славянскій", говоритъ Андроникъ въ своей рѣчи къ польскимъ вельможамъ,—„своимъ объемомъ превышаетъ всѣ другіе народы, занимая безчисленныя земли вплоть отъ Ледовитаго океана до Адріатическаго моря, отъ рѣки Лабы до Чернаго моря, кромѣ тѣхъ, которыми завладѣли урало-чудскіе Мадьяры и отъ Римлянъ происходящіе Волахи, то-есть, кромѣ Панноніи и Дакіи. Этотъ народъ, который былъ извѣстенъ множествомъ своихъ государей, подвиги котораго славились въ мірѣ, который былъ грозою сосѣднихъ народовъ,—теперь жалко разъединенъ и подвластенъ разнымъ государямъ. Только народъ Польскій — ибо о Чехахъ и восточныхъ Русскихъ теперь ничего не скажу—управляется покойно и мирно своими королями и пользуется свободой своихъ дѣдовъ; также отчасти и Хорваты и Угорскіе Славяне, которые присоединились къ римскому королю, кромѣ Краинцевъ и части прибрежныхъ Хорватовъ, которые подвластны австрійскимъ государямъ. Многочисленные прибрежные города далматскіе, въ послѣдней войнѣ дурно защищаемые, потеряли свои области и остались подъ властью Венеціанцевъ. Дубровничане же хотя и не совершенные рабы, но и не вполнѣ свободны. Все остальное изъ нашего народа, Сербовъ и Болгаръ въ Дарданіи, Мизіи и Ѳракіи и всю Иллирію покорилъ себѣ Турокъ и господствуетъ надъ нами надменно, жадно и жестоко. Русинамъ посчастливилось, что они соединились съ Поляками, ибо они живутъ подъ справедливымъ и законнымъ правительствомъ, и соединивъ свои силы, безопаснѣе отъ грозы варварской. Поэтому слѣдуетъ всѣмъ, хотя и отдаленнымъ, но общимъ языкомъ съ вами связаннымъ народамъ про-

нахъ, и что Поляки, Чехи, Болгаре и Славяне русскіе происходятъ отъ Мосоха или Москвы, сына Іафета; оттуда они перешли за Днѣпръ и Дунай и заняли всѣ земли между морями Чернымъ, Адріатическимъ и Эгейскимъ. Всѣмъ этимъ землямъ дали они новыя названія: Мизію назвали Болгаріей или Сербіей, Либурнію — Босной, Илирики и Далмацію — собственною Славиніей [1]).

Современникъ Ваповскаго, Матвѣй изъ Мѣхова ревностно сталъ защищать древнее мнѣніе о происхожденіи Поляковъ съ юга, изъ Хорватіи и Далмаціи, отвергая ихъ выходъ съ Дона, изъ Роксоланіи или Руси. Славяне, такъ разсуждаетъ Мѣховита, автохтоны во всѣхъ своихъ нынѣ занимаемыхъ ими земляхъ. Славяне искони живутъ въ южныхъ земляхъ, въ Македоніи, Далмаціи, Албаніи, Истріи, Хорватіи и въ другихъ земляхъ; въ городахъ Македоніи, въ Филиппополѣ, Скопьѣ, Софіѣ, въ Дубровникѣ, во всѣхъ поселеніяхъ до самой Ѳессаліи славянскій языкъ всегда употреблялся и употребляется. Для этихъ адріатическихъ Славянъ св. Іеронимъ изобрѣлъ письмо „буквицу" и ввелъ у нихъ богослуженіе на ихъ языкѣ. Изъ южныхъ же земель, изъ Славоніи, изъ города Псаровъ, въ незапамятное время вышли братья Чехъ и Лѣхъ на сѣверъ и заняли всѣ до тѣхъ поръ пустыя земли на Лабѣ, Одрѣ и Вислѣ; ихъ народы назвались Чехи и Ляхи, какъ послѣднихъ до сихъ поръ называютъ Русскіе, Греки, Румыны и Татары, даже и Мадьяры (Lengyel). Еслибы всѣ эти южные и западные Славяне происходили отъ Русскихъ, то ихъ языкъ былъ бы болѣе похожъ на русскій, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Чехи и Поляки хотя по своему географическому положенію и ближе къ Русскимъ, но значительно разнятся отъ нихъ языкомъ и обычаями и меньше понимаютъ по русски, чѣмъ по далматски-славонски, хотя уже нѣсколько тысячелѣтій назадъ они вышли изъ этихъ югославянскихъ земель. Языкъ Далматовъ, Сербовъ и ихъ сосѣдей не одинъ и

[1]) Хроника Ваповскаго (съ древнѣйшихъ временъ до 1535 года) отчасти утрачена; только часть ея (съ 1380 года), недавно отысканную, издалъ Малиновскій (1847—1848); послѣдній отдѣлъ, о царствованіи Сигизмунда, изданъ уже въ 1589 г. Хронику Ваповскаго знали Кромеръ и Стрыйковскій; Мартинъ же Бѣльскій, сокративъ ее, помѣстилъ въ своей всемірной хроникѣ. Мысль Ваповскаго о происхожденіи Поляковъ изъ сѣверной Руси опредѣлилъ ближе Христ. Варшевицкій; онъ выводитъ Поляковъ изъ Новгорода; языкъ Новгородцевъ больше всѣхъ похожъ на польскій, и сами Новгородцы типомъ своимъ подходятъ къ шляхтѣ мазовской (De origine generis et nominis polonici dialogus 1580. Знаемъ только его содержаніе).

тотъ же съ русскимъ, и хотя Русскіе, Москвитяне и Болгаре и отправляютъ богослуженіе на сербскомъ языкѣ, но все-таки народъ его не понимаетъ, и онъ представляетъ большія затрудненія даже для священниковъ, „владыкъ и батекъ“ [1]).

Интересныя замѣчанія о единствѣ Славянъ представляетъ и Мартинъ Бѣльскій въ своихъ разсужденіяхъ о началѣ Славянскаго народа, которыя онъ помѣстилъ какъ введеніе къ сокращенной имъ по польски хроникѣ Ваповскаго. Касаясь разныхъ названій Славянъ въ древнія времена, онъ замѣчаетъ, что Славяне навѣрное жили и прежде въ единствѣ: „Вѣдь и нынче, не смотря на ихъ разбросанность по свѣту, они имѣютъ одинъ языкъ, хотя у иныхъ, живущихъ между чужими народами, немного и измѣнился. Я думаю, что нѣтъ между нами такого дурака, который считалъ бы рѣчь русскую, московскую, сербскую, чешскую иною, чѣмъ нашу; все это одна рѣчь, и только послѣ недавняго общаго раздѣленія измѣнились въ ней нѣкоторыя слова. Я видѣлъ теперь польскую библію древняго письма, въ которой находится большая половина сербскихъ (sic) словъ; а эта Сербія лежитъ въ сосѣдствѣ Болгаріи и Босны, въ которой деспотъ сильно княжилъ, пока его не истребили Турки. И нынѣ еще люди употребляютъ много славянскихъ словъ: gospoñie по славянски (hospodinie), panie; такъ говоримъ мы на славянскій ладъ iże prawi, то-есть, mowi; дѣти называютъ по славянски отца — tata; мы перестаемъ употреблять одни славянскія слова, а хватаемся за другія. Одни только Русскіе и Чехи мало или ничего не измѣнили въ нашемъ языкѣ“. Приведши жалованную грамоту Александра Великаго Славянамъ, Бѣльскій продолжаетъ: „И теперь находится славянскій языкъ во всѣхъ странахъ, начиная съ моря Ледовитаго, которое есть далеко за Москвой, до моря Венетскаго, которое называемъ Адріатическимъ; между ними расположены народы нашего языка. Прежде всего Москва, потомъ Русскіе, Поляки, названные отъ „полей“, Болгаре, Босняки или Сербы или „Русскіе“ („Rusacy“ смѣшалъ съ „Rascia“)—это все одно и то же. Далматы, Илирики, гдѣ была Либурнія, Хорваты, Истры, Бургунды (sic); Истры — эти говорятъ на славянскомъ языкѣ по деревнямъ, въ городахъ же и по италіански. Многіе изъ нихъ при

[1]) Chronica Polonorum (1521), въ письмѣ епископу Андр. Крицкому. Срав. его же Tractatus de duabus Sarmatiis (1517, 1521). Но въ самой хроникѣ онъ производитъ Русскихъ отъ третьяго брата Чеха и Лѣха, Руса, который заселилъ обширныя земли русскія.

няли чужіе обычаи, какъ напримѣръ, Болгаре, Босняки, Рацы, Хорваты — турецкіе, Бургунды, Поморяне, Силезцы — нѣмецкіе, Истры и Далматы — италіанскіе; но всѣ они, живя между чужимъ народомъ, употребляютъ свой природный языкъ [1]).

Особенно обширно разсуждаетъ о началахъ Славянъ М. Кромеръ, посвятивъ этому предмету всю первую книгу своей польской исторіи [2]). Онъ выводитъ великій народъ Славянскій — назвавшійся или по „славѣ“ или по „слову“, которое всегда исполняли,— изъ восточной Европы, изъ Руси, отъ древнихъ Венедовъ и Сарматовъ; оттуда, изъ сѣверо-востока вышли и западные Славяне на западъ въ земли на Вислѣ, Одрѣ и Лабѣ, и на югъ за Дунай, а не на оборотъ съ юга на сѣверъ. Польская исторія Кромера, переведенная позже и на польскій языкъ, сдѣлалась въ Польшѣ главною книгой по этому предмету и сохранила свое значеніе до самого XVIII столѣтія. Всѣ его преемники на историческомъ поприщѣ пользовались ею болѣе или менѣе: такъ поступали Красинскій, Стрыйковскій, Сарницкій, Папроцкій, Бѣльскій и друг., прибавляя къ ней разныя свои мнѣнія и выдумки.

Многорѣчивый Стрыйковскій знаетъ Славянъ довольно хорошо; онъ бывалъ не только въ польскихъ и русскихъ земляхъ, но и у Югославянъ. Свѣдѣнія свои онъ черпалъ между прочимъ и изъ разныхъ лѣтописей русскихъ, изъ какой-то болгарской и славянской хроники, изъ чешскихъ Гайка и Дубравскаго. Стрыйковскій, выводя Славянъ тоже изъ Руси, считаетъ собственнымъ стародавнимъ славянскимъ языкомъ—русскій, московскій, такъ какъ Русскіе, которыхъ называетъ Москвою, издавна жили въ своихъ полуночныхъ странахъ и оттуда не выходили, между тѣмъ какъ другіе Славяне, западные и южные, вышедъ оттуда, смѣшались съ другими народами. Сарницкій въ своемъ обширномъ введеніи въ польскую,—по его мнѣнію, безглавую—исторію, разказывая о началѣ, умноженіи и уменьшеніи всего славянскаго поколѣнія, думаетъ, что Славяне назвались такъ по причинѣ одного языка, какъ „одноязычники“; это имя всѣмъ равно пріятно. Въ введеніи же онъ довольно обширно описываетъ исторію южныхъ и западныхъ Славянъ, ихъ борьбу съ Византійцами, съ Франками и пр.

---

[1]) Kronika wszytkiego świata (1550, fol. 2-е изд. 1554 г.; въ 3-мъ изд. 1564 года; эта часть уже передѣлана по Кромеру). Сказанія Бѣльскаго о Славянахъ перешли и въ русскіе хронографы. (*Поповъ,* Изборникъ изъ русской хронографіи 131, 438).

[2]) De origine et rebus gestis Polonorum (1555, и часто).

памятниковъ этихъ народовъ. Чтобы ближе съ ними познакомиться, приходилось имъ нерѣдко даже учиться другимъ славянскимъ языкамъ, особенно русскому и чешскому.

Эту связь исторіи Польши съ судьбою смежныхъ ей народовъ, особенно славянскихъ, чувствуютъ многіе польскіе историки и нерѣдко сами высказываютъ мысль, что, описывая судьбы своего собственнаго народа, они не должны упускать изъ виду и исторію другихъ Славянъ. „Если я описалъ не только исторію Поляковъ", говоритъ знаменитый историкъ польскій XV вѣка Длугошъ,—„но и исторію Чеховъ, Угровъ, Русскихъ, Прусовъ, Литовцевъ и Нѣмцевъ, то я сдѣлалъ это обдумано: ибо всѣ эти страны очень часто находились въ сношеніяхъ и столкновеніяхъ съ Поляками, либо по поводу одинакого языка, либо по поводу сосѣдства, даже и подъ правленіемъ однихъ государей". Преемники же Длугоша, Мѣховита и Сарницкій, еще яснѣе указываютъ на необходимость соединенія исторіи польской съ общеславянскою; первый издаетъ свою польскую исторію, между прочимъ, для того, чтобы на ея основѣ кто-нибудь описалъ и обнялъ, на память потомкамъ „весь народъ и всѣ страны Славянъ, чтобъ остатки Славянъ не портились проклятыми заблужденіями. Кто же не знаетъ, что Гунны, Скиѳское племя, раззорили и завоевали Паннонію, родную землю Славянъ, и до сего времени ею владѣютъ? Кто же не видитъ, что Болгары, Сербы и Босняки преданы греческому обряду и порабощены магометанами Турками? Кто не видитъ, что Далматы, Хорваты и Краинцы почти совсѣмъ раззорены Турками и чужими народами? Кто же сверхъ того не знаетъ, что Чехи осквернены разными ересями? Кто не знаетъ, что Русскіе и Москвитяне, живущіе въ обширнѣйшихъ сѣверныхъ странахъ греческаго обряда—схизматики, оторванные отъ святой церкви, и что они ежегодно разоряемы, тѣснимы и продаваемы въ рабство Турками и Татарами? Кто же не читалъ, что Славяне Ляшскіе, жившіе при Балтійскомъ морѣ, теперь Нѣмецкомъ, покорены Римскими императорами, что на ихъ мѣста вводились Нѣмцы, такъ что изъ нихъ, въ ихъ первоначальной родинѣ, остались лишь немногіе живущіе съ Нѣмцами по деревнямъ, особенно около Любека и Ростока? Одна только Польша, по Божьей милости, остается вѣрна римской церкви".

Если Мѣховита желаетъ общеславянской исторіи, то Сарницкій прямо жалуется на небрежность польскихъ историковъ, которые начинаютъ свои разказы отъ Лѣха, „точно прежде не было народовъ славянскаго языка, распространеннаго отъ Чернаго моря на западъ

другія разныя, болѣе или менѣе странныя, мнѣнія о происхожденіи Поляковъ. Многіе, недовольные самымъ простымъ фактомъ, что Ляхи или Поляки-Славяне, поселившіеся въ „лѣхахъ" и „поляхъ" на Вислѣ, стали искать начало своего народа во всѣхъ сторонахъ міра [1]). Такъ, Орѣховскій производилъ Славянъ отъ Грековъ, съ нравами которыхъ было много общаго у Славянъ. Въ Полякахъ, первомъ славянскомъ народѣ, соединены дѣльность Далматовъ и живость Македонянъ; греческое слово κοίρανος сравниваетъ съ славянскимъ: *краль*, *король* [2]). Славный поэтъ Іоаннъ Кохановскій сомнѣвается въ существованіи Лѣха и Чеха, не упоминаемыхъ въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ и называетъ мнѣніе о прибытіи Лѣха и Чеха изъ югославянской Хорватіи на сѣверъ баснею; напротивъ, южные Славяне вышли изъ сѣверныхъ странъ. Если и Чехи, и Поляки называются Славяне — Кохановскій намекаетъ здѣсь на „Славянъ" въ тѣсномъ смыслѣ, то-есть, западныхъ Югославянъ,—то это общее названіе всѣхъ Славянъ, Руси, Москвы, Болгаръ и Сербовъ. Отбрасывая происхожденіе Чеховъ и Лѣховъ отъ миѳическихъ братьевъ, Кохановскій думаетъ, что Чехи— такъ ихъ называютъ всѣ Славянскіе народы—происходятъ отъ кавказскихъ Цекковъ, упоминаемыхъ у византійскаго историка Прокопія; а такъ какъ Поляки составляли прежде одинъ народъ съ Чехами и только со временемъ разошлись, то и они происходятъ оттуда же. Самое названіе Ляхи осталось для Кохановскаго темнымъ; оно или сокращенное Поляки, Поляхи, или происходитъ отъ Влаховъ, отъ вѣры латинской, или наконецъ, отъ какого-нибудь князя Лѣха или Лѣщка позднѣйшихъ временъ [3]).

Но высшаго совершенства въ производствѣ Славянъ и Поляковъ достигъ Дембоэнцкій [4]). Онъ, въ своемъ курьезномъ сочиненіи, „по-

[1]) Такіе ученые до сихъ поръ водятся между Поляками, и Ляхи представляются имъ саксонскими Лазами, скандинавскими Лагами, кельтскими Влахами, иллирскими Лихитами, даже и «Лихими», то-есть, несчастными («licho», между тѣмъ какъ Чехи—«cetno», счастные).

[2]) Annales (1554, введеніе), Quincunx (1564, изд. Туровскаго, 66).

[3]) O Czechu i Lechu, historya naganiona, въ полномъ собраніи его сочиненій (Jan Kochanowski, Kraków 1585, p. 189—192). Сравн. и ниже его поэму Proporzec. Отъ кавказскихъ Джиковъ и Ляговъ или Лезговъ производилъ Чеховъ и Ляховъ еще сто лѣтъ тому назадъ чешскій историкъ Добнеръ.

[4]) Wojc. Dębołęcki: Wywód jedynowłasnego państwaświata, że najstarodawniejsze w Europie Królestwo Polskie etc. w panowaniu światu od Boga w raju postanowionym, i że język słowieński pierwotny jest na świecie (Warsz. 1633). Уже современники насмѣхались надъ этимъ сочиненіемъ (Biblioteka Warszawska, 1854,

священномъ всѣмъ народамъ славянскаго языка", серьезно доказываетъ, что королевство Польское или Скиѳское происходитъ прямо отъ Адама, Сиѳа и Іафета, и что самимъ Богомъ уже въ раю ему назначено всемірное господство; что славянскій языкъ есть первый на свѣтѣ, на которомъ—сирійскомъ—говорили Адамъ и Ной, и отъ котораго произошли всѣ остальные языки въ мірѣ. Такъ, напримѣръ, греческій языкъ есть славянскій, какъ онъ и до сихъ поръ существуетъ вездѣ около Греціи, въ Ѳракіи, Болгаріи, Македоніи, Далмаціи и во всей Илліріи; самъ Гомеръ былъ Славяниномъ. И Латины говорили по славянски; оттуда же Иллирики (то-есть, Словенцы) называютъ Италію также, какъ Поляковъ, то-есть, Ляхи или Влахи (чешск. Vłachi, польск. Włochi). Славяне происходятъ изъ государства Парадисскаго „Poradziż" (отъ spolnej rady) и Вавилона („babie łono"). По Сиѳу назвались Скиѳами и по сыновьямъ Іафета, Гогу и Магогу (по славянски „Ляхъ" и „Поляхъ"), Ляхи и Поляки. Въ земляхъ короны польской, по свидѣтельству всѣхъ древнихъ лѣтописцевъ польскихъ, русскихъ и чешскихъ, никогда не было Нѣмцевъ и никакого другого народа; искони здѣсь живутъ Поляки и Русь; оттуда же вышли Иллиры (Югославяне) въ Далмацію и другія задунайскія земли. По пророчествамъ же Даніила и Апокалипсиса, польскій орелъ, какъ преемникъ Гога и Магога, распространитъ свое господство надъ всѣмъ міромъ, и проч. Мы привели эти фантазіи патера Лисовчиковъ какъ интересное свидѣтельство, что уже тогда въ Польшѣ толковалось на основаніи библіи о всемірномъ господствѣ Славянъ или перваго ихъ народа и государства того времени, Польши. Что касается странныхъ историческихъ и этимологическихъ выводовъ Дембоэнцкаго, то имъ нечего удивляться: они повторяются иногда и въ наше время исторической критики и сравнительнаго языкознанія.

3. Славянское сознаніе въ польской лингвистической, теологической, переводной литературѣ. — Мончинскій, Кнапскій, Стоенскій. — Церковно-славянскій языкъ въ Польшѣ. — Славянскій монастырь въ Краковѣ. — «Дворянинъ» Горницкаго.

Поляки, живя посреди остальныхъ Славянъ, имѣя съ ними съ древнѣйшихъ временъ разныя сношенія и столкновенія, имѣли прекрасный случай познакомиться съ ними ближе, узнать ихъ обычаи

I, 473). Авторъ былъ священникомъ въ войскѣ извѣстныхъ Лисовчиковъ, которые свирѣпствовали почти во всѣхъ славянскихъ земляхъ, отъ Волги до Шумавы и до Дуная.

и ихъ языкъ. Сношенія Поляковъ съ Чехами были такъ тѣсны, что чешскій языкъ, выработавшійся ранѣе польскаго, имѣлъ большое вліяніе на образованіе и развитіе послѣдняго и былъ извѣстенъ въ Польшѣ въ различныхъ кружкахъ до конца XVI столѣтія. Съ другой стороны, Поляки, сносясь и сталкиваясь безпрестанно съ восточными своими сосѣдями, съ великимъ народомъ Русскимъ, знакомились съ разными его отраслями и нарѣчіями, начиная съ Перемышля и Люблина и кончая Псковомъ и Москвой. Преимущественно отъ Русскаго народа услышали они и церковный славянскій языкъ, который когда-то раздавался и на сѣверѣ отъ Карпатъ около Кракова, и употребленіе котораго возобновилось въ Краковѣ въ концѣ XIV вѣка, хотя на короткое лишь время. Наконецъ, Поляки, находясь въ дружескихъ связяхъ съ сосѣднимъ королевствомъ Угорско-Хорватскимъ, имѣли случай сходиться и съ разными Югославянами — Хорватами, Сербами и Болгарами [1]).

Такимъ образомъ, Поляки могли легко познакомиться и съ языками своихъ соплеменниковъ. Считая по всей справедливости свой народъ и свое государство первымъ между Славянами, видя, что польскій языкъ распространяется съ большимъ успѣхомъ во всей югозападной Руси, что онъ проникаетъ даже и въ сѣверо-восточную, въ Москву, и съ другой стороны, что онъ извѣстенъ и у западныхъ ихъ собратьевъ Чеховъ, Поляки — стали считать *свой* языкъ первымъ славянскимъ языкомъ, понятнымъ и пріятнымъ и для другихъ Славянъ.

Такъ, Мончинскій, издавая первый латинско-польскій *словарь*, замѣчаетъ, что его сочиненіе полезно и необходимо не только Полякамъ, но вообще и всѣмъ остальнымъ народамъ, государствамъ и племенамъ, которыя употребляютъ древнѣйшій и далеко, и широко распространенный славянскій языкъ: Поляки, Русскіе или Русины или Роксоланы, Мазовшане, Подоляне, Волыняне, Литовцы, Жмудь, Пруссы, Кошубы, Освѣтимяне, Заторяне, Поморяне, Чехи, Мораване, Силезцы, Далматы, Хорваты, Босняки, Гунны, Авары, Рамы (въ Боснѣ), Рацы, Мизы, Сербы, Болгаре, Галичане, Владимірцы, Команы, Краинцы, Пожеганы (въ Славоніи), Форожлійцы (то-есть, Словенцы въ Горицѣ и Венеціи), Истры, Илиры, Галаты или Кочевяне (Gallates seu Coszovenses), Вандалы (то-есть, Венды), Москвитяне и часть Ка-

---

[1]) Объ отношеніяхъ Поляковъ къ Чехамъ, Русскимъ и Югославянамъ см. ниже.

Въ первыхъ польскихъ лѣтописяхъ сохранились и нѣкоторыя важныя, хотя довольно запутанныя преданія изъ древнѣйшихъ временъ славянства: такъ, преданіе о первоначальномъ пребываніи Славянъ въ дунайскихъ земляхъ, о первоначальномъ единствѣ всѣхъ Балтійскихъ Славянъ, Ляховъ (Лехитовъ), начиная съ нижней Лабы, глубоко на востокъ за Вислу и проч.

Первый польскій лѣтописецъ, Мартинъ Галлъ (1110—1135 гг.), хорошо знаетъ, что, „Польша есть сѣверная часть Славянской земли", окруженная Русью, Угріей, Моравой, Чехіей, Даніей и Саксоніей; съ другой стороны, Славянская земля тянется отъ Ѳракіи черезъ Угрію и Каринтію до Баваріи и отъ Эпира по морю чрезъ Далмацію, Хорватію и Истрію до границъ Италіи къ Аквилегіи и Венеціи. Въ этой Славянской землѣ, замѣчаетъ его современникъ, Краковскій епископъ Матвѣй (1150 г.),—есть много областей, особенно Польша, Чехія и Русь, такъ-сказать, другой міръ, гдѣ живетъ народъ Русскій, по безчисленному своему множеству равняющійся звѣздамъ. О раскинутости „Славянскаго государства" (Slaviae monarchia), то-есть, Польши, въ древнія времена знаетъ и Викентій, такъ-называемый Кадлубекъ (около 1206 г.). Больше свѣдѣній о Славянахъ имѣли ихъ преемники XIII вѣка, Богухвалъ, Паско (Башко), Дзержва (Мержва?) и ихъ продолжатели. „Славяне говорятъ многими различными языками, понимая другъ друга, хотя немного и отличаются въ нѣкоторыхъ словахъ и въ произношеніи. Они происходятъ отъ одного праотца Слава, имя котораго они употребляютъ до сихъ поръ, напримѣръ: Томиславъ, Ярославъ, Станиславъ, Вячеславъ. По древнѣйшимъ свидѣтельствамъ, колыбель всѣхъ Славянскихъ народовъ — Паннонія (то-есть, дунайскія земли), названіе славянское, происходящее отъ „панъ", которое на разныхъ славянскихъ языкахъ значитъ „господинъ", „князь". Панъ основатель Паннонскаго государства, а его трое сыновей: Лѣхъ, Русъ и Чехъ — основатели государствъ Ляшскаго, Русскаго и Чешскаго. Въ послѣдствіи возникли и другія государства и княжества Славянскаго народа, какъ напримѣръ, Болгарское, названное по рѣкѣ Волгѣ, рацское (Сербія), Далматское, Каринтское, Ранское, Кошубское, Сербское и другія при Балтійскомъ морѣ и на Лабѣ, въ которыхъ княжили потомки князя Лѣшка. Другое названіе Славянъ было Вандалы или Вандалиты по рѣкѣ Вандалу (Вислѣ) или по Вандалу, потомку Яфета, сыновья котораго заняли больше, чѣмъ четвертую часть Европы Русь, Польшу, Поморье, Кошубію, Сербію (нынче Саксонію), Чехію, Мора-

польскій и другіе славянскіе языки, хорошо понялъ уже тогда одинъ изъ первыхъ не католическихъ дѣятелей въ Литвѣ, Симеонъ Будный. „Что касается славянскаго перевода“, говоритъ Будный въ предисловіи къ польскому переводу Новаго завѣта, — „то я не только не браню его, но очень имъ любуюсь и признаюсь, что я изъ него научился многому. Мнѣ кажется, что всѣ переводчики нашего славянскаго языка, нынѣшніе и будущіе, Поляки ли, Русскіе, Хорваты, или Чехи, которые захотѣли бы переводить Новый завѣтъ, не передадутъ, можетъ-быть, всего вѣрно, какъ должно быть, если не будутъ пользоваться этимъ древнимъ своимъ переводомъ. Этотъ переводъ сдѣлался большимъ сокровищемъ для всѣхъ Славянъ; но что жь это, когда одни, какъ Чехи и Поляки, вовсе не знаютъ о немъ, а другіе, какъ Русскіе, Москвитяне и пр., неправильно понимаютъ его“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Будный хорошо знаетъ, что славянскій переводъ того времени,—тогда еще не была издана Острожская Библія,—не безошибоченъ, и приводитъ нѣсколько такихъ мѣстъ изъ русскаго перевода Библіи Скорины и Московскаго Апостола, Евангелій и другихъ книгъ [1]).

Слѣдя за измѣненіями своего языка, польскіе писатели находили, что нѣкоторыя устарѣлыя слова польскія встрѣчаются въ славянскомъ языкѣ. Такъ, напримѣръ, они разсуждаютъ, что Поляки прежде, вмѣстѣ съ древними Славянами, называли тѣло—*путъ* (то-есть, плоть), палецъ — *перстъ*, мужчину — *отрокъ*, сатану — *врогъ* (врагъ); теперь этихъ словъ не слышно, развѣ лишь кое-гдѣ между поселянами, или между Русью и Москвой. Изъ славянскаго или „болгарскаго“ языка принимаютъ даже нѣкоторыя слова въ свой польскій (напримѣръ, книга, глава) и справедливо сравниваютъ недостатки польской ороографіи (*cz*, *sz*, *szcz*) съ болѣе совершеннымъ правописаніемъ языка славянско-болгарскаго (*ч*, *ш*, *щ*) [2]).

---

[1]) Nowy Testament znowu przełożony etc. (1574). Будный, происхожденія русскаго, старался распространять реформацію и посредствомъ русскихъ книгъ. Посвящая русскій переводъ Лютерова катехизиса (Несвежъ, 1562) Радивиламъ, онъ говоритъ, что «списана ся книжка того для, абы ся ваши княжацскія милости не только въ чужоземскихъ изыцѣхъ кохали, але абы ся тежъ в. к. м. и того здавна славного *языка словенского* розмиловати и онымъ ся бавити рачили».

[2]) Skarga, Kazania (Kraków, 1600 p. 95, мимоходомъ говоря о перемѣнахъ польскаго языка); Orzechowski: Politia (1566, рукоп.), и его же письмо Янушовскому 1564 г. (*Wiszniewszi* Hist. lit. pol. VI, 381, 400. *Maciejowski*, Piśmiennictwo polskie, Dodatki 245). Впрочемъ, слова «книга» и «глава», какъ ихъ пишетъ

Поляки хорошо знали, что на славянскомъ языкѣ отправляютъ богослуженіе не только православные и уніаты Русскіе, Болгаре и Сербы, но и Хорваты-католики, у которыхъ введеніе славянскаго богослуженія приписывали, по общему тогда мнѣнію, св. Іерониму. Ему же или св. Кириллу приписывали и письмо „славянское", „русское", „глагольское" или „азбуку", „буквицу", „кириллицу". Кромѣ того, Поляки помнили, хотя смутно, что въ отдаленныя времена и въ польской церкви раздавался „славянскій" языкъ, занесенный изъ сосѣдней Моравы. Еще въ началѣ XVII вѣка самъ католическій епископъ польскій Пясецкій разказываетъ, что „Поляки и всѣ Славяне отъ природы отвращаются отъ козней и штукъ Нѣмцевъ, и все выходящее оттуда считаютъ себѣ вреднымъ и отклоняютъ, какъ нѣчто подозрительное. Такъ и христіанской вѣрѣ не хотѣли учиться отъ Нѣмцевъ, а посредствомъ восточныхъ Грековъ, Кирилла и Меѳодія, присланныхъ изъ Царьграда" [1]).

Орѣховскій: «knihij, hlawij»—скорѣе чешскія, чѣмъ «болгарскія». Ср. и выше слова М. Бѣльскаго.

[1]) Piasecki: Chronica (Crac. 1645, p. 48). Нѣтъ сомнѣнія, что дѣятельность св. апостоловъ Кирилла и особенно Меѳодія, архіепископа Моравскаго, простиралась и до Ляшскаго племени, часть котораго, именно Краковскіе Хорваты и Слязане, вошла въ составъ Велико-Моравскаго государства Святополка. На это указываетъ: а) извѣстіе въ паннонскомъ жизнеописаніи св. Меѳодія (гл. XI) о крещеніи «сильнаго поганскаго князя въ Вислѣхъ», то-есть, племени Вислянъ (*Шафарика* Слав. Древности, § 38, ч. 5) св. Меѳодіемъ; б) темные слѣды славянскаго епископства въ Краковѣ (*Maciejowski* Hist. prawod. słow. II, 325, статья *Бартошевича* «Arcybiskupstwo Krakowskie» въ польской энциклопедіи; съ тѣмъ сравн. также слова Март. Галла (I, c. 16), что кончину Болеслава Храбраго оплакивали «Latinorum et Slavorum... incolae). в) Въ русскихъ земляхъ было распространено мнѣніе, что св. Константинъ распространилъ правую вѣру и «русское» письмо въ Моравѣ, въ Чехахъ и въ Ляхахъ, замѣненное позже латинскимъ (прибавленіе къ паннон. легендѣ о св. Константинѣ, рукоп. XV вѣка въ *Чтеніяхъ* 1863, 2, вошло и въ хронографъ 1494 г. и въ др.). г) Въ день 9-го марта (память св. апостоловъ славянскихъ) молятся въ епархіи Гнѣзненской: «Omnipotens sempiterne Deus, qui nos per beatos pontifices et confessores tuos nostrosque patronos Cyrillum et Methodium ad unitatem fidei christianae vocare dignatus est», и вспоминаютъ вкратцѣ и жизнь этихъ славянскихъ учителей (gentium Slavinarum primi doctores). (Встрѣчается въ книгѣ *Стан. Соколовскаго:* Officia propria patronorum provinciae Polonae 1603, и потомъ часто. Молитва та же самая, что̀ и въ *чешской* церкви). О другихъ слѣдахъ см. въ соч. *Петрушевича:* Холмская епархія (Львовъ, 1867, также въ Холмскомъ мѣсяцесловѣ на 1871 г.). Дѣятельность св. апостоловъ «славянскихъ епископовъ» въ Моравѣ и у другихъ Славянъ знаютъ польскіе историки и др., Длугошъ, Бѣльскій, Гозіусъ, Скарга и др.

Наконецъ, славянское богослуженіе возобновлено и въ Польшѣ, хотя ограничено только однимъ мѣстомъ и на короткое время. Въ концѣ XIV вѣка и Польша удостоена „особой милостью Спасителя; въ великую честь Славянскаго народа позволилъ онъ отправлять богослуженіе на родномъ языкѣ, чего не досталось ни одному языку, кромѣ греческаго, латинскаго и еврейскаго". Тогда, именно въ 1390 году, Польскій король Владиславъ и его супруга Ядвига, по примѣру славянскаго монастыря Пражскаго, основали такой же и въ Краковскомъ предмѣстьи Клепарѣ при церкви св. Креста и перевели сюда изъ Пражскаго монастыря славянскихъ монаховъ. Это были католическіе монахи, бенедиктины хорватскіе, отправлявшіе богослуженіе на славянскомъ языкѣ, писанномъ такъ-называемою глаголицей. Еще во второй половинѣ XV столѣтія (около 1470 г.) въ этой „славянской" церкви употреблялось славянское богослуженіе, но скоро послѣ того замѣнено латинскимъ [1]); хотя съ тѣхъ поръ и не раздавался въ польской столицѣ церковно-славянскій языкъ, но все-таки онъ именно здѣсь проложилъ себѣ путь въ печать гораздо раньше, чѣмъ самъ польскій языкъ. Въ Краковѣ напечатаны первыя богослужебныя книги на славянскомъ языкѣ греко-славянскимъ письмомъ, Осмогласникъ, Часословецъ и др., стараніемъ Швайпольта Фіола (1491 г.) [2]). Такимъ образомъ, Поляки имѣли случай познакомиться съ церковно-славянскимъ языкомъ довольно близко, и если и въ самой Польшѣ, въ Краковѣ, славянское богослуженіе прекратилось уже въ концѣ XV столѣтія, то оно было въ употребленіи близь самой столицы польской, въ русскихъ земляхъ, начиная съ Перемышля и Холма далеко на востокъ.

Но если и Поляки знали объ употребленіи славянскаго языка въ церквахъ русской, болгарской, сербской и отчасти и хорватской, то вмѣстѣ съ тѣмъ отъ нихъ не скрылось, что этотъ церковный „славянскій", или „болгарскій", или „сербскій" языкъ довольно отли-

---

[1]) Dlugoss, Hist. I. B. 126; Liber beneficiorum dioec. Cracov. III, 225. (Monasterium sclavonicum S. Benedicti in Cleparz oppido ante Cracoviam sito). Объ этомъ упоминаетъ и Госіусъ (De sacro vernacule legendo, in opera, Paris. 1562, fol. 261). Церковь св. Креста называлась съ древнѣйшихъ временъ «славянской». (Grabowski: Kraków i jego okolice, 70).

[2]) О Фіолѣ см., кромѣ разныхъ библіографій, послѣднюю статью Эстрейхера (1867). Еще около 1600 г. одинъ Русскій жалуется, что въ Краковѣ есть много «книгъ словенскихъ великими склепами замкненыхъ, которыхъ на свѣтъ не выпустятъ», также и во Львовѣ. (Акты западной Россіи IV, стр. 204).

чается отъ собственныхъ общеупотребительныхъ нарѣчій этихъ народовъ [1]). Это обстоятельство получило и практическую важность въ спорахъ о литургическомъ языкѣ въ польской церкви XVI столѣтія. Когда, вмѣстѣ съ разными новыми идеями, въ Польшѣ явилась мысль замѣнить латинскій языкъ въ церкви народнымъ польскимъ, то защитники перваго ссылались на примѣръ русской и юго-славянскихъ церквей, въ которыхъ употребляется не совсѣмъ понятный народу, даже и попамъ, языкъ. Такъ разсуждаютъ, между прочимъ, и два главные поборника католицизма въ тогдашней Польшѣ, кардиналъ Гозіусъ и іезуитъ Скарга [2]). „Русь прежде всѣхъ", говоритъ послѣдній, „отправляла литургію на нашемъ славянскомъ языкѣ праотцевъ и теперь такъ дѣлаетъ; въ то время былъ понятенъ этотъ языкъ, который называется также болгарскимъ; нынче же не понимаетъ его ни одинъ Болгаринъ, ни Хорватъ, ни Москвитянинъ, ни Русинъ, лишь послѣ большой науки и труда". Но если уже народный языкъ считается необходимымъ въ богослуженіи и въ польской церкви, то пусть введутъ, по крайней мѣрѣ, существующій уже церковно-славянскій. Такъ разсуждаетъ Гозіусъ. Указывая на то, что больше шестисотъ лѣтъ тому назадъ, Кириллъ и Меѳодій получили отъ папы дозволеніе отправлять богослуженіе на славянскомъ языкѣ, какъ это недавно было въ церкви на Клепарѣ, Гозіусъ замѣчаетъ, что въ Моравіи и въ Польшѣ это скоро прекратилось, принося больше вреда, чѣмъ пользы. „Едва ли есть другой языкъ въ мірѣ", продолжаетъ кардиналъ, „который былъ бы больше распространенъ, чѣмъ нашъ, занимающій больше, чѣмъ четвертую часть Европы: ибо его употребляютъ Чехи, Мораване, Кошубы, Русскіе, Москвитяне и Славяне, откуда мы полагаемъ свое происхожденіе, Долматы, Босняки, Хорваты, Болгаре, Расціане, Сербы и другіе народы. Впрочемъ, эти народы рознятся другъ отъ друга своими нарѣчіями, такъ что Полякъ меньше понимаетъ Славянина или Далмата, чѣмъ Швабъ или Швейцарецъ Голландца или Бургундца. Языкъ славянскій или далматскій болѣе изященъ, чѣмъ нашъ, такъ что если уже нужно переводить молитвы и священныя книги на простой языкъ, то слѣдуетъ переводить ихъ преимуще-

---

[1]) Ср., напримѣръ, выше слова Мѣховиты. Издатель (протестант.) польскаго канціонала Торунскаго (1595 г.), *Кресихлебъ* (Артоміусъ), ссылается—относительно употребленія народнаго языка въ церкви,—на примѣръ, «нашихъ Славянъ, которые издавна, со временъ св. Кирилла, имѣютъ привиллегію отправлять богослуженіе на своемъ языкѣ».

[2]) Hosius: De sacro vernacule legendo (l. c.), Skarga, Kazania (1600, p. 95).

ственно на тотъ языкъ, отъ котораго произошелъ нашъ, и который превышаетъ и другіе языки изяществомъ; кромѣ того, на него переведены св. Іеронимомъ священныя книги, такъ что его употребленіе представляетъ меньше опасности. Но такъ какъ онъ употреблялся въ богослуженіи у насъ, у Чеховъ и у Моравань и потомъ изчезъ, то такъ случилось навѣрное не безъ причины. Наконецъ, что касается введенія простого нарѣчія въ богослуженіе, то этого даже и Русскіе не допускаютъ".

Вліяніе родственныхъ языковъ славянскихъ на польскій въ лексикальномъ отношеніи было особенно значительно. Польскій языкъ принялъ много чешскихъ и русскихъ словъ; Орѣховскій попробовалъ вводить и „болгарскія" слова. Вообще, введеніе разныхъ словъ изъ другихъ славянскихъ языковъ не было противно ни духу польскаго языка, ни общественному мнѣнію, и даже, не возбуждало порицанія со стороны строгихъ грамматиковъ. Такъ, извѣстный лексикографъ польскій XVII вѣка, Кнапскій, жалуясь на излишнее употребленіе разныхъ словъ и оборотовъ латинскихъ, италіанскихъ нѣмецкихъ, угорскихъ и турецкихъ современными Поляками, допускаетъ слова „Русскихъ (Moschos) и другихъ народовъ, которые употребляютъ славянское, не слишкомъ отличающееся отъ нашего, нарѣчіе" [1]). Господствовавшее по этому предмету въ Польшѣ XVI вѣка мнѣніе высказывается особенно хорошо въ одномъ замѣчательномъ памятникѣ того времени: „Дворянинъ польскій" [2]). Въ немъ, въ формѣ разговора между двумя шляхтичами, представляется руководство и образецъ для поведенія совершеннаго шляхтича. Между прочимъ, разсуждая о польскомъ языкѣ и стилѣ, шляхтичи спрашиваютъ:

«Такъ какъ нашъ польскій языкъ не особенно совершенъ, какимъ же языкомъ дворянинъ долженъ его пополнять: чешскимъ ли, русскимъ, или хорватскимъ, или славянскимъ, и дозволяется ли ему воскресить давнія, такъ—сказать, умершія слова, если бы которое изъ нихъ пригодилось? Кромѣ того, желательно знать — который изъ всѣхъ родственныхъ намъ языковъ — самый красивый».

На этотъ вопросъ получаютъ слѣдующій отвѣтъ:

«Чтобъ удовлетворить вашему требованію, скажу свое мнѣніе о тѣхъ и другихъ языкахъ. Но я долженъ начать немножко издалека. Вопервыхъ, знайте, что нашъ языкъ самъ по себѣ не старъ, хотя Поляки уже давно говорятъ на немъ, но ро-

---

[1]) Shesaurus polono-latino graecus (Crac., 1621, предисловіе).

[2]) Łuk. Górnicki. Dworzanin polski (Kraków, 1566, изд. *Туровскаго*, стр. 43—49). Здѣсь приводимъ мѣста, касающіяся всѣхъ славянскихъ языковъ; мѣсто о чешскомъ языкѣ см. ниже въ отдѣлѣ: Чехи и Поляки.

дился не очень давно изъ славянскаго. Ибо всѣ эти языки, польскій, чешскій, русскій, хорватскій, босенскій, сербскій, рацскій, болгарскій и другіе — были прежде однимъ языкомъ, какъ и одинъ народъ, славянскій. Есть, конечно, и другіе, которые говорятъ, что и народъ, и языкъ русскій, вѣроятно, самый древній, и что только отъ Руси произошли Славяне, названные отъ славы, такъ какъ мужественно вели себя; но объ этомъ, по причинѣ давности, не можемъ пріобрѣсти вѣрныхъ свѣдѣній; кромѣ того, считаю излишнимъ дѣломъ, это теперь разбирать. Довольно того, что большое число лѣтописцевъ согласно въ томъ, что Славянскій народъ между тѣми, которые я привелъ, есть самый первый. Стало быть, изъ этого народа, когда одни переселялись въ одну сторону, а другіе въ другую, вышло и то что изъ одного языка родилось много разныхъ языковъ. Въ то время, по причинѣ незнанія ни письма, ни наукъ, была большая грубость какъ въ самихъ людяхъ, такъ и въ ихъ языкахъ, и только когда Болгаре, заимствовавъ буквы отъ Грековъ, и прибавивъ нѣсколько отъ себя, а другія измѣнивъ, стали кое-какъ писать, то трудомъ своимъ дошли со временемъ до того, что перевели много священныхъ книгъ съ латинскаго и греческаго на свой языкъ. Поэтому этотъ языкъ долженъ быть гораздо богаче нашего, такъ какъ на немъ писали раньше, чѣмъ у насъ. Отъ Болгаръ потомъ приняли письмо Рацы, Сербы и Русь и другіе. Потомъ изобрѣтено уже болѣе изящное чешское письмо изъ латинскихъ буквъ; вѣроятно, это произошло потому, что Чехи сосѣдятъ съ народами негрубыми; они сразу стали говорить лучше, чище, красивѣе, соблюдая какое-то протягиваніе въ словахъ, подобно латинскому ударенію; поэтому они и пріобрѣли себѣ такую славу у насъ, что ихъ языкъ считается красивѣе нашего. Можетъ-быть, онъ богаче нашего, такъ какъ до Чеховъ раньше дошло письмо и науки, но что касается красоты — это еще не рѣшенное дѣло.

«Итакъ, когда дворянину не хватитъ польскихъ словъ, то онъ хорошо сдѣлаетъ, если позаимствуетъ изъ чешскаго скорѣе, чѣмъ изъ другихъ, потому что этотъ языкъ у насъ общепринятый (wzięty) и считается самымъ красивымъ. Такимъ образомъ, польская рѣчь пріобрѣтаетъ себѣ большую силу, по мнѣнію общества, которымъ человѣкъ всегда долженъ руководствоваться. Но еслибы попалось какое-нибудь чешское слово болѣе трудное, и вмѣсто того, для Поляка было бы понятнѣе русское, хорватское или сербское слово, то въ такомъ случаѣ дворянинъ поступитъ лучше, если выберетъ изъ этихъ другихъ болѣе легкія и лучшія слова и отброситъ чешское. Но все это предоставляется его собственному усмотрѣнію, чтобы сообразить, которое слово больше подходитъ къ польскому слуху, которое яснѣе, которое точнѣе опредѣляетъ данную вещь».

Совѣтуя принимать также слова древнепольскія, кошубскія и прусскія, авторъ кончаетъ такъ:

«Который изъ этихъ языковъ, которые произошли изъ славянскаго, красивѣе всѣхъ — не знаю, какъ отвѣтить, ибо въ этомъ дѣлѣ не полагаюсь только на себя. Чешскій языкъ красивъ, но какъ будто немножко изнѣженный (pieszczący) и мужчинѣ мало идущій; русскій же суровъ; рацскій, сербскій, хорватскій, болгарскій имѣютъ уже что-то языческое, такъ какъ они уже заразились отъ Турокъ; нашъ польскій кажется труднымъ, какъ будто бы у человѣка полонъ ротъ, и онъ говоритъ на силу. Да, не знаю, какъ это рѣшить».

Итакъ, мы видимъ, что о преимуществахъ разныхъ славянскихъ языковъ польское общество въ XVI столѣтіи толковало такъ, какъ часто случается и теперь у всѣхъ Славянъ. Но и теперь, и всегда на такой вопросъ останется только отвѣтить вмѣстѣ съ почтеннымъ паномъ Крыскимъ: „Не знаемъ, что̀ тутъ сказать; это дѣло вкуса".

Какъ издатели чешскихъ книгъ разчитывали на болѣе широкій кругъ читателей въ разныхъ славянскихъ земляхъ, такъ и издатели польскихъ книгъ надѣялись найдти имъ сбытъ и у другихъ славянскихъ народовъ, какъ это и было особенно въ польско-литовской Руси. Такъ думали лексикографы Мончинскій и Кнапскій, какъ выше сказано; равнымъ образомъ, и издатели знаменитой польской Библіи, такъ-называемой Радзивилловской или Брестской (1563 г.), обращаются ко всѣмъ Славянамъ. „Какъ жидовскіе священники", говорится въ этой библіи, — „собирали свой народъ звукомъ трубъ, такъ и теперь три трубы (гербъ) знатнаго князя Николая Радзивилла изъ Литовскаго княжества трубятъ для всѣхъ людей языка славянскаго, чтобъ они охотнѣе спѣшили къ Божьему слову" [1]). Польскія книги посвящались не только „наизнатнѣйшимъ и наидревнѣйшимъ народамъ короны польской, но и всѣмъ другимъ народамъ славянскаго языка" [2]).

4. Славянское сознаніе у польскихъ поэтовъ.

Славянское сознаніе является не только въ научной литературѣ польской, въ исторической, политической и филологической, но оно сильно господствуетъ и въ изящной литературѣ, въ поэзіи польской XVI и XVII вѣковъ. Въ этомъ отношеніи польскіе поэты соперничаютъ съ югославянскими: Кохановскій, Гроховскій, Коховскій сознаютъ себя такими же славянскими поэтами, какими и Гундуличъ, Палмотичъ, Діорди̂чъ.

Польскіе поэты того времени призываютъ „славянскую музу", „славянскую Сафо", „славянскую богиню", чтобъ ихъ вдохновить. Они посвящаютъ свои „славянскіе стихи", „Славянку въ польской одеждѣ", „славянскія свои Камены", „славянскую Калліопу, прибывшую на сѣверъ, гдѣ жилъ славный славянскій богатырь Лѣхъ" и проч. своимъ друзьямъ и покровителямъ. Они воспѣваютъ разныя событія, ожидая одобренія не только со стороны сыновей Лѣха, но и каждаго истин-

---

[1]) Эта библія нашла себѣ сбытъ и въ Московской Руси.

[2]) Такъ, напримѣръ, Дембол̃энцкій посвящаетъ свое фантастическое сочиненіе «Wywod jedynowtas, nego państwa świata», о которомъ см. выше.

наго Славянина. Они славятъ знаменитыхъ Поляковъ, „славянскихъ богатырей“ (Замойскаго, Мнишка), „славянскаго Геркулеса, происходящаго изъ племени Лѣха славянской крови“ (Гербурта), „славянскаго Улисса“ (Iеронима Ласкаго), „славянскаго Гектора“ (Станислава Любомирскаго), „славянскаго Эпаминонда“ (Карла Ходкевича), „славянскаго Сцеволу“ (Голубка) и проч. Iоаннъ Кохановскій величается „славянскимъ соловьемъ“ и восхваляется, что онъ „славянскими словами приблизился къ арфѣ Давида“; Мясковскій называется „украшеніемъ языка и славы славянской“, Самуилъ Твардовскій — „славянскимъ Вергиліемъ, о которомъ Славянскіе народы не спорятъ, какъ Греческія племена о Гомерѣ, такъ какъ онъ изъ Великой Польши“; Шимоновичъ соперничаетъ съ Вергиліемъ „въ славянскомъ языкѣ“, и проч. Польскіе поэты, восхваляя другія произведенія польской литературы, славятъ ихъ и какъ плоды „славянскіе“ и рекомендуютъ ихъ читателямъ, какъ изданія, приносящія пользу языку славянскому, славному, обширному, стародавнему, на которомъ говорятъ Чехи, Поляки, Москва, Русь, Хорваты, Славяне (то-есть, южные), Далматы, Рацы, Сербы и другіе славные народы, и на которомъ выходитъ много знаменитыхъ сочиненій; радуются, что нашъ сарматскій языкъ не бѣденъ разными отраслями литературы, и что славянская муза удостоила эти произведенія вѣчной славы, которая будетъ продолжаться, пока будутъ существовать потомки славнаго Лѣха.

Польскіе поэты, воспѣвая славныя дѣла своего народа, „знатнѣйшихъ Славянъ“, „потомковъ славянскаго Лѣха“, живущихъ по холодной Вислѣ, по Днѣстру и подъ старыми сѣдыми Татрами, подвиги „славянскихъ богатырей и славянской молодежи“, погружаются и въ давнія времена единства всѣхъ Славянъ, изъ которыхъ происходятъ Поляки, залетаютъ въ мнимую прародину Лѣха, въ юго-славянскую Хорватію, Далмацію и Иллирію, гдѣ до сихъ поръ живутъ наши братья, наши кровные, и надѣются, что наши внуки освободятъ ихъ отъ чужой власти“. И когда польскіе пѣвцы умолкаютъ навсегда, то ихъ могилы обвиваютъ музы „славянскимъ плющемъ“ [1]).

[1]) Считаемъ излишнимъ подробно приводить всѣ эти мѣста. Мы ихъ собрали изъ стихотвореній Якова Любельчика (въ словарѣ Мончинскаго 1564), Кохановскаго 1584, Eleg. I, 6 Zgoda), Гроховскаго (Kalliopea Słowieńska, 1587, разныя Pieśni, 1606), Витковскаго (Sapho Słowieńska na grzmotna sławę zwycięstwa Smoleńskiego, 1611), Мясковскаго (Hercules Słowieński, 1612, zbiór rythmów, 1622). Сарбевскаго (Odae II, 23), Твардовскаго (Legacya Zbaraskiego, 1639), Ободзин-

Славянская идея вдохновляла и перваго пѣвца польскаго Іоанна Кохановскаго. „Соловей славянскій видитъ“ давніе зачатки и славные во всемъ свѣтѣ подвиги славянскіе. Амазонки приходятъ въ Скиѳію, и отъ нихъ родятся воинственные Савроматы и распространяются въ Азіи и въ Европѣ. Они видны при высокой горѣ Прометея, они видны и съ другой стороны при Ледовитомъ морѣ, и пограничные римскіе орлы пугаются ихъ, ибо они знаютъ дорогу и черезъ великій Дунай. Вотъ Венеты, по которымъ названо Венетское море; вотъ Россаны, по которымъ назвался Русскій народъ; вотъ Ляксы, по которымъ назвались Ляхи; вотъ могучіе Цеки, по которымъ называются нынѣшніе Чехи [1]). Вотъ Болгаре, которые плывутъ впередъ по Дунаю; послѣ нихъ дѣльные Словѣне, одного съ ними рода; потомъ Сербы, потомъ Анты, за ними Босняки и воинственные Хорваты съ своими знаменами. Противъ нихъ императоры выставляютъ со всѣхъ сторонъ войска, которыя однако предаются бѣгству, не будучи въ состояніи удержать ихъ напоръ. Народъ Славянскій оперся о самый Адріатическій берегъ. Посмотрите, какъ опасаются: въ одной рукѣ — неизбѣжное оружіе, въ другой — гладкая лопаточка, одни по всѣмъ сторонамъ стоятъ бдительно на стражѣ, другіе строятъ оборонительныя стѣны. Нѣкоторые же обратились на западъ солнца и поселились за глубокими водами холодной Лабы. Такъ одинъ народъ завладѣлъ почти всѣми землями, которыя Богъ окружилъ троякимъ Нептуномъ. Потомъ Борей несетъ Оритію, и гдѣ-бъ онъ ни прошелъ, видны его слѣды въ лѣсу: вырванныя сосны, поваленные дубы и рѣки, подернутыя ледяными мостами. Это сказаніе, либо за правду выдаваемое (ибо кто этого не помнитъ), либо просто вымышленное, значило, что спустя много лѣтъ встанетъ народъ съ полунощи, силы котораго не одолѣетъ южная страна:

«Za laty miał wstać lud z północy,
Którego kraj południ nie miał zdołać mocy» [2]).

скаго (Pandora starożytna monarchów polskich, 1641), Гавинскаго (Sielanki, 1650), Зиморовича (Sielanki, 1663), Коховскаго (Lyrika polskie, 1674, Psalmodya polska, 1695), и др.

[1]) Сравн. выше мнѣніе Кохановскаго о Ляхахъ и Чехахъ.

[2]) Въ стихотвореніи «Proporzec albo hold pruski» (то-есть, Альбрехта Прусскаго на сеймѣ въ Люблинѣ 1569 года), въ полномъ собраніи сочиненій Кохановскаго (Ian Kochanowski, Kraków 1585, 172—173). На знамени прусскаго князя поэтъ видитъ изображеннымъ все имъ сказанное.

ринтіи. Всѣ эти народы одного и того же славянскаго рода и языка, и разнятся только нарѣчіями [1]).

Подобно труду Мончинскаго, былъ изданъ извѣстный словарь латинско-польско-греческій Кнапскаго на пользу Поляковъ, Русскихъ, Славянъ (то-есть, южныхъ) и Чеховъ [2]). О распространеніи и о пользѣ славянскаго языка имѣли въ Польшѣ хорошее понятіе уже въ XVI столѣтіи [3]).

Польскіе филологи того времени знаютъ, болѣе или менѣе, и другіе славянскіе языки, особенно чешскій и русскій, но они все-таки остались далеко позади своихъ чешскихъ современниковъ, Грубаго, Благослава и Бенешовскаго. Заборовскій, постановляя новыя правила польскаго правописанія (1518 г.), сравниваетъ свой языкъ съ извѣстнымъ тогда во всей Польшѣ чешскимъ [4]). Первый грамматикъ польскій, Стоенскій (Статоріусъ), ограничился въ своей скудной грамматикѣ польскаго языка лишь нѣкоторыми указаніями на родственные польскому языки. Такъ, трактуя о звукахъ польской рѣчи, замѣчаетъ о *h*, что у Поляковъ оно попадается рѣдко, лишь только въ русскихъ словахъ, напримѣръ, грамота; польское *rz* произносятъ нѣкоторые менѣе образованные, какъ *r*; этотъ болѣе мягкій выговоръ свойственъ нѣкоторымъ народамъ Генетскаго или Славянскаго племени и проч. [5]).

Кромѣ языковъ чешскаго и русскаго, извѣстенъ былъ Полякамъ также употребляемый въ сосѣдней русской церкви церковно-славянскій языкъ, или какъ его въ Польшѣ иногда называли, болгарскій, даже и сербскій [6]). Пользу его, особенно при переводахъ библіи на

---

[1]) Lexicon latino-polonicum (Regiomonti, 1564). Такъ на самомъ титулѣ и въ посвященіи королю Сигизмунду Августу, въ числѣ разныхъ похвальныхъ стихотвореній, находится и стихотвореніе Якова Любельчика, рекомендующаго заняться языкомъ славянскимъ. Въ словарѣ есть также статья Меланхтона: De origine gentis Henetae.

[2]) «Thesaurus latino-polono-graecus, seu promptuarium linguae latinae et graecae, Polonorum, Roxolanorum, Sclavonorum, Boemorum, usui accomodatum». Такой титулъ находится на нѣкоторыхъ экземплярахъ Краковскаго изданія 1643 г.

[3]) De latissimo usu et maxima utilitate linguae Slavonicae (Regiomonti 1569)— титулъ неизвѣстной нынѣ книги Мартына Квятковскаго; даже библіографъ Залускій не могъ отыскать ея.

[4]) См. ниже: Чехи и Поляки.

[5]) Polonicae grammatices institutio (Crac., 1568).

[6]) Сербскимъ его называетъ, напримѣръ, Мѣховита въ своей польской исторіи и географіи.

Люнебургской степи, потомки Бодричских Древлянъ, называли свой языкъ „славянскою рѣчью“ (сливенстя рицъ); о происхожденіи этой „Славянской рѣчи“ Люнебургскихъ Древлянъ отъ общаго славянскаго языка и о родствѣ ея съ другими славянскими языками, особенно съ лужицко-сербскимъ, чешскимъ и польскимъ, хорошо зналъ ихъ священникъ Геннингъ (1691 г.). Съ другой стороны, самая восточная отрасль этихъ Балтійскихъ Славянъ, единственные остатки древнихъ Поморянъ, Кошубы, тоже сохранили свое народное имя до сихъ поръ: называютъ себя „Словинцами“, свой языкъ „словинскимъ“ [1]).

2. Лужицкіе Сербы. Френцель и Тицинъ.

Дольше, чѣмъ Балтійскіе Славяне, сохранили свою народность Лабскіе Сербы, хотя и они уступили уже большую часть своей территоріи Нѣмцамъ, уцѣлѣвъ только въ малой части Лужицъ. И Сербы (Венды) всегда считались Славянами, ихъ языкъ признавался за славянскій у Нѣмцевъ, Чеховъ, Поляковъ а равно и ими самими.

Славянское сознаніе является и въ маленькой сербской литературѣ, которая возникла не раньше нѣмецкой реформаціи. Сербскіе священники, желая дѣйствовать на простой народъ, единственное сословіе говорящее еще языкомъ отцовъ, могли это дѣлать не иначе, какъ посредствомъ сербскаго языка. Но такъ какъ этотъ языкъ не былъ до тѣхъ поръ литературно обработанъ, то сербскіе писатели не разъ были вынуждены обращаться къ родственнымъ языкамъ, особенно къ чешскому. Такъ, уже первый переводчикъ Новаго Завѣта (рукописно) на сербскій (верхнелужицкій) языкъ, Ник. Якубица (1548 г.) воспользовался чешскимъ переводомъ, примѣшавъ въ свой переводъ много чешскихъ словъ.

Значеніе славянскихъ языковъ, особенно чешскаго и польскаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ и живое славянское сознаніе является особенно у сербскаго священника Михаила Френцеля (Бранцеля) 1628—1706.

---

[1]) О Древлянахъ, Словинцахъ см. *Добровскаго* Slowanka I., *Гильфердинга* Памятники Залабскихъ Древлянъ и Глинянъ и Остатки Славянъ на южномъ берегу Балтійскаго моря. Замѣтимъ, что на Руси знали и другое названіе Балтійскаго приморья. Волынскій лѣтописецъ (Ипат. лѣт.) разказываетъ о Лукеріи, женѣ Польскаго короля Премыслава († 1296), что она была «рода князей сербскихъ, съ Кошубъ, отъ поморія Варязкаго, отъ Стараго града за Кгданскомъ» (П. С. Р. Л. II, 227). Названіе «Сербы» древнѣе названія «Славяне» (*Шафарика* Слав. Древности §§ 7, 9).

Поляки хорошо знали, что на славянскомъ языкѣ отправляютъ богослуженіе не только православные и уніаты Русскіе, Болгаре и Сербы, но и Хорваты-католики, у которыхъ введеніе славянскаго богослуженія приписывали, по общему тогда мнѣнію, св. Іерониму. Ему же или св. Кириллу приписывали и письмо „славянское", „русское", „глагольское" или „азбуку", „буквицу", „кириллицу". Кромѣ того, Поляки помнили, хотя смутно, что въ отдаленныя времена и въ польской церкви раздавался „славянскій" языкъ, занесенный изъ сосѣдней Моравы. Еще въ началѣ XVII вѣка самъ католическій епископъ польскій Пясецкій разказываетъ, что „Поляки и всѣ Славяне отъ природы отвращаются отъ козней и штукъ Нѣмцевъ, и все выходящее оттуда считаютъ себѣ вреднымъ и отклоняютъ, какъ нѣчто подозрительное. Такъ и христіанской вѣрѣ не хотѣли учиться отъ Нѣмцевъ, а посредствомъ восточныхъ Грековъ, Кирилла и Меѳодія, присланныхъ изъ Царьграда" [1]).

Орѣховскій: «knihij, hlawij»—скорѣе чешскія, чѣмъ «болгарскія». Ср. и выше слова М. Бѣльскаго.

[1]) Piasecki: Chronica (Crac. 1645, p. 48). Нѣтъ сомнѣнія, что дѣятельность св. апостоловъ Кирилла и особенно Меѳодія, архіепископа Моравскаго, простиралась и до Ляшскаго племени, часть котораго, именно Краковскіе Хорваты и Слязане, вошла въ составъ Велико-Моравскаго государства Святополка. На это указываетъ: а) извѣстіе въ паннонскомъ жизнеописаніи св. Меѳодія (гл. XI) о крещеніи «сильнаго поганскаго князя въ Вислѣхъ», то-есть, племени Вислянъ (*Шафарика* Слав. Древности, § 38, ч. 5) св. Меѳодіемъ; б) темные слѣды славянскаго епископства въ Краковѣ (*Maciejowski* Hist. prawod. słow. II, 325, статья *Бартошевича* «Arcybiskupstwo Krakowskie» въ польской энциклопедіи; съ тѣмъ сравн. также слова Март. Галла (I, c. 16), что кончину Болеслава Храбраго оплакивали «Latinorum et Slavorum... incolae). в) Въ русскихъ земляхъ было распространено мнѣніе, что св. Константинъ распространилъ правую вѣру и «русское» письмо въ Моравѣ, въ Чехахъ и въ Ляхахъ, замѣненное позже латинскимъ (прибавленіе къ паннон. легендѣ о св. Константинѣ, рукоп. XV вѣка въ *Чтеніяхъ* 1863, 2, вошло и въ хронографъ 1494 г. и въ др.). г) Въ день 9-го марта (память св. апостоловъ славянскихъ) молятся въ епархіи Гнѣзненской: «Omnipotens sempiterne Deus, qui nos per beatos pontifices et confessores tuos nostrosque patronos Cyrillum et Methodium ad unitatem fidei christianae vocare dignatus est», и вспоминаютъ вкратцѣ и жизнь этихъ славянскихъ учителей (gentium Slavinarum primi doctores). (Встрѣчается въ книгѣ *Стан. Соколовскаго:* Officia propria patronorum provinciae Polonae 1603, и потомъ часто. Молитва та же самая, что̀ и въ *чешской* церкви). О другихъ слѣдахъ см. въ соч. *Петрушевича:* Холмская епархія (Львовъ, 1867, также въ Холмскомъ мѣсяцесловѣ на 1871 г.). Дѣятельность св. апостоловъ «славянскихъ епископовъ» въ Моравѣ и у другихъ Славянъ знаютъ польскіе историки и др., Длугошъ, Бѣльскій, Гозіусъ, Скарга и др.

Москвѣ. Въ этомъ обширномъ царствѣ нѣтъ никакихъ сектъ религіозныхъ; всѣ думаютъ, вѣруютъ, исповѣдуютъ одно и то же; у нихъ совершенное единогласіе въ религіи. Право, царь есть цесарь и сильнѣйшій и непобѣдимѣйшій князь, у котораго есть безчисленная пѣхота и дворянство, огромное количество конницы, такъ что онъ 150,000 всадниковъ легко можетъ повести на войну. „Ваше царское и императорское величество почитаю и уважаю я, вендскій или сербскій проповѣдникъ и теологъ въ Лужицѣ этого курфирства Саксонскаго, и такъ какъ Русскіе или Москвитяне говорятъ на нашемъ языкѣ сербскомъ или славянскомъ, то-есть, славномъ, представляю съ наибольшею покорностью наимилостивѣйшему и наиласковѣйшему нашему царю мною, въ пользу Сербскаго народа, переведенныя и изданныя вендскія или сербскія священныя книги, напокорнѣйше прося и желая, чтобъ они принесены были въ вашу Русь или Москву, такъ чтобъ и Москвитяне изъ этихъ моихъ книгъ научились и узнали процвѣтающую въ курфирствѣ Саксонскомъ правовѣрную и апостольско-лютерскую религію. Да здравствуетъ, да здравствуетъ царь и цесарь непобѣдимый и премогучій“ [1])!

И сыновья Михаила Френцеля, Авраамъ и Михаилъ, занимались славянскими языками. Авраамъ въ сочиненіи: De originibus linguae Sorabicae (1693—1696 гг.) сравниваетъ языкъ сербскій съ чешскимъ и съ польскимъ, замѣчая, что сербскій языкъ справедливо можетъ брать утраченныя слова изъ родственнаго славянскаго, польскаго и чешскаго. Въ началѣ этого сочиненія находятся, по обычаю того времени, стихотворенія разныхъ поэтовъ въ похвалу автора и Славянъ. Такъ, одинъ пишетъ, что „еслибы счастье Славянъ равнялось ихъ добродѣтели, то свѣтъ, трепеща, кланялся бы славянскимъ скипетрамъ“ [2]). Другой поэтъ говоритъ, что слава Френцеля распространится во всемъ славянствѣ и пр. Братъ Авраама, Михаилъ, занимался славянскою миѳологіей (De idolis Slavorum, 1691 г.).

Сербскіе филологи обращали вообще на польскій и чешскій языкъ особенное вниманіе. Такъ, іезуитъ Тицинъ въ граматикѣ сербскаго

[1]) О Френцелѣ и его сочиненіяхъ см. особенно статью *К. Енча* въ *Часописѣ Матицы Сербской* (1871). Привѣтъ Френцеля на латинскомъ и сербскомъ языкахъ (съ нѣмецкимъ переводомъ) напечаталъ *Knauthe*: Derer Oberlausitzer Sorbenwenden umständliche Kirchengeschichte (Görlitz 1767, p. 427), и *Дубровскій* въ журналѣ *Денница* (Варшава, 1842, стр. 104).

[2]) Si par virtuti Slavis fortuna fuisset,
Orbis adoraret Slavica sceptra tremens.

языка (Principia linguae wendicae quam antiqui wandalicam vocant, Pragae 1679) принялъ чешское правописаніе, и указывая на сходство сербскаго языка съ чешскимъ въ склоненіяхъ, спряженіяхъ и проч., говоритъ, что „наша рѣчь есть сестра чешской, происходя отъ той же самой матери Славянской, и поэтому справедливо, чтобъ она употребляла тѣ же самые знаки". Это его мнѣніе, замѣчаетъ Тицинъ, раздѣляютъ и другіе Сербы.

IV.

Славянское сознаніе у Югославянъ.

1. Югославяне по преимуществу народъ «Словѣнскій, Словинскій».— Югославянская историческая литература.—Лѣтописи. — Черва, Враничичъ, Орбини и др.

Славяне южные, занявшіе земли отъ Альпъ и Адріатическаго моря на востокъ до Чернаго, отъ Дуная на югъ къ Эгейскому морю, сохранили это свое племенное названіе больше и дольше, чѣмъ остальные ихъ братья. Славянами, Словѣнами они сами называли себя, и также называли ихъ и иностранцы. Браничевцы, Дреговичи, Берзяки, Вагенеты, Езерцы и многія другія племена въ царствахъ Болгарскомъ и Византійскомъ были „Словѣне", говорили на „словѣнскомъ" языкѣ, равно какъ и македонскіе „Словѣне" κατ᾽ἐξοχήν; на ихъ языкъ переведены первоначально нѣкоторыя богослужебныя книги Солуняниномъ Константиномъ, для ихъ языка изобрѣлъ онъ особое письмо. Этотъ славянскій, или вѣрнѣе, „словѣнскій" языкъ сдѣлался и богослужебнымъ языкомъ сначала почти у всѣхъ Славянъ и сохранился и въ послѣдствіи у большей ихъ части до сихъ поръ, хотя и испыталъ, подъ вліяніемъ разныхъ нарѣчій, разныя измѣненія. Но на славянскомъ языкѣ говорили не только Болгарскіе Славяне, а такъ называли и называютъ свой языкъ и Альпійскіе Славяне, Словенцы, сохранившіе до сихъ поръ свой „словенскій" языкъ. Славянскимъ, „словенскимъ, словѣнскимъ или словинскимъ" признавали свой языкъ и всѣ остальные Югославяне, Хорваты и Сербы, особенно поселенные по Адріатическому морю, начиная отъ Истріи до Скадра. Словѣнскій или словинскій языкъ раздавался не только въ ихъ богослуженіи подлѣ латинскаго, но и въ устахъ народа въ Истріи, Хорватіи („Славоніи"), Далмаціи, Боснѣ, Холмѣ, Зетѣ, Сербіи и прочихъ владѣніяхъ „Славянскихъ" князей. Словинскій или словенскій языкъ, писанный латиницей или обоимъ словѣнскимъ письмомъ, такъ-называемымъ глагольскимъ и грекославянскимъ, употребляется и въ югославянской лите-

ратурѣ: на немъ пишутъ и „словинскіе“ поэты далматско-дубровницкіе.

Итакъ, мы видимъ, что южные Славяне, не смотря на свои различныя названія Хорутанъ, Хорватовъ, Сербовъ и Болгаръ, продолжаютъ называть себя древнимъ названіемъ всего племени. Такимъ образомъ, они уже самимъ своимъ часто употребляемымъ названіемъ показываютъ свое происхожденіе, свою связь съ остальными одноплеменниками на сѣверѣ. Названія „Славяне“ и „славянскій языкъ“ означали у нихъ въ обширномъ смыслѣ всѣхъ Славянъ, въ тѣсномъ же смыслѣ только ихъ самихъ, южныхъ Славянъ. Такъ понимали дѣло часто и другіе Славяне, особенно Чехи и Поляки. Послѣдніе, производя себя отъ „Славянъ“ или „Словаковъ“, разумѣютъ тѣмъ Славянъ хорватско-далматскихъ, именно сѣверную ихъ половину, которая съ древнѣйшихъ временъ называлась „Славянами“, землей „Славянскою“ (Slavonia).

Югославянскіе лѣтописцы и историки, слѣдя за началомъ своего народа, знали, что ихъ предки вышли изъ сѣверныхъ странъ„—изъ Польши и Чехіи“, что они при царѣ Анастасіѣ или Константинѣ перешли черезъ Дунай у Бѣдыня (Видина) и заняли землю Охридскую и Болгарскую, и что Болгаре назывались по рѣкѣ Волгѣ, откуда вышли; они же, и Сербы, и Влахи, и прочіе „вси едино суть“. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, зная изъ другихъ источниковъ, что въ Далмаціи и вообще на югѣ были когда-то и Готѳы, смѣшали ихъ съ Славянами и стали утверждать, что Готѳы и Славяне одинъ и тотъ же народъ. Эта „готѳоманія“ началась у Югославянъ довольно рано. Уже во второй половинѣ XII вѣка въ Діоклеѣ считали Готѳовъ Славянами и такъ было до самаго XVIII столѣтія. Нѣкоторые югославянскіе историки объясняли даже мадьярское названіе Славянъ „Tót“ отъ „Готѳъ“. Изъ прибрежной Хорватіи и Далмаціи перешла эта теорія и дальше въ Сербію, и уже въ началѣ XIII столѣтія считали здѣсь Болгаръ людьми „отъ племене Гоѳи, нарекомаго бльгорскаго“. Подобно тому сербскіе лѣтописцы считали древнихъ Даковъ—Сербами [1]).

---

[1]) Presbyt. Diocl. (ed. *Lucius*) и хроника Хорватская (*Arkiv*, I), Thom. Spalat. (c. VII), болгарскій переводъ хроники Константина Манассія XIV столѣтія (сравн. Časopis Česk. Mus. 1837, 364, *А. Поповъ:* Обзоръ русск. хронографовъ I, 155.) Житіе св. Симеона соч. Стефана Первовѣнч. (гл. XVII); изъ позднѣйшихъ Туберо, Орбини, Тропошскій лѣтописецъ, и др. Сербами считаетъ Даковъ сербскій переводчикъ хронографа Зонары (*Поповъ:* Обзоръ, II 12).

Дѣятельность славянскихъ апостоловъ Константина и Меѳодія у западныхъ Славянъ извѣстна была и Югославянамъ по ихъ жизнеописаніямъ, обширнымъ легендамъ или краткимъ прологамъ, похвальнымъ словамъ и службамъ, которыя читались и у Болгаръ, и у Сербовъ, и у Хорватовъ. Сѣверославянскіе князья даже и перепутались въ памяти позднѣйшихъ Югославянъ: такъ, Моравскій Святополкъ сдѣланъ Хорватскимъ княземъ, Блатенскій или Паннонскій Коцелъ „княземъ Лѣшскимъ". Отголосокъ этихъ древнихъ преданій сохранили и разныя лѣтописи болгарскія, сербскія и хорватскія; въ нихъ записано, что „словѣнскій языкъ Морава" крещенъ св. Константиномъ и Меѳодіемъ, и что философъ „Костанцъ" установилъ даже „книгу" хорватскую. У Хорватовъ св. Константинъ уступилъ позже св. Іерониму, которому съ XIII вѣка стали приписывать изобрѣтеніе славянскаго письма и переводъ Священнаго Писанія. Это мнѣніе распространилось и у западныхъ Славянъ,—у Чеховъ и у Поляковъ.

Турецкое порабощеніе прекратило у Югославянъ почти всю литературную дѣятельность, зачатки которой стали такъ успѣшно развиваться. Подъ игомъ варваровъ не возможна была какая бы то ни было высшая умственная жизнь. При безпрестанномъ стукѣ оружія, въ дунайскихъ земляхъ нечего было и думать о какой-нибудь литературѣ. Вся литературная дѣятельность порабощенныхъ Турками Югославянъ, Болгаръ, Сербовъ и отчасти и Хорватовъ, заключалась лишь въ богословскихъ и скудныхъ лѣтописныхъ сочиненіяхъ. Остальные Югославяне или напрягали всѣ свои силы въ безконечной борьбѣ съ врагомъ всей европейской цивилизаціи (Хорваты, Черногорцы), или давно подпавъ подъ власть чужаго элемента, только прозябали (Словенцы): стало быть, и у обѣихъ этихъ отраслей югославянскихъ не было благодарной почвы для высшей духовной жизни.

Главнымъ, да можно сказать, и единственнымъ, убѣжищемъ литературной и вообще умственной дѣятельности Югославянъ осталось Далматское приморье. Здѣсь, въ сосѣдствѣ и подъ вліяніемъ Италіи и ея далматскихъ колоній продолжалась и развивалась литературная дѣятельность по образцу другихъ европейскихъ народовъ. Правда, славянскій элементъ здѣсь не былъ господствующимъ, находясь подъ властью чужаго, латинско-италіанскаго элемента. Но, не смотря на то, въ прибрежной Далмаціи, особенно въ Дубровникѣ, стали процвѣтать и научная, и изящная литература въ смыслѣ и духѣ славянскомъ, хотя часто облеченная чужимъ покровомъ, латинскимъ или италіанскимъ.

Историки далматско-славянскіе, возвысившись надъ господствующей до тѣхъ поръ лѣтописною манерой, стали обработывать глубже и болѣе научнымъ образомъ исторію своего народа. Этотъ ихъ народъ „словинскій“, или какъ его по латински называли — „илирскій“, представился имъ частью великаго племени славянскаго, распространеннаго въ Европѣ и въ Азіи.

Дубровничанинъ Туберо-Черва (Цріевичъ), описывая событія своего времени (1490—1522 гг.), особенно югославянскія, угорскія, италіянскія, также и польскія, помѣщаетъ въ своихъ памятникахъ [1]) и разсужденія о разныхъ народахъ славянскихъ. Онъ знаетъ, что въ земляхъ Угорской короны живутъ разные народы славянскіе, а именно Словаки, которыхъ Мадьяры называютъ Тоты, то-есть, Готы (Готѳы); у нихъ языкъ общій съ Иллирами, которые живутъ отъ Адріатическаго моря до Дравы и называются Хорваты, Славоны и Рацы (Сербы). Этихъ южныхъ Славянъ отдѣляютъ отъ сѣверныхъ, именно отъ Словаковъ, Мадьяры — Гунны. Послѣднихъ ненавидятъ Чехи и Поляки, какъ вторгнувшихся пришлецовъ, и считаютъ всѣ лежащія между ними и Далматами земли безправно у нихъ отнятыми, полагая, что они происходятъ отъ Далматовъ, и когда-то занимали вплоть всѣ эти страны и что ихъ не раздѣляло никакое чужое племя. Такъ думаютъ они, вѣроятно, по сходству языка, ибо извѣстно, что у Чеховъ, Поляковъ и Далматовъ одинъ и тотъ же языкъ. Но другіе, по поводу такого же сходства въ языкѣ, думаютъ, что дѣло наоборотъ. Ибо судя по звуку русскаго языка (Rhaxolanae linguae) считаютъ Русскихъ (Rhaxinos), жителей европейской Сарматіи предками, Славянскаго племени, и Славянъ (то-есть, южныхъ), Чеховъ и Поляковъ ихъ потомками. Считаютъ невѣроятнымъ, чтобы какой-нибудь народъ Славянскаго (Иллирскаго) племени когда-нибудь проникалъ въ земли Русскихъ, осужденныя на непогоду и постоянный холодъ, а скорѣе, что Русскіе сами, по поводу своего размноженія, замѣнили свои невыгодныя жилища болѣе умѣреннымъ климатомъ. Итакъ, нѣкоторые отправились на западъ, перешли черезъ рѣку Вислу, дошли до Лабы и основали государства Чешское и Польское. Нѣкоторые спустились на югъ, и прогнавъ Даковъ, завладѣли не только задунайскими странами, которыя у нихъ позже отняли Угры, но и всею Иллиріей, давъ

---

[1]) Commentariorum de rebus, quae temporibus ejus in illa Europae parte, quam Pannonii et Turcae eorumque finitimi incolunt, gestae sunt, libri undecim (изд. 1603 г.). Славянъ Черва называетъ обыкновенно Slouini, Sloueni, изрѣдка Slaveni, Sclaveni.

этой странѣ свое названіе [1]). Съ другой стороны Русскіе распространили свою власть и за рѣку Волгу (Rha) и здѣсь занимаютъ большое государство и обширнѣйшую столицу Москву. Славяне (то-есть, южные), потомки Русскихъ (Rhaxanorum ac Gothorum), напали около 600 года по Р. Х. на Иллирію, и какъ это бываетъ, принудили побѣжденныхъ, вмѣстѣ съ игомъ, принять и ихъ языкъ. Итакъ, значительная ихъ часть приняла названіе Славянъ; это показываетъ и самъ языкъ, который теперь Иллиры употребляютъ, и который почти ни въ чемъ не разнится отъ русскаго, развѣ что Далматы, живя подъ болѣе умѣреннымъ небомъ, произносятъ слова мягче, сохраняя нѣкоторые слѣды латинскаго языка и нравовъ. Съ другой стороны, вмѣстѣ съ „Рассіанами“ вышли отъ Волги рѣки (Rha) и ихъ родственники Болгаре и заняли Мизію.

Далѣе въ своемъ сочиненіи Туберо еще нѣсколько разъ затрогиваетъ вопросъ о родствѣ всѣхъ Славянъ. Такъ, онъ разказываетъ, что Чехи, отказавшись отъ иностранца Матвѣя Угорскаго, выбрали себѣ королемъ Польскаго Владислава, какъ своего соплеменника, одного и того же языка. Упоминая о страшныхъ успѣхахъ Турокъ въ Европѣ, онъ обращаетъ вниманіе на то, что они покорили уже бо̀льшую часть Югославянъ, праотцевъ Чеховъ и Поляковъ. Описывая войну между Польшей и Москвою, онъ замѣчаетъ, что вообще больше всего отдѣляетъ людей различіе въ религіи, и что по этому поводу Москвитяне стремятся къ присоединенію единовѣрныхъ Русскихъ земель, которыя находятся подъ властью Поляковъ, и проч.

Теорію о происхожденіи всѣхъ южныхъ и западныхъ Славянъ изъ сѣверныхъ, Русскихъ земель еще яснѣе представилъ другой Югославянинъ, ученый Хорватъ изъ Шибеника, Фаустъ Врaнчичъ, высказавъ вообще вкратцѣ—подобно Поляку Григорію изъ Санока—нѣкоторыя мнѣнія, до которыхъ дошла критика только нашего времени.

---

[1]) Колыбелью возобновленной Стефаномъ Неманей (1159—1195) Сербіи была жупа Раса, нынѣ Новый Пазаръ (между Черною Горой и княж. Сербскимъ), въ латинскихъ памятникахъ Rassia, Rascia, Raxia. По этой дѣдинѣ и отчинѣ своей назывались первые государи сербскіе королями «всѣхъ Рассихъ земель»; такъ назывались они и у своихъ сосѣдей, Югославянъ, Италіанцевъ и Угровъ (rex Rassiae, Rasciae, Raxiae), и самъ народъ сербскій (Rassiani, Rasciani, Raxiani); Мадьяры до сихъ поръ называютъ Сербовъ Рацами (Rácz), и король Угорскій титулуется королемъ Рассимъ или Сербскимъ (Срав. Časop. Česk. Mus. 1868, 336). Сходство названій «Rassia, Raxiani etc.» и «Russia, Rossia, Roxolani» завела Черву къ его заключеніямъ. То же самое видимъ и у Мартина Бѣльскаго.

Славянская идея вдохновляла и перваго пѣвца польскаго Іоанна Кохановскаго. „Соловей славянскій видитъ“ давніе зачатки и славные во всемъ свѣтѣ подвиги славянскіе. Амазонки приходятъ въ Скиѳію, и отъ нихъ родятся воинственные Савроматы и распространяются въ Азіи и въ Европѣ. Они видны при высокой горѣ Прометея, они видны и съ другой стороны при Ледовитомъ морѣ, и пограничные римскіе орлы пугаются ихъ, ибо они знаютъ дорогу и черезъ великій Дунай. Вотъ Венеты, по которымъ названо Венетское море; вотъ Россаны, по которымъ назвался Русскій народъ; вотъ Ляксы, по которымъ назвались Ляхи; вотъ могучіе Цеки, по которымъ называются нынѣшніе Чехи [1]). Вотъ Болгаре, которые плывутъ впередъ по Дунаю; послѣ нихъ дѣльные Словѣне, одного съ ними рода; потомъ Сербы, потомъ Анты, за ними Босняки и воинственные Хорваты съ своими знаменами. Противъ нихъ императоры выставляютъ со всѣхъ сторонъ войска, которыя однако предаются бѣгству, не будучи въ состояніи удержать ихъ напоръ. Народъ Славянскій оперся о самый Адріатическій берегъ. Посмотрите, какъ опасаются: въ одной рукѣ — неизбѣжное оружіе, въ другой — гладкая лопаточка, одни по всѣмъ сторонамъ стоятъ бдительно на стражѣ, другіе строятъ оборонительныя стѣны. Нѣкоторые же обратились на западъ солнца и поселились за глубокими водами холодной Лабы. Такъ одинъ народъ завладѣлъ почти всѣми землями, которыя Богъ окружилъ троякимъ Нептуномъ. Потомъ Борей несетъ Оритію, и гдѣ-бъ онъ ни прошелъ, видны его слѣды въ лѣсу: вырванныя сосны, поваленные дубы и рѣки, подернутыя ледяными мостами. Это сказаніе, либо за правду выдаваемое (ибо кто этого не помнитъ), либо просто вымышленное, значило, что спустя много лѣтъ встанетъ народъ съ полунощи, силы котораго не одолѣетъ южная страна:

«Za laty miał wstać lud z północy,
Którego kraj południ nie miał zdołać mocy» [2]).

скаго (Pandora starożytna monarchów polskich, 1641), Гавинскаго (Sielanki, 1650), Зиморовича (Sielanki, 1663), Коховскаго (Lyrika polskie, 1674, Psalmodya polska, 1695), и др.

[1]) Сравн. выше мнѣніе Кохановскаго о Ляхахъ и Чехахъ.

[2]) Въ стихотвореніи «Proporzec albo hold pruski» (то-есть, Альбрехта Прусскаго на сеймѣ въ Люблинѣ 1569 года), въ полномъ собраніи сочиненій Кохановскаго (Ian Kochanowski, Kraków 1585, 172—173). На знамени прусскаго князя поэтъ видитъ изображеннымъ все имъ сказанное.

На славянскія страны, южныя и восточныя, обращаетъ вниманіе своихъ земляковъ еще въ половинѣ XVII вѣка поэтъ Гавинскій. Жалуясь на недостатокъ дѣльныхъ людей въ тогдашней Польшѣ, онъ убѣжденъ, что еслибы въ ней были такіе люди, то отечество не только бы не погибало, но еще думало-бъ и объ освобожденіи земель на Дунаѣ и на Босфорѣ, гдѣ теперь пашетъ невольникъ плодородныя поля тяжелымъ плугомъ, и гдѣ свирѣпствуютъ гордые язычники; оно соединило бы побѣдоноснымъ походомъ горы Карпатскія съ Родопскими во Ѳракіи, и достигнувъ даже до великой Волги, привело-бъ ее къ порогу родной Вислы [1]).

III.

Славянское сознаніе у Славянъ балтійскихъ и лабскихъ.

1. Славяне балтійскіе.

Балтійскіе Славяне—Бодричи и Лютичи и ближайшіе сосѣди послѣднихъ Поморяне назывались общимъ именемъ цѣлаго племени чаще, чѣмъ другіе западные Славяне. Ихъ-то означаютъ лѣтописцы особенно названіемъ „Славянъ“ (Slavi, Sclavi), ихъ земли „Славянскими“ (Slavania, Sclavonia), ихъ языкъ „славянскимъ“. Такъ называли себя и сами Славяне. Ихъ князья, хотя позже онѣмеченные, Мекленбургскіе, Ранскіе (Рюгенскіе) и Поморскіе, обыкновенно называютъ себя князьями „Славянскими“ (dux Slavorum), свои земли „Славянскими“ (Slavia), своихъ подданныхъ „Славянами“ (Slavi, Slavi nostri), ихъ языкъ „славянскимъ“, совокупность разныхъ земскихъ повинностей „повинностями нашего народа Славянскаго“, старое домашнее право „славянскимъ“ (jus Slavicum),—все это въ противоположность сожителямъ Славянъ, Нѣмцамъ (Theutonici), ихъ языку и праву [2]).

Самъ народъ Славянскій въ земляхъ Балтійскихъ хотя все больше и больше исчезалъ, передѣлываясь въ Нѣмцевъ, всегда зналъ о своемъ „славянскомъ“ происхожденіи. Еще въ концѣ XVII столѣтія единственные остатки балтійскихъ Славянъ, сохранившіеся за Лабой въ

---

[1]) Sielanki nowe, ze star. rękop. wyd. Żegota Pauli (Lwów 1843, p. 34).

[2]) Доказательствъ не станемъ здѣсь приводить; множество ихъ найдется въ разныхъ актахъ и грамотахъ Балтійскихъ земель. Въ нихъ встрѣчаются, напримѣръ, такія выраженія: quod slavice dicitur, воеводница, бископовница, могила, тригорни, подача и пр.

тахъ, Аланахъ, Аварахъ, Илирахъ и др. То же самое утверждають его соотечественники еще два столѣтія спустя.

Орбини жалуется, что слава народа Славянскаго между современными писателями не такъ извѣстна, какъ должна быть, что его славные подвиги покрыты густымъ туманомъ и погружены въ вѣчную ночь забвенія. Но нечего удивляться: этотъ народъ изобиловалъ знаменитыми воинами, но у него не доставало ученыхъ писателей, которые прославляли бы безсмертіе Славянскаго племени. Другіе, гораздо менѣе значительные, народы чѣмъ Славяне, извѣстны нынче только потому, что ихъ прославили ихъ ученые: таковы Евреи, Греки и другіе. Славянскому народу это не удалось; иностранные писатели касаются его только мимоходомъ. А между тѣмъ подвиги Славянъ равняются подвигамъ всѣхъ народовъ міра: они прославились въ Азіи и въ Африкѣ, и въ борьбѣ съ Александромъ Великимъ; они покорили Македонію, Грецію и Иллирію, заняли Мораву, Силезію, Чехію, Польшу и Балтійское приморье, проникали въ Италію, Францію, Испанію и проч. Поэтому Орбини, изъ любви „къ своему народу Славянскому“ взялся за это дѣло, чтобы показать начало и успѣхъ ихъ государства, и какъ были они всегда знамениты и славны. Свой трудъ издаетъ онъ для прославленія всего народа Славянскаго, въ воспоминаніе и свидѣтельство величія и могущества ихъ предковъ. Встрѣчающіеся недостатки и ошибки пусть извинятся первому опыту по этому предмету; можетъ-быть, со временемъ найдется другой писатель, который на основаніи этого труда напищетъ что-нибудь лучшее.

Орбини воспользовался почти всею тогда извѣстною и ему доступною исторической литературой у Славянъ и у другихъ народовъ. Изъ славянскихъ историковъ онъ знаетъ русскія лѣтописи, Каллимаха, Кромера, Варшевицкаго, Гайка, Дубравскаго, Гельмольда и друг. На основаніи этихъ разныхъ источниковъ, разказываетъ онъ о распространеніи Славянъ, то-есть, Славныхъ, на западъ и на югъ, о выходѣ Чеха и Лѣха изъ южной Хорватіи на сѣверъ, о войнахъ Сама съ Аварами и Франками, о Моравскомъ Святополкѣ, о дѣятельности св. Кирилла и Меѳодія и о изобрѣтеніи славянскаго письма—одного св. Іеронимомъ, другаго—св. Кирилломъ, о древней чешской и польской исторіи, о Славянахъ Балтійскихъ, которыхъ погубилъ раздоръ, о Русскихъ, объ Иллирахъ, которые получили отъ Александра Великаго жалованную грамоту, и о другихъ народахъ, которыхъ онъ считаетъ Славянами и проч. [1]). Вторая, большая половина книги посвя-

[1]) Древнихъ Илларовъ считали Югославяне еще недавно своими предками. Во-

Занимаясь переводомъ разныхъ богослужебныхъ и священныхъ книгъ на сербскій языкъ, онъ пользовался и Библіей на чешскомъ и польскомъ языкахъ, „какъ сестрами нашей рѣчи". По примѣру чешскаго правописанія, онъ немножко поправилъ и правописаніе сербскаго языка. О распространенности „сербскаго", то-есть, славянскаго языка, въ Чехіи, Польшѣ, Руси и другихъ странахъ хорошо зналъ Френцель. По его словамъ, даже и „въ Китайскомъ царствѣ говорится по сербски". Славянское сознаніе Френцеля является особенно въ привѣтѣ къ царю Русскому Петру. Когда Петръ ѣхалъ (1697 г.) черезъ Лужицу, то Френцель вручилъ ему три изданныя имъ книги (сербскіе переводы Евангелій св. Марка и Матѳія 1670 г., посланій св. Павла къ Галатамъ и Римлянамъ, 1693 г., и одну проповѣдь 1688 г.), съ замѣчательной запиской на латинскомъ и сербскомъ языкахъ. Привѣтствуя съ восторгомъ „наияснѣйшаго и наисильнѣйшаго царя, непобѣдимаго императора и великаго князя, наимилостивѣйшаго господина царя Казанскаго и Астраханскаго, премогучаго князя очень многихъ странъ", Френцель продолжаетъ: „Намъ извѣстно изъ книгъ историческихъ, что Чехъ, Лѣхъ и Русъ, три брата происхожденіемъ изъ Иллиріи или Славоніи, около 500 г. по Р. Х. съ большимъ и безчисленнымъ войскомъ прибыли въ страны Сарматскія, въ то время пустыя, не воздѣланныя и не населенныя, и что они здѣсь основали три царства—Чешское, Польское и Русское. Чехъ съ своими сожителями занялъ Чехію вмѣстѣ съ обѣими Лужицами, Лѣхъ—Польскую землю при Вислѣ, жители которой сегодня называются, по плодороднымъ и равнымъ полямъ, Поляками, Русъ—около Москвы. Русская или Московская земля есть великое и обширное царство, такъ что великій царь могущественно господствуетъ отъ границъ Литовскихъ и отъ моря Каспійскаго до самаго Ледовитаго океана и до границъ царства Татарскаго, теперь побѣдоносно, далеко и широко даже и въ Татаріи. Въ самой Руси или Москвѣ царь почитается какъ какой-нибудь земной богъ. Русскіе считаютъ долгомъ слушаться его не иначе, какъ безсмертнаго бога; Русскіе вѣрятъ, что онъ все знаетъ, все можетъ, вѣрятъ, что отъ него проистекаетъ ихъ спасеніе, ихъ богатства, ихъ здоровье. Воля и слова князя—наивысшій законъ. Намъ также извѣстно черезъ историковъ, что ваше царское величество со всѣми своими подданными принадлежите къ греческой религіи, именно съ 989 года. Ибо въ томъ десятомъ вѣкѣ Владиміръ, ставъ самодержцемъ Русскимъ, женился на Аннѣ, дочери Царьградскаго императора Василія, и ввелъ христіанскую религію греческой вѣры и обрядовъ на Руси, или въ

и первыя попытки опредѣлить и правила этого языка, его формъ и правописанія. Такъ, уже въ X вѣкѣ стали разсуждать о письменахъ и о граматикѣ славянскаго языка черноризецъ Храбръ и Іоаннъ Экзархъ. Но такъ какъ этотъ „славянскій“ языкъ не ограничился только первоначальными Славянами, то-есть, Болгарами, а сдѣлался церковнымъ и вообще литературнымъ языкомъ у Сербовъ и Русскихъ, даже отчасти и у Хорватовъ, подвергшись, такимъ образомъ, разнообразному вліянію, то не легко было постановлять правила его, особенно въ то время младенчества всѣхъ наукъ. Онъ измѣнялся, смотря по тому, писалъ ли на немъ Болгаринъ, или „преставлялъ“ ли болгарскій языкъ или русскія рѣчи на сербскій Сербинъ, или наконецъ, списывалъ ли Русскій югославянскія рукописи. Такимъ образомъ возникла у южныхъ и восточныхъ Славянъ большая путаница въ церковно-литературномъ языкѣ, и трудно было уже въ то время найдти истинный чистый славянскій языкъ.

Уже въ первой посовинѣ XV вѣка одинъ болгарско-сербскій писатель, Константинъ Костенскій, въ своей статьѣ о правописаніи, считаетъ славянскій языкъ какою-то смѣсью всѣхъ другихъ славянскихъ языковъ. По его мнѣнію, Священное Писаніе переведено первоначально на „тончайшій и краснѣйшій русскій языкъ“, съ помощію и принятіемъ словъ изъ языковъ болгарскаго, сербскаго, босненскаго, словѣнскаго, хорватскаго и даже отчасти чешскаго. Для этой цѣли Кириллъ Философъ избралъ изъ всѣхъ этихъ племенъ людей, знающихъ греческій и славянскіе языки. Поэтому, хотя Русь и больше, рѣчь эта не называется ни болгарскою, ни сербскою, а „словѣнска, еже есть всѣхъ сихъ племенъ“ [1]).

Когда у самой западной отрасли Югославянъ, у Словенцевъ и отчасти и у ближайшихъ ихъ сосѣдей—Хорватовъ, вслѣдствіе нѣмецкой реформаціи, нѣсколько лицъ стали заниматься своимъ до тѣхъ поръ заброшеннымъ нарѣчіемъ и на немъ писать и издавать для народа книги, преимущественно богослужебныя, то они имѣли въ виду не только Югославянъ, но и всѣхъ Славянъ вообще, общимъ именемъ которыхъ назывался ихъ народъ „Словенскій“. Примъ Труберъ, оба Далматина Юрій и Антоній, Стефанъ Истріанинъ (Консулъ) издаютъ свои переводы протестантскихъ книгъ всѣми письменами, которыя употреблялись тогда у Славянъ: нѣмецкими, кирилловскими и глагольскими, и посвящаютъ ихъ не только своимъ землякамъ, но и всѣмъ

[1]) Starine. Izdaje jugoslav. akademija I, 14.

христіанамъ „во всѣхъ какихъ бы то ни было странахъ славянскаго языка“. Съ гордостью замѣчаютъ они, что „словенскій языкъ не скрывается въ какомъ-нибудь уголкѣ, а употребляется нынѣ во многихъ могущественныхъ государствахъ, раздѣленный на нѣсколько нарѣчій. Ибо словенскій языкъ не только тотъ, который употребляется въ Краинѣ, Нижней Штиріи, Каринтіи и въ смежныхъ странахъ, въ Хорватіи, Далмаціи, Истріи и Словенской мархіи; на немъ говорятъ и Чехи, Поляки, Москвитяне, Русскіе, Босняки и большая часть народовъ, находящихся подъ властью Турокъ; онъ даже и при дворѣ и въ канцеляріяхъ турецкихъ одинъ изъ главныхъ языковъ“. Словенскіе переводчики Библіи воспользовались тогда и чешскою Библіей „изъ-за нѣкоторыхъ древнихъ словенскихъ словъ“ [1]).

Но хотя эти Словенцы и Хорваты и издавали книги на словенскомъ языкѣ, будто бы для всѣхъ Славянъ, а все-таки сознавали важную разницу въ отдѣльныхъ нарѣчіяхъ славянскихъ. Справедливо замѣчаетъ Труберъ, что „Словенцы понимаютъ по хорватски гораздо лучше, чѣмъ по чешски или по польски, или по лужицко-сербски; и если этотъ, назначенный для Словенцевъ, славенскій переводъ прочитается Угорскимъ Словакамъ, Чехамъ, Полякамъ, Русскимъ, Иллирамъ, то они мало его поймутъ“ [2]).

Главное вниманіе обратили эти словенско-хорватскіе дѣятели протестантизма на всѣхъ Югославянъ, то-есть, не только на Словенцевъ, но и на Хорватовъ, Сербовъ и Болгаръ, которыхъ хотѣли присоединить къ новому вѣроученію.—„Хорваты, Далматы, Босняки, Сербы и Болгаре“, пишетъ Труберъ, „хотя и пишутъ на своемъ языкѣ, даже и двоякимъ письмомъ, но не имѣли до сихъ поръ ни полной Библіи, ни катехизиса на своемъ языкѣ, и поэтому должны были прибѣгать къ часословамъ, молитвенникамъ и служебникамъ. Поэтому есть справедливая и большая нужда доставить этимъ народамъ набожныя книги на хорватскомъ и словенскомъ языкахъ, чтобы такимъ образомъ, по Божьей милости царство Христа распространялось въ Турцію“. На свои вопросы, нравится ли и понимается ли переводъ, правописаніе

[1]) Хорватскій переводъ Аугсбургской конфессіи Антона Далматина и Стефана Истріанина, напечатанный глаголицей и кириллицей (Тюбингенъ, 1562) словенскій переводъ библіи Юрія Далматина (Виттенбергъ, 1584, предисловіе); хорватскій переводъ Новаго Завѣта (Тюбингенъ, 1562, предисловіе).

[2]) Словенскій переводъ Новаго Завѣта (Тюб., 1560, предисловіе); сравн. и предисловіе къ словенской библіи Виттенбергской, 1584.

и письмо новой хорватской и кирилловской печати во всей Хорватіи, Далмаціи, Сербіи и Боснѣ, онъ получилъ утвердительные отвѣты [1]).

Но всѣ эти планы распространенія протестантизма между всѣми Югославянами, составленные Труберомъ, Далматинами, Стефаномъ Консуломъ, Юричичемъ, Бучичемъ и ихъ покровителями Унгнадомъ и Зринскимъ, все это скоро прекратилось. Католицизмъ восторжествовалъ вездѣ у Словенцевъ и Хорватовъ [2]). У остальныхъ Югославянъ протестантизмъ совсѣмъ не привился, кромѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ. Между ними особенно извѣстнымъ сталъ Дубровничанинъ Франковичъ (Flaccius Illyricus) [3]).

Такъ какъ языкъ и правописаніе Трубера и Далматина отличались другъ отъ друга, то по желанію чиновъ краинскихъ, каринтскихъ и штирійскихъ, директоръ училищъ въ Краинѣ Адамъ Бохоричъ взялся опредѣлить правила словенскаго языка и написалъ краткую его граматику (1584 г.) [4]). Въ ней авторъ выказалъ теплое сочувствіе къ остальнымъ славянскимъ народамъ и уже въ самомъ ея заглавіи замѣчаетъ, что изъ нея легко можно понять родство словенскаго языка съ московскимъ, русскимъ, польскимъ, чешскимъ, лужицко-сербскимъ, хорватскимъ и далматинскимъ. Бохоричъ, также какъ и Далматинъ, съ гордостью вспоминаетъ объ огромномъ

---

[1]) Письма Трубера къ королю Максимиліану 1560—1562 годовъ (въ хорватскомъ переводѣ Новаго Завѣта, Тюбингенъ, 1562, и въ Notizenblatt, Beilage zum Archiv für Kunde österreich. Geschichtsquellen, 1852, p. 201, 204, 215). Противъ этой протестантской пропаганды у Югославянъ принимала и папская курія свои мѣры; катихизисъ Канисія (Сумма наука христіанскога, въ Римѣ, 1583), переведенный Сим. Будиничемъ на языкъ «словинскій» (то-есть, смѣсь нарѣчій церковно-славянскаго и далматско-славянскаго), напечатанъ латинскими буквами и кириллицей.

[2]) О дѣятельности Трубера и др. см. особенно *Schnurrer*: Slawischer Bücherdruck in Würtenberg in 16 Jhdt. (Tübingen, 1799), оттуда у *Добровскаго* Slawin. Замѣтимъ, что уже Полякъ Венгерскій (Regenvolscius) разказываетъ объ этой югославянской реформаціи.

[3]) Родился 1520 г. въ деревнѣ Бѣлѣ (Бѣло, Albona) у Дубровника (а не въ Истріи). О его сочиненіяхъ см. ниже, въ отдѣлѣ: Чехи и Югославяне.

[4]) Arcticae horulae succissivae, de latino-carniolana litteratura, ad latinae linguae analogiam accomodata, unde Moshoviticae, Rutenicae, Polonicae, Boemicae et Lusaticae linguae cum Dalmatica et Croatica cognatio facile deprehenditur. Praemittuntur his omnibus tabellae aliquot Cyrillicam et Glagoliticam et in his Rutenicam et Moscoviticam orthographiam continentes (Witebergae, 1584); на титулѣ слова «всаки іазик споанати хоще Бога» кириллицей, глаголицей и по словенски. Сравн. *Добровскаго* Slawin (2-е изд., 13, 124).

Дѣятельность славянскихъ апостоловъ Константина и Меѳодія у западныхъ Славянъ извѣстна была и Югославянамъ по ихъ жизнеописаніямъ, обширнымъ легендамъ или краткимъ прологамъ, похвальнымъ словамъ и службамъ, которыя читались и у Болгаръ, и у Сербовъ, и у Хорватовъ. Сѣверославянскіе князья даже и перепутались въ памяти позднѣйшихъ Югославянъ: такъ, Моравскій Святополкъ сдѣланъ Хорватскимъ княземъ, Блатенскій или Паннонскій Коцелъ „княземъ Лѣшскимъ". Отголосокъ этихъ древнихъ преданій сохранили и разныя лѣтописи болгарскія, сербскія и хорватскія; въ нихъ записано, что „словѣнскій языкъ Морава" крещенъ св. Константиномъ и Меѳодіемъ, и что философъ „Костанцъ" установилъ даже „книгу" хорватскую. У Хорватовъ св. Константинъ уступилъ позже св. Іерониму, которому съ XIII вѣка стали приписывать изобрѣтеніе славянскаго письма и переводъ Священнаго Писанія. Это мнѣніе распространилось и у западныхъ Славянъ,—у Чеховъ и у Поляковъ.

Турецкое порабощеніе прекратило у Югославянъ почти всю литературную дѣятельность, зачатки которой стали такъ успѣшно развиваться. Подъ игомъ варваровъ не возможна была какая бы то ни было высшая умственная жизнь. При безпрестанномъ стукѣ оружія, въ дунайскихъ земляхъ нечего было и думать о какой-нибудь литературѣ. Вся литературная дѣятельность порабощенныхъ Турками Югославянъ, Болгаръ, Сербовъ и отчасти и Хорватовъ, заключалась лишь въ богословскихъ и скудныхъ лѣтописныхъ сочиненіяхъ. Остальные Югославяне или напрягали всѣ свои силы въ безконечной борьбѣ съ врагомъ всей европейской цивилизаціи (Хорваты, Черногорцы), или давно подпавъ подъ власть чужаго элемента, только прозябали (Словенцы): стало быть, и у обѣихъ этихъ отраслей югославянскихъ не было благодарной почвы для высшей духовной жизни.

Главнымъ, да можно сказать, и единственнымъ, убѣжищемъ литературной и вообще умственной дѣятельности Югославянъ осталось Далматское приморье. Здѣсь, въ сосѣдствѣ и подъ вліяніемъ Италіи и ея далматскихъ колоній продолжалась и развивалась литературная дѣятельность по образцу другихъ европейскихъ народовъ. Правда, славянскій элементъ здѣсь не былъ господствующимъ, находясь подъ властью чужаго, латинско-италіанскаго элемента. Но, не смотря на то, въ прибрежной Далмаціи, особенно въ Дубровникѣ, стали процвѣтать и научная, и изящная литература въ смыслѣ и духѣ славянскомъ, хотя часто облеченная чужимъ покровомъ, латинскимъ или италіанскимъ.

Историки далматско-славянскіе, возвысившись надъ господствующей до тѣхъ поръ лѣтописною манерой, стали обработывать глубже и болѣе научнымъ образомъ исторію своего народа. Этотъ ихъ народъ „словинскій", или какъ его по латински называли—„илирскій", представился имъ частью великаго племени славянскаго, распространеннаго въ Европѣ и въ Азіи.

Дубровничанинъ Туберо-Черва (Цріевичъ), описывая событія своего времени (1490—1522 гг.), особенно югославянскія, угорскія, италіянскія, также и польскія, помѣщаетъ въ своихъ памятникахъ [1]) и разсужденія о разныхъ народахъ славянскихъ. Онъ знаетъ, что въ земляхъ Угорской короны живутъ разные народы славянскіе, а именно Словаки, которыхъ Мадьяры называютъ Тоты, то-есть, Готы (Готѳы); у нихъ языкъ общій съ Иллирами, которые живутъ отъ Адріатическаго моря до Дравы и называются Хорваты, Славоны и Рацы (Сербы). Этихъ южныхъ Славянъ отдѣляютъ отъ сѣверныхъ, именно отъ Словаковъ, Мадьяры — Гунны. Послѣднихъ ненавидятъ Чехи и Поляки, какъ вторгнувшихся пришлецовъ, и считаютъ всѣ лежащія между ними и Далматами земли безправно у нихъ отнятыми, полагая, что они происходятъ отъ Далматовъ, и когда-то занимали вплоть всѣ эти страны и что ихъ не раздѣляло никакое чужое племя. Такъ думаютъ они, вѣроятно, по сходству языка, ибо извѣстно, что у Чеховъ, Поляковъ и Далматовъ одинъ и тотъ же языкъ. Но другіе, по поводу такого же сходства въ языкѣ, думаютъ, что дѣло наоборотъ. Ибо судя по звуку русскаго языка (Rhaxolanae linguae) считаютъ Русскихъ (Rhaxinos), жителей европейской Сарматіи предками, Славянскаго племени, и Славянъ (то-есть, южныхъ), Чеховъ и Поляковъ ихъ потомками. Считаютъ невѣроятнымъ, чтобы какой-нибудь народъ Славянскаго (Иллирскаго) племени когда-нибудь проникалъ въ земли Русскихъ, осужденныя на непогоду и постоянный холодъ, а скорѣе, что Русскіе сами, по поводу своего размноженія, замѣнили свои невыгодныя жилища болѣе умѣреннымъ климатомъ. Итакъ, нѣкоторые отправились на западъ, перешли черезъ рѣку Вислу, дошли до Лабы и основали государства Чешское и Польское. Нѣкоторые спустились на югъ, и прогнавъ Даковъ, завладѣли не только задунайскими странами, которыя у нихъ позже отняли Угры, но и всею Иллиріей, давъ

---

[1]) Commentariorum de rebus, quae temporibus ejus in illa Europae parte, quam Pannonii et Turcae eorumque finitimi incolunt, gestae sunt, libri undecim (изд. 1603 г.). Славянъ Черва называетъ обыкновенно Slouini, Slouení, изрѣдка Slaveni, Sclaveni.

этой странѣ свое названіе [1]). Съ другой стороны Русскіе распространили свою власть и за рѣку Волгу (Rha) и здѣсь занимаютъ большое государство и обширнѣйшую столицу Москву. Славяне (то-есть, южные), потомки Русскихъ (Rhaxanorum ac Gothorum), напали около 600 года по Р. X. на Иллирію, и какъ это бываетъ, принудили побѣжденныхъ, вмѣстѣ съ игомъ, принять и ихъ языкъ. Итакъ, значительная ихъ часть приняла названіе Славинъ; это показываетъ и самъ языкъ, который теперь Иллиры употребляютъ, и который почти ни въ чемъ не разнится отъ русскаго, развѣ что Далматы, живя подъ болѣе умѣреннымъ небомъ, произносятъ слова мягче, сохраняя нѣкоторые слѣды латинскаго языка и нравовъ. Съ другой стороны, вмѣстѣ съ „Рассіанами" вышли отъ Волги рѣки (Rha) и ихъ родственники Болгаре и заняли Мизію.

Далѣе въ своемъ сочиненіи Туберо еще нѣсколько разъ затрогиваетъ вопросъ о родствѣ всѣхъ Славянъ. Такъ, онъ разказываетъ, что Чехи, отказавшись отъ иностранца Матвѣя Угорскаго, выбрали себѣ королемъ Польскаго Владислава, какъ своего соплеменника, одного и того же языка. Упоминая о страшныхъ успѣхахъ Турокъ въ Европѣ, онъ обращаетъ вниманіе на то, что они покорили уже бо̀льшую часть Югославянъ, праотцевъ Чеховъ и Поляковъ. Описывая войну между Польшей и Москвою, онъ замѣчаетъ, что вообще больше всего отдѣляетъ людей различіе въ религіи, и что по этому поводу Москвитяне стремятся къ присоединенію единовѣрныхъ Русскихъ земель, которыя находятся подъ властью Поляковъ, и проч.

Теорію о происхожденіи всѣхъ южныхъ и западныхъ Славянъ изъ сѣверныхъ, Русскихъ земель еще яснѣе представилъ другой Югославянинъ, ученый Хорватъ изъ Шибеника, Фаустъ Врачичъ, высказавъ вообще вкратцѣ—подобно Поляку Григорію изъ Санока—нѣкоторыя мнѣнія, до которыхъ дошла критика только нашего времени.

[1]) Колыбелью возобновленной Стефаномъ Неманей (1159—1195) Сербіи была жупа Раса, нынѣ Новый Пазаръ (между Черною Горой и княж. Сербскимъ), въ латинскихъ памятникахъ Rassia, Rascia, Raxia. По этой дѣдинѣ и отчинѣ своей назывались первые государи сербскіе королями «всѣхъ Рассвихъ земель»; такъ назывались они и у своихъ сосѣдей, Югославянъ, Италіанцевъ и Угровъ (rex Rassiae, Rasciae, Raxiae), и самъ народъ сербскій (Rassiani, Rasciani, Raxiani); Мадьяры до сихъ поръ называютъ Сербовъ Рацами (Rácz), и король Угорскій титулуется королемъ Рассвимъ или Сербскимъ (Сравн. Časop. Česk. Mus. 1868, 336). Сходство названій «Rassia, Raxiani etc.» и «Russia, Rossia, Roxolani» завела Черву къ его заключеніямъ. То же самое видимъ и у Мартина Бѣльскаго.

„На сколько извѣстно, нѣтъ большаго народа на свѣтѣ“, пишетъ Врапчичъ, „какъ нашъ Славянскій: ибо онъ занимаетъ значительную часть Европы и Азіи, какъ пишутъ древніе космографы, и какъ мы видимъ теперь. Эту страну, которую мы теперь называемъ Русью или Москвой, называли древніе Латины и Греки азійскою Сарматіей; другую же, которую мы теперь называемъ Польшей, — европейскою Сарматіей. Изъ Руси или Москвы, болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ, вышелъ одинъ народъ, и перешедъ черезъ Дунай, отнялъ у Грековъ Ѳракію, которою владѣетъ до сихъ поръ. Этотъ народъ называется Болгарами, потому что они вышли отъ рѣки Волги. Изъ Польской земли тоже вышли три большіе народа. Первое поколѣніе—Вандалы, съ сѣвернаго приморья Нѣмецкой земли прогнанные Готѳами, пошли въ Галлію и потомъ въ Испанію, а оттуда въ самую Африку, во время св. Августина. На ихъ мѣсто пришли Славяне и сдѣлали много вреда Нѣмцамъ и завладѣли этимъ приморьемъ до самой Даніи. Поэтому та земля до днесь называется Поморье. Наконецъ, покоренные императорами Римскими, Карломъ Великимъ и тремя Оттонами, приняли христіанскую вѣру, языкъ и нравъ нѣмецкій и считаются больше Нѣмцами. Второй народъ славянскій занялъ ту землю, которая именуется теперь Чешскою, Лужицкою, Силезскою и Моравскою. Онъ, находясь въ Нѣмецкой землѣ, сохранилъ свой собственный языкъ славянскій, ибо Нѣмецкая земля, какъ пишутъ старые космографы, доходила до самой рѣки Вислы, которая течетъ подъ городомъ Краковомъ, столицей короля Польскаго. Третій народъ, вышедъ изъ Польской земли черезъ горы Карпатскія, занялъ Паннонію; потомъ, перешедъ нѣсколько разъ рѣки Дунай, Драву и Саву до самаго южнаго моря, нанесъ много вреда и позора Римской имперіи, опустошая и порабощая Македонію, Далмацію и остальныя тѣ страны. Наконецъ онъ занялъ всю Далмацію и нынче ее населяетъ отъ Истріи до Македоніи и отъ моря до рѣки Дравы. Это началось во времена папы св. Григорія, какъ пишетъ онъ самъ и другіе писатели. Итакъ, уже съ тысячу лѣтъ Славяне владѣютъ этою землей и сохраняютъ свой языкъ, который гораздо чище, чѣмъ теперешній польскій или московскій, какъ о томъ можетъ судить всякій, кто понимаетъ тѣ языки, если только не пристрастенъ къ своему собственному. Языкъ далматскій, хорватскій, сербскій или босенскій (ибо все это одинъ языкъ) имѣетъ рѣчи или слова длинныя, которыя очень гибки и легко выговариваются. Древній языкъ далматскій совсѣмъ истребили, какъ сдѣлали Римляне въ Галліи и въ Испаніи, такъ что теперь нѣтъ человѣка,

который могъ бы разказать, какъ говорилось передъ тѣмъ въ Далмаціи, Галліи и въ Испаніи“ [1]).

Замѣчательно, что сѣверные Славяне ищутъ свое начало у южныхъ, Югославяне же—у сѣверныхъ. Чехи, Поляки и Лужицкіе Сербы утверждаютъ и даже упорно отстаиваютъ свое происхожденіе изъ югославянской Хорватіи, отъ „Славянъ, Словаковъ“, отъ славянскихъ князей Чеха и Лѣха, владѣвшихъ около города Псаровъ. Русскіе пишутъ, что ихъ предки Поляне, Древляне, Дреговичи, Словѣне и др. и вообще вся „Русь“ вышли отъ Дуная, гдѣ есть нынѣ земля Угорская и Болгарская. Съ другой же стороны, южные Славяне уже съ XII столѣтія производятъ свой народъ изъ сѣверныхъ земель, гдѣ нынѣ Чехія и Польша и обширная земля Русская, орошаемая Волгой. Интересное явленіе, свидѣтельствующее о всегда живомъ сознаніи родства и общаго національнаго единства у всѣхъ Славянъ на Лабѣ, Вислѣ, Днѣпрѣ, Волгѣ и Дунаѣ.

Сознаніе родства съ остальными Славянами привело и одного югославянскаго историка къ попыткѣ написать исторію всего славянства. Въ то самое время, когда на сѣверѣ Полякъ Папроцкій много лѣтъ сряду и съ большимъ трудомъ собиралъ матеріалы для генеалогіи „славянскихъ“ родовъ,—на югѣ, въ Дубровникѣ, Мавро Орбини думалъ о составленіи общеславянской исторіи и исполнилъ свой планъ, на сколько позволяли средства его времени, въ своей замѣчательной книгѣ, о „Славянскомъ государствѣ“, въ которой онъ, хотя на чужомъ, не славянскомъ языкѣ, говоритъ о началѣ всѣхъ народовъ славянскаго языка, о ихъ славѣ и ихъ успѣхахъ [2]). Нечего упрекать автора въ томъ, что онъ видитъ Славянъ почти во всѣхъ племенахъ древней восточной Европы—въ Вандалахъ, Готѳахъ, Ге-

---

[1]) Предисловіе къ «далматской» части семиязычнаго словаря Чеха Лодерекера, изд. въ Прагѣ въ 1605 году. Предисловіе писано въ Прагѣ въ день очищенія Богородицы въ 1065 году. Вранчичъ пишетъ вездѣ «Словиньцы», «Словиньскій».—О знаменитомъ Герберштейнѣ умалчиваемъ, такъ какъ онъ происхожденіемъ не Славянинъ.

[2]) Il regno degli Slavi, hoggi corrottamente detti Schiavoni historia. Nella quale si vede l'origine quasi di tutti i popoli, che furono della lingua slava, con molte e varie guerre, che fecero in Europa, Asia e Africa; il progresso del imperio loro, l'antico culto, e il tempo della loro conversione al christianesimo. E in particolare veggonsi e successi de'Rè che anticamente dominarono in Dalmatia, Cr atia, Bosna, Servia, Rassia e Bolgaria (Pesaro, 1601), книга очень рѣдкая. Она переведена 1722 года на русскій языкъ (см. ниже). Мартинъ Роса (Ружичъ) сократилъ ее латинскими стихами (Madrid, 1638).

разумно разсуждаетъ Крижаничъ о раздѣленіи христіанской церкви на восточную и западную. „Глупо поступаетъ“, пишетъ этотъ просвѣщенный католическій священникъ, — „кто вмѣшивается въ чужіе споры, изъ которыхъ не можетъ выйдти для него никакой пользы“. Славянъ не касается споръ обѣихъ церквей за первенство; для нихъ все равно, „что патріархъ Царьградскій и папа Римскій по этой причинѣ другъ съ другомъ спорятъ, дерутся и таскаются за бороды“. Скорѣе слѣдуетъ Славянамъ примирять обѣ враждебныя партіи, такъ какъ „отъ нашего народа, отъ Болгаръ, произошла одна изъ главныхъ причинъ раздора. Ибо, прежде всего, изъ-за Болгаръ учили Греки проклинать Римлянъ. Если нашъ народъ былъ причиной зла, то слѣдовало бы, чтобъ онъ былъ причиной и добра“ [1]).

Что касается политическихъ убѣжденій, то Крижаничъ—приверженецъ неограниченной монархіи, или какъ теперь сказали бы, просвѣщеннаго абсолютизма, какъ это было отчасти на Руси при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Форму правленія, господствовавшую въ Польшѣ того времени, онъ считаетъ величайшимъ зломъ. Русскому государству онъ совѣтуетъ не распространяться постоянно только на сѣверъ и на востокъ, а скорѣе на югъ къ Черному морю,—здѣсь, съ помощію Поляковъ, уничтожить опасныхъ Крымскихъ Татаръ, потомъ перенести царскую столицу въ Перекопъ, оттуда выступить противъ Турокъ, и наконецъ, освободить, стонущихъ подъ ихъ игомъ, Славянъ.

Очень хорошо характеризуетъ Крижаничъ все теченіе славянской исторіи: „Во время царей Маврикія, Фоки и Юстиніана наши предки изъ Руси зашли за Дунай и завладѣли Болгарскою, Сербскою и Хорватскою землею. Но не соблюдали никакого хорошаго порядка, ни согласія между собою, поэтому скоро свое господство утратили и подпали подъ власть другихъ народовъ. Другой отдѣлъ славянскаго народа жилъ около Нѣмецкаго моря, въ Поморьѣ, въ Польшѣ, Силезіи, Чехіи и Моравіи. Но и тѣ, по поводу большаго своего несогласія и

---

[1]) Въ другомъ мѣстѣ (въ граматикѣ) Крижаничъ высказывается и о формальной сторонѣ спора въ русской церкви того времени: «Не достойно изъ-за такихъ мелочей производить церковный раздоръ, ни изъ-за граматическихъ ошибокъ соблазняться и разорять духовную любовь». Крижаничъ участвовалъ также въ этой борьбѣ съ расколомъ и вообще въ спорахъ о духовныхъ вопросахъ того времени; къ этому относятся его статьи: «Обличеніе на Соловецкую челобитную» (1675 г.) и «О святомъ крещеніи». (Описаніе рукоп. синодал. библ. II, 3, стр. 283, 284). И въ этихъ статьяхъ видно глубокое образованіе автора, возвышающее его надъ современниками, особенно въ Московской Руси.

щена исторіи Югославянъ, Далмаціи, Хорватіи, Босны, Сербіи и Болгаріи. Въ книгѣ находятся двѣ картины, изображающія „Славянина отъ моря Нѣмецкаго“ и „Славянина Иллирскаго“.

Все это собрано здѣсь запутаннымъ, некритическимъ образомъ и лишено теперь всякой научной цѣны. Но для насъ не важенъ способъ, какимъ авторъ исполнилъ свою задачу, и который не хуже, чѣмъ методъ всѣхъ почти писателей того времени, а интересна одна только *мысль* его записать славу *всего* великаго Славянскаго народа.

Славянское сознаніе является и у преемниковъ Орбини, у извѣстнаго далматскаго историка Луцича и Дубровничанина Градича [1]), который написалъ для кардинала Распони особую статью „О народахъ славянскаго языка“, то-есть, о южныхъ и русскихъ (1670), Хорвата Витезовича (1696), у историковъ, писавшихъ о Словенцахъ, Мечизера (1612), Вальвазора (1689) и другихъ.

Изъ Далмаціи и Хорватіи долетали отголоски разныхъ теорій о происхожденіи Славянъ и въ запущенные монастыри сербскіе; и здѣсь въ Дечанахъ, Печи и Троношѣ монахи тоже записываютъ, что „мы ради славныхъ дѣлъ ратныхъ наречены есмы праведно Славяни“, и что „отъ Сармаціи имети нынѣ Русейскія державы мы вси языци всякій въ свое время изидохомъ“, Лѣхи и Чехи, Сербы и Болгаре, и проч. [2]).

2. Славянское сознаніе у югославянскихъ лингвистовъ, переводчиковъ Библіи и проч. — Константинъ Костенскій, Труберъ, Далматины, Истріанинъ Вохоринъ.

Чувство родства и единства всѣхъ Славянъ слышится также и въ трудахъ югославянскихъ филологовъ и вообще изучавшихъ различныя нарѣчія южныхъ Славянъ.

Такъ какъ у Югославянъ „словѣнскій“ языкъ сдѣлался рано общеупотребительнымъ, и вообще книжная дѣятельность на отечественномъ языкѣ началась уже въ IX—X столѣтіяхъ, то у нихъ явились

просъ о національности Иллировъ былъ особенно важенъ для Хорватовъ, употреблявшихъ въ богослуженіи славянскій языкъ и глаголицу, изобрѣтеніе которой приписывали Иллиру-Славянину св. Іерониму. Но противъ этого мнѣнія явились и возраженія. Такъ, уже Рафаилъ *Леваковичъ* защищалъ противъ Врайчича и др. славянское происхожденіе Иллировъ въ особыхъ статьяхъ. Сравн. Kukuljević: Književnici u Hrvatah (особенно письмо Леваковича 1642 года, стр. 397).

[1]) *Гласник дружтва сербской словесности* V, 22, 25; Сочиненія *Гильфердинга* I, 216.

[2]) *Turgeniew:* Histor. Russiae Monum. II, 236—249.

вать и пригодными, разумными книгами тѣмъ людямъ глаза открыть, чтобъ они, какъ сказано, узнали, что̀ такое честь, и думали о своемъ возстановленіи. Послѣ того и Чеховъ, и наконецъ, недавно и Поляковъ постигло одинакое съ Задунайцами бѣдствіе, то-есть, они утратили царство, силу, языкъ и разумъ. Пусть себѣ Поляки хватаются обманчивою тѣнью царства и своею распущенною свободою; тѣмъ не менѣе свѣту извѣстно, что Поляки никакъ своимъ нуждамъ и бѣдствіямъ сами не могутъ помочь, чтобы стать на ноги и возвратиться къ прежней чести. Эту поддержку, право и народное просвѣщеніе ты, царь, можешь легко Полякамъ дать, если только войдешь съ ними въ крѣпкій союзъ противъ Крымскихъ Татаръ".

Крижаничъ хотя и призываетъ царя Русскаго помочь и западнымъ Славянамъ, то все-таки самъ отчаявается въ успѣхѣ такой помощи. „Что касается Поморья, Силезіи, Чехіи и Моравіи и приморскихъ городовъ: Гамбурга, Любека, Гданска, Риги и другихъ, которые когда-то были славянскіе, кажется, намъ напрасно и думать о завоеваніи этихъ странъ. Надо замѣтить, что очень рѣдко случается, чтобы какой-нибудь народъ опять возвратилъ тѣ владѣнія, которыя утратилъ, особенно когда они попали въ руки сильнаго врага. Поэтому и намъ, Славянамъ, слѣдуетъ отказаться отъ мыслей о владѣніяхъ и пристаняхъ Варяжскаго моря, и напротивъ, кажется выгоднымъ тянуться къ Черному морю и къ его берегамъ и пристанямъ, которые полезнѣе и нужнѣе варяжскихъ".

Вотъ какія „политическія мысли" предлагаетъ царю Русскому этотъ просвѣщенный Югославянинъ, любви котораго къ Славянамъ и къ Руси не охладила даже ссылка въ Сибирь, гдѣ онъ прожилъ полныхъ 15 лѣтъ (1661—1676 гг.). Прославляя силу и могущество Русскаго государства, Крижаничъ наконецъ восклицаетъ: „О царь, ты держишь въ рукахъ чудотворный Моисеевъ жезлъ и можешь творить удивительныя чудеса. Пользуешься полнымъ самодержавіемъ, и поэтому, совершеннымъ повиновеніемъ своихъ подданныхъ, и можешь, по Божьей милости, просвѣщать и прославить не только сіе царство, но и весь народъ Славянскій".

Но гдѣ же было думать Русскому царю XVII вѣка о такой политикѣ! У него былъ еще болѣе близкій вопросъ: осуществить свой титулъ „царя всея Руси". Это удалось только черезъ сто лѣтъ по написаніи „Политики", да и то не вполнѣ.

Крижаничъ задумалъ, какъ мы видѣли, написать и обширную грамматику славянскаго языка. Эту мысль онъ осуществилъ въ Сибири

(1666 г.), написавъ „Граматично исказанје об русском језику“ [1]). Русскимъ онъ называетъ церковно-славянскій языкъ, который былъ тогда въ употребленіи въ русской церкви и который, по ошибкѣ, называется словинскимъ“. Крижаничъ въ своей граматикѣ не обработалъ этого языка въ томъ видѣ, какъ его нашелъ, а сталъ его поправлять по своему усмотрѣнію, такъ чтобъ онъ былъ понятенъ не только Русскимъ и Словинцамъ (то-есть, Югославянамъ), но и Чехамъ и Полякамъ. Стало быть, Крижаничъ думалъ составить какой-то общеславянскій языкъ, именно на основаніи „русскаго“ языка, отъ котораго произошли и другіе славянскіе языки, съ разными прибавленіями изъ другихъ языковъ. На такую мысль наводило его, между прочимъ, то обстоятельство, что, по его мнѣнію, языкъ у западныхъ и южныхъ Славянъ очень испортился, какъ это всегда бываетъ, когда народъ лишенъ политической независимости.. „У Болгаръ нечего искать: ихъ языкъ такъ утраченъ, что едва остались кое-какіе слѣды. У Поляковъ половина словъ примѣшана изъ другихъ разныхъ языковъ. Въ чешскихъ книгахъ находится языкъ чище польскаго, но онъ не мало испорченъ. Сербы же и Хорваты такъ потеряли свой отечественный языкъ (дидинску бесиду), что, кромѣ домашнихъ дѣлъ, не могутъ сказать ничего порядочнаго о другихъ дѣлахъ, какъ про нихъ кто-то и написалъ: Хорваты и Сербы говорятъ на всѣхъ языкахъ и не говорятъ ничего. Первое слово у нихъ русское, другое — угорское, третье—нѣмецкое, четвертое—турецкое, пятое—греческое или валашское, или албанское“. Лучшимъ языкомъ словинскимъ считаетъ рѣчь дворянъ въ турецкой Хорватіи.

Не наше дѣло разбирать и критиковать здѣсь этотъ трудъ; замѣтимъ только то, что Крижаничъ является необыкновеннымъ знатокомъ всѣхъ славянскихъ языковъ—русскаго и бѣлорусскаго, польскаго и чешскаго и разныхъ югославянскихъ нарѣчій. Чтобъ дать хотя какое-нибудь понятіе о граматикѣ Крижанича и ея языкѣ, приведемъ нѣсколько его мыслей. Говоря о „словѣ г“ онъ замѣчаетъ: „Русјони, Лехи, Хервати и Серби право и ризко изрикајут слово глагол, равно какъ Греки гама. А Бѣлорусјани и Чехи јесут изгубили правнь глас: и изрикајут никако сподобно ко хиру. Пишут глава, гора, град; а чтут будто хлава, хора, храдъ. Тим се облуджајут и никови Русјани, и за липо почитајут таково кметско и премерзко из-

[1]) Издано въ *Чтеніяхъ* 1848 и 1850 гг., оцѣнено *Даничичемъ* въ сборникѣ Rad jugoslav. akademije XVI.

риканје". Изъ этого мѣста, между прочимъ, видно, что Крижаничъ, хорошо чувствуя недостатокъ знака для й въ кириллицѣ, ввелъ — полтора вѣка до Караджича—латинское j, и выбросилъ ъ, который признаетъ только тамъ, „гди би јмала стојат која гласница, какот *съ* вами за *со* вами". Звуки носовые у Поляковъ для него странны и не нужны, также и русско-польское ы. Двойственное число онъ отвергаетъ, потому что „херватски племенити льуди" (дворяне) считаютъ его „кметскимъ". Окончаніе звательнаго падежа множественнаго числа—ови,—ове (синове) считаетъ лишнимъ, а форму „сини" лучше и правильнѣе; окончаніе іе, е (царије, свидителе), по немъ, совсѣмъ испорчено и мерзко и проч. Во главѣ „вь чем се разнет словинскаго језика отмини (отмѣны—нарѣчія) најпаче руска, херватска и сербска", разсматриваетъ отличія русскаго языка отъ хорватскаго и сербскаго, сравниваетъ бѣлорусскій съ польскимъ. Въ отдѣлѣ: „чим се разнит херватска отмина от сербскије, а згаджајется зь рускоју", приводитъ нѣсколько такихъ чертъ: напримѣръ, русское и хорватское *писалъ*= сербское *писао*, Русскіе и Хорваты могутъ замѣнять звательный падежъ именительныхъ, Сербы же и Поляки употребляютъ звательный падежъ правильно, и проч. Хорватская „отмина", какъ аттическое нарѣчіе въ отношеніи остальныхъ греческихъ нарѣчій.

Въ такомъ духѣ писана вся граматика. Что автору не нравится — онъ называетъ неправильнымъ, ошибочнымъ, „кметскимъ" (сельскимъ), приписываетъ чуждому вліянію нѣмецкому, греческому, жидовскому и проч.; выбрасываетъ или поправляетъ по другимъ нарѣчіямъ или по собственному произволу; все это для него „странщина" (напримѣръ, јуноша за младенец), „безјашщина" (по хорватскимъ Безякамъ кои превратно говорет", напримѣръ, виждь за види), „кметшщина" (когда кто говорит грубије или застарени и отвикньени ричи и селскии кметом, а не племенитим льудем обични, (напримѣръ, клеврет за подружник, лобзати за целовати"), „обезјанство" (особенно по греческому языку, напримѣръ, једна тисуща за једно тисуще), и проч.

Оставляя въ сторонѣ критическую оцѣнку граматики Крижанича, укажемъ только на то интересное обстоятельство, что Крижаничъ зналъ разные языки славянскіе лучше, чѣмъ всѣ его предшественники, и что онъ былъ воодушевленъ мыслью создать, конечно, по своему усмотрѣнію, какой-нибудь общеславянскій языкъ [1]).

---

[1]) Не забудемъ, что фантазіи о созданіи одного общеславянскаго языка рождались въ головахъ разныхъ писателей славянскихъ и послѣ Крижанича, и что

пространствѣ, занимаемомъ славянскимъ языкомъ. „Разумѣю Славянами не какой-набудь въ захолустьѣ и тѣснѣйшими предѣлами заключенный народъ, а называю и обнимаю этимъ именемъ всѣ земли и всѣхъ людей, которые говорятъ по славянски. Одноплеменниковъ мы найдемъ въ очень большой части свѣта, около Адріатическаго или древняго Венедскаго моря въ Турціи. На сѣверѣ Москвитяне и Русскіе, близъ Венедскаго моря. Между этими двумя Венедскими заливами есть Поляки, Чехи, Лужицкіе Сербы, южные Сербы и Болгаре и Словенцы. Во всѣхъ этихъ странахъ живутъ народы Славянскіе и говорятъ по славянски, хотя и разнятся немножко въ говорѣ и писаніи. Но все-таки всѣ они языкомъ меньше отличаются другъ отъ друга, чѣмъ, напримѣръ, разныя племена нѣмецкія—Саксонцы, Швабы, Нидерландцы и другія". Замѣтивъ наконецъ, что императоръ Карлъ IV основалъ въ Прагѣ славянскій монастырь въ память славянскаго происхожденія Чеховъ, авторъ выражаетъ желаніе, чтобы примѣру этого государя подражали и другіе.

Въ такомъ смыслѣ разсуждаютъ и другіе граматики и лексикографы югославянскіе. Одинъ даже написалъ особое сочиненіе „О древности и распространеніи славянскаго языка" и выразилъ желаніе, чтобы „всѣ Славяне, такъ какъ они одного языка, были-бъ и одной вѣры, особенно же любимѣйшіе Русскіе [1]).

3. Юрій Крижаничъ.

Ни у одного писателя югославянскаго и вообще славянскаго того времени славянское сознаніе не является такъ сильно, такъ могущественно какъ у Хорвата Юрія Крижанича Неблюшскаго (род. 1617 г., умеръ въ концѣ XVII столѣтія) [2]). Крижаничъ, посвятивъ себя духовному званію, пробылъ долго въ Римѣ. Здѣсь онъ познакомился посредствомъ своего соотечественника Леваковича съ русскими священниками, которые перестроивали тогда церковный языкъ у Югославянъ на русскій ладъ, и сталъ заниматься и вопросомъ о соеди-

---

[1]) Seb. Dolci: De illyricae linguae vetustate et amplitudini (1754). И современникъ и соотечественникъ Дольчи, Мих. Мамишичъ, утверждалъ, будто всѣ Славяне стремились всегда въ Риму (*Макушевъ*: Объ истор. памятн. и бытописателяхъ Дубровника, 147).

[2]) Біографія Крижанича написали Kukuljević: Književnici u Hrvatah iz prve pol. XVII vieka (Zagreb, 1869, 202), и Безсоновъ: Католическій священникъ Сербъ (Хорватъ) Ю. Крижаничъ (въ журналѣ *Православное Обозрѣніе* 1870). Сравн. Rad jugoslav. akademije, XVIII, 164.

вѣнецъ у сѣвернаго царскаго рода и побѣдилъ и западнаго Турецкаго царя, и сынъ его преславный королевичъ Владиславъ. Къ его ногамъ упало Московское княжество; онъ между Днѣстромъ и Дунаемъ истребилъ страшную змѣю турецкую и отомстилъ, такимъ образомъ, пораженіе и смерть своего предка подъ Варной, съ помощію удалого Ходкевича и воинственныхъ казаковъ подъ Сагайдачнымъ. Передъ глазами воодушевленнаго поэта проходятъ всѣ предшественники и предки Владислава: Лѣхъ съ городомъ Гнѣзномъ, Кракъ съ Краковомъ, Премиславъ, другой Лѣхъ, оборонившій отъ Карла Великаго славянскіе народы, Мечиславъ и славный сынъ его Болеславъ, Казиміръ Млихъ, Болеславъ Кривоустый, Казиміръ II, Людовикъ польскій и угорскій, Ягайло, Владиславъ и всѣ его потомки до обоихъ славныхъ Сигизмундовъ и Стефана Баторія [1]).

Юній Палмотичъ († 1657), воспѣвая Спасителя, замѣчаетъ, что его будетъ прославлять славянскій языкъ, который обнимаетъ разныя земли отъ Адріатическаго моря до пучины Ледовитаго [2]).

Славянское сознаніе поэта видно особенно въ драмѣ „Цаптислава“ (въ первый разъ представленной въ 1652 г.). Въ прологѣ является Слава съ подругою Хвалой и говоритъ, что она обошла все славянство и наконецъ дошла до южной Далмаціи, чтобы сказать, что въ тѣхъ земляхъ когда-то царствовалъ Круниславъ, который не пала-

---

[1]) Сравн. особенно пѣсни 10-ю и 3-ю (изданіе Загребское, 1844). Побѣду Хотинскую прославилъ также извѣстный хорватскій писатель *Иванъ Томко Марнавичъ* въ драмѣ «Османщица» (Римъ, 1641); поэтъ въ ней, между прочимъ указываетъ на извѣстное несогласіе, на «своевольщину лешскихъ народовъ». Отъ сѣверныхъ народовъ, особенно отъ Чеховъ, Поляковъ и Угровъ, ожидали Югославяне вообще помощь и освобожденіе отъ Турокъ. Сравн. напримѣръ, прекрасное стихотвореніе Ветранича-Чавчича «Tužba grada Budima» (Pjesme I, 52); въ немъ авторъ сѣтуетъ на страшное усиленіе Турокъ и на гибель Угріи, и восклицаетъ: «А теперь нѣтъ ни Угра, ни Чеха, ни Поляка, чтобъ ожидалъ Турка въ полѣ съ копьемъ; нѣтъ уже Хорвата, ни витязя изъ Босны, ни храбраго Далмата, Семиградца и Угровлаха».

[2]) Kristiada (Rim. 1670 г., изд. Zagreb. 1852). Братъ Юнія, Юрій, посвящая Христіаду кардиналу Барберини, говоритъ, что славянскій языкъ распространенъ больше всѣхъ языковъ, на которыхъ призывается и почитается имя Христа, что онъ по своей гладкости и своему богатству удивительно годится для поэзіи и вообще для изящной литературы. Экземпляръ перваго изданія Христіады, хранящійся въ библіотекѣ Чешскаго музея, принадлежалъ прежде Вячеславу Войтѣху графу изъ Штернберга, наивысшему судьѣ королевства Чешскаго, который получилъ его въ подарокъ отъ сына славнаго поэта Гундулича, Франциска (1697 г.).

„Причины, по которымъ я прибылъ сюда подъ крыло твоей милости“, говоритъ Крижаничъ въ посвященіи царю, — „слѣдующія: вопервыхъ, я нашелъ еще въ своей молодости, что нашъ языкъ славянскій другими языками очень испорченъ, чуть ли не совсѣмъ утраченъ. Поэтому я всегда желалъ, чтобъ онъ обработался и усовершенствовался, и чтобъ у насъ была хорошая его граматика и словарь. Вовторыхъ, я нашелъ, что Славянскій народъ раздѣляется на шесть отдѣловъ: на отдѣлъ русскій, польскій, чешскій, болгарскій, сербскій и хорватскій [1]). Всѣ эти отдѣлы имѣли когда-то своихъ доморощенныхъ царей или владѣтелей. А нынче одинъ русскій отдѣлъ, по Божьей милости, живетъ подъ тобой, царемъ и государемъ своего языка, а всѣ остальные Славяне подвластны чужимъ народамъ. Кромѣ того, бѣда и въ томъ, что есть только нѣкоторые отдѣльные историки у Русскихъ, Поляковъ и Чеховъ, а о цѣломъ народѣ хорошей исторіи вовсе нѣтъ. Нѣмцы же продолжаютъ распространять разныя клеветы и лжи о всемъ нашемъ народѣ, особенно о Русскомъ, завидуя его царству и славѣ, даннымъ ему отъ Бога. Поэтому я желалъ видѣть написанною такую исторію обо всемъ народѣ, въ которой была бы унижена и побѣждена нѣмецкая зависть съ своими клеветами и скверными хулами. Но не имѣя у себя нужныхъ средствъ для такихъ книгъ, я прибылъ къ твоему царскому величеству бить челомъ и просить нужнаго вспомоществованія для такого дѣла, которое я хотѣлъ бы совершить въ честь Богу и тебѣ, царю государю, и на пользу и утѣху всему народу. Втретьихъ, я узналъ, что многія вещи, которыя весьма нужно знать, еще неизвѣстны и непонятны въ семъ царствѣ: именно—многія хитрости, которыми другіе народы обольщаютъ и дурачатъ насъ, Славянъ, особенно же сіе преславное царство. Поэтому я предпринялъ этотъ трудъ и написалъ то, что считалъ полезнымъ. Въ этихъ книгахъ приношу твоему царскому величеству нѣсколько политическихъ мыслей, которыя я собралъ со многимъ трудомъ, и которыя считаю полезными для правленія твоего величества“.

другихъ славянскихъ языковъ) латинскимъ письмомъ «абецедой», считали ее въ Москвѣ писанною на чешскомъ языкѣ. Она находилась въ палатахъ царя Алексѣя и министра Голицына (Сравн. *Соловьева* Ист. Россіи XIII, 194). Основательную біографію и полное собраніе и оцѣнку сочиненій этого знаменитаго Хорвата слѣдовало бы издать югославянской академіи.

[1]) Крижаничъ всегда пишетъ: Словенцы, словенскій, Лехи, лехскій, по латин. Schiavini, Lechi. Въ грамматикѣ же (см. ниже): Словинцы, словинскій, Лехи, лешскій.

Авторъ „Политики“ является необыкновеннымъ знатокомъ исторіи всѣхъ Славянскихъ народовъ и ихъ тяжелаго положенія, ихъ униженія и посрамленія другими народами, особенно Нѣмцами. Единственный выходъ изъ этого положенія Славянъ видитъ онъ только въ помощи Русскаго царя и Русскаго народа, который одинъ только между Славянами сохранилъ свою независимость и управляется своими, не чужими государями. Не станемъ здѣсь разбирать всѣхъ мыслей Крижанича, начертанныхъ въ этой его книгѣ, а ограничимся только нѣкоторыми мѣстами, которыя касаются положенія всего славянства того времени. „Я часто думаю о жалкомъ положеніи всего нашего народа Славянскаго, раздѣляющагося на шесть отдѣловъ: русскій, польскій, чешскій, болгарскій, сербскій и хорватскій, и вижу, что мы унижены всѣми народами, изъ которыхъ одни насъ люто обижаютъ, другіе гордо презираютъ, третьи насъ съѣдаютъ и пожираютъ наше имущество въ нашихъ глазахъ, и что̀ всего прискорбнѣе, ругаютъ, осмѣиваютъ и ненавидятъ насъ, называя насъ варварами и считая насъ скорѣе скотомъ, чѣмъ людьми“. Причины такого презрѣнія—неумѣнье Славянъ и излишнее пристрастіе ко всему чужому. Но изъ этого не слѣдуетъ еще, что Славяне варвары. Иностранные писатели, пишучи о Славянахъ, всевозможно увеличиваютъ всѣ ихъ недостатки, выдумываютъ и безстыдно лгутъ. Дѣйствительные недостатки Славянъ это—лѣность, необразованность въ сравненіи съ другими европейскими народами, склонность къ пьянству, расточительность, жестокость къ подчиненнымъ, крайность въ формѣ правленія (у Поляковъ слишкомъ своевольнаго, у Русскихъ слишкокъ крутаго), и податливость иностранцамъ противъ своихъ братьевъ. „Мы же въ своей глупости позволяемъ себѣ вдаваться въ обманъ и воюемъ за другихъ, чужія войны дѣлаемъ своими, ненавидимъ другъ друга, враждуемъ на смерть, братъ прогоняетъ брата безъ всякой нужды и причины. Иноплеменникамъ вѣримъ во всемъ, сохраняемъ съ ними дружбу и договоры, а сами себя стыдимся, отворачиваемся одинъ отъ другаго и истребляемъ другъ друга безконечно“. Одинъ изъ главныхъ недостатковъ Славянъ это—чужебѣсіе, то-есть, излишняя любовь и склонность ко всему чужому, къ иностранцамъ, къ ихъ нравамъ и обычаямъ. Хотя иностранцы насмѣхаются надъ ними, живутъ ихъ трудомъ, — Славяне все это допускаютъ, позволяютъ имъ обдирать себя, да еще приглашаютъ иностранцевъ въ государи, особенно изъ Нѣмцевъ. Русскіе пригласили къ себѣ Варяжскихъ князей и думали и о шведскихъ королевичахъ; Поляки искали себѣ королей изъ всѣхъ

творенія, разказываетъ объ ихъ распространеніи на сѣверъ и на западъ вслѣдствіе нападенія Влаховъ или Волоховъ: „По мнозѣхъ же времянахъ сѣли суть Словѣни по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска. Отъ тѣхъ Словѣнъ разидоша ся по землѣ и прозвашася Морава, а друзіи Чеси нарекошася; а се тиже Словѣни: Хровате бѣши, и Серебъ, и Хорутане. Волохомъ бо, нашедшимъ на Словѣни на Дунайскія, сѣдшемъ въ нихъ и насилящемъ имъ, Словѣни же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове; а отъ тѣхъ Ляховъ прозваша ся Поляне, Ляхове, друзіи Лютичи, или Мазовшане, или Поморяне. Также и ти Словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру, и нарекоша ся Поляне, а друзіи Древляне, зане сѣдоша въ лѣсѣхъ, а друзіи сѣдоша межью Припетью и Двиною и нарекоша ся Дреговичи; рѣчьки ради, яже втечетъ въ Двину, имянемъ Полота, отъ сея прозваша ся Полочане. Словѣни же сѣдоша около езера Илмеря, прозваша ся своимъ имянемъ и сдѣлаша градъ, и нарекоша и Новъгородъ; а друзіи сѣдоша по Деснѣ и по Семи и по Сулѣ, и нарекоша ся Сѣверь. Тако разиде ся словѣньскій языкъ“ [1]).

Итакъ, русскій лѣтописецъ знаетъ, что „бѣ единъ языкъ словѣнескъ: Словѣни, иже сѣдяху по Дунаеви, и Морава, Чеси и Ляхове, и Поляне, яже нынѣ зовомая Русь“; знаетъ, что учителями Славянъ были уже апостолы Андрей и Павелъ, знаетъ наконецъ, что между Славянами первые крещены Мораване св. Константиномъ и Меѳодіемъ, которые перевели священныя книги на славянскій языкъ и изобрѣли „грамоту словѣньскую, яже грамота есть въ Руси и въ Болгарѣхъ Дунайскихъ“. И вычисляя разные языки „Колена Афетова, иже живуть въ странахъ полунощныхъ“, приводитъ между ними и „словѣнскій языкъ въ Руси: Поляне, Деревляне, Ноугородьци, Полочане, Дреговичи, Сѣверь, Бужане“ и проч.

Этотъ важный разказъ перваго лѣтописца о поселеніи и распространеніи Славянъ во всей южной и восточной Европѣ повторяютъ и другіе русскіе лѣтописцы позднѣйшихъ вѣковъ, сокращая или увеличивая его по своему. Такъ — чтобы привести хотя нѣсколько примѣровъ — составлялись лѣтописи „о Русской земли, отъ котораго колѣна Россійскіе и Славенскіе люди и по чему именуются Россія и Словяне, и откуда влечашесь родъ славянскихъ князей“ [2]); составлялись

[1]) П. С. Р. Л., I, 3.

[2]) Хронографъ и лѣтопись Астраханскаго архіепископа Пахомія 1649 года. (Рукопись Царскаго 199, *А. Поповъ*: Обзоръ русскихъ хронографовъ II, 236).

на всей Руси сказанія, что св. Константинъ распространилъ правую вѣру и „русское“ письмо у Моравань, Чеховъ и Ляховъ, и что первоначально Мораване, Чехи, Хорваты, Сербы, Болгаре, Ляхи, вся Далмація и Діоклитія и другіе съ ними смежные народы были Русь, и славянскимъ языкомъ и письмомъ Бога хвалили и вѣру греческую держали; но что потомъ пришелъ Войтѣхъ, латинскій епископъ, и разрушилъ у западныхъ Славянъ правую вѣру и славянское письмо, прогналъ всѣхъ священниковъ правой вѣры и замѣнилъ все латинскими обрядами [1]). Подобно тому, въ разгарѣ полемики по поводу церковной уніи Брестской, православные утверждали, что свв. Кириллъ и Меѳодій посланы Константинопольскимъ патріархомъ Меѳодіемъ и царемъ Михаиломъ „до словенскихъ народовъ, при которыхъ тогожъ языка народове, Чехове, Моровяне, Ляхове и Угрове, не отъ костела латинского, але отъ столицы апостольской Константинопольской вѣру христіанскую первотне и съ почтку приняли“, что Святополкъ моравскій, принявшій греческую вѣру отъ Меѳодія, обратилъ въ христіанство Буривоя чешскаго и жену его Людмилу, а черезъ чешскую княжну Дубровку принялъ православіе и Мечиславъ польскій“ [2]).

Когда и Русскіе начали знакомиться съ разными историческими и географическими произведеніями западной Европы, особенно посредствомъ сосѣдней Польши, то древнія свои извѣстія о Славянахъ стали дополнять и разными выдумками. Разказы Бѣльскаго, Сарницкаго, Кромера, Стрыйковскаго и другихъ польскихъ историковъ о древней исторіи славянской и русской пошли въ ходъ и въ русской лѣтописной литературѣ, начиная съ конца XVI вѣка. Это видимъ мы въ хронографахъ и въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ (напримѣръ, Густинской) XVII вѣка. Въ нихъ встрѣчаемъ уже разказы „о началѣ государства польскаго и чешскаго“, о жалованной грамотѣ Александра

[1]) Прибавленіе къ паннонск. легендѣ о св. Константинѣ, XV и XVII вѣковъ. (*Чтенія* 1863, II; *Бодянскій* славянскія письмена 109, LXIII); хронографъ 1494 г. (*Добровскій*, Кириллъ и Меѳодій 118).

[2]) Копыстенскій Зах. Палинодія или книга обороны каѳолической святой апостольской всходней церкви (1621, рукоп., Описаніе рукописей синодальной библіотеки II, 3 стр. 343), Смотрицкій: Obrona werificaciej (1621, отд. VI). И Густинскій лѣтописецъ, послѣдуя Кромеру и Бѣльскому пишетъ, что св. Меѳодій училъ «Славянъ и Ляховъ, имъ же устави словенскимъ языкомъ хвалити Бога, яко и доселѣ славянскіе народы своимъ языкомъ хвалятъ Господа и въ Краковѣ въ Клепару, недавно престаша словенскимъ языкомъ службу Божіею служити». (П. С. Р. Л. II, 238). Сравн. Обзоръ русск. хронографовъ (изд. Попова 135).

Великаго Славянамъ, о многословутомъ градѣ Мосхвѣ, яко так званіе прія отъ Мосоха, и о Словянѣхъ, яко тако прослыхомъ славы, и Россы отъ разсѣянія, объ идолахъ русскихъ Перкон Позвиздѣ, Ладѣ, Купалѣ, Колядѣ и др. Не довольствуясь прост разказомъ перваго русскаго лѣтописца о распространеніи словѣнсі языка, о его племенахъ, хронографы называютъ ихъ частями „ед Мосохова колѣна, аще и разны имяны, но вси единъ Московскій родъ", и утверждаютъ, что „истинный столпъ языка словенскаго Московстей земли", и проч. [1]).

Эти разныя фантастическія мнѣнія о древней исторіи славянс и русской собралъ въ одинъ сводъ особенно Иннокентій Гизель своемъ сокращеніи русской исторіи—„Синопсисъ или краткое собр отъ разныхъ лѣтописцевъ о началѣ славяно-россійскаго народа" (Кі 1674) [2]). По примѣру польскихъ историковъ, въ особенности Стр ковскаго, Синопсисъ наполненъ разными именами въ родѣ кня Асармоѳа, Мосоха, Роса, Козака и друг. Славяне назвались „ славныхъ дѣлесъ своихъ", Русскіе же „отъ россѣянія по мног странамъ племени своего, Россѣяны, а потомъ Россы; они отъ С вяновъ именемъ точію разнствуютъ, по роду же своему едино с и яко единъ и той жде народъ славенскій, нарицается Славенорос или Славнороскій". Праотцемъ всѣхъ Славянъ„ былъ Мосохъ, шес сынъ Іафета, внукъ Ноевъ; толкуетъ же ся отъ еврейскаго сла ски вытягающій и ростягающій, отъ вытяганія лука и отъ рас ренія великихъ и множественныхъ народовъ Московскихъ, слав россійскихъ, польскихъ, волынскихъ, чешскихъ, болгарскихъ, се скихъ, карвацкихъ и всѣхъ обще, елико ихъ есть, славенска яз

---

[1]) *Поповъ А.* Изборникъ русскихъ хронографовъ, 131, 438; жалованная мота Александра, стр. 440, 445; изъ русскихъ хронографовъ взялъ ее п 1661—1663 гг. и Хорватъ Главиничъ, бывшій въ Москвѣ. Густинская лѣто (1670 г.) въ П. С. Р. Л. II. Въ такомъ смыслѣ пишутъ также нѣкоторые « вяно-козацкіе писари» XVII—XVIII вѣковъ, Грабянка, Величко, Конис и др. Сравн. также Опис. рукоп. Румянцевскаго Музея (хронографы) и *П. вровскаго* статью о лѣтописи Якимовской. На Стрыйковскаго ссылается м прочимъ и Мел. Смотрицкій въ своей Славенской граматикѣ (1619), кото оканчиваетъ «просодіею стихотворною»; онъ признаетъ ее необходимою пот что Овидій сочинялъ славянскіе стихи: «Овидія славнаго онаго латинскаго п въ заточеніи сарматскихъ народовъ бывша и языку ихъ совершеннѣ навы славенскимъ діалектомъ стихи или вирши писавша».

[2]) Синопсисъ издана 18 разъ, послѣдній разъ 1836 г.

природнѣ употребляющихъ“. Славяне помогали македонскимъ царямъ Филиппу и Александру. Послѣдній имъ пожаловалъ „привилегію или грамоту на паргаминѣ златомъ написанную во Александріи“. Князь славенороссійскій Одонацеръ завоевалъ Римъ, и проч. [1]).

Западноевропейскія географіи или космографіи проложили себѣ дорогу и на Русь. Уже въ 1584 году переведена была космографія (и хроника) Мартина Бѣльскаго съ польскаго языка на русскій; въ XVII вѣкѣ была переведена космографія Меркатора и другія. Русскіе или просто переводятъ „съ римскаго языка“, или дополняютъ разсказы подлинниковъ. Такъ, по переводной космографіи Славинецкаго, „языкъ славенскій — языкъ бога, разсѣянный на многія отрасли, Россійскую, Польскую, Боемскую, Иллирическую, Далматскую, Виндійскую“; по другимъ, въ Европѣ „первое царство Россійское и Словенское, Русь, Поляки, Литва, Угры, Чехи, Мораве, Серби“ и проч., въ ней есть царства Россійское — гдѣ „Волга раздѣляетъ татарскій языкъ со словенскимъ“ — и Болгарское, королевства Сербское, Угорское, Чешское, Польское и другіе [2]).

Разумѣется, Русскіе знали южныхъ Славянъ, Болгаръ и Сербовъ, соединенныхъ съ ними однимъ вѣроисповѣданіемъ и однимъ богослужебнымъ языкомъ „славянскимъ“, ближе, чѣмъ западныхъ. О южныхъ Славянахъ, особенно о Сербахъ и Болгарахъ, много разсказывается въ хронографахъ русскихъ, по многочисленнымъ югославянскимъ рукописямъ, переходившимъ на родственную Русь [3]).

Но вмѣстѣ съ тѣмъ на Руси не забывали и западныхъ Славянъ. Такъ, въ одной древнерусской граматической попыткѣ, въ „Бесѣдѣ о грамотѣ и ея строеніи“ Евдокима на вопросъ: „чего ради многы буквы во азбуцѣ словенской, не како во иныхъ [illegible]“, сдѣланъ такой отвѣтъ: „понеже [illegible] (sic) языка того, но

[1]) Въ примѣръ, [illegible] XVII вѣка, [illegible] [illegible] русскихъ книгъ, у него были сочиненія [illegible] [illegible] (Опис. рукоп. синодал. библ. II, 3, стр. [illegible]).

[2]) А. Поповъ: Обзоръ русск. хронографовъ [illegible] [illegible] А. Поповъ: [illegible] изъ русск. хронографовъ, [illegible] [illegible]).

[3]) Сравн. [illegible]: Русскіе и [illegible].

коемуждо усѣдцу и буквы изложены: Руси роди *ѣ*, а сіе ради Поляцъ, (Поляковъ) *ꙓ* и глаголется гугниво, а сіе ради Болгаръ и Русскихъ и Поляцъ *Б*, *Ж*, *З*, *Ч*, *Ш*, а сіе роди всѣхъ Словенъ *ц*, *ъ*, *ы*, *ь*, *е*, *ю*, *я*, а грамота словенска отъ иныхъ усѣдцовъ нерадѣніемъ была". Въ древнерусскихъ алфавитахъ въ числѣ разныхъ языковъ приводятся также языки русскій, сербскій, словенскій, чешскій; и между словами изъ этихъ разныхъ языковъ также чешскія („астьквучи", то-есть, stkvúcí—бѣлъ или чистъ), сербскія (витязе—бояре, витати) и проч. [1]).

Итакъ, Русскіе во всей обширной землѣ Русской, Московской и Литовско-Польской всегда сознавали свое славянское происхожденіе; зналъ и житель „отъ страны полунощныя глаголемыя Двинскыя", колоніи Новгородскихъ Славянъ, что онъ „Русинъ отъ языка словенска", знали и жители Литовской Руси, что они „россійскіе Словяне", что они члены „великороднаго и многаго словеньскаго языка" [2]).

Могущественная сѣверовосточная Русь, распространившая свои предѣлы далеко на востокъ въ Азію, на югъ къ Каспійскому морю и къ Кавказу, рано стала обращать на себя вниманіе всѣхъ Славянъ. Не смотря на то, что понятія объ этой славянской державѣ часто были довольно смутны и неясны, всѣ Славяне, Поляки, Чехи, Лужицкіе Сербы и Югославяне любили гордиться тѣмъ, что ихъ славянскій языкъ раздается не только въ средней и южной Европѣ, но и далеко на сѣверѣ до Новой Земли, и на востокѣ въ Азіи до границъ Китая, что его знаютъ и Пятигорцы, Черкесы, Татары и другіе восточные народы.

Въ Москву прибываетъ южный Славянинъ Крижаничъ и въ этомъ государствѣ единоплеменнаго царя проповѣдуетъ мысль о единствѣ Славянъ такимъ образомъ, какъ ни одинъ Славянинъ ни до него, ни послѣ него.

Наконецъ, русскій престолъ занимаетъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ государей всего міра, Петръ Великій, настоящій „царь славянскій", какъ его прозвали Югославяне. Задумавъ огромныя пре-

---

[1]) *Григоровичъ*: Статьи касающіяся др. слав. яз. 30; *Ученыя записки II отд. имп. акад. наукъ* I, 184—185.

[2]) Жизнеописаніе св. Стефана Пермскаго (*Костомаровъ*: Памятники стар. русск. литер., IV, 120. Сравн. опис. рукоп. Румянцевск. Муз., 603); посольство литовскаго духовенства и вельможъ къ Папѣ Сиксту 1476 г. (то-есть, поддѣлка 1605 г. Литер. сборникъ галицко-русской Матицы 1869, 223. Сравн. Arkiv za povêstn. jugoslaw., IV, 357).

рицање". Изъ этого мѣста, между прочимъ, видно, что Крижаничъ, хорошо чувствуя недостатокъ знака для й въ кириллицѣ, ввелъ — полтора вѣка до Караджича—латинское ј, и выбросилъ ъ, который признаетъ только тамъ, „гди би јмала стојат која гласница, какот *съ* вами за *со* вами". Звуки носовые у Поляковъ для него странны и не нужны, также и русско-польское ы. Двойственное число онъ отвергаетъ, потому что „херватски племенити льуди" (дворяне) считаютъ его „кметскимъ". Окончаніе звательнаго падежа множественнаго числа— ови,—ове (синове) считаетъ лишнимъ, а форму „сини" лучше и правильнѣе; окончаніе іе, е (царије, свидителе), по немъ, совсѣмъ испорчено и мерзко и проч. Во главѣ „вь чем се разнет словинскаго језика отмини (отмѣны—нарѣчія) најпаче руска, херватска и сербска", разсматриваетъ отличія русскаго языка отъ хорватскаго и сербскаго, сравниваетъ бѣлорусскій съ польскимъ. Въ отдѣлѣ: „чим се разнит херватска отмина от сербскије, а згаджајется зь рускоју", приводитъ нѣсколько такихъ чертъ: напримѣръ, русское и хорватское *писалъ*= сербское *писао*, Русскіе и Хорваты могутъ замѣнять звательный падежъ именительныхъ, Сербы же и Поляки употребляютъ звательный падежъ правильно, и проч. Хорватская „отмина", какъ аттическое нарѣчіе въ отношеніи остальныхъ греческихъ нарѣчій.

Въ такомъ духѣ писана вся граматика. Что автору не нравится— онъ называетъ неправильнымъ, ошибочнымъ, „кметскимъ" (сельскимъ), приписываетъ чуждому вліянію нѣмецкому, греческому, жидовскому и проч.; выбрасываетъ или поправляетъ по другимъ нарѣчіямъ или по собственному произволу; все это для него „странщина" (напримѣръ, јуноша за младенец), „безјашщина" (по хорватскимъ Безякамъ коьи превратно говорет", напримѣръ, виждь за види), „кметшщина" (когда кто говорит грубије или застарени и отвикньени ричи и селским кметом, а не племенитим льудем обични, (напримѣръ, клеврет за подружник, лобзати за целовати"), „обезјанство" (особенно по греческому языку, напримѣръ, једна тисуща за једно тисуще), и проч.

Оставляя въ сторонѣ критическую оцѣнку граматики Крижанича, укажемъ только на то интересное обстоятельство, что Крижаничъ зналъ разные языки славянскіе лучше, чѣмъ всѣ его предшественники, и что онъ былъ воодушевленъ мыслью создать, конечно, по своему усмотрѣнію, какой-нибудь общеславянскій языкъ [1]).

---

[1]) Не забудемъ, что фантазіи о созданіи одного общеславянскаго языка рождались въ головахъ разныхъ писателей славянскихъ и послѣ Крижанича, и что

4. Славянское сознаніе у югославянскихъ поэтовъ.—Гундуличъ, Палмотичъ, Діордичъ, Качичъ.

Славянское сознаніе воодушевляло и многихъ югославянскихъ поэтовъ. Они, пишучи стихи на своемъ „словинскомъ“ (то-есть, особенно хорватско-далматскомъ нарѣчіи), не рѣдко залетаютъ далеко за предѣлы своего „словинскаго“ Югославянскаго народа, и обнимаютъ все „Словинское“ племя, тянущееся отъ Дубровника на сѣверъ, въ Чехію, Польшу и Русь.

Первое мѣсто между ними занимаютъ Дубровничане. Они, прославляя знаменитыя событія, замѣчаютъ, что они будутъ продолжаться во весь вѣкъ, пока будутъ течь славянскія рѣки, что ими прославится „весь славянскій языкъ“, что изъ-за нихъ радуются „всѣ державы нашего славянскаго языка“, который тянется отъ нашей страны до самаго Ледовитаго моря. Славу своихъ покровителей и любителей провозглашаетъ весь благодарный Славянскій народъ. Дубровникъ для нихъ гордость славянскаго народа, онъ вѣнецъ всѣхъ городовъ и народовъ славянскаго племени, онъ цвѣтъ Славянской державы и проч. [1]).

„Словинскими“ поэтами въ болѣе широкомъ смыслѣ были и три первыя звѣзды на Парнасѣ Дубровницкомъ: Гундуличъ, Палмотичъ и Діордичъ.

Иванъ Гундуличъ вдохновился побѣдою соплеменныхъ Поляковъ подъ Хотиномъ (1621 г.) надъ султаномъ Османомъ, чтобы написать знаменитую эпопею „Османъ“ (1627 г.). Вспоминая, что уже миѳическій пѣвецъ, славный Орфей Болгаринъ, оставилъ свои пѣсни „славянскому своему языку“, чтобъ ими прославлялись славные подвиги славянскихъ героевъ, отъ Александра Сербскаго (Македонскаго) до Сербскихъ государей изъ рода Неманичей, Милоша Обилича, Марка Кралевича, затѣмъ города Дубровника, разныхъ угорскихъ героевъ, наконецъ всѣхъ королей польскихъ—Ягайловъ, Владиславовъ, Казиміровъ и Сигизмундовъ (Шишмановъ). Особенно прославился Сигизмундъ, который, съ Лѣха и Крака третій по имени, первый по славѣ, отнялъ

они являются даже до сихъ поръ. Вспомнимъ мечты объ общеславянскомъ языкѣ Поляка Линде, Чеховъ Юнгманна и Франты-Шумавскаго, Словака Геркеля, Словенца Маяра, и др.

[1]) Сравн. стихотворенія Ветранича-Чавчича (1482 — 1576), Ив. Гундулича (ода на Фердинанда Тосканскаго), Палмотичей Юнія († 1657, діалогъ Колонбо, рукоп.) и Якова († 1680, Dubrovnik ponovljen), Ник. Бунича (стихотвореніе въ честь Юн. Палмотича), Богашиновича (Obkrušenje Beča, 1684), и др.

вѣнецъ у сѣвернаго царскаго рода и побѣдилъ и западнаго Турецкаго царя, и сынъ его преславный королевичъ Владиславъ. Къ его ногамъ упало Московское княжество; онъ между Днѣстромъ и Дунаемъ истребилъ страшную змѣю турецкую и отомстилъ, такимъ образомъ, пораженіе и смерть своего предка подъ Варной, съ помощію удалого Ходкевича и воинственныхъ казаковъ подъ Сагайдачнымъ. Передъ глазами воодушевленнаго поэта проходятъ всѣ предшественники и предки Владислава: Лѣхъ съ городомъ Гнѣзномъ, Кракъ съ Краковомъ, Премиславъ, другой Лѣхъ, оборонившій отъ Карла Великаго славянскіе народы, Мечиславъ и славный сынъ его Болеславъ, Казиміръ Млихъ, Болеславъ Кривоустый, Казиміръ II, Людовикъ польскій и угорскій, Ягайло, Владиславъ и всѣ его потомки до обоихъ славныхъ Сигизмундовъ и Стефана Баторія [1]).

Юній Палмотичъ († 1657), воспѣвая Спасителя, замѣчаетъ, что его будетъ прославлять славянскій языкъ, который обнимаетъ разныя земли отъ Адріатическаго моря до пучины Ледовитаго [2]).

Славянское сознаніе поэта видно особенно въ драмѣ „Цаптислава" (въ первый разъ представленной въ 1652 г.). Въ прологѣ является Слава съ подругою Хвалой и говоритъ, что она обошла все славянство и наконецъ дошла до южной Далмаціи, чтобы сказать, что въ тѣхъ земляхъ когда-то царствовалъ Круниславъ, который не нала-

[1]) Сравн. особенно пѣсни 10-ю и 3-ю (изданіе Загребское, 1844). Побѣду Хотинскую прославилъ также извѣстный хорватскій писатель *Иванъ Томко Марнавичъ* въ драмѣ «Османщица» (Римъ, 1641); поэтъ въ ней, между прочимъ указываетъ на извѣстное несогласіе, на «своевольщину лешскихъ народовъ». Отъ сѣверныхъ народовъ, особенно отъ Чеховъ, Поляковъ и Угровъ, ожидали Югославяне вообще помощь и освобожденіе отъ Турокъ. Сравн. напримѣръ, прекрасное стихотвореніе Ветранича-Чавчича «Tužba grada Budima» (Pjesme I, 52); въ немъ авторъ сѣтуетъ на страшное усиленіе Турокъ и на гибель Угріи, и восклицаетъ: «А теперь нѣтъ ни Угра, ни Чеха, ни Поляка, чтобъ ожидалъ Турка въ полѣ съ копьемъ; нѣтъ уже Хорвата, ни витязя изъ Босны, ни храбраго Далмата, Семиградца и Угровлаха».

[2]) Kristiada (Rim, 1670 г., изд. Zagreb. 1852). Братъ Юнія, Юрій, посвящая Кристіаду кардиналу Барберини, говоритъ, что славянскій языкъ распространенъ больше всѣхъ языковъ, на которыхъ призывается и почитается имя Христа; что онъ по своей гладкости и своему богатству удивительно годится для поэзіи и вообще для изящной литературы. Экземпляръ перваго изданія Кристіады, хранящійся въ библіотекѣ Чешскаго музея, принадлежалъ прежде Вячеславу Войтѣху графу изъ Штернберга, наивысшему судьѣ королевства Чешскаго, который получилъ его въ подарокъ отъ сына славнаго поэта Гундулича, Франциска (1697 г.).

галъ другой подати на подвластныхъ народовъ, кромѣ обязанности говорить на славянскомъ языкѣ. На это охотно согласились Москвитяне, Русскіе, Поляки, Поморяне и Вандалы, Чехи, Сербы, Босняки и остальные народы. Этотъ Круниславъ пошелъ на спокойное житье въ Эпидавръ и здѣсь тоже требовалъ только, чтобы жители говорили по славянски. Они это очень охотно приняли съ однимъ условіемъ, чтобъ у нихъ законы остались на латинскомъ языкѣ; своего же короля такъ полюбили, что городъ свой назвали по его дочери Цаптиславѣ (по славянски Цаптатъ или Цавтатъ—Epidaurus, Ragusa vecchia). Въ другой драмѣ Палмотича „Бисерница" сходятся въ Будинъ разные герои, зяти короля славянскаго въ Эпидаврѣ, Крунислава, Бойниславъ Сербскій, Людовикъ Чешскій, деспотъ Смедеревскій Лазаръ, банъ Василій, отецъ котораго владѣетъ всѣми Москвитянами и Русскими, Ягайло польскій, банъ Хорватскій и Босенскій Матвѣй [1])

Игнатія Діордича (1675—1737 гг.) вызываетъ самъ римскій поэтъ Овидій, чтобъ онъ писалъ поэзіи на „словинской бесѣдѣ", на которой онъ самъ хотѣлъ пѣть, и на которой пѣли не только многіе Дубровчане, но и славный Кохановскій, первый пѣвецъ польской крови, и другіе философы и пѣвцы „славянской бесѣды", число которыхъ превышаетъ волны морскія, лучи солнечные и проч., и слава которыхъ будетъ процвѣтать во вѣки. Границы славянской бесѣды на востокѣ—гора Витошъ и рѣка Марица въ Болгаріи, на западѣ—Драва и Адрія; оттуда славянская бесѣда простираетъ безмѣрно растянутыя свободныя руки черезъ плодородную Краину въ горы чешскія; къ нимъ примыкаетъ Литва и Польша, стрѣльцы черноруccкіе и удалая Москва до ледяной Новой Земли, до границъ Китайскихъ и за Каспійское море до Персіи. Ее орошаютъ моря Адріатическое, Черное, Ледовитое и Нѣмецкое, рѣки хлѣбородная Одра и плодородная Сава, холодная Раба, большой Днѣпръ, гордая Висла, воинственная Драва, черный Донъ, быстрый Дунай. Поэтому, кончаетъ Овидій, — пой на этой широко распространенной и славной бесѣдѣ ея и свою славу" [2]).

---

[1]) Pavić: Historija Dubrovačke drame, 155, 164. Дубровницкіе драматическіе поэты вообще любили приводить въ своихъ пьесахъ героевъ изъ разныхъ странъ славянскихъ. Такъ, напримѣръ, въ драмѣ Пуцича-Солтановича «Любица» (1666) эта дочь Угорскаго короля любитъ Бранислава, сына Чешскаго короля, но отецъ хочетъ ее выдать за Любиміра, сына Польскаго короля. Въ драмѣ неизвѣстнаго автора «Крунослава», за героиню сватается сынъ Чешскаго короля (Pavić, 172, 195).

[2]) Gjorgjić: Piesni razlike (Zagreb, 1855, 6). И въ жизнеописаніи св. Бенедикта Діордичъ говоритъ, что чудеса этого святителя украшаютъ «нашъ языкъ, кото-

Подвиги славянскихъ героевъ вообще часто воодушевляли югославянскихъ поэтовъ. Такъ, Богашиновичъ воспѣваетъ освобожденіе Вѣны Іоанномъ Собѣсскимъ, „свѣтлымъ королемъ Польскимъ", надѣясь, что онъ истребитъ совсѣмъ змѣю и освободитъ Югославянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ прославляетъ онъ и другихъ, участвовавшихъ въ томъ дѣлѣ, югославянскихъ воиновъ изъ Хорватіи языка славянскаго, и изъ Дубровника, „гордости славянскаго языка". Въ концѣ поэмы „кральица словинскаго језика", описывая погибель своей державы, возбуждаетъ всѣхъ христіанъ къ войнѣ съ Турками. Петра Великаго воспѣваютъ и побуждаютъ къ истребленію Турокъ югославянскіе поэты Витезовичъ, Градичъ и Ружичъ [1]).

Наконецъ, и Качичъ-Міошичъ, въ своемъ извѣстномъ собраніи богатырскихъ пѣсней о югославянскихъ герояхъ, перечисляетъ всѣ земли, которыя Александръ Великій завѣщалъ Славянамъ отъ моря Латинскаго до Балтійскаго, Сарматію, Босну, Далмацію, Московію, Полонію, Богемію, Унгарію, Славонію, Булгарію, Сербію, Русію и другія словинскія державы [2]).

V.

Славянское сознаніе у Русскихъ.

5. Русская историческая и лингвистическая литература. — Лѣтописи. — Гизель. — Славинецкій. — Поликарповъ. — Копіевичъ. — Манкіевъ. — Орбини.

Сознаніе первоначальнаго національнаго единства Славянъ является особенно въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ, откуда есть пошла Русская земля" (около 1116 года). Лѣтописецъ, вѣрно сохраняя древнее преданіе о поселеніи Славянъ въ дунайскихъ земляхъ, куда они прибыли будто бы изъ Сенарской равнины послѣ Вавилонскаго столпо-

---

рый обширнѣе другихъ, простирается отъ Адріатическихъ странъ до Ледовитаго моря вдоль и поперекъ отъ нѣмецкихъ границъ до Чернаго прибрежья» (изд. въ Дубровникѣ, 1784, 5). Въ своей славянской псалтыри (Saltjer slovinski, изд. въ Загребѣ, 1851, p. XVII). Діордичъ выражаетъ желаніе, чтобъ его ученые соотечественники, по его примѣру, писали больше на родномъ языкѣ славянскомъ. Діордичъ занимался также древней исторіей Иллиріи и Дубровника (*Макушевъ:* Ист. памятн. и бытописатели Дубровн. 129).

[1]) Bogašinović: Obkrušenje Beča grada (1684, и часто). Собѣсскаго воспѣвалъ и другой поэтъ того времени, Канавеличъ (изд. въ Дубровникѣ, 1850). Сравн. также отдѣлъ: Русскіе и Югославяне.

[2]) Razgovor ugodni naroda slovinskoga (1756, и часто).

творенія, разказываетъ объ ихъ распространеніи на сѣверъ и на западъ вслѣдствіе нападенія Влаховъ или Волоховъ: „По многѣхъ же времянахъ сѣли суть Словѣни по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска. Отъ тѣхъ Словѣнъ разидоша ся по землѣ и прозвашася Морава, а друзіи Чеси нарекошася; а се тиже Словѣни: Хровате бѣши, и Серебъ, и Хорутане. Волохомъ бо, нашедшимъ на Словѣни на Дунайскія, сѣдшемъ въ нихъ и насилящемъ имъ, Словѣни же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове; а отъ тѣхъ Ляховъ прозваша ся Поляне, Ляхове, друзіи Лютичи, или Мазовшане, или Поморяне. Также и ти Словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру, и нарекоша ся Поляне, а друзіи Древляне, зане сѣдоша въ лѣсѣхъ, а друзіи сѣдоша межью Припетью и Двиною и нарекоша ся Дреговичи; рѣчьки ради, яже втечетъ въ Двину, имянемъ Полота, отъ сея прозваша ся Полочане. Словѣни же сѣдоша около езера Илмеря, прозваша ся своимъ имянемъ и сдѣлаша градъ, и нарекоша и Новъгородъ; а друзіи сѣдоша по Деснѣ и по Семи и по Сулѣ, и нарекоша ся Сѣверь. Тако разиде ся словѣньскій языкъ“ [1]).

Итакъ, русскій лѣтописецъ знаетъ, что „бѣ единъ языкъ словѣнескъ: Словѣни, иже сѣдяху по Дунаеви, и Морава, Чеси и Ляхове, и Поляне, яже нынѣ зовомая Русь“; знаетъ, что учителями Славянъ были уже апостолы Андрей и Павелъ, знаетъ наконецъ, что между Славянами первые крещены Мораване св. Константиномъ и Меѳодіемъ, которые перевели священныя книги на славянскій языкъ и изобрѣли „грамоту словѣньскую, яже грамота есть въ Руси и въ Болгарѣхъ Дунайскихъ“. И вычисляя разные языки „Колена Афетова, иже живуть въ странахъ полунощныхъ“, приводитъ между ними и „словѣнскій языкъ въ Руси: Поляне, Деревляне, Ноугородьци, Полочане, Дреговичи, Сѣверь, Бужане“ и проч.

Этотъ важный разказъ перваго лѣтописца о поселеніи и распространеніи Славянъ во всей южной и восточной Европѣ повторяютъ и другіе русскіе лѣтописцы позднѣйшихъ вѣковъ, сокращая или увеличивая его по своему. Такъ — чтобы привести хотя нѣсколько примѣровъ — составлялись лѣтописи „о Русской земли, отъ котораго колѣна Россійскіе и Славенскіе люди и по чему именуются Россія и Словяне, и откуда влечашесь родъ славянскихъ князей“ [2]); составлялись

---

[1]) П. С. Р. Л., I, 3.

[2]) Хронографъ и лѣтопись Астраханскаго архіепископа Пахомія 1649 года. (Рукописи Царскаго 199, *А. Поповъ*: Обзоръ русскихъ хронографовъ II, 236).

на всей Руси сказанія, что св. Константинъ распространилъ правую вѣру и „русское“ письмо у Мораванъ, Чеховъ и Ляховъ, и что первоначально Мораване, Чехи, Хорваты, Сербы, Болгаре, Ляхи, вся Далмація и Діоклитія и другіе съ ними смежные народы были Русь, и славянскимъ языкомъ и письмомъ Бога хвалили и вѣру греческую держали; но что потомъ пришелъ Войтѣхъ, латинскій епископъ, и разрушилъ у западныхъ Славянъ правую вѣру и славянское письмо, прогналъ всѣхъ священниковъ правой вѣры и замѣнилъ все латинскими обрядами [1]). Подобно тому, въ разгарѣ полемики по поводу церковной уніи Брестской, православные утверждали, что свв. Кириллъ и Меѳодій посланы Константинопольскимъ патріархомъ Меѳодіемъ и царемъ Михаиломъ „до словенскихъ народовъ, при которыхъ тогожъ языка народове, Чехове, Моровяне, Ляхове и Угрове, не отъ костела латинского, але отъ столицы апостольской Константинопольской вѣру христіанскую первотне и съ початку приняли“, что Святополкъ моравскій, принявшій греческую вѣру отъ Меѳодія, обратилъ въ христіанство Буривоя чешскаго и жену его Людмилу, а черезъ чешскую княжну Дубровку принялъ православіе и Мечиславъ польскій“ [2]).

Когда и Русскіе начали знакомиться съ разными историческими и географическими произведеніями западной Европы, особенно посредствомъ сосѣдней Польши, то древнія свои извѣстія о Славянахъ стали дополнять и разными выдумками. Разказы Бѣльскаго, Сарницкаго, Кромера, Стрыйковскаго и другихъ польскихъ историковъ о древней исторіи славянской и русской пошли въ ходъ и въ русской лѣтописной литературѣ, начиная съ конца XVI вѣка. Это видимъ мы въ хронографахъ и въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ (напримѣръ, Густинской) XVII вѣка. Въ нихъ встрѣчаемъ уже разказы „о началѣ государства польскаго и чешскаго“, о жалованной грамотѣ Александра

---

[1]) Прибавленіе къ паннонск. легендѣ о св. Константинѣ, XV и XVII вѣковъ. (*Чтенія* 1863, II; *Бодянскій* славянскія письмена 109, LXIII); хронографъ 1494 г. (*Добровскій*, Кириллъ и Меѳодій 118).

[2]) Копыстенскій Зах. Палинодіа или книга обороны каѳолической святой апостольской всходней церкви (1621, рукоп., Описаніе рукописей синодальной библіотеки II, 3 стр. 343), Смотрицкій: Obrona werificaciej (1621, отд. VI). И Густинскій лѣтописецъ, послѣдуя Кромеру и Бѣльскому пишетъ, что св. Меѳодій училъ «Славянъ и Ляховъ, имъ же устави словенскимъ языкомъ хвалити Бога, яко и доселѣ славянскіе народы своимъ языкомъ хвалятъ Господа и въ Краковѣ на Клепару, недавно престаша словенскимъ языкомъ службу Божіею служити». (П. С. Р. Л. II, 238). Сравн. Обзоръ русск. хронографовъ (изд. Попова 135).

Великаго Славянамъ, о многословутомъ градѣ Мосхвѣ, яко таковое званіе прія отъ Мосоха, и о Словянѣхъ, яко тако прослыхомъ отъ славы, и Россы отъ разсѣянія, объ идолахъ русскихъ Перконосѣ, Позвиздѣ, Ладѣ, Купалѣ, Колядѣ и др. Не довольствуясь простымъ разказомъ перваго русскаго лѣтописца о распространеніи словѣнскаго языка, о его племенахъ, хронографы называютъ ихъ частями „едина Мосохова колѣна, аще и разны имяны, но вси единъ Московскій народъ", и утверждаютъ, что „истинный столпъ языка словенскаго въ Московстей земли", и проч. [1]).

Эти разныя фантастическія мнѣнія о древней исторіи славянской и русской собралъ въ одинъ сводъ особенно Иннокентій Гизель въ своемъ сокращеніи русской исторіи—„Синопсисъ или краткое собраніе отъ разныхъ лѣтописцевъ о началѣ славяно-россійскаго народа" (Кіевъ 1674) [2]). По примѣру польскихъ историковъ, въ особенности Стрыйковскаго, Синопсисъ наполненъ разными именами въ родѣ князей Асармоѳа, Мосоха, Роса, Козака и друг. Славяне назвались „отъ славныхъ дѣлесъ своихъ", Русскіе же „отъ россѣянія по многимъ странамъ племени своего, Россѣяны, а потомъ Россы; они отъ Славяновъ именемъ точію разнствуютъ, по роду же своему едино суть, и яко единъ и той жде народъ славенскій, нарицается Славенороссскій или Славноросскій". Праотцемъ всѣхъ Славянъ„ былъ Мосохъ, шестой сынъ Іафета, внукъ Ноевъ; толкуетъ же ся отъ еврейскаго славенски вытягающій и ростягающій, отъ вытяганія лука и отъ расширенія великихъ и множественныхъ народовъ Московскихъ, славенороссійскихъ, польскихъ, волынскихъ, чешскихъ, болгарскихъ, сербскихъ, карвацкихъ и всѣхъ обще, елико ихъ есть, славенска языка

---

[1]) *Поповъ А.* Изборникъ русскихъ хронографовъ, 131, 438; жалованная грамота Александра, стр. 440, 445; изъ русскихъ хронографовъ взялъ ее позже 1661—1663 гг. и Хорватъ Главиничъ, бывавшій въ Москвѣ. Густинская лѣтопись (1670 г.) въ П. С. Р. Л. II. Въ такомъ смыслѣ пишутъ также нѣкоторые «славяно-козацкіе писари» XVII—XVIII вѣковъ, Грабянка, Величко, Конисскій и др. Сравн. также Опис. рукоп. Румянцевскаго Музея (хронографы) и *П. Лавровскаго* статью о лѣтописи Якимовской. На Стрыйковскаго ссылается между прочимъ и Мел. Смотрицкій въ своей Славенской граматикѣ (1619), которую оканчиваетъ «просодіею стихотворною»; онъ признаетъ ее необходимою потому, что Овидій сочинялъ славянскіе стихи: «Овидія славнаго онаго латинскаго пінту въ заточеніи сарматскихъ народовъ бывша и языку ихъ совершеннѣ навыкша, славенскимъ діалектомъ стихи или вирши писавша».

[2]) Синопсисъ издана 18 разъ, послѣдній разъ 1836 г.

природнѣ употребляющихъ". Славяне помогали македонскимъ царямъ Филиппу и Александру. Послѣдній имъ пожаловалъ „привилегію или грамоту на паргаминѣ златомъ написанную во Александріи". Князь славеноросслйскій Одонацеръ завоевалъ Римъ, и проч. [1]).

Западоевропейскія географіи или космографіи проложили себѣ дорогу и на Русь. Уже въ 1584 году переведена была космографія (и хроника) Мартина Бѣльскаго съ польскаго языка на русскій; въ XVII вѣкѣ была переведена космографія Меркатора и другія. Русскіе или просто переводятъ „съ римскаго языка", или дополняютъ разказы подлинниковъ. Такъ, по переводной космографіи Славинецкаго, „языкъ славенскій—языкъ бога, разсѣянный на многія отрасли, Россійскую, Польскую, Боемскую, Иллирическую, Далматскую, Виндикскую"; по другимъ, въ Европѣ „первое царство Россійское и Словенское, Русь, Поляки, Литва, Угры, Чехи, Мораве, Серби" и проч., въ ней есть царства Россійское—гдѣ „Волга раздѣляетъ татарскій языкъ со словенскимъ"—и Болгарское, королевства Сербское, Угорское, Чешское, Польское и другіе [2]).

Разумѣется, Русскіе знали южныхъ Славянъ, Болгаръ и Сербовъ, соединенныхъ съ ними однимъ вѣроисповѣданіемъ и однимъ богослужебнымъ языкомъ „славянскимъ", ближе, чѣмъ западныхъ. О южныхъ Славянахъ, особенно о Сербахъ и Болгарахъ, много разказывается въ хронографахъ русскихъ, по многочисленнымъ югославянскимъ рукописямъ, переходившимъ на родственную Русь [3]).

Но вмѣстѣ съ тѣмъ на Руси не забывали и западныхъ Славянъ. Такъ, въ одной древнерусской граматической попыткѣ, въ „Бесѣдѣ о грамотѣ и ея строеніи" Евдокима на вопросъ: „чесо ради многы буквы во азбуцѣ словенской, не како во иныхъ племенехъ", сдѣланъ такой отвѣтъ: „понеже мнози усѣдци (sic) языка того, по

---

[1]) Въ примѣръ, какими источниками пользовались русскіе историки XVII вѣка, приведемъ источники вышеупомянутаго Копыстенскаго; кромѣ разныхъ русскихъ книгъ, у него были сочиненія Гвагнина, Вуйка, Длугоша, Бѣльскаго, Кромера, Блажовскаго, Орѣховскаго, Скарги, Соколовскаго, «исторіи словенскіи или чески», хроника словенская, хроника сербская, синаксарь и соборникъ славенскіе и др. (Опис. рукоп. синодальн. библ. II, 3, стр. 331).

[2]) *А. Поповъ*: Обзоръ русск. хронографовъ (II, 87, 215). Славинецкаго космографія (рукоп., отрывки у Буслаева Истор. хрестом., 1185); другія космогр. у *А. Попова*: Изборникъ изъ русск. хронографовъ, 459, въ *Временникѣ* (XVI смѣсь).

[3]) Сравн. отдѣлъ: Русскіе и Югославяне.

коемуждо усѣдцу и буквы изложены: Руси роди *ѣ*, а сіе ради Поляцъ, (Поляковъ) *ѧ* и глаголется гугниво, а сіе ради Болгаръ и Русскихъ и Поляцъ *Б*, *Ж*, *З*, *Ч*, *Ш*, а сіе роди всѣхъ Словенъ *ц*, *ъ*, *ы*, *ь*, *е*, *ю*, *я*, а грамота словенска отъ иныхъ усѣдцовъ нерадѣніемъ была". Въ древнерусскихъ алфавитахъ въ числѣ разныхъ языковъ приводятся также языки русскій, сербскій, словенскій, чешскій; и между словами изъ этихъ разныхъ языковъ также чешскія („астьквучи", то-есть, stkvúcí—бѣлъ или чистъ), сербскія (витязе—бояре, витати) и проч. [1]).

Итакъ, Русскіе во всей обширной землѣ Русской, Московской и Литовско-Польской всегда сознавали свое славянское происхожденіе; зналъ и житель „отъ страны полунощныя глаголемыя Двинскыя", колоніи Новгородскихъ Славянъ, что онъ „Русинъ отъ языка словенска", знали и жители Литовской Руси, что они „россійскіе Словяне", что они члены „великороднаго и многаго словеньскаго языка" [2]).

Могущественная сѣверовосточная Русь, распространившая свои предѣлы далеко на востокъ въ Азію, на югъ къ Каспійскому морю и къ Кавказу, рано стала обращать на себя вниманіе всѣхъ Славянъ. Не смотря на то, что понятія объ этой славянской державѣ часто были довольно смутны и неясны, всѣ Славяне, Поляки, Чехи, Лужицкіе Сербы и Югославяне любили гордиться тѣмъ, что ихъ славянскій языкъ раздается не только въ средней и южной Европѣ, но и далеко на сѣверѣ до Новой Земли, и на востокѣ въ Азіи до границъ Китая, что его знаютъ и Пятигорцы, Черкесы, Татары и другіе восточные народы.

Въ Москву прибываетъ южный Славянинъ Крижапичъ и въ этомъ государствѣ единоплеменнаго царя проповѣдуетъ мысль о единствѣ Славянъ такимъ образомъ, какъ ни одинъ Славянинъ ни до него, ни послѣ него.

Наконецъ, русскій престолъ занимаетъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ государей всего міра, Петръ Великій, настоящій „царь славянскій", какъ его прозвали Югославяне. Задумавъ огромныя пре-

---

[1]) *Григоровичъ*: Статьи касающіяся др. слав. яз. 30; *Ученыя записки II отд. имп. акад. наукъ* I, 184—185.

[2]) Жизнеописаніе св. Стефана Пермскаго (*Костомаровъ*: Памятники старрусск. литер., IV, 120. Сравн. опис. рукоп. Румянцевск. Муз., 603); посольство литовскаго духовенства и вельможъ къ Папѣ Сиксту 1476 г. (то-есть, подделка 1605 г. Литер. сборникъ галицко-русской Матицы 1869, 223. Сравн. Arkiv za povêstn. jugoslaw., IV, 357).

образованія своего государства и приводя ихъ въ дѣйствіе, онъ вызываетъ изъ всѣхъ славянскихъ земель искусныхъ и способныхъ людей, входитъ въ сношенія съ единовѣрными и единоплеменными Югославянами, которые всѣ, православные и католики, восторженно воспѣваютъ его какъ своего освободителя и усердно предлагаютъ ему свои услуги. Симпатіи Югославянъ да и Чеховъ къ Русскому царю возбуждаютъ въ Вѣнскомъ дворѣ недовѣріе и опасенія. Петра наконецъ привѣтствуетъ въ забытомъ славенскомъ захолустьѣ одинъ Лужицкій Сербъ, какъ „своего славянскаго царя" [1]).

При Петрѣ издаются сочиненія, въ которыхъ сильно слышится славянское сознаніе. Поликарповъ издаетъ лексиконъ треязычный, то-есть, славянскій, греческій и латинскій (1704 г.). По немъ „изъ языка славянскаго аки отъ источника неизчерпаема прочіимъ многимъ произыти языкомъ, сирѣчь польскому, чешскому, сербскому, болгарскому, литовскому, малороссійскому и инымъ множайшимъ, всѣмъ есть явно. Не малую же и отсюду нашъ языкъ славянскій имѣетъ почесть, яко начало воспріятъ отъ самой славы. Ибо еже Грекомъ есть δόξα, латиномъ gloria, сіе намъ есть слава, отнюду же чрезъ имене производство отъ славы славенскій и родъ и языкъ преславное свое начало воспріяша". Поэтому можно по примѣру Библіи сказать и о „языцѣ нашемъ славянскомъ словѣ соименитомъ: И ты роде и языче славенскій, ничимже менши еси въ началныхъ родѣхъ и языцѣхъ". Поликарповъ издаетъ, между прочимъ, свой словарь и по той причинѣ, что этотъ „славенскій нашъ діалектъ, тако славный и пространный отъ толикихъ вѣковъ, не токмо подъ державою благочестивыхъ нашихъ монарховъ расширяемой, но и по инымъ премногимъ странамъ употребляемый", не имѣлъ словаря, „откуду бы наши природніи Славяне и приходящіи иноземцы во обиліи себѣ бесѣды славенскія непримѣсныя почерпнули", и поэтому вошли въ разговоръ и въ книги разныя „странныя реченія, напримѣръ, сербская, польская, малороссская", и проч.

Въ такомъ смыслѣ пишетъ и Копіевичъ во „Введеніи во всякую исторію" (1699 г.): „Славянороссійскій народъ едва не всю Европу о своимъ языкѣ прейдетъ", такъ какъ онъ разумѣетъ Поляковъ, Чеховъ, Моравань, Словаковъ, Кошубовъ, Илліріанъ, „даже до Азіи Россеаномъ откровенный языкъ"; другъ друга понимаютъ не только

---

[1]) Сравн. обширнѣе объ этомъ отдѣлы: Русскіе и Югославяне, Русскіе и Чехи. О лужицкомъ Сербѣ Френцелѣ см. выше.

люди образованные, но и простой народъ. Всѣ они отъ славы и дѣлъ славныхъ, „именемъ и вещію, воистино суть Славяне и вездѣ повыше описанныхъ земляхъ со всѣми бесѣдовати удобѣе могутъ“, между тѣмъ какъ другіе народы, напримѣръ, Италіанцы и Французы „порубежнаго не разумѣютъ языка“ и за границей своихъ земель суть „варвары тщеславніи“.

При Петрѣ А Манкіевъ пишетъ (1715 г.) свое „Ядро Россійской исторіи“ по образцу западныхъ теорій того времени [1]). Пространно говоритъ онъ о происхожденіи великаго, стародавняго и славнаго народа Славянскаго, который населяетъ большую часть Европы и нѣкоторыя страны Азіи отъ моря Ледовитаго до Средиземнаго и Адріатическаго, отъ Балтійскаго или Варяжскаго до Чернаго и Хвалынскаго. „Славенскимъ языкомъ либо нѣчто розно, говорятъ: вся Великая, Малая, Бѣлая и Красная Русь, Поляки, Чехи, Болгаре, Сербы, Кроаты, Далматы, Рагузане, Каринты, Стиріяне и многіе прочіе народы“. Они назвались всѣ отъ славы и за храбрость свою получили отъ Александра Великаго грамоту, золотыми словами писанную и проч.

Петръ ищетъ ученаго, который могъ бы написать сочиненіе „о началѣ славянскаго народа и о его языкѣ“ и велитъ собирать въ Прагѣ книги, касающіяся того предмета (1712) [2]). Десять лѣтъ спустя выходитъ въ Россіи „книга исторіографія початія имене, славы и расширенія народа Славянскаго, и ихъ царей и владѣтелей подъ многими имянами и со многими царствіями, королевствами и провинціями. Собрана изъ многихъ книгъ историческихъ чрезъ господина Мавроурбина, архимандрита Рагужскаго. Въ которой описуется початіе и дѣла всѣхъ народовъ бывшихъ языка славенскаго и единого отечества, хотя нынѣ во многихъ царствіяхъ разсѣялись, чрезъ многіе войны, которые имѣли въ Европѣ, во Азіи и во Африкѣ. Расширенія ихъ имперіи и древнихъ обычаевъ, въ разныхъ временахъ, и познаніе вѣры Христа Спасителя подъ многими владѣтельми. Переведена со италіанскаго на россійской языкъ и напечатана повелѣніемъ и во время счастливаго владѣнія Петра Великаго, Императора и Самодержца Всероссійскаго“ (1722) [3]).

---

[1]) Приписывалось несправедливо князю А. Хилкову; изд. 1770, 1784, 1791, 1799. Сравн. также Опис. рукоп. Румянцевск. Муз. 391.

[2]) Это порученіе царя исполнилъ Лейбницъ, составивъ краткую записку о Славянахъ. (Соловьевъ ист. Россіи XVII, 403).

[3]) Мы вполнѣ привели интересное заглавіе русскаго перевода, отличающееся отъ заглавія италіанскаго подлинника М. Орбини Il regno degli Slavi (1601), о

Русское государство со времен своего великаго преобразователя, поднимаясь все больше, стало все больше обращать на себя внимание остальныхъ Славянъ.

B.

Взаимныя отношенія между отдѣльными народами Славянскими.

Славянское сознаніе у народовъ Славянскихъ не ограничивалось только однимъ теоретическимъ признаніемъ племеннаго своего родства; оно являлось въ ихъ разнообразныхъ взаимныхъ сношеніяхъ и нерѣдко вело и къ практическимъ результатамъ въ жизни духовной и политической.

I.

Чехи и Поляки.

1. Древне-чешскія и древне-польскія преданія. Чешскіе и польскіе князья. Отношенія королей Премысла II и Вячеслава II къ Польщѣ.

Между Чехами и Поляками, единственными остатками западныхъ Славянъ, являются съ самаго начала ихъ исторіи особенно тѣсныя связи и сношенія. Обоихъ народовъ связываютъ уже древнѣйшія преданія, производящія ихъ отъ двухъ братьевъ Чеха и Лѣха; и Чехи, и Поляки, воюя, мирясь и всячески сносясь другъ съ другомъ, не перестаютъ повторять, что они происходятъ отъ двухъ славянскихъ князей-братьевъ, и что поэтому слѣдуетъ ихъ потомкамъ жить въ братской любви и защищать другъ друга.

Такое сознаніе играетъ важную роль во всей исторіи западославянскихъ народовъ.

Чехи, по своимъ древнѣйшимъ преданіямъ, вышли изъ Карпатской Бѣлой Хорватіи подъ начальствомъ своего старосты „Лѣха" (то-есть, князя) Чеха, и вмѣстѣ съ другими племенами, поселились на рѣкахъ

которомъ см. выше. Книгу перевелъ Югославянинъ, находившійся въ руской службѣ—Савва Владиславичъ, издалъ же Ѳ. Прокоповичъ. Петръ Великій, находясь въ 1722 г. въ Астрахани для персидскаго похода, требуетъ немедленной высылки себѣ этой книги (*Соловьевъ* И. Р., XVIII, 193).

[1]) *Продолженіе.* См. *Журналъ Мин. Народн. Просв.* ноябрь, декабрь 1873, январь 1874 года.

Волтавѣ и Лабѣ. На верховьяхъ послѣдней рѣки, подъ горами Крконошскими, поселилось племя Хорватовъ. Полумиѳическія преданія и личности карпатскихъ Хорватовъ и Ляховъ являются и у ихъ выходцевъ Чеховъ: карпатскій князь Кракъ, основатель Кракова, отецъ Ванды, повторяется и въ чешскомъ князѣ Кракѣ (Крокѣ), тоже основателѣ Кракова, отцѣ мудрой Любуши. Преданіе объ истребленіи дракона карпатскимъ Кракомъ сохраняется и у крконошскихъ Хорватовъ, у которыхъ Трутъ погубилъ лютую змѣю. Имя ляшскаго Попела слышно и у Чеховъ въ названіи племеннаго князя Тетвы Попела, который будто бы прибылъ въ Чехію съ полками Чеховъ, и проч.

На близкое родство Чеховъ и Поляковъ указываютъ и одинаковыя безчисленныя названія лицъ, мѣстъ, горъ и водъ, встрѣчающихся въ земляхъ чешскихъ и польскихъ [1]).

Чешскія и ляшскія племена не разъ соединялись и подъ однимъ государемъ, и только политическая незрѣлость Славянъ помѣшала сліянію обоихъ народовъ въ одинъ. Такъ было при Самѣ, Святополкѣ и чешскихъ Болеславахъ; такъ было и при польскомъ Болеславѣ Храбромъ. Но тогда Чехи, слѣдуя узкимъ династическимъ интересамъ своихъ князей, скоро отошли отъ Болеслава и соединились противъ него съ Нѣмцами. Болеславъ долженъ былъ уйдти изъ Праги и оставить Чехію въ добычу князьямъ чешскимъ и ихъ союзникамъ Нѣмцамъ. Напрасно уговаривалъ онъ въ послѣдствіи чешскаго князя „вспомнить взаимное родство и примириться другъ съ другомъ и вмѣстѣ сопротивляться всѣмъ врагамъ, особенно же императору“ [2]).

Чешскіе и польскіе князья вообще, и какъ сосѣди, и какъ родные другъ другу, безпрестанно вмѣшиваются въ дѣла сосѣдняго государства. Въ Чехію отправляются недовольные князья польскіе (Безпремъ, Збигнѣвъ), въ Польшу — чешскіе (Болеславъ, Яроміръ, Боривой), и вообще другіе недовольные Чехи (Славниковичи и Вершевичи). Чешскіе князья стремятся завладѣть Польшей, или по крайней мѣрѣ, распространить въ ней свое вліяніе. Подобное тому затѣваютъ и польскіе князья. Чешскій князь Брячиславъ вторгается въ Краковъ и въ Гнѣзно, возвращается оттуда съ богатою добычей и

---

[1]) Сходство Чеховъ и Поляковъ замѣчаютъ и многіе иностранные писатели. Такъ, напримѣръ, нѣмецкіе лѣтописцы Адамъ и Гельмольдъ (XI—XII вѣковъ) говорятъ, что Чехи и Поляки «nec habitu nec lingua discrepant», что «est Polonis atque Boemis eadem armorum facies et bellandi consuetudo», и пр.

[2]) Thietmar Chron. (lib. VII, ed. Wagner, 206).

множествомъ плѣнниковъ [1]) и обязываетъ Польшу къ подати, которая и платилась до конца XI вѣка. Чешскій князь Вратиславъ называется не только королемъ чешскимъ, но и польскимъ (1086 г.). Съ другой стороны, польскій князь Болеславъ III вторгается въ Чехію, съ цѣлью помочь Боривою въ достиженіи княжескаго достоинства.

Не смотря на всѣ такія столкновенія, Чехи и Поляки не видѣли другъ въ другѣ природныхъ, національныхъ враговъ, какъ напримѣръ, въ Нѣмцахъ, а только сосѣдей ссорящихся и скоро примиряющихся [2]). Если Чехи и сталкивались съ Поляками, то все-таки, въ случаѣ угрожающей опасности со стороны Нѣмцевъ, искали у сосѣднихъ своихъ соплеменниковъ опоры и защиты противъ общихъ враговъ всего славянства, въ особенности же западнаго. Это особенно видно при чешскомъ королѣ Премыслѣ II Отокарѣ (1253—1278 гг.). Не смотря на свое расположеніе къ нѣмецкому элементу, которымъ онъ наполнялъ города и окраины своего государства, Премыслъ все-таки чувствуетъ себя государемъ славянскимъ, связаннымъ съ польскими князьями болѣе крѣпкими узами, чѣмъ какія бываютъ между простыми доброжелательными сосѣдями. Онъ желаетъ жить въ неразрывной дружбѣ и союзѣ со всѣми польскими князьями, особенно же съ родственнымъ себѣ княземъ Краковскимъ и Сандомірскимъ Болеславомъ, и обязывается защищать ихъ земли отъ всѣхъ враговъ, *особенно Русскихъ и язычниковъ*. Онъ возстаетъ противъ притѣсненій монаховъ „славянскаго языка" въ Чехіи и Польшѣ монахами нѣмецкими, къ стыду и ущербу „нашего королевства и народа *языка славянскаго*". Подобно тому и его супруга, русская княжна Кунигунда (Кинька), упрекаетъ аббатису Требницкаго монастыря Агнесу, крови польско-силезскихъ князей, что она, происходя отъ крови чешской и польской, благопріятствуетъ нѣмецкимъ монахамъ въ ущербъ монахамъ

---

[1]) Въ ихъ числѣ были также жители города Гедча, *которые поселены при* рѣкѣ Черинѣ на юго-западъ отъ Праги. *Эти «Гедчане» еще въ XII вѣкѣ пользовались* самоуправленіемъ (Cosmas Chron. Boh. I, 107). *Прадѣдъ чешскаго лѣтописца* Космы былъ также Гедчанинъ.

[2]) Такими враждебными *столкновеніями объясняются нѣкоторые неприязненные* отзывы чешскихъ и польскихъ *лѣтописцевъ* о Полякахъ и Чехахъ; *напримѣръ*, описаніе бѣгства Болеслава Храбраго изъ Праги у Космы (I, 71), *рѣчи* князей—чешскаго Владислава и польскаго Болеслава, *передъ сраженіемъ* Трутинскимъ 1110 года (Cosmas I, 248, Martin. Gallus lib. III, c. 23), *слова чешскаго князя Ольдриха: «Поляне, враги нашихъ земель» (Краледвор. рук.) и др.* Но чешскіе и польскіе князья *скоро опять примиряются, «confirmant foedera* pacis, et hilares ad proprios remeant lares» (a. 1115).

своего языка и желаетъ, чтобъ она скорѣе поддерживала монаховъ „нашего и вашего языка“ [1]).

Когда, наконецъ, несчастный король чешскій сталъ готовиться къ роковой борьбѣ съ соперникомъ своимъ Рудольфомъ Габсбургскимъ (1278 г.), то онъ особенно живо созналъ опасность, грозившую тогда со стороны Нѣмцевъ на всѣхъ западныхъ Славянъ, и необходимость крѣпкаго союза послѣднихъ, Чеховъ и Поляковъ. Поэтому и польскихъ князей призываетъ онъ на помощь противъ общаго врага Славянъ. „Помощь намъ подать вы должны и по слѣдующей причинѣ. Если, отъ чего да сохранитъ Богъ, случится, что насъ король нѣмецкій покоритъ и погубитъ, то ненасытная пасть Нѣмцевъ (insatiabiles Teutonicorum hiatus) расширится свободнѣе, и ихъ зловредная жадность распространится и на вашу землю. Ибо мы вамъ и вашимъ землямъ служимъ крѣпкимъ передгородіемъ вѣрной защиты: если оно не сможетъ устоять противъ бушующей грозы — отъ чего избави Боже! — можете уразумѣть, что тогда и вамъ грозитъ великая опасность, такъ какъ дерзкая алчность не довольствовалась бы только нашимъ покореніемъ, но расхитила бъ и ваше имѣніе, и кромѣ того, несносно тѣснила бы васъ, тяготѣла на васъ, свирѣпствовала противъ васъ. О, сколькими бѣдствіями тогда былъ бы преслѣдованъ вашъ многочисленный и Нѣмцамъ ненавистный народъ! О, какому игу страшнаго рабства подверглась бы свободная Польша. О подъ какими ударами погибалъ бы тогда весь вашъ народъ! Поэтому спѣшите намъ на помощь, спѣшите и дѣятельно потрудитесь отразить пламя еще далекаго пожара, соображая, что будетъ полезнѣе противиться зачаткамъ, чѣмъ тому, чтобы всепожирающій огонь слишкомъ пересилилъ отпоръ неустрашимаго,—и что тотъ, кто защищаетъ сосѣдній домъ отъ сожженія, предохраняетъ свое собственное жилище. По этой причинѣ усердно требуемъ, чтобы вы вооружились на помощь намъ, которые происходимъ отъ вашего племени!“ [2]).

Но напрасно лилась кровь Чеховъ и соединенныхъ съ ними нѣкоторыхъ князей польскихъ на Моравскомъ полѣ: Габсбурги укрѣпились на Дунаѣ и въ Альпахъ.

Въ болѣе близкія сношенія вступили Чехи и Поляки въ концѣ XIII вѣка. Тогда оба эти западо-славянскія государства были соединены

---

[1]) Dogiel, Codex diplom. regni Polon. I. 1. (Сравн. Niemcewicz: Zbiór pamiętników I, 309. Emler: Regesta Bohem. et Morav. II, 27); Palacky: Formelbücher I, 287, 288; Archiv für Kunde österreich. Geschichtsquellen XXIX, 46.

[2]) Dolliner: Codex epistolaris Primislai Ottocari II, Nro 37.

въ одно чешскимъ королемъ Вячеславомъ II. Послѣ присоединенія Малой Польши къ Чешскому государству (1291 г.) и Велико-поляне провозгласили Вячеслава своимъ королемъ (1300 г.). На избраніе чешскаго короля въ польскіе подѣйствовало не только то обстоятельство, что онъ славился своимъ могуществомъ и богатствомъ, но и такія соображенія, что соединены будутъ „подъ однимъ государемъ Чехи и Поляки, не много отличающіеся по нарѣчіямъ славянскаго языка; ибо говорящіе на одномъ языкѣ соединяются скорѣе крѣпкими узами любви“ [1]).

Соединеніе обѣихъ коронъ, чешской и польской, на головѣ Чешскаго государя, было кратковременно. Династическіе интересы польскихъ князей и происшедшія въ Чехіи, послѣ прекращенія рода Премысловичей (1306 г.), смуты помѣшали и тогда соединенію Чеховъ и Поляковъ въ одно государственное тѣло. Въ послѣдующемъ затѣмъ времени не мало повредило дружелюбнымъ отношеніямъ обоихъ славянскихъ народовъ поведеніе чешскаго короля, авантюриста-Нѣмца, Іоанна Люксембургскаго, помогавшаго заклятымъ врагамъ Польши, нѣмецкимъ рыцарямъ, и постоянно заявлявшаго свои притязанія на Польшу. Но по его смерти, отношенія между Чехіей и Польшею поправились: оба короля, чешскій Карлъ и польскій Казиміръ, часто заявляютъ другъ другу чувство „искренней и братской дружбы и любви“ [2]).

2. Гуситское движеніе. Чешскіе воины въ Польшѣ. Сношенія Гуса и Іеронима съ Польшей и Литвою. Чехи и король Польскій Владиславъ и великій князь Витовтъ. Князь Сигизмундъ Корыбутовичъ и другіе Поляки и Русскіе въ Чехіи. Сношенія Чеховъ съ Владиславомъ и Свидригайломъ. Сраженія Липонское и Вилкомірское.

Въ болѣе близкія сношенія вступили Чехи и Поляки во время великаго гуситскаго движенія XV вѣка. Вмѣстѣ съ движеніемъ рели-

[1]) По словамъ современника, Петра архимандрита Збраславскаго (Chronicon Aulae Regiae, in Dobner:Monum. histor. Boem. V, 131). Сравн. также Archiv für Kunde österreich. Geschichtsquellen XIV. Замѣтимъ, что со времени короля Вячеслава II (1300 г.), чешскіе или Пражскіе *гроши* стали извѣстны на всемъ славянскомъ востокѣ, въ Польшѣ (Archid. Gnesn. apud Sommersberg II, 95, Helcel: Pomniki prawa I, 277, часто въ грамотахъ) и въ Литовской Руси; въ послѣдней, напримѣръ, въ одной грамотѣ второй половины XIV вѣка, приводится «семь копъ грошей широкихъ, ческой монеты». (Опис. рукоп. Румянцев. муз., 117). «Чешская монета въ Польшѣ и Литвѣ была подлѣ «польской, Краковской, литовской, русской». И въ сношеніяхъ великаго князя Швитригайла съ Великимъ Новгородомъ, 1433 года говорится о чешскихъ грошахъ. (Коцебу: Свитригайло, 181).

[2]) Сравн. договоры обоихъ государей (списки въ архивѣ Чешскаго музея).

гіознымъ проявилось въ значительной силѣ и движеніе національное, направленное противъ Нѣмцевъ. Чехи, поднявъ борьбу съ цѣлою почти западною Европой, въ особенности же съ Германіей, стали искать союзниковъ и естественно, обратили вниманіе на своихъ ближайшихъ сосѣдей и соплеменниковъ, Поляковъ и соединенныхъ съ ними юго-западныхъ Русскихъ. Къ такому сближенію способствовала также угрожающая и Польшѣ опасность со стороны Нѣмецкаго племени: и государство Польско-Литовское боролось уже больше столѣтія съ нѣмецкими рыцарями, которые, внѣдрившись на балтійскомъ поморьѣ, все болѣе и болѣе тѣснили Польскій народъ.

Симпатіи Чеховъ къ сосѣднему славянскому государству обнаружились особенно сильно въ то время, когда оно въ началѣ XV вѣка собиралось нанести рѣшительный ударъ Нѣмецкому ордену. Хотя Чешскій король Вячеславъ IV стоялъ на сторонѣ ордена, однако многіе Чехи и Мораване поспѣшили на помощь Полякамъ противъ общихъ враговъ. Въ сраженіи Дубровенскомъ или Танненбергскомъ (1410 г.) наемные Чехи и Мораване составляли особый отрядъ польско-литовскаго войска подъ четвертымъ знаменемъ св. Юрія. Ихъ начальниками упоминаются Соколъ, Збиславекъ, Сарновскій (?). Кромѣ того, были нѣкоторые Чехи и около самого короля Владислава, именно — любимецъ его Іоаннъ Соколъ, староста Радзынскій, и Іоаннъ изъ Товачова [1]. Чехи остались въ польской службѣ и послѣ побѣды Танненбергской, не смотря на то, что король Вячеславъ, испуганный пораженіемъ Нѣмцевъ, сталъ созывать всѣхъ своихъ подданныхъ, чтобы вооружиться противъ новаго „нападенія Татаръ“ [2]. Король Владиславъ, въ виду возобновленія войны съ рыцарями, продолжалъ сноситься съ чешскими воинами и просилъ именно пана Костку изъ Поступицъ, чтобъ онъ, въ случаѣ войны съ крестоносцами, не только пошелъ ему на помощь, но и остановилъ бы тѣхъ, которые хотѣли бы идти къ Нѣмцамъ (1413 г.). Въ походѣ Поляковъ противъ Нѣмцевъ 1414 года участвовало тоже много Чеховъ, и въ томъ числѣ ротмистры и воины Семечка изъ Семчицъ, Отто изъ Робусъ, Янко изъ Дубницы, Мартинъ Глубоцкій, Станиславъ изъ Доброй Воды, Буковецъ, Гусъ, Жакъ и др. [3].

---

[1] Обширное описаніе сраженія Дубровенскаго у Длугоша (начало XI книги). Чешскіе наемные воины были также и въ нѣмецкомъ войскѣ. По болѣе позднимъ свидѣтельствамъ, участвовалъ въ сраженіи и Жижка (въ польскомъ войскѣ).

[2] Palacký: Dějiny doby husitské I, 171. (Приводимъ вездѣ *второе* изданіе исторіи Палацкаго объ этомъ періодѣ).

[3] Письмо короля къ Косткѣ 1413 года (Raczyński, Codex diplom. Lithua-

Подлѣ этихъ военныхъ связей Чеховъ и Поляковъ, завязались между ними и другія сношенія. Не мало способствовалъ сближенію обоихъ западно-славянскихъ народовъ и Пражскій университетъ, въ которомъ находилось много Поляковъ, составляя одинъ изъ его такъ называемыхъ „народовъ“. Гусъ былъ въ перепискѣ съ королемъ Владиславомъ и защищалъ Польшу и Литву, „славянское царство“, противъ клеветъ еретичества со стороны одного нѣмецкаго профессора. За Гуса вступались на соборѣ Константскомъ, кромѣ чешскихъ пановъ, и многіе „вѣрные паны Польскаго королевства“, какъ ихъ называетъ самъ Гусъ, именно оба посла короля Владислава—Янушъ изъ Тулишкова и Завиша Чарный изъ Грабова, паны Борута, Дунинъ, Балицкій и другіе. Поляки навѣщали Гуса въ тюрьмѣ; у него былъ слуга Полякъ, и самъ Гусъ признаетъ, что у него на соборѣ не было другаго друга, кромѣ Бога и одного польскаго доктора [1]).

Вѣрный другъ Гуса, Іеронимъ Пражскій, пребывалъ (1413 г.) нѣкоторое время въ Краковѣ, при дворѣ королевскомъ, и произвелъ такъ большое впечатлѣніе своими проповѣдями. Оттуда отправился онъ къ великому князю Витовту на Литву и здѣсь, своимъ дружескимъ поведеніемъ относительно православныхъ Русскихъ, приводилъ католиковъ въ недоумѣніе [2]).

При такомъ положеніи дѣлъ въ Польшѣ и Литвѣ, не удивительно, что одинъ чешскій шляхтичъ при дворѣ Витовта могъ позволить себѣ безнаказанно сказать, что Гуса несправедливо осудили и сожгли [3]).

Когда, наконецъ, Чехи взялись за оружіе чтобъ отомстить обиду, нанесенный сожженіемъ Гуса всему славянскому [illegible], и освободить правду закона Божіего и языкъ славянскій, то они обратились за сочувствіемъ къ своимъ славянскимъ братьямъ на востокѣ, къ Полякамъ и къ соединеннымъ съ ними юго-западнымъ Русскимъ въ Литвѣ. Король польскій Владиславъ Ягейло и великій князь литовскій Александръ-Витовтъ начинаютъ принимать все большее и большее влія-

---

ніе, 170). [illegible] 1425—1426 гг. [illegible].

[1]) Письма Гуса въ сборникѣ Палацкаго—Documenta M. J. Hus, p. [illegible]; Петръ изъ Младеновицъ ib. [illegible] и проч.

[2]) Palacký Dějiny česk. I. [illegible], Documenta M. J. Hus, [illegible]. О пребываніи Іеронима въ [illegible].

[3]) Caro, Geschichte von Polen III. 311.

ніе къ дѣламъ чешскимъ, хотя далеко не такъ, какъ того требовали интересы Чеховъ и вообще всего славянства. Но при тогдашнемъ положеніи дѣлъ нельзя удивляться нерѣшимости обоихъ государей: съ одной стороны, дѣйствовали ихъ личное расположеніе, симпатіи ихъ подданныхъ, польскихъ и литовско-русскихъ, къ Чехамъ, боровшимся съ заклятыми врагами славянства, съ Нѣмцами, съ которыми и Польша, и Литва тоже вели столѣтнюю войну, а съ другой стороны римско-католическое духовенство страстно ратовало противъ всякихъ сношеній съ проклятыми чешскими еретиками, угрожая страшными наказаніями на томъ и на этомъ свѣтѣ.

Этимъ неловкимъ положеніемъ надо объяснять частыя колебанія особенно короля Владислава: то онъ является другомъ, то опять врагомъ Чеховъ, и наконецъ всячески старается ихъ примирить съ католическою церковью. Витовтъ оказался болѣе твердымъ, не прерывая дружескихъ сношеній съ Чехами.

Чехи, провозгласивъ вѣроломнаго и ненавистнаго короля Сигизмунда лишеннымъ чешскаго престола, подумали о соединеніи съ восточнымъ государствомъ Польско-Литовскимъ и въ теченіе 1420 года три раза предлагали Владиславу чешскую корону. Чешскіе послы, представляя причины, по которымъ врагъ ихъ народа Сигизмундъ не можетъ быть чешскимъ королемъ, указывали и на то, что онъ общій врагъ Чеховъ и Поляковъ, противъ которыхъ безпрестанно подстрекаетъ нѣмецкихъ рыцарей. Наконецъ, они напомнили польскому королю, что если онъ не пріиметъ предлагаемой ему чешской короны, то не будетъ спокойно царствовать и въ своемъ королевствѣ [1]). Но недавно крестившійся польскій король, пугаемый католическимъ

---

[1]) О чешскихъ посольствахъ въ Польшу обширно разказываетъ Длугошъ I, 428—442. Сравн. Palacký Urkundl. Beiträge zur Geschichte des Hussitenkrieges I, 92, сравн. 45. Нѣкоторыя грамоты по этимъ посольствамъ Чеховъ въ Польшу и Литву приводитъ и Пельцель въ своей статьѣ о князѣ Сигизмундѣ Корыбутовичѣ; въ ихъ числѣ и одно чешское письмо Пражанъ къ Витовту. (Сравн. также Bibliotecа Warszawska 1864, III. Výbor z liter. česzé II, 350).—Планъ гуситскихъ Чеховъ объ избраніи Владислава въ чешскіе короли встрѣтилъ, разумѣется, сопротивленіе со стороны чешскихъ католиковъ. Одинъ (Nicolaus Bohemus notarius Snoymiensis) предостерегаетъ Чеховъ отъ короля изъ Польши, и въ своемъ пасквилѣ расточаетъ всевозможныя клеветы на Поляковъ, называя ихъ ворами, разбойниками, врагами духовенства и церкви, ругателями святителей, и проч. (Höfler: Scriptores rerum hussit. I, 564).—Замѣтимъ еще, что Венеціанцы совѣтовали папѣ согласиться на то, чтобъ Владиславъ принялъ чешскую корону (Acta archivi Veneti, ed. I. Safarik, II, 618).

духовенствомъ, не могъ рѣшиться принять изъ рукъ „еретиковъ" предложенную ему корону чешскую. Поэтому Чехи съ большимъ удовольствіемъ приняли предложеніе самого Витовта—взять въ свои руки правленіе Чехіи. На сеймѣ Кутногорскомъ (въ сентябрѣ 1421) Чехи признали князя Витовта своимъ королемъ, и съ тѣхъ поръ называли его обыкновенно „король чешскій выспрошенный (král český pošádaný)" [1]).

Чешскіе послы, отправленные къ Витовту, Вилемъ Костка изъ Поступицъ, Вячеславъ изъ Іенштейна, Гласъ изъ Каменицы и Ванѣкъ (Вячеславъ) прозванный Пиво, попались въ плѣнъ на дорогѣ въ Ратиборѣ, силезскомъ городѣ, принадлежавшемъ опавскому князю Іоанну. Это событіе произвело большое волненіе не только въ Чехіи, но и въ Польшѣ и въ Литвѣ. „Во всей землѣ Польской и Литовской", пишетъ одинъ современникъ, „поднялся великій шумъ и крикъ въ общинахъ изъ-за плѣненія этихъ Чеховъ. Народъ говоритъ: хочетъ король или не хочетъ, но если онъ (Іоаннъ) не отпуститъ ихъ на свободу изъ этого плѣна, то мы хотимъ имъ отмстить и даже большимъ кровопролитіемъ, потому что онъ хочетъ разорвать совершившееся уже соединеніе между нами и нашими братьями Чехами" [2]).

Витовтъ и Владиславъ и его племянникъ, князь Сигизмундъ Корыбутовичъ, убѣдительно требовали выпущенія плѣнныхъ пословъ, угрожая и войною. „Владиславъ и Витовтъ", пишетъ Сигизмундъ Корыбутовичъ, „никакъ не хотятъ оставить Чеховъ, а хотятъ имъ помогать, какъ своему народу и своимъ подданнымъ". Въ особенности рьяно принялся за это дѣло Витовтъ. Онъ уговаривалъ Пражанъ, чтобъ они, въ отмщеніе князю Іоанну и для освобожденія плѣнниковъ, послали войско съ одной стороны, между тѣмъ какъ онъ съ другой стороны вышлетъ князя Сигизмунда Корыбутовича. Но князь опавскій предупредилъ опасность, выдавъ пословъ императору Сигизмунду [3]).

---

[1]) Palacký Dějiny husit. II, 116, Palacký: Urk. Beitr. I, 121, сравн. 187. Сравн. также письмо императора Сигизмунда къ маркграфу Бранденбургскому 28-го февраля 1421 г. (Palacký: Urk. Beitr. I. 64).

[2]) Письмо Аврама Чернаго (Niger) къ князю Іоанну изъ Велички 23-го сентября 1421 г. Palacký: Urk. Beitr. I, 153 (сравн. его Ист. гусит. II, 123), Scriptores rer. siles. VI. 13.

[3]) Script. rer. siles. VI, 10, 12. Palacký: Urk. Beitr. I, 148, 152, 156. Около того времени (2-го января 1422 г.) комтуръ Дюнабургскій писалъ своему магистру, что Витовтъ принялъ гуситовъ подъ свое покровительство, что король

Прямо участвовать въ дѣлахъ чешскихъ Витовту удалось черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда его партія въ Прагѣ чрезъ убіеніе священника-демагога Іоанна взяла верхъ и стала возлагать всѣ свои надежды на „выпрошеннаго короля чешскаго“ [1]).

Витовтъ не только ревностно ходатайствовалъ за Чеховъ у папы [2]), желая ихъ примирить, но и выслалъ наконецъ въ Чехію князя Сигизмунда Корыбутовича съ войскомъ. Подъ хоругви князя Сигизмунда стекались въ Краковъ не только Поляки, но и православные Русскіе, особенно изъ Галичской Руси. Горько жаловался потомъ король Владиславъ на „жителей земли Русской въ области Львовской и въ другихъ мѣстахъ“, что они, когда онъ чрезъ старосту-генерала русскаго Спытка Тарновскаго, призывалъ ихъ къ оружію противъ гуситовъ за деньги, не охотно послушались этого приглашенія, между тѣмъ какъ съ княземъ Сигизмундомъ и безъ денегъ спѣшили на помощь гуситамъ „противъ своего спасенія и чести“ [3]).

Князь Сигизмундъ Корыбутовичъ, вступивъ съ польско-русскимъ войскомъ въ чешскія земли „для защиты закона Божіяго и общественнаго добра“ (1422 г.), объявлялъ вездѣ, что онъ приходитъ во имя Александра-Витовта „выпрошеннаго короля Чешскаго“, какъ его уполномоченный управитель, чтобъ овладѣть землей и защищать ее противъ всѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ; увѣщевалъ всѣ партіи сохранять миръ другъ съ другомъ и прибыть на сеймъ въ городъ Чаславь, гдѣ пріймутся нужныя для земскаго порядка мѣры. Чтобы пріобрѣсти себѣ расположеніе гуситовъ, онъ причащался еще въ моравскомъ городѣ Уничевѣ подъ обоими видами. На сеймѣ Чаславскомъ онъ

Польскій находится у него, и что оба хотятъ тайкомъ сойдтись съ великимъ княземъ Московскимъ. (Napiersky: Index corporis histor.-dipl. Livoniae, Esthon., Curon. Nro 1005).

[1]) По словамъ одного русско-литовскаго лѣтописца, «Чешское королевство великую честь держало надъ славнымъ господаремъ» (изд. Даниловича 62, изданіе А. Попова, 48).

[2]) Папа, жестоко нападая на Витовта за принятіе чешской короны изъ рукъ еретиковъ, замѣчаетъ между прочимъ, что нѣмецкіе курфирсты и князья не позволятъ ему занять чешское королевство, хотя бы и самъ императоръ Сигизмундъ не противился тому. (Palacký Urkundl. Beitr. I, 206).

[3]) Palacky: Urkundl. Beitr. I, 303. — О князѣ Сигизмундѣ Корыбутовичѣ въ Чехіи см. особенно Палацкаго Ист. гусит. II., также статью Стадницкаго объ Олгердовичахъ (Bibl. Ossolińskich, 1865, VI, или въ Bracia Władysława Jagiełły, 50). Объ немъ писалъ Пельцель въ журналѣ Abhandlungen der böhm. Gesellschaft der Wiss. (1786, p. 360).

былъ единогласно признанъ собравшимися панами и городами правителемъ земскимъ, обѣщавъ защищать законъ Божій. Также и Таборы, и въ главѣ ихъ вожди Жижка, Хвалъ, Буховецъ и городскія общины Таборъ, Домажлицы, Клатовы, Сушица, Песекъ и другія, приняли его какъ „помощника и высшаго правителя земскаго“, обѣщая ему повиноваться. Новый правитель или губернаторъ чешскій назывался „Сигизмундъ, Божіею милостію князь Литовскій, назначенный яснѣйшимъ княземъ и господаремъ Александромъ-Витолдомъ Божіею милостію княземъ великимъ литовскимъ, королемъ чешскимъ, выпрошеннымъ для защиты и освобожденія закона Божія и успокоенія и устроенія земли Чешской, и признанный панами земскими, панами Пражанами, рыцарями, паношами (дѣтьми боярскими), городами и всѣми общинами закону Божіему склонными, вполнѣ и безъ препятствій и съ единодушіемъ“ [1]).

Князь Сигизмундъ, или какъ называли его Чехи въ отличіе отъ императора Сигизмунда, „Корыбутъ“, отселѣ управлялъ Чехіей къ общему удовольствію не только Пражанъ и гуситскихъ пановъ и городовъ, но и Таборовъ. Между нимъ и Жижкою завязались потомъ особенно дружескія отношенія, такъ что они называли другъ друга „отцемъ“ и „сыномъ“. Когда позже, вслѣдствіе стараній польскаго духовенства, Владиславъ и Витовтъ отклонились отъ „еретическихъ“ Чеховъ, то и князь Корыбутъ вынужденъ былъ оставить Чеховъ. Но онъ это сдѣлалъ неохотно, и не смотря на всѣ предпринимаемыя въ Польшѣ мѣры противъ гуситовъ, возвратился потомъ самовольно съ дружиною въ Чехію, къ великому гнѣву Владислава (1424 г.). Послѣдній напрасно сваливалъ съ себя всякое соучастіе въ этомъ дѣлѣ и конфисковалъ имущество Корыбута и его сподвижниковъ: недовѣріе къ Полякамъ у сосѣднихъ народовъ было такое, что войско польское, прибывшее въ Мораву воевать противъ гуситовъ, не было даже принято австрійскимъ герцогомъ и вернулось домой. Князь Корыбутъ остался въ Чехіи нѣсколько лѣтъ, пользуясь пріязнью особенно Пражанъ, какъ ихъ выбранный господарь (панъ), и воюя въ рядахъ гуситскихъ. Онъ и другіе воины польскіе и русскіе участвовали въ блестящей побѣдѣ надъ Нѣмцами подъ Устьемъ (1426 г.). Въ этомъ сраженіи, по словамъ современной пѣсни, „князь Сигизмундъ съ плачемъ Богу молился, войско къ сраженію увѣщевая и землякамъ бодрость прида-

---

[1]) Archiv Ceský III, 239; I, 213; Palacký: Urk. Beitr. I, 192, 194, 287; Script. rer. siles. VI, 30. Сравн. Staři letopisové češti, 52,

вая. Его Поляне, Чехи и Моравание, доблестные паны Пражане враговъ храбро били“ [1]). Но Корыбутъ, стараясь примирить Чеховъ съ папою, скоро лишился прiязни Пражанъ. Когда въ Чехiи узнали объ этомъ планѣ, то наущенiемъ самихъ чашническихъ священниковъ, Корыбутъ былъ заточенъ и высланъ изъ Чехiи. Съ нимъ оставили Чехiю и Поляки (1427 г.). Горько жалуются на это происшествiе современники: „священники насъ съ цѣлымъ мiромъ поссорили; мы лишились и Польши, откуда прежде доставлялась намъ помощь. Такимъ образомъ, отплатили Пражане Полякамъ за ихъ услуги и помощь противъ враговъ!“ [2]). Но не смотря на это оскорбленiе, Корыбутъ скоро является опять въ числѣ чешскихъ воеводъ. Онъ занялъ городъ Гливичи въ Силезiи (1430 г.) и участвовалъ въ побѣдѣ Чеховъ надъ Нѣмцами у Домажлицъ (1431 г.).

Кромѣ Корыбута, мы встрѣчаемъ въ чешскихъ войскахъ и другихъ Поляковъ и Русскихъ. Такъ, панъ Добеславъ Пухала, который былъ въ числѣ гуситскихъ гейтмановъ въ Силезiи и владѣлъ городомъ Крейцбургомъ; Петръ Полякъ, гейтманъ въ Нѣмчiи, и другiе гейтманы въ силезскихъ крѣпостяхъ. Между сподвижниками знаменитаго гейтмана Таборскаго Рогача изъ Дубой († 1437 г.) упоминается и польскiй панъ Вышекъ Рачинскiй [3]).

Въ числѣ Русскихъ, помогавшихъ Чехамъ въ тяжелой ихъ борьбѣ съ Нѣмцами, замѣтны особенно два князя Острожскихъ. Первый, Фридрихъ, „князь Русскiй“ (такъ называется онъ въ одной современной чешской пѣснѣ), отличился особенно въ сраженiи Устскомъ, командуя, вмѣстѣ съ двумя чешскими гейтманами, цѣпниками (войско вооруженное цѣпами). Позже былъ онъ гейтманомъ въ моравскомъ городѣ Брячиславлѣ и участвовалъ въ разныхъ военныхъ подвигахъ Чеховъ въ Силезiи, въ Польшѣ и въ Угрiи (1434); упоминается еще въ 1438 году въ Польшѣ, какъ помощникъ гуситскаго пана польскаго Спытка изъ Мельштына, какой-то наемный воинъ короля Владислава въ походѣ въ Чехiю, куда онъ отправился съ 200 всадниковъ. Вслѣд-

[1]) Výbor z liter. české II, 306.

[2]) Výbor z liter. české II, 310. Staři letopisové češti 71. Также епископъ Таборскiй Николай изъ Пельгримова (1444 г.) упрекаетъ Пражскихъ поповъ, что «in principem Lithuaniae Sigismundum irruerunt». (Script. rer. hussit. II. 690).

[3]) Пухала и Полякъ упоминаются часто въ силезскихъ письменныхъ памятникахъ около 1430 г. (Script. rer. siles. VI). Сравн. ниже письмо императора Сигизмунда къ королю Владиславу. Рачинскiй прибылъ въ Чехiю уже въ 1421 году посломъ Витовта. Сравн. Staři letopisové češti 103.

ствіе долголѣтняго пребыванія въ Чехіи, онъ сталъ совсѣмъ Чехомъ. Другой князь Острожскій, вѣроятно сынъ или племянникъ Фридриха, Вячеславъ, поминается въ 1460 году между гейтманами гуситскаго авантюриста въ Австріи Вячеслава изъ Рахманова (Младванька) [1]).

Поляки и Русскіе оставались въ чешскихъ войскахъ, не смотря на всѣ угрозы короля Владислава [2]).

Отчужденіе официальной Польши и Литвы, то-есть, ихъ правителей, отъ Чеховъ было кратковременно. Когда, по смерти Витовта (1430 г.) возникли серьезные споры между Польшей и Литвой, и литовскій великій князь Болеславъ Швитригайло [3]), братъ короля Владислава, сталъ сноситься съ врагами Польши, особенно съ императоромъ и съ нѣмецкими рыцарями, то король Владиславъ опять сталъ сближаться съ Чехами. Князь Корыбутъ и панъ Пухала были приняты въ службу короля, и Чехамъ стала доставляться тогда изъ Польши всяческая помощь. Горько жалуется на эту поддержку Чеховъ Поляками, императоръ Сигизмундъ. „Прекратите помощь“, пишетъ Сигизмундъ Владиславу, „которую оказываютъ Чехамъ Сигизмундъ Корыбутъ, Пухала и многіе другіе; всѣми крѣпостями въ Силезіи, еретиками завоеванными, владѣютъ одни Поляки. Еретики явно продаютъ въ Польшѣ свою добычу, вольно покупаютъ въ Краковѣ оружіе, лошадей и другія потребности, что имъ приноситъ пользу и чѣмъ они гордятся“ [4]).

---

[1]) О Фридрихѣ Острожскомъ см. особенно Длугоша (кн. XI). Квитанція его королю Владиславу (Краковъ 4-го іюня 1438 г., cum ducentis equis, quos nobiscum versus Bohemiam duxerimus) хранится въ главномъ архивѣ Варшавскомъ; въ ней онъ пишется «Fridericus dux de Ostrorog» (sic) вм. «Ostrog», какъ видно по печати съ гербомъ князей Острожскихъ (надпись не разборчива), а на другомъ мѣстѣ (грам. 1428 г.) пишется «Fredericus dux Russia alias Osroch.» (Script. rer. siles. VI. 59) Чешская грамота Вячеслава Острожскаго (Václav Knieže z Ostrova) въ сборникѣ Archiv Český IV, 334. Сравн. Палацкаго Dějiny česk. národu IV. 1, 439.

[2]) Такъ, еще въ 1431 г. король Владиславъ угрожаетъ разными наказаніями своимъ подданнымъ, «которые помогаютъ Чехамъ». (Raczyński Codex dipl. Lithuan. 351). — Съ другой стороны упоминаются Поляки и Русскіе и въ войскѣ императора Сигизмунда; такъ въ сраженіи Вышеградскомъ (1-го ноября 1420 г.) погибли панъ Балицкій и Юрій князь Смоленскій; въ сраженіи Нѣмецко-Бродскомъ (8-го января 1422 г.) попались въ плѣнъ панъ Завиша Чарный изъ Грабова и Боровскій.

[3]) Имя этого великаго князя пишемъ такъ, какъ онъ самъ писался по русски: «Швитрикгайло», «Швитригайло» (въ грамотахъ и русско-литовск. лѣтописяхъ). И Чехи называли его «Švidrgal» или «Švidrhal» (Staři letopis. čeští 113). Обыкновенная форма этого имени есть Свидригайло, Свидригелло.

[4]) Письмо отъ конца мая 1431 г. (Палацкій Ист. гусит. II, 367). Сравн. также

Вслѣдствіе побужденія со стороны Корыбутовича, король Владиславъ сдѣлалъ тогда вновь попытку примирить Чеховъ съ Римомъ. Для этой цѣли было устроено обыкновенное, по духу тогдашняго времени, преніе между чешскими и польскими теологами. Это преніе, веденное на чешскомъ и на польскомъ языкахъ, конечно, не повело ни къ чему. Напрасны были и всѣ слова стараго короля, увѣщевавшаго Чеховъ къ возврату къ католической церкви. „Если и всѣмъ вѣрующимъ слѣдуетъ жалѣть о вашемъ заблужденіи", сказалъ Владиславъ, „то тѣмъ болѣе мнѣ и моему королевству по поводу сосѣдства королевствъ и родства языка"[1]). Но не смотря на эту неудачу, сношенія между Польшей и Чехіею становились все болѣе тѣсными и дружескими. Въ 1432 году прибыли послы польскаго короля въ Прагу; пошли уже и въ томъ же году первые вспомогательные отряды чешскіе въ Польшу на помощь противъ нѣмецкихъ крестоносцевъ, и Пухала сталъ нанимать Чеховъ въ военную службу. Позже Сиротки и Таборы стали собираться въ сѣверовосточной Чехіи въ походъ въ Польшу[2]). Особенно дружески относились къ Полякамъ Сиротки, приверженцы покойнаго Жижки. Они, находясь лѣтомъ 1432 года въ Силезіи, отправили пословъ къ королю Владиславу, который пребывалъ тогда близъ границы, въ Пабяницахъ, и предложили образовать болѣе тѣсныя государственныя связи между Чехіей и Польшей. Чешскіе послы были приняты торжественно и дружелюбно, и между Чехами и Поляками заключенъ тогда союзъ „противъ всѣхъ Нѣмцевъ"[3]).

Script. rer. siles. VI, 119—120. Въ искреннюю готовность Поляковъ подать помощь противъ «еретиковъ» Сигизмундъ не вѣрилъ и раньше. Когда на съѣздѣ Луцкомъ (1429 г.) польскіе паны предлагали свою помощь противъ гуситовъ въ Силезіи, то императоръ отвѣтилъ имъ недовѣрчиво: «Что же сдѣлаютъ Поляки противъ Поляковъ?» Mosbach: Przyczynki do dziejów polskich, 92; Script. rer. siles. VI, 83).

[1]) Длугошъ I, 577.

[2]) Script. rer. siles. VI, 107, 117, 120. Страхъ передъ предстоящимъ соединеніемъ Чеховъ и Поляковъ былъ такой, что уже весной 1431 г. распространился въ Пруссіи слухъ, будто Корыбутъ и Пухала, «страшные и настоящіе еретики», стоятъ съ войскомъ уже на границахъ прусскихъ, и что чешскіе послы присутствовали на сеймѣ Краковскомъ вслѣдствіе союза Чеховъ съ Поляками. Но этотъ слухъ оказался невѣрнымъ. Сравн. Коцебу: Свитригайло 106; Daniłowicz: Skarbiec diplom. Litwy II, 117; Grünhagen: Die Hussitenkämpfe der Schlesier 204.

[3]) Такъ говорили польскіе послы угорскимъ чинамъ 10-го августа 1432 г. (Письма угор. палатина Ник. изъ Горы и епископа Загребскаго Іоанна; Martene et Durand: Collectio monum. ampliss. VIII, 161, 164; Палацкій Ист. гусит. III, 53; Длугошъ I, 605). Лѣтомъ 1432 г. (18-го іюля) Швитригайло упрекаетъ

И уже 8-го сентября того года гейтманы Сиротскій Іоаннъ Чапекъ изъ Санъ и Таборскій Отикъ изъ Лозы, какъ союзники польскаго короля, своего доброжелателя и покровителя, посылаютъ, отъ имени всѣхъ Чеховъ-гуситовъ разметныя грамоты (объявленіе войны) нѣмецкому ордену [1]).

Весною же 1433 года Сиротки подъ гейтманомъ Чапкомъ изъ Санъ пошли черезъ Силезію и Великую Польшу на помощь Полякамъ противъ рыцарей въ Пруссію и Новую Марку и дѣйствовали здѣсь вмѣстѣ съ польскимъ войскомъ подъ Сендзивоемъ изъ Остророга. Когда же Чапекъ въ завоеванномъ городѣ Тчевѣ поймалъ нѣсколько Чеховъ, служившихъ рыцарямъ, то велѣлъ ихъ всѣхъ сжечь, „потому что они помогали Нѣмцамъ противъ собственнаго своего народа и противъ короля и королевства Польскаго, одинаковаго съ ними языка“ [2]).

Съ другой стороны, великій князь Литовскій Швитригайло, воюя съ королемъ, домогался пріязни Чеховъ и охотно принималъ предлагаемую ему отъ нихъ помощь, особенно отъ вождей войска Таборскаго, именно отъ Сигизмунда Корыбутовича, Прокопія Великаго, Дивиша (Діонисія), Борька изъ Милетинка, Павла Совинскаго, Вилема Костки изъ Поступицъ и Смила Голицкаго. Между Швитригайломъ и этими чешскими полководцами заключенъ былъ какой-то договоръ для взаимной помощи; на послѣднихъ возлагалъ Швитригайло главныя свои надежды.

Въ письмахъ, писанныхъ по чешски (изъ Новгородка, 29-го апрѣля 1431 г.) этимъ чешскимъ вождямъ, Швитригайло благодаритъ милаго своего племянника за предложенную помощь противъ всѣхъ враговъ и за агитацію въ его пользу между чешскими гейтманами, обѣщая

Владислава за тѣсныя его связи съ Чехами (Voigt, Gesch. Preuss. VII, 595; Daniłowicz, Scarbiec II; 134).—Польскій историкъ начала XVI вѣка Ваповскій, разказывая о предложеніи Чеховъ, приводитъ рѣчь ихъ пословъ: «Чехи—народъ Полякамъ братскій и родственный, одного съ ними происхожденія и языка, не желаютъ ничего лучше, какъ чтобы Польша освободилась отъ всѣхъ сильныхъ враговъ»; и указывая на нихъ, то-есть, императора, Литву, Молдаву и нѣмецкихъ рыцарей, (Чехи) предлагали королю свое войско: «взгляда котораго Нѣмцы даже вынести не могутъ» (изд. Малиновскаго II, 158). О соединеніи съ Чехами противъ императора и нѣмецкихъ рыцарей думали Владиславъ и Витовтъ уже въ 1423 г.; въ 1428 году сами Чехи предлагали свои услуги противъ рыцарей. (Voigt VII, 456, 511.

[1]) Martene VIII, 240; Voigt VII, 601.

[2]) Длугошъ I, 634. Сравн. Voigt, VII, 616, Палацкій, Ист. гусит. III, 126. Въ службѣ польской упоминается Чапекъ еще въ 1449 г. (см. ниже).

ему и съ своей стороны помощь въ случаѣ нужды, и проситъ его дѣйствовать на этихъ вождей и старшинъ, „чтобъ они эту пріязнь, которую они къ намъ имѣютъ, укрѣпили и усилили, ибо и мы хотимъ вамъ также помогать, гдѣ вы въ насъ будете нуждаться“. Въ такомъ же смыслѣ пишетъ онъ чешскимъ гейтманамъ и панамъ, „своимъ милымъ друзьямъ“ [1]). Въ концѣ 1431 года Швитригайло отправилъ своего посла въ Чехію. Около того же времени находился у Швитригайла, недавно примкнувшій къ гуситамъ, князь Опавскій Вячеславъ [2]).

Неизвѣстно, какъ и чѣмъ кончились эти переговоры между Швитригайломъ и Чехами; но еще въ 1433 г. Таборы, именно ихъ гейтманъ Бедрихъ (Фридрихъ) изъ Стражницы, заявляли желаніе помогать скорѣе Швитригайлу, чѣмъ Владиславу [3]).

Такимъ образомъ, съ одной стороны, Чехи являются помощниками Польши и Литвы, а съ другой—государи этихъ земель обѣщаютъ и

---

[1]) Списки этихъ писемъ прислалъ король Владиславъ императору Сигизмунду (Raczyński Cod. dipl. Lithvan. 351), а тотъ — прусскому магистру. Письма напечатаны въ Časopise Česk. Mus. 1831, 280. Языкъ въ нихъ чистъ съ незначительными отклоненіями. Приведемъ здѣсь письмо Швитригайла къ чешскимъ полководцамъ (нынѣшнимъ правописаніемъ):

Česnému knězi, knezu Prokopu, vyššému Kapitánu vojsky Táborskej, i také velmožným i sławným pánóm, panu Divušu Bořikovi, panu Paułu Sovinskèmu, panu Vilhelmu Kostce, podkomořemu českému, i panu Smiłovi Holickému, přitelom nasim miłým osobným bud dán.

Svidrigal z buože miłosti veliki knèz Litevský i Ruský etc. Naša, přiezeń (przen) napřed s priželskym pozdrovenìm. Česný Kneze a vielmožni i sławni pánové! Iakoz kněz Sigmunt, synovec náš, bratr váš, jest k nám posłał svého verného słuhu a dobře hodného panoši Mečka, taho lista ukazatele, dávajoece nám vědèti, kterak bijeste k nám osobno přiezni (przezny) byli s niemi, a kterak bijeste nám pomáhati chcieli na naše nepřetele, kdzež by nám toho pocřebie było. Z toho dėkujeme vašej miłosti vieliko i vysoko, ponėvaž my (me) také chceme s vámi zase přiezeń (przen) jmieti i vám pomáhati, kdzež vám bude potřebie. Protož prosìmy vašej miłosti, abyjeste tuto jistù přiezeň potverdili i posìlili, jakož byjeste najlépe umėli. Také prosìmy Vašej miłosti, abyjeste tomuto Mečkovi o všem ùpłné dověřili, což od nás s vàmi młuviti bude, jakož bychme sami s vašù miłosti młuvili.

Dán v Novėhradci v neděli po sv. Iiřem. A. D. etc. trecesimo primo. Подъ тѣмъ же самымъ числомъ Швитригайло писалъ о предлагаемой помощи Чеховъ и маршалу ордена (Коцебу: Свитригайло, 92). Съ чешскимъ языкомъ этой грамоты Швитригайла сравн. ниже приведенную русскую его грамоту.

[2]) Коцебу 104, 133.

[3]) Script. rer. siles. VI, 127.

Чехамъ свою помощь въ случаѣ нужды [1]). Но мало того. Уже тогда думали о возведенiи на чешскiй престолъ молодаго королевича Владислава, и довѣрiе обоихъ братьевъ, Владислава и Швитригайла, къ Чехамъ было такъ велико, что оба представляли свой споръ на рѣшенiе чешскаго сейма (1433 г.): Чехи являются посредниками и между Польшей и Литвой [2]).

Но прежде, чѣмъ это могло состояться, перемѣнилось положенiе дѣлъ и въ Чехiи, и въ Литвѣ. Вскорѣ послѣ того вспыхнула въ Чехiи внутренняя война, кончившаяся почти совершеннымъ истребленiемъ демократическихъ и воодушевленныхъ славянской взаимностью Сиротковъ и Таборовъ: изъ страшнаго сраженiя Липанскаго (30-го мая 1434 г.) вышли побѣдителями аристократическая партiя католиковъ и умѣренные гуситы-чашники, и признали, наконецъ, столь ненавистнаго Чехамъ императора Сигизмунда своимъ королемъ. Черезъ годъ послѣ Липанскаго сраженiя рѣшена была и судьба Швитригайла въ сраженiи у Вилкомiра на рѣкѣ Святой (1-го сентября 1435 г.). Войско Швитригайла состояло преимущественно изъ православныхъ Русскихъ (изъ Литвы) и изъ вспомогательныхъ полковъ татарскихъ, нѣмецкихъ и чешскихъ, или какъ выражаются литовско-русскiе литописцы, изъ „гостей Ракушанъ (Австрiйцевъ), Слезаковъ или Сляжанъ и Чеховъ“ [3]). Главнымъ вождемъ войска Швитригайла былъ князь Сигизмундъ Корыбутовичъ. Королевское войско польско-литовское одержало побѣду; Корыбутовичъ попалъ въ плѣнъ и здѣсь погибъ. Такъ кончилъ жизнь этотъ замѣчательный литовскiй князь, одинъ изъ ревностнѣйшихъ поборниковъ мысли о соединенiи государствъ Чешскаго, Польскаго и Литовско-русскаго [4]).

---

[1]) Чеховъ помогавшихъ Польшѣ боялся Швитригайло, какъ видно изъ письма Владислава къ нему 1432 г. (Raczyński Cod. dipl. Lith. 369).

[2]) По словамъ Прокопiя, — на соборѣ Базельскомъ (Палацкiй Ист. гусит. III, 96). Здѣсь и панъ Костка защищалъ короля Польскаго, «союзника Чеховъ» противъ клеветъ крестоносцевъ.

[3]) Изд. Даниловича 59, Попова 53, Нарбутта 47.

[4]) Отъ брата Сигизмунда Корыбутовича, Θеодора, производились литовско-русскiе князья Вишневецкiе и Збаражскiе. Кiевскiй митрополитъ Исаiя, обращаясь въ 1631 г. къ князю Iеремiи Вишневецкому, приводитъ въ числѣ его предковъ и «Жигмунта», который «для великой дѣлности рыцерской взятый былъ на королевство ческое», (Акты зап. Россiи IV, стр. 528). Польскiй поэтъ Твардовскiй, воспѣвая (1630 г.) посольство князя Христофора Збаражскаго въ Турцiю, тоже приводитъ въ числѣ его предковъ князя Сигизмунда Корыбутовича:

Послѣ сраженія Вилкомірскаго сдѣланы были опять попытки къ примиренію Швитригайла и Владислава, при посредничествѣ легатовъ Базельскаго собора и Чеховъ, которые заявили полную готовность къ тому. Императоръ Сигизмундъ обѣщалъ Швитригайлу всякую помощь съ своей стороны и со стороны воинственнаго народа Чешскаго, и отправилъ по этому поводу въ Литву своихъ пословъ, Мартинка изъ Баворова и Николая Брезинку (1436 г.). Чѣмъ все это кончилось — не извѣстно [1]).

3. Польская партія въ Чехіи, борьба ея съ австрійско-нѣмецкою партіей. — Юрій Подѣбрадскій и Казиміръ. — Восшествіе Ягайловичей на чешскій престолъ. — Польскіе гуситы.

Государственное соединеніе Чехіи и Польши хотя и не осуществилось, однако, осталось любимою мыслью національной чешской партіи, именно ревностныхъ гуситовъ всѣхъ сословій. Это и проявилось по смерти императора Сигизмунда (1437 г.). Католическо-аристократическая партія представила своимъ кандидатомъ Нѣмца, австрійскаго герцога Альбрехта. Но противъ этой кандидатуры заявила сильное сопротивленіе національная партія, которая не хотѣла и слышать объ избраніи чешскаго короля нѣмецкой крови. „Чехамъ слѣдовало бы беречься и всѣми силами остерегаться", восклицаетъ тогда одинъ чешскій патріотъ къ своимъ соотечественникамъ, „чтобъ они не подпали подъ правленіе чужаго народа, особенно же нѣмецкаго, ибо, какъ свидѣтельствуютъ чешскія лѣтописи, этотъ народъ есть наисвирѣпѣйшій къ пораженію народа Чешскаго и Славянскаго. Нѣмецъ принесетъ съ собою только истребленіе Чешскому и Славянскому народу. Чехи, если не могутъ имѣть государя изъ своего народа, должны подумать о другомъ Славянскомъ народѣ, должны искать себѣ государя Славянскаго народа, а Нѣмецкаго никакъ не принимать" [2]).

Stawzy Zygmunt na czeskie królestwo się sadzi,
Gdzie ozdobne z ochoczych chorgwie prowodzi.
Zkąd wiela sławny zwycięstw powróciwszy w domu
Tonie u Święty, z krwawego uchodzc pogromu». (Legacya ks. Kr. Zb., p. 5. Тотъ же самый князь Христофоръ заступался на сеймѣ 1627 г. за Славянъ, братъ его Юрій въ 1619 г.—за Чеховъ.

[1]) Сравн. письмо императора Сигизмунда Швитригайлу отъ 1-го февраля 1436. (Коцебу, 213; Daniłowicz: Skarbiec II, 166).

[2]) Krátké sebránie z Kronik českých (въ изд. Далимила Ганки 228, Палацкій Ист. гусит. III, 269. Еще въ 1429 г., когда Альбрехтъ владѣлъ Моравой, Чехи

Противники Альбрехта были особенно ревностные чашники, шляхтичи, города и остатки Таборовъ. Во главѣ ихъ паны—Гинекъ Птачекъ изъ Пиркштейна, Алешъ Голицкій изъ Штернберга, Юрій изъ Подѣбрадъ, Костка, Змерзлики, Борьки, гейтманъ Таборовъ Бедрихъ и другіе. Они, соображая, что „Нѣмцы всегда были и суть главными врагами народа Чешскаго, Польскаго и всего Славянскаго, и что избраніе нѣмецкаго государя въ чешскіе короли было-бъ и въ настоящемъ, и въ будущемъ величайшимъ зломъ не только Чешскому народу, но и всему Славянскому", обратили свое вниманіе на сосѣднее славянское государство, Польшу [1]). Когда, въ день избранія короля (27-го декабря), большинство голосовъ высказалось за Альбрехта, то партія Птачка вышла изъ сейма и стала агитировать во всей землѣ въ пользу короля Польскаго, который заявилъ уже желаніе принять чешскую корону и сносился съ своею партіей въ Чехіи [2]). Въ мартѣ 1438 г. отправлены были въ Краковъ чешскіе послы, предлагавшіе, неизвѣстно по какимъ причинамъ, чешскую корону не самому королю Владиславу, а младшему его брату Казиміру. Польскій сеймъ въ Корчинѣ, большинствомъ голосовъ, рѣшилъ принять предлагаемую корону чешскую. Великій князь Литовскій Сигизмундъ и большинство свѣтскихъ вельможъ защищали особенно противъ епископовъ, во главѣ которыхъ былъ старый врагъ чешскихъ еретиковъ, Збигнѣвъ Олешницкій, мнѣніе, что интересы Польши не позволяютъ, чтобы три короны римская, угорская и чешская соединены были на головѣ опаснаго Польшѣ Нѣмца. Казиміръ принялъ чешскую корону, между прочимъ, „изъ сожалѣнія къ бѣдствіямъ Чешскаго королевства одного съ польскимъ языка" [3]).

Напрасно Альбрехтъ старался склонить короля Владислава, чтобъ онъ не позволялъ своему брату принять чешскую корону. Польскій король отклонилъ отъ себя всѣ такія представленія, указывая, между прочимъ, и на то, что у Казиміра, избраннаго въ чешскіе короли, нельзя отнимать этого права, ибо „Поляки и Чехи—народы одного языка и одного происхожденія, между тѣмъ, какъ у нихъ обоихъ съ Нѣмцами нѣтъ ничего общаго" [4]).

требовали отъ короля Сигизмунда — поручить эту землю «пану или князю языка чешскаго или славянскаго» (Палацкій II, 319).

[1]) Staří letopisové češti, 106.

[2]) Сравн. особенно письма Альша Голицкаго 1438 г. въ сборникѣ Archiv český II, 4.

[3]) Длугошъ I, 700, 712.

[4]) Dogiel, Codex dipl. reg. Polon. I, № 10; Dlugoss I, 702.

На помощь польской партіи послано было въ Чехію 4000 войска подъ начальствомъ воеводъ—познанскаго Сендзивоя (Судивоя) изъ Остророга и сандомірскаго Іоанна изъ Тэнчина. Они соединились съ Таборами и съ отрядами другихъ пановъ и городовъ польской партіи и выступили къ Табору, находя вездѣ большія симпатіи въ народѣ. Противъ соединенныхъ Чеховъ и Поляковъ Альбрехтъ призвалъ всю Германію на помощь. Онъ указывалъ на то, что еще недавно было достаточно дѣла съ одними Чехами; если же теперь Чехи соединятся съ Поляками, то угрожаетъ большая опасность святой римской имперіи и всему Нѣмецкому народу [1]).

Главнымъ центромъ военныхъ дѣйствій австрійской и польской партій былъ Таборъ. Война стала принимать болѣе обширные размѣры, когда самъ король Владиславъ вторгнулся въ Силезію, гдѣ князья Опольскіе, Глоговскій, Ратиборскій и Опавскій признали Казиміра королемъ Чешскимъ. Но стараніемъ папы и Базельскаго собора удалось, наконецъ, заключить перемиріе межбу Альбрехтомъ и Владиславомъ (1439 г.) [2]).

Послѣ скоропостижной смерти Альбрехта (1439 г.), Чехи, по неизвѣстнымъ причинамъ, уже сами перестали усердствовать въ пользу польскаго кандидата. Только Таборы и нѣкоторые города и шляхтичи старались еще объ избраніи Казиміра или самого короля Владислава, уже напрасно [3]). Но не смотря на избраніе Альбрехта баварскаго большинствомъ избирателей, партія польская, и во главѣ ея Таборскіе и Іоаннъ Колда изъ Жампаха, Бедрихъ изъ Стражницы, Бенешъ Мокровусскій, Іоаннъ Гертвикъ изъ Русинова, не переставали дѣйствовать въ пользу Владислава и возставать противъ „Нѣмцевъ“ и ихъ друзей. Гертвикъ, гейтманъ Чаславскаго края, и Колда прямо назывались „слугами короля польскаго“; Колда сносился съ Краковскимъ кастеляномъ Іоанномъ изъ Чижева и съ воеводой Іоанномъ изъ Тэнчина. Таборы изъявляли желаніе, чтобы чешскій король былъ того языка, который бы Чехи понимали, обѣщали помочь Колдѣ, слугѣ короля польскаго, и предоставляли рѣшить всѣмъ любителямъ „чешскаго и славянскаго языка“, кто старается о возвышеніи Чешскаго народа, ихъ ли партія, или тѣ, которые хотятъ помогать чужеземцамъ и вводятъ въ землю Нѣмцевъ [4]). Польская партія по-

---

[1]) Письмо Альбрехта городу Франкфурту, у Палацкаго Ист. гусит. III, 291.

[2]) Сравн. объ этомъ Палацкаго III, 291; Dogiel I, № 9.

[3]) Palacký Dějiny nár. česk. IV, I, p. 5, 14, 29, 31.

[4]) Сравн. письма 1441—1443 гг. въ сб. Archiv Český I, 366, 369, 380. Письмо

могала и Владиславу въ Угріи: именно въ его службѣ были здѣсь Іоаннъ Чапекъ изъ Санъ и самъ Колда (1442—1443 гг.) [1]).

Взаимныя симпатіи между Чехами и Поляками проявились особенно во время національнаго короля чешскаго Юрія Подѣбрадскаго (1457—1471 г.). Юрій, въ началѣ своего царствованія, всячески старался заключить съ королемъ Казиміромъ, съ своимъ „братомъ", дружескій союзъ, зная, что никакой другой союзъ не принесетъ Чехамъ такихъ выгодъ, какъ союзъ съ Польшею. Поэтому между королевствами Чешскимъ и Польскимъ нѣсколько разъ заключались союзы и договоры о вѣчной дружбѣ и братствѣ обоихъ государствъ и возобновлялись древніе, тому подобные, трактаты [2]). Во время личнаго свиданія съ Казиміромъ въ Глоговѣ (1462 г.), Юрій увѣщевалъ польскаго короля подумать о чести и древности ихъ народа и помочь ему противъ папы и Нѣмцевъ, такъ какъ и они Польшѣ, ради Пруссіи, сдѣлали много стыда и вреда [3]). И Казиміръ показалъ свою дружбу Юрію, когда тотъ, какъ „еретикъ", приговоромъ папы лишенъ былъ чешской короны. Папа предлагалъ тогда чешскую корону Казиміру (1466 года), особенно потому, что и Чешское королевство почти одного языка и народа съ польскимъ. Тогда и возставшіе противъ своего короля чешскіе аристократы-католики обратили свое вниманіе на польскаго короля, „такъ какъ у Чеховъ и у Поляковъ почти одинаковый языкъ", и призывая Казиміра на чешскій столъ (1467 г.), просили его между прочимъ—не позволять, чтобъ „еретикъ" господство-

---

Колды (лат.) Іоанну изъ Чижева въ архивѣ чешск. музея. Таборскія общины (Таборъ, Жатецъ, Песекъ, Клатовы) называютъ еще въ 1443 г. Владислава польскаго своимъ господиномъ (domino nostro Poloniae, Ungariae etc. regi adhaerentibus, хроника Николая изъ Пельгримова. Script. rer. hussit. II, 737).

[1]) Чапекъ называетъ еще въ 1449 г. короля Казиміра своимъ господиномъ; въ этомъ году (8-го октября) онъ, князь Тѣшинскій Болекъ (Болеславъ) и Николай Маршалекъ изъ Дубовца примиряли въ Освѣтимѣ короля Казиміра съ Николаемъ изъ Владѣнина. Въ 1442 г. Бочекъ изъ Позорицъ и Драготуша принялъ отъ короля Владислава часть долга за Чапка изъ Санъ (ze Sahan) и Прибика изъ Кленоваго (Грамоты, писанныя по чешски, въ главномъ архивѣ Варшавскомъ). О Колдѣ см. ниже.

[2]) Сравн. Dogiel: Cod. dipl. Pol. I. №№ 17—19; Palacký: Urkundliche Beiträge zur Gesch. Böhmens im Zeitalter Georg v. Poděbrad, 367, 460, 474, и др. (Fontes rer. austr., XX).

[3]) Eschenloer (современный писарь Вратиславскій)—Geschichte Breslau's, ed. Kunisch, I, 189. Сравн. Палацкаго Ист. чешск. нар. IV, 2, 180.

валъ въ „королевствѣ славянскаго рода“ [1]). Казиміръ, однако, не только не принялъ предлагаемой ему съ обѣихъ сторонъ чешской короны, но и старался примирить Юрія и съ возставшими панами, и съ папой и исполнить, такимъ образомъ, желаніе чешскаго короля „не допускать гибели и разоренія королевства дружественнаго и одного съ нимъ языка славянскаго“ [2]). Поэтому Казиміръ, „глубоко жалѣя о гибели славнаго чешскаго королевства и природнаго языка славянскаго“, отправилъ въ Чехію своихъ пословъ, Станислава изъ Острога воеводу Калишскаго, Якова изъ Дубна, старосту Краковскаго и Іоанна Длугоша. Польскимъ посламъ, послѣ продолжительныхъ переговоровъ, удалось наконецъ заключить по крайней мѣрѣ перемиріе между королемъ и возставшими панами (1468 г.). Юрій согласился на это единственно изъ особенной любви къ королю Казиміру и съ глубокою благодарностью признавалъ усиліе „милѣйшаго своего брата“ о водвореніи спокойствія въ нашемъ Славянскомъ народѣ [3]).

Польское посредничество является и въ войнѣ между Юріемъ и королемъ Матвѣемъ Угорскимъ. И тогда тѣ же самые послы короля польскаго старались прекратить вражду между Чехіей и Угріей, но напрасно. Дружескія сношенія между Чехіей и Польшей не прекращались, и Юрій уже тогда (1468 г.) давалъ Казиміру надежду на избраніе одного изъ его сыновей въ чешскіе короли [4]).

Въ Польшѣ повторялось тогда тоже, что было нѣсколько десятилѣтій тому назадъ во время гуситскаго движенія. Національныя симпатіи привлекали Поляковъ и ихъ короля къ славянскимъ ихъ брать-

---

[1]) Scriptores rer. hussit. III, 225; Длугошъ II, 394, 405. Сравн. Dogiel I. № 17, 18; Niemcewicz: Zbiór pamiętników I, 364.

[2]) Длугошъ II, 435.

[3]) Archiv český IV, 147—164; Urkundliche Beiträge, 496. Сравн. Палацкаго Ист. чешск. нар. IV, 2, 415. Дипломатическимъ языкомъ въ этихъ переговорахъ былъ, кромѣ латинскаго, и языкъ чешскій (сравн. особенно Archiv český IV, 160). Какъ здѣсь чешскій король охотно принимаетъ посредничество польскаго короля и его пословъ, такъ равнымъ образомъ нѣсколько лѣтъ назадъ (1454) Казиміръ объявилъ, что онъ въ спорѣ съ нѣмецкими рыцарями пріиметъ посредничество чешскаго короля, но только съ тѣмъ условіемъ, что въ этомъ дѣлѣ слышенъ будетъ совѣтъ однихъ только Чеховъ съ исключеніемъ нѣмецкихъ совѣтниковъ (Длугошъ II, 163). Такъ и позже (1465—1466) послы чешскаго короля посредничали между королемъ Казиміромъ и Олешницкимъ княземъ Конрадомъ и его женою въ дѣлѣ Мазовіи и (Червоной) Руси (Грамоты въ главн. архивѣ Варшавы).

[4]) Палацкій Ист. чешск. нар. IV, 2, 468, 474.

мъ; но съ другой стороны, этимъ симпатіямъ немало мѣшали религіозныя антипатіи и проклятія высшаго католическаго духовенства, ратовавшаго противъ всякаго общенія съ чешскими „еретиками". Но національныя симпатіи оказывались все-таки сильнѣе. По словамъ одного свѣдущаго современника, „Поляки не ненавидятъ Чеховъ, и оба они, будучи одного языка, не допустятъ гибели другъ друга. Ересь ихъ никакъ не раздѣляетъ. Правда, Поляки расположены къ папѣ болѣе, чѣмъ Чехи; но еслибы не было въ Польшѣ сопротивленія со стороны знатныхъ прелатовъ и ихъ друзей, то христіанское послушаніе было бы въ Польшѣ рѣже, чѣмъ въ Чехіи. Боже сохрани", восклицаетъ этотъ Нѣмецъ, — „чтобы соединились въ ереси Чехія и Польша!" [1]).

На эти взаимныя симпатіи Поляковъ и Чеховъ жалуется самъ легатъ папы, епископъ Лавантскій Рудольфъ. Когда онъ, въ началѣ 1468 года, предлагалъ чешскую корону маркграфу бранденбургскому Фридриху, то указывалъ ему на опасность въ случаѣ принятія этой короны польскимъ королемъ: польскіе прелаты и вельможи убѣждены въ правѣ польской короны на Новую Марку. Это право они намѣрены проявить послѣ того, какъ король пріобрѣтетъ Чехію. Поэтому Польша находится съ обѣими партіями въ Чехіи въ дружескихъ сношеніяхъ. Въ случаѣ, если Юрій умретъ, или откажется отъ своей короны, то она, вѣроятно, достанется Казиміру или его сыну, а тогда Польша возьметъ не только Марку, но и Австрію, и другія земли. Если еретическая Чехія достанется Польшѣ, то надо опасаться, что еретичество не уменьшится, а скорѣе умножится, къ великому стыду христіанства. Польскіе священники долго благопріятствовали ереси, многіе польскіе вельможи и шляхта ею отравлены, и многіе еретическіе священники въ Чехіи—Поляки [2]).

Избраніе короля Матвѣя чешскимъ королемъ со стороны чешскихъ мятежниковъ ускорило и избраніе польскаго королевича Владислава наслѣдникомъ чешскаго трона. Это и сбылось еще при жизни Юрія, и по его вліянію на сеймѣ Пражскомъ (въ іюнѣ 1469 г.). Польскій король принялъ это предложеніе, и національная партія на сеймѣ Петрковскомъ была за тѣснѣйшій союзъ съ Чехами [3]). Дѣла чешскія сдѣ-

[1]) Eschenloer, нѣм. изд. Куниша II, 89, латин. въ Script. rer. siles. VII, 148.

[2]) См. Droysen, Geschichte der preuss. Politik II, 1, p. 343. Кромѣ священниковъ, были въ Чехіи и разные польскіе ремесленники, челядь и пр. (Сравн. Staří letop. češti, 172).

[3]) Присутствовавшій тогда въ Петрковѣ нѣмецкій магистръ совѣтовалъ не

лались, такимъ образомъ, дѣломъ польскаго королевскаго дом
Польша должна была, наконецъ, явно выступить въ пользу Че
„Поляки", пишетъ современникъ, „никакъ не хотятъ бросить ере
и оставить чешское королевство въ рукахъ угорскаго короля" [1])

По смерти Юрія Подѣбрадскаго (1471 г.), на избирательномъ с
въ Кутной Горѣ Чехи, большинствомъ голосовъ, выбрали польс
королевича Владислава своимъ королемъ (27-го мая). Посолъ
скаго короля, Добеславъ изъ Курозвэнкъ, кастелянъ Люблин
(„панъ Любельчикъ"), между прочимъ, припомнилъ собравшимс
сеймѣ чешскимъ чинамъ одинаковое происхожденіе Чеховъ и П
ковъ, долговѣчную и столь часто доказанную взаимную ихъ люб
такъ что никто и не помнитъ, чтобъ они когда-нибудь другъ съ
гомъ ссорились и воевали. Онъ указывалъ дальше и на вѣрную дру
между Казиміромъ и Юріемъ, изъ которыхъ первый искренно и
ленно старался прекратить всѣ постигшія Чехію бѣдствія, второй
самъ желалъ имѣть наслѣдникомъ польскаго королевича Владислав

Чешское посольство, во главѣ его панъ Цтиборъ изъ Цимбу
гейтманъ (намѣстникъ) Моравскій, было принято въ Краковѣ то
ственно. Владиславъ принялъ предлагаемыя условія, и въ присутс
польскихъ пановъ и чешскихъ пословъ былъ провозглашенъ ч
скимъ королемъ. Свою рѣчь къ чешскимъ посламъ держалъ онъ
польскомъ языкѣ. И Чехи, и Поляки видѣли въ избраніи польс
королевича возвышеніе „славы языка славянскаго", особенно
отношеніи къ другому претенденту чешской короны, королю
вѣю [3]).

На помощь новому королю чешскому вмѣшался въ чешско-у

принимать условія, чтобы польскій король обязался помогать чешскому про
всѣхъ его враговъ. (Voigt: Gesch. Preuss. IX, 25).

[1]) Eschenloer (Script. rer. siles. VII, 227). Палацкій IV, 2, 516, 537, 57

[2]) Подробности объ избраніи Владислава у Палацкаго V, 1. Отрывокъ
пана Любельчика (по Ватиканск. рукописи) сообщаетъ Gołębiowski: Dzieje
skii za panow Kazimierza, 268. Король Казиміръ вознаградилъ позже пана
слава за его услуги и путешествіе: «Bohemiam versus in nostris et reipub
necessitatibus» (28-го янв. 1487 г., грамота въ гл. архивѣ Варшавскомъ).

[3]) Длугошъ II, 167; Archiv český, IV, 455; Dobner: Monum. Boem. hi
II, 433; Палацкій V, 1, 33. Разные документы, касающіеся избранія В
слава, см. въ сб. Archiv český IV, 444—456, VI, 78. Сравн. также Dogiel—
dipl. Polon. I, № 20; здѣсь въ числѣ условій избранія приводится на вто
мѣстѣ, чтобы въ чешскомъ королевствѣ во всей публичной жизни употребл
одинъ только «языкъ славянскій».

скую войну и король Казиміръ, но не былъ уже въ состояніи соединить всѣ земли чешской короны подъ скипетръ своего сына. Только по смерти короля Матвѣя, удалось Владиславу не только возстановить цѣлость чешской короны, но и присоединить къ ней корону угорскую.

Чешское государство соединено съ польско-литовскимъ посредствомъ только одной династіи — Ягайловичей. Въ интересѣ Чеховъ и всего Славянства надо сожалѣть, что не исполнилось желаніе нѣкоторыхъ Чеховъ, заявленное въ 1471 году, чтобы чешская корона засіяла на головѣ самого короля польскаго и великаго князя литовскаго и русскаго Казиміра. Такая федерація славянскихъ народовъ — чешскаго, польскаго и литовско-русскаго, придала бы совершенно другой характеръ исторіи средней и юго-восточной Европы [1]).

Вслѣдствіе вступленія Ягайловичей на чешскій тронъ, государства чешское, польское и литовское вошли въ болѣе близкія сношенія. Всѣ эти государства, управляемыя родомъ Ягайла, считались будто однимъ цѣлымъ, особенно относительно внѣшнихъ враговъ. Такая солидарность интересовъ обнаружилась, напримѣръ, въ войнѣ князей литовскаго и Московскаго (1501 г.). Александръ литовскій тогда прямо вызывалъ короля угорскаго и чешскаго Владислава, чтобъ онъ подалъ ему помощь, во имя родства и братской любви, противъ Ивана Московскаго. Послы же королей польскаго и угорско-чешскаго въ Москвѣ всячески старались о примиреніи обоихъ сосѣднихъ государей, и въ случаѣ отказа, угрожали Ивану и войною со стороны своихъ королей, которые считали своимъ долгомъ помогать своему „брату и княжеству литовскому, откуда сами вышли, и гдѣ начался ихъ родъ“ [2]).

Особенно тѣсныя сношенія между Чехами и Поляками завязались при королѣ Сигизмундѣ I, опекунѣ молодаго короля чешскаго Людовика. Чехи любили Сигизмунда и прямо требовали отъ него, „чтобъ

---

[1]) Замѣтимъ здѣсь, что стѣнной портретъ короля Казиміра находится, въ числѣ разныхъ произведеній живописи 1479 года, въ древнемъ замкѣ въ Пискѣ, городѣ южной Чехіи.

[2]) Акты Западн. Россіи I, №№ 186, 187, 188. Посолъ Владислава въ Москвѣ называется «Матіяшъ Чежелитскій, королевскій постельничій», вѣроятно, изъ чешскаго рода владыкъ изъ Чечелицъ, члены котораго упоминаются въ XIII—XVI вѣкахъ. Интересно, что въ рѣчи его, по русски приведенной, Владиславъ называется всегда по чешски «краль, кралевское величество», а не «кроль, король».

онъ, какъ Полякъ, заботился о чешскомъ королевствѣ подъ польскимъ родомъ", и часто говорили ему о своихъ дѣлахъ и просили его совѣтовъ. Сигизмундъ, признавая „искреннюю любовь и уваженіе" Чеховъ къ своей особѣ, часто обращаетъ вниманіе на дѣла въ сосѣднемъ чешскомъ государствѣ. Успѣхи и побѣды польскаго короля Чехи нерѣдко считали своими собственными и радовались имъ. Когда Сигизмундъ началъ войну съ Альбрехтомъ прусскимъ (1520), то король чешскій Людовикъ строго запретилъ вербовку воиновъ въ Чехіи и въ Моравѣ въ пользу Альбрехта, предоставляя это, въ случаѣ нужды, самому королю польскому. Этою войною любимаго короля Сигизмунда съ Нѣмцами очень интересуется одинъ изъ знаменитѣйшихъ пановъ чешскихъ, Вилемъ изъ Перништейна, желая ему всевозможныхъ успѣховъ противъ враговъ „нашего языка" [1]).

Такимъ образомъ осуществилось, хотя и не вполнѣ, давнее желаніе чешской національной партіи увидѣть корону св. Вячеслава на головѣ „славянскаго" государя королевской крови польской. Что это не случилось раньше и болѣе тѣснымъ образомъ, что Чехія и Польша не сдѣлались однимъ государствомъ, это произошло преимущественно отъ того, что гуситское движеніе не распространилось у Поляковъ въ такой силѣ, какъ у Чеховъ. Благодаря усилію польскаго духовенства, которое всячески старалось удалить отъ Польши „еретическую заразу", Поляки и ихъ государи безпрестанно удерживались отъ болѣе тѣснаго союза съ проклинаемыми своими чешскими братьями, къ которымъ ихъ однако привлекали живѣйшія національныя симпатіи.

Но не смотря на всѣ строжайшія мѣры, гуситство проложило себѣ все-таки путь и въ Польшу. Еще на Констанцскомъ соборѣ самъ импе-

[1]) Множество письменныхъ памятниковъ по чешскимъ дѣламъ во время Сигизмунда находится въ Acta Tomiciana (сравн. IV, 197, V, 110, 155, 235 и др.). Письмо Перништейна въ сб. Archiv český II, 142. Сравн. Палацкаго Ист. чешск. нар. V (1, 2, періодъ чешскихъ Ягайловичей). Чехи въ сношеніяхъ съ Сигизмундомъ и съ другими Поляками употребляли, кромѣ обыкновеннаго языка латинскаго, и чешскій языкъ: такъ, напримѣръ, по чешски пишутъ Вилемъ изъ Перништейна Сигизмунду и тѣшинскому князю Казиміру (Archiv Český I, II), панъ Генрихъ изъ Розенберга Сигизмунду (Палацкій, Ист. чешск. нар. V, 2, 300); братья изъ Вербна на Бруцталѣ заключаютъ извѣстный договоръ съ Сигизмундомъ по-чешски (1515, грамота въ гл. архивѣ Варшавск.), и пр. Не забудемъ, что Сигизмундъ, въ началѣ XVI вѣка, былъ королевскимъ намѣстникомъ въ Силезіи, и что секретарь короля Владислава, Процекъ Малый изъ Цетни, по смерти его, вступилъ въ службу польскаго короля.

аторъ Сигизмундъ заявилъ, что и въ Польшѣ есть приверженцы гуситства; на то же самое жалуется и король Владиславъ, и сеймъ, собравшійся ъ новомъ мѣстѣ — Корчинѣ (1423 г.). Да, польскіе епископы вынуждены были строго смотрѣть за подвластнымъ себѣ духовенствомъ, опасаясь въ его рядахъ встрѣчать „приверженцевъ и защитниковъ еретической злобы Іоанна Гуса“; папы и ихъ легаты жалуются, что гуситская ересь заражаетъ и Поляковъ, и еще въ 1454 году назначенъ былъ въ епархіяхъ Великой Польши особый inquisitor haereticae pravitatis. Сами Чехи въ 1435 году вступаются за гуситовъ въ Польшѣ. Въ числѣ приверженцевъ гуситства въ Польшѣ извѣстны особенно паны Спытекъ Мельштынскій, Авраамъ Збонскій и Остророги. Во мнѣніяхъ и взглядахъ славнаго Іоанна Остророга о взаимныхъ отношеніяхъ государства и церкви замѣтно вліяніе новыхъ гуситскихъ идей [1]).

Изъ польскихъ духовныхъ лицъ, приверженцевъ Виклефа и Гуса, извѣстенъ особенно Андрей Галка изъ Добчина (около 1449 г.), который, по поводу этихъ мнѣній, долженъ былъ оставить Польшу и уйти въ Силезію [2]). Польскаго происхожденія былъ и гуситскій священникъ Пражскій Михаилъ, называемый Полякомъ († 1480 г.), изъ шляхетскаго рода Чемовскаго въ Великой Польшѣ. Присоединившись къ гуситамъ, онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ и любовію у Пражанъ; онъ дѣйствовалъ и въ пользу избранія Владислава въ чешскіе короли [3]).

Любопытно, что польское духовенство хотя и ратовало всячески противъ чешскихъ еретиковъ, но все-таки не забывало, что эти еретики одного съ Поляками происхожденія славянскаго. Самый рьяный противникъ гуситовъ, Збигнѣвъ Олешницкій, епископъ Краковскій, еще при концѣ своей жизни мечталъ о возвращеніи своихъ славянскихъ братьевъ, Чеховъ, въ лоно католической церкви. Приглашая извѣст-

---

[1]) Сравн. его знаменитое Monumentum pro reipublicae ordinatione congestum (1459 г.), въ журналѣ Roczniki towarzystwa przyjacioł nauk Poznań. I, 269. Остророгъ рѣзко нападаетъ на излишнюю покорность папѣ, на аннаты, на разныя злоупотребленія въ церкви, на симонію, индульгенція и пр.

[2]) Wiszniewski, Hist. lit. pol. III, 224, 425 (польская пѣснь Галки въ честь Виклефа). Въ 1451 году упоминается въ Таборѣ польскій священникъ Іоаннъ Галетъ, недавно бѣжавшій изъ Польши (Палацкій, Ист. чешск. нар. IV, 1, 401),— неужели Галка?

[3]) Палацкій, Ист. чешск. нар. V, 1, 201; Staři letopisové češti, 503; по нимъ же (221) Михаилъ «хотя и Полякъ, все-таки былъ усерднѣйшій (náramný) приверженецъ чаши Христовой».

наго миссіонера Капистрана изъ Моравы въ Польшу, онъ радуется прибытію „къ народамъ славянскаго языка“ и надѣется, что может-быть, удастся истребить ересь у Чеховъ—„благородной отр Славянъ“. „Если обратишь этотъ народъ“, кончаетъ Збигнѣвъ письмо (2-го августа 1451 г.),—„то обяжешь собою навсегда не то тотъ народъ, но и народы польскій, силезскій и славянскій; ибо по поводу единства языка, которымъ соединены съ Чехами, жаж их спасенія, какъ своего собственнаго“ [1]).

4. Чешскіе воины и чешское военное искусство въ Польшѣ и русскихъ земляхъ.

Чехи, издавна народъ воинственный [2]), въ теченіе гуситс войнъ сдѣлались первымъ военнымъ народомъ въ Европѣ. Жиж его преемники проложили военному дѣлу новый путь, создали но шую стратегію и военную науку. У Чеховъ учились потомъ вое другіе народы, пребывая въ ихъ рядахъ, или призывая ихъ к себѣ.

Мы видимъ въ теченіе XV вѣка въ разныхъ земляхъ средн восточной Европы чешскіе наемные полки, или какъ они обыкнов назывались, „роты“. Они воюютъ въ Угріи, въ Дунайскихъ зем юго-славянскихъ, въ Польшѣ и въ Литвѣ и въ сосѣднихъ зем нѣмецкихъ. О многихъ этихъ воинахъ можно повторить слова, к рыя написалъ одинъ чешскій поэтъ о знаменитомъ стратегѣ чешс второй половины XV вѣка, Вячеславѣ Волчкѣ изъ Ченова, что участвовалъ въ военныхъ предпріятіяхъ на Лабѣ, Дунаѣ, Вис Днѣпрѣ [3]).

Мы уже часто имѣли случай говорить о чешскихъ военныхъ о дахъ въ Польшѣ и о польскихъ и русскихъ войскахъ въ чешс земляхъ. Наемныя роты чешскія встрѣчаются на службѣ польс короля, особенно съ половины XV вѣка, въ долголѣтней его во съ нѣмецкими рыцарями. Такія же роты находились и на стор рыцарей, такъ что Чехи, служа чужимъ интересамъ, не разъ ср лись другъ съ другомъ. Въ числѣ чешскихъ гейтмановъ и ро стровъ, служившихъ въ Пруссіи королю польскому, былъ и выше

---

[1]) Письмо у Длугоша II, 75. Сравн. письмо Збигнѣва папѣ 1423 г. (Pal Urkundl. Beiträge zur Gesch. des Hussitenkrieges I, 283).

[2]) Уже Гельмольдъ (XII вѣка) пишетъ: Bohemia habet viros bellicosos.

[3]) Богуславъ изъ Лобковицъ (Палацкій IV, 1, 458).

мянутый панъ Колда изъ Жампаха (1455—1457 гг.), и кромѣ того, многіе другіе, Брѣзакъ изъ Бѣлой, Урбанъ изъ Старицы, Капунъ изъ Смирицъ, Ольдрихъ изъ Смолотелъ, Ковка изъ Собѣсукъ, Главачъ изъ Голедча, Іоаннъ изъ Ризенбурга, Іоаннъ Вальдштейнъ изъ Скалы, Чернинъ изъ Худеницъ, Еникъ изъ Мечкова, Прибикъ изъ Заградки, и другіе. Эти наемныя войска доставляли Казиміру много хлопотъ. Такъ какъ онъ часто былъ въ затруднительныхъ денежныхъ обстоятельствахъ и не могъ имъ платить, то они отказывались отъ военной службы и даже брались за оружіе. Такъ поступила (1457 г.) и рота Колды, и другіе ротмистры въ землѣ Освѣтимской [1]).

Чешскія роты встрѣчаются и дальше на славянскомъ востокѣ—въ Литвѣ и въ Русскихъ земляхъ [2]). Объ участіи такихъ военныхъ ротъ изъ Чехіи, Австріи и Силезіи въ сраженіи Вилкомірскомъ мы говорили уже выше. Въ походѣ Витовта противъ Пскова (1426 г.) находились и чешскіе полки [3]). Въ 1447 году одинъ моравскій панъ, имя котораго не извѣстно, отправился изъ Мазовіи съ 600 всадниковъ къ Новгородскому князю Юрію на помощь противъ Нѣмцевъ [4]). Чешскіе наемные воины часто встрѣчаются въ Литвѣ въ началѣ XVI вѣка. Когда въ 1500 году великій князь литовскій Александръ готовился къ войнѣ съ Московскою Русью, то нанималъ войско въ Польшѣ, Чехіи, Моравѣ, Силезіи и Германіи; главнымъ гейтманомъ этихъ „братьевъ“ были Чехъ Іоаннъ Черный и Полякъ Іоаннъ изъ Карнкова. Это наемное войско стояло подъ Смоленскомъ, и Черный, кромѣ того, вмѣстѣ съ Станиславомъ Глѣбовичемъ, вторгнулся и въ Псковскую землю [5]).

---

[1]) Объ этихъ чешскихъ ротахъ сравн. особенно разказъ Длугоша о прусской войнѣ; также Voigt: Gesch. Preuss. VIII и Палацкаго Ист. чешск. нар. IV, 1, 442. Множество квитанцій (1458—1480 гг.) польскихъ и чешскихъ ротмистровъ, служившихъ польскому королю, хранится въ главномъ Варшавскомъ архивѣ, нѣкоторыя въ архивѣ чешскаго музея. Большая часть писана по-латыни, нѣсколько по-чешски (объ этихъ см. ниже).

[2]) Благославъ въ своей чешской граматикѣ (333) приводитъ моравскую пословицу: «divná chasa, łotrovina Żmud, Litva—per contemtum quasi diceres Scythae, ut Scytharum colluvies», и объясняетъ Литву словомъ «čertovina». Не знаемъ, происходитъ ли это съ XV вѣка, или еще съ XIV вѣка, со временъ воеванія чешскаго короля Іоанна съ Литвой.

[3]) «Земля чешская, Чехи (Чахи)», въ Никоновск. лѣтоп. V, 92, Воскрес. лѣтоп., 93 (П. С. Р. Л., VIII).

[4]) Письмо нѣмецкаго магистра у Карамзина, Ист. Гос. Росс., V, прим. 316.

[5]) Сравн. хроники Бѣльскихъ, Мѣховиты, Стрыйковскаго, Быховца (изд. Нарбутта, 70) подъ 1500 г. Іоаннъ Черный, вѣроятно, тотъ же самый чешскій

11*

Въ 1513 году и Михаилъ Глинскій нанималъ воиновъ въ Германіи, Силезіи и Чехіи на службу къ великому князю Московскому Василію; въ числѣ этихъ наемниковъ упоминается и ротмистръ Чехъ Лата или Лада, мѣщанинъ Краковскій [1]). Въ 1517 году были чешскіе и моравскіе воины въ польско-литовскомъ войскѣ въ Сѣверской землѣ и въ Псковской землѣ подъ Опочкой; здѣсь потерпѣли они отъ Русскихъ пораженіе [2]). Такъ и въ 1520 году, въ войнѣ съ Альбрехтомъ прусскимъ, король Сигизмундъ нанималъ воиновъ и въ Чехіи. Въ войскѣ польскомъ было тогда нѣсколько тысячъ Чеховъ подъ ротмистрами Іоанномъ Жеротинскимъ, Вячеславомъ Пѣтипескимъ, Древичскимъ Змешкаломъ, Костелакомъ и др. [3]).

Такимъ образомъ чешскіе воины распространяли новое военное искусство и въ восточныхъ славянскихъ земляхъ. Кромѣ того, знакомили своихъ земляковъ съ новой стратегіею и пробывшіе въ чешскихъ войскахъ польскіе и русскіе воины. Въ ихъ числѣ былъ и знаменитый польско-литовскій полководецъ Николай Фирлей, который, по свидѣтельству Папроцкаго, проведши свою молодость въ чешскомъ войскѣ, ввелъ, или скорѣе, распространилъ въ Польшѣ, въ началѣ XVI вѣка, чешскій таборъ, то-есть, возовое укрѣпленіе [4]).

Военное искусство Чеховъ XVI вѣка проложило себѣ путь на востокъ и юго-востокъ Европы. Въ Польшѣ чешскіе полководцы или гейтманы были такъ обычны, что возникла даже и пословица „Полякъ—панъ, Чехъ—полководецъ (co Polak, to pan, co Czech, to het-

---

гейтманъ, который вмѣстѣ съ Самуиломъ Пражскимъ, въ 1469 г., опустошилъ Силезію (Длугошъ II, 448). Подъ названіемъ Черникъ, Чернякъ и «Cyrnus Bohemus, «Cyrne» онъ упоминается въ 1501—1502 гг. (Псковск. лѣт. въ П. С. Р. Л. IV, 275; Акты Западн. Россіи I, 273. Turgenev: Hist. Russ. Monum., Supplem. 319, 322, 327). «Jan Polák z Karnkova» былъ въ 1479 году гейтманомъ въ замкѣ Глубокой въ южной Чехіи (грамота въ архивѣ чешскаго музея).

[1]) Decius: De Jagellonum familia (Crac., 1521, 85); Wapowski (изд. 1589 г., 552); Stryjkowski (736).

[2]) «Чахи, Ляхи, Угрове, Мураве, Мазовшане, Волохи, Сербове». Псковск. лѣт. (П. С. Р. Л., IV, 291); Bielski Kron. Świata и Stryjkowski къ 1517 г.

[3]) Acta Tomiciana, V, 131, 157, 293. Какой-то военный начальникъ Лука Мораванинъ (Luca Moravus) упоминается въ 1509 году, въ сраженіи съ Татарами (Wapowski, 538). Какъ чешскіе воины нанимаются за польскія деньги, такъ и позже Чехи нанимали войска въ Польшѣ, особенно въ турецкія войны въ Угріи. Такъ, напримѣръ, чешскій сеймъ 1543 года постановляетъ, чтобы «гейтманъ нанялъ козаковъ изъ польскаго королевства».

[4]) Herby rycerstwa polskiego, 387.

man)", которая была извѣстна еще во второй половинѣ XVI вѣка [1]).

Въ искусныхъ чешскихъ воинахъ нуждались, особенно въ важномъ въ то время устройствѣ боевыхъ возовъ или табора, какъ его усовершенствовали Жижка и его преемники. Уже въ войнѣ Поляковъ съ нѣмецкими рыцарями (1433), въ которой первымъ помогали чешскіе Сиротки, важную роль играло возовое укрѣпленіе [2]). Такъ было во всѣхъ войнахъ на славянскомъ востокѣ съ XV до XVII вѣка. Возовое укрѣпленіе или таборъ употребляли польскія и казацкія войска. Казацкій таборъ, какъ его описываетъ очевидецъ еще въ первой половинѣ XVII вѣка, вполнѣ соотвѣтствуетъ табору чешскихъ войскъ XV вѣка [3]).

Не можемъ здѣсь заняться подробнымъ описаніемъ боеваго порядка, употреблявшагося съ XV вѣка — по примѣру чешскаго [4]) — въ

---

[1]) Приводитъ ее Сарницкій: Księgi hetmańskie (рукопись, сравн. Czasopism naukowy im. Ossolińskich 1830, IV, 101).

[2]) Въ 1433 году (8-го февраля) силезскій князь Конрадъ предлагаетъ нѣмецкому магистру услуги двухъ Силезцевъ, которые «mit der wogenborg wol kunnen als yndert keyn Beheme», и извѣщаетъ его, что «was die Polan thun werden wieder uwer gnade, das werden sie mit der wagenborg thuen» (Script. rer. siles. VI, 121). И Бѣльскій (Kron. pol. 344) говоритъ, что въ этой войнѣ «przed wojskiem wszędzie wprzod chodzili Czechowie dla stawienia obozu».

[3]) Beauplan: Description d'Ukranie (1660 г., p. 47, пишетъ «tabort»). Происхожденіе слова «таборъ» темно; у Чеховъ оно встрѣчается уже въ Краледворской рукописи (Ярославъ), у Поляковъ и у Русскихъ съ XV вѣка. Длугошъ (I, 803), разсказывая о сраженіи подъ Варной (1444), пишетъ, что войско короля Владислава не устроило возовъ въ таборъ (more tabor). Поляки, впрочемъ, употребляли обыкновенно слово oboz, а Русскіе (казаки) таборъ. Встрѣчающійся въ древней Руси еще въ XIII вѣкѣ «товаръ» соотвѣтствуетъ новому «таборъ». Изображеніе польскаго обоза (въ сраженіи Обертынскомъ 1531 года) помѣстили Бѣльскіе въ своихъ хроникахъ. Значеніе табора видно, напримѣръ, въ войнахъ Поляковъ и казаковъ при Наливайкѣ 1596 года (Heidenstein: Rer. polon., 328 sq., Bielski Kron. polska, продолженіе, изд. Туровскаго, стр. 1750—1765), при Павлюкѣ, Остраницѣ и другихъ 1637 — 1638 г. (дневникъ Окольскаго, изд. Туровскаго, 50, 117), въ сраженіи Цецорскомъ съ Турками 1620 г. (Baliński: Studia histor. 255), и пр. Интересно сравнить отступленіе Наливайка на Украйнѣ и славный отступательный походъ Жижки изъ Угріи 1423 г. (Staři letop. česti, 57—61). Въ Московской Руси возовое укрѣпленіе называлось гуляй-городъ; употреблялось съ первой половины XVI вѣка (Карамзинъ, Ист. Гос. Росс., VII, прим. 302). Въ 1629 году одинъ попъ предложилъ царю Михаилу проектъ — устроить «походный городокъ, называемый Рѣдкодубъ», въ которомъ войско могло бы «держаться и укрываться, какъ въ настоящемъ неподвижномъ городѣ» (Соловьевъ, Ист. Россіи, IX, 389).

[4]) Сравн. Палацкаго Ист. гусит. II, 216, Časopis Česk. Mus. 1828, II; 1836, I.

восточной Европѣ, и укажемъ только на одно, для нашей цѣли наиболѣе интересное, обстоятельство. Польская военная терминологія XV и XVI вѣковъ перенята, по большей части, отъ Чеховъ, какъ она выработалась у нихъ въ теченіе долголѣтнихъ войнъ въ первой половинѣ XV вѣка. Нѣкоторыя нѣмецкія, или скорѣе, съ нѣмецкаго на чешскій ладъ передѣланныя, названія перешли въ польскій языкъ не прямо изъ нѣмецкаго языка, а уже чрезъ посредство Чеховъ[1]). Приведемъ здѣсь нѣсколько такихъ названій изъ военной польско-чешской терминологіи, собранныхъ нами изъ разныхъ памятниковъ XV и XVI вѣковъ[2]). Общее у Чеховъ названіе полководцевъ—гейтманъ (hejtman, hajtman) принято и у Поляковъ: hetman[3]); также и rotmistr (roty majstr), puškař. Раздѣленіе чешскихъ войскъ встрѣчаемъ и въ Польшѣ: húf (huf, uf — полкъ), šik — szyk (боевой строй), húfy spraviti, šikovati, — hufy sprawić, szykować, posiłci — posiłki, posileczne ufy, harkovník, harcovati — harcownik, harcować; jízdní, pěší — jezdni, pieszy, pravá, levá ruka—prawa, lewa ręka, hesło—hasło и др. Названія оружій: střelba—strzelba, děło—działo, puška, húfnice, tarasnice, hakovnice, ručnice — puszka, hufnica (ufnica), tarasnica, hakownica (działa polnij, uffny i terasny)[4]), ruczница (rusznica) и др. Боевые возы, ихъ устройство, ихъ названія одинаковы или похожи: такъ у Чеховъ встрѣчающіяся слова и выраженія: plac, brána, placní řady, krajní řady i vozy, krajní vozy v řadích, řád (šikovaných) vozuov, picní vozy, kładenie vozuov и др.—соотвѣтствуютъ польскимъ: plac (rynk), brana (такъ часто подлѣ brona), rynkowe rzędy, skrajne rzędy, rzędowe wozy, rząd obozowy, picne wosy, kładzenie obozu, и проч.

Изъ польскаго языка перешли нѣкоторыя изъ этихъ словъ и къ Русскимъ, особенно юго-западнымъ, напримѣръ, слова: гетманъ, рот-

---

[1]) Съ XV вѣка и Нѣмцы переняли нѣсколько чешскихъ словъ по военному дѣлу, напримѣръ, bizschaele, pisschulle, pischczale (pištala — пищаль), haufniz (haufnice), pafese (pavésa), kawle (kaule), possatke (posádka), и др.

[2]) Чешскія стратегическія сочиненія XV вѣка: Гайка изъ Годѣтина, Жижки, Волчка изъ Ченова (Výbor z liter. české, II); Staři letop. čeští, Archiv český и пр. Польскія стратегическія сочиненія XVI вѣка: М. Бѣльскаго (Sprawa rycerska 1569), гетмана Тарновскаго (Consilium rationis bellicae 1558, O orbonie Koronnéj 1579); Pamiętniki jańczara, Chwalczewski и др. Интересно, что въ военныхъ порядкахъ чешскомъ (Гайка), польскомъ (Тарновскаго) и западно-русскомъ (1507 и 1512 гг.) находится особая статья о покровительствѣ пчеламъ.

[3]) Кромѣ «hetman», встрѣчается и форма «heuthman» (Chwalczewzki, I, 109).

[4]) «Bombardae, quae tarasnicze seu huffnice vocantur», пишетъ король Сигизмундъ 1512 г. (Grabowski: Ojczyste spominki, I, 235).

мистръ, шихъ (šik), шиховати, гуфъ, стрѣльба, пушкарь, дѣло, пушка, пищаль, гаковница, ручница и друг. [1]).

5. Габсбурги — чешскіе короли.—Ихъ стремленіе къ овладѣнію Польшей.—Посольства чешскихъ пановъ въ Польшѣ.—Поляки и Чехи 1618—1620 годовъ.

Съ гибелью короля Людовика въ несчастномъ сраженіи Мохачскомъ (1526 г.), прекратилась польская династія Ягайловичей на чешскомъ престолѣ. Польскій король Сигизмундъ, предъявляя свои „права" на чешскій столъ по поводу родства, предлагалъ себя Чехамъ въ короли и просилъ чешскихъ министровъ дѣйствовать въ его пользу противъ его соперниковъ. Но Сигизмундъ вообще велъ дѣла такъ вяло и небрежно, что при выборахъ въ Чехіи даже не было и помину о какой-нибудь польской партіи. Съ другой стороны, сами Чехи давно забыли примѣръ своихъ предковъ, искавшихъ себѣ въ теченіе всего XV столѣтія государя „славянскаго", и единогласно выбрали въ короли Нѣмца, Фердинанда Габсбургскаго [2]).

На эту безпечность польскую, на неумѣніе короля Сигизмунда воспользоваться случаемъ и соединить съ короною польско-литовскою и короны чешскую и угорскую, жалуются сами Поляки позднѣйшихъ вѣковъ. Они прямо называютъ тогдашнее поведеніе Польши политическою ошибкой, такъ какъ Поляки, безъ всякаго сопротивленія, позволили, чтобы домъ австрійскій, „нѣмецкое племя, враждебное всему племени славянскому", завладѣлъ обоими народами, и умноживъ свою силу, сдѣлался опаснымъ для своихъ сосѣдей; между тѣмъ оба народа могли быть тогда присоединены къ Польшѣ, и такимъ образомъ, предохранены отъ онѣмеченія, и особенно „Чехи, которые принявъ къ себѣ нѣмецкія колоніи, нравы и языкъ, лишились и славянскаго происхожденія" [3]).

---

[1]) Сравн. литовскіе статуты и грамоты (Акты Зап. Россіи, Акты Зап. и Южной Россіи, и др.).

[2]) Письма Сигизмунда къ Чехамъ и Силезійцамъ у Догела (Cod. dipl. Polon. I. №№ 28—30), Acta Tomiciana VIII, 254, 264, Mosbach: Przyczynki do dziejów pol. 137. Тогда былъ распространенъ и слухъ, что Фердинандъ побуждалъ и великаго князя Московскаго противъ Сигизмунда, такъ чтобы тотъ не могъ помочь Людовику противъ Турокъ, «quo et facilius rex Ludovicus sic destitutus periret, et Ferdinandus Hungariam et Bohemiam, quod semper votis omnibus cupiebat hac data occasione invadere et occupare posset». (Turgenev: Hist. Russ. Monum. I, 132).

[3]) Andr. Max. Fredro. Gestorum populi poloni sub Henrico Valesio (Dantisci 1652, 202), Piasecki Chronic. (1645, 71).

Габсбурги, соединивъ короны угорскую и чешскую, старались позже завладѣть и упраздненнымъ послѣ Ягайловичей престоломъ польскимъ. Для достиженія этой цѣли, они задумали воспользоваться симпатіями Поляковъ къ подвластнымъ Чехамъ и поэтому отправляли въ Польшу своими посланниками особенно чешскихъ вельможъ.

По смерти Сигизмунда-Августа, императоръ Максимиліанъ старался объ избраніи себя или сына своего Эрнста въ польскіе короли. Кандидатура эта оказалась очень затруднительною: общественное мнѣніе въ Польшѣ было противъ избранія Нѣмца вообще и Габсбурга въ особенности. Противъ него ратовали публицисты и ораторы, ѣдко и жестко нападали на Нѣмцевъ, „народъ спѣсивый, ненавистный людямъ и богамъ, поносящій всѣ націи подъ солнцемъ, народъ-пьяницу. Съ такимъ народомъ у насъ никогда не можетъ быть согласія. И языку-то нашему скоро научится всякій чужеземецъ, кромѣ Нѣмца, и струны-то наши на лютнѣ не гармонируютъ съ нѣмецкими, и нашъ бѣлый орелъ не подходитъ къ черному“. Избраніе же Габсбурга значитъ вѣчныя войны съ Москвою, Турками и Татарами, „внутри же угнетеніе, насиліе, давленіе нашего языка, нашихъ законовъ и обычаевъ. Хотите знать — правда ли это, взгляните на Чеховъ. Долго ли устояли ихъ права при господствѣ Австріи? Забывъ Бога, стыдъ и свой долгъ, подтвержденный присягою, Габсбургъ тотчасъ же началъ искоренять ихъ законы, жечь ихъ привиллегіи, налагать на нихъ несносное иго, давать имъ новые законы по своей прихоти, унижать значеніе королевскаго совѣта. Бѣдняки очутились въ вѣчномъ рабствѣ у этого вѣроломнаго тирана и едва сохранили кожу, чуть не каждый годъ искупая свое достояніе несносными позорными податями“ [1]).

При такомъ положеніи дѣлъ, когда, по согласнымъ свидѣтельствамъ всѣхъ современниковъ, народъ „удивительно ненавидѣлъ Нѣмца и Австрійца“, явились въ Польшу два посла императорскихъ, чешскіе министры Вилемъ изъ Розенберга, наивысшій бургграфъ Пражскій,

---

[1]) Разныя современныя статьи по этому предмету собраны въ двухъ рукописяхъ XVII вѣка (въ университ. Варшавск. библіотекѣ №№ 394, 599); такія же статьи напечаталъ Broel-Plater (Zbiór pamiętnihów do dziejów polskich II, III), Noailles (Henri de Valois et la Pologne en 1572, III); сравн. также Трачевскаго: Польское Безкоролевье (242). О стремленіяхъ австрійскаго дома къ пріобрѣтенію польской короны см. особенно статью профессора *В. Томка*, пользовавшагося чешскими и австрійскими архивными документами (Časopi Česk. Mus. 1851, 1853, польскій переводъ въ Bibliotеca Warszawska 1857, IV).

и Вратиславъ изъ Пернштейна, наивысшій канцлеръ. Императоръ послалъ именно этихъ двухъ чешскихъ вельможъ, предполагая—какъ хорошо замѣчаетъ секретарь тогдашняго французскаго посла въ Польшѣ [1])—что они, по поводу сходнаго съ Поляками языка, будутъ ими болѣе благосклонно приняты и легче сойдутся съ ними. Первою заботой императорскихъ пословъ было разсѣять, или по крайней мѣрѣ, ослабить всеобщее подозрѣніе и негодованіе Поляковъ противъ Габсбурговъ. Поэтому они, прибывъ въ Польшу, стали защищать императора противъ непріязненныхъ для него слуховъ, будто онъ нарушалъ права Чеховъ, и указывали между прочимъ на то, что „въ Чехіи ни одинъ Нѣмецъ и чужеземецъ не можетъ себѣ купить имѣнія, ни отправлять должность, если не сдѣлался гражданиномъ"; наконецъ, просятъ пріязни Поляковъ „намъ, какъ посламъ его императорскаго величества, и кромѣ того, природнымъ Чехамъ, друзьямъ и братьямъ вашимъ, съ которыми имѣются издавна славные союзы и договоры королевствъ Чешскаго и Польскаго" [2]).

Вмѣстѣ съ послами императора прибыли въ Польшу и послы чешскихъ чиновъ, отправленные туда по порученію чешскаго сейма, Владиславъ Лобковичъ, Альбрехъ Капунъ изъ Свойкова и Андрей Зутеръ. На чешскомъ сеймѣ (1573 г. 28-го января), всѣ три чина королевства чешскаго внимательно соображали и припоминали себѣ, какъ чины и обыватели королевства польскаго всегда жили въ хорошей дружбѣ, любви, пріязни и братствѣ съ чинами и обывателями этого королевства и до сихъ поръ живутъ, и такъ какъ они очень желаютъ, чтобы чѣмъ дольше, тѣмъ большая дружба и любовь съ королевствомъ польскимъ продолжалась, и чтобъ оба королевства имѣли однихъ владѣтелей или родственныхъ другъ другу, то они постановили на сеймѣ отправить особыхъ пословъ къ предстоящему сейму польскому, съ уполномоченною грамотой и инструкціей подъ земскою печатью. Эти послы должны всячески стараться, чтобы чины Польскаго королевства

[1]) Choisnin (изд. Лондонск. 1789 г., 247). Также по Гейденштейну (Rer. polon. ab excessu Sigismundi Ang. libri XII), императоръ послалъ Чеховъ, «ob cognationem utriusque gentis gratiores futuros ratus» (ed. 1672 г. p. 12).

[2]) Письмо (польское) пословъ къ Малополянамъ 13-го октября 1572 г., инструкція аббату Циру 30-го октября (Noailles III, 191).—Авторъ политическаго стихотворенія «Rozmowa Lecha z Piastem», рекомендуя въ короли сына императора, замѣчаетъ, что сыновья послѣдняго «знаютъ чешскій языкъ, который мы понимаемъ», и что въ случаѣ избранія Габсбурга, Польша пріобрѣтетъ себѣ помощь Чеховъ, какъ это было при Казимірѣ и Сигизмундѣ, которые съ помощію Чеховъ и Силезійцевъ разбивали Пруссаковъ, и даже посылали ихъ подъ самую Опочку.

Габсбурги, соединивъ короны угорскую и чешскую, старались позже завладѣть и упраздненнымъ послѣ Ягайловичей престоломъ польскимъ. Для достиженія этой цѣли, они задумали воспользоваться симпатіями Поляковъ къ подвластнымъ Чехамъ и поэтому отправляли въ Польшу своими посланниками особенно чешскихъ вельможъ.

По смерти Сигизмунда-Августа, императоръ Максимиліанъ старался объ избраніи себя или сына своего Эрнста въ польскіе короли. Кандидатура эта оказалась очень затруднительною: общественное мнѣніе въ Польшѣ было противъ избранія Нѣмца вообще и Габсбурга въ особенности. Противъ него ратовали публицисты и ораторы, ѣдко и жестко нападали на Нѣмцевъ, „народъ спѣсивый, ненавистный людямъ и богамъ, поносящій всѣ націи подъ солнцемъ, народъ-пьяницу. Съ такимъ народомъ у насъ никогда не можетъ быть согласія. И языку-то нашему скоро научится всякій чужеземецъ, кромѣ Нѣмца, и струны-то наши на лютнѣ не гармонируютъ съ нѣмецкими, и нашъ бѣлый орелъ не подходитъ къ черному“. Избраніе же Габсбурга значитъ вѣчныя войны съ Москвою, Турками и Татарами, „внутри же угнетеніе, насиліе, давленіе нашего языка, нашихъ законовъ и обычаевъ. Хотите знать — правда ли это, взгляните на Чеховъ. Долго ли устояли ихъ права при господствѣ Австріи? Забывъ Бога, стыдъ и свой долгъ, подтвержденный присягою, Габсбургъ тотчасъ же началъ искоренять ихъ законы, жечь ихъ привиллегіи, налагать на нихъ несносное иго, давать имъ новые законы по своей прихоти, унижать значеніе королевскаго совѣта. Бѣдняки очутились въ вѣчномъ рабствѣ у этого вѣроломнаго тирана и едва сохранили кожу, чуть не каждый годъ искупая свое достояніе несносными позорными податями“ [1]).

При такомъ положеніи дѣлъ, когда, по согласнымъ свидѣтельствамъ всѣхъ современниковъ, народъ „удивительно ненавидѣлъ Нѣмца и Австрійца“, явились въ Польшу два посла императорскихъ, чешскіе министры Вилемъ изъ Розенберга, наивысшій бургграфъ Пражскій,

[1]) Разныя современныя статьи по этому предмету собраны въ двухъ рукописяхъ XVII вѣка (въ университ. Варшавск. библіотекѣ №№ 394, 599); такія же статьи напечатали Broel-Plater (Zbiór pamiętnihów do dziejów polskich II, III), Noailles (Henri de Valois et la Pologne en 1572, III); сравн. также Трачевскаго: Польское Безкоролевье (242). О стремленіяхъ австрійскаго дома къ пріобрѣтенію польской короны см. особенно статью профессора *В. Томка*, пользовавшагося чешскими и австрійскими архивными документами (Časopi Česk. Mus. 1851, 1853, польскій переводъ въ Biblioteca Warszawska 1857, IV).

и Вратиславъ изъ Перштейна, наивысшій канцлеръ. Императоръ послалъ именно этихъ двухъ чешскихъ вельможъ, предполагая—какъ хорошо замѣчаетъ секретарь тогдашняго французскаго посла въ Польшѣ [1])—что они, по поводу сходнаго съ Поляками языка, будутъ ими болѣе благосклонно приняты и легче сойдутся съ ними. Первою заботой императорскихъ пословъ было разсѣять, или по крайней мѣрѣ, ослабить всеобщее подозрѣніе и негодованіе Поляковъ противъ Габсбурговъ. Поэтому они, прибывъ въ Польшу, стали защищать императора противъ непріязненныхъ для него слуховъ, будто онъ нарушалъ права Чеховъ, и указывали между прочимъ на то, что „въ Чехіи ни одинъ Нѣмецъ и чужеземецъ не можетъ себѣ купить имѣнія, ни отправлять должность, если не сдѣлался гражданиномъ“; наконецъ, просятъ пріязни Поляковъ „намъ, какъ посламъ его императорскаго величества, и кромѣ того, природнымъ Чехамъ, друзьямъ и братьямъ вашимъ, съ которыми имѣются издавна славные союзы и договоры королевствъ Чешскаго и Польскаго“ [2]).

Вмѣстѣ съ послами императора прибыли въ Польшу и послы чешскихъ чиновъ, отправленные туда по порученію чешскаго сейма, Владиславъ Лобковичъ, Альбрехъ Капунъ изъ Свойкова и Андрей Зутеръ. На чешскомъ сеймѣ (1573 г. 28-го января), всѣ три чина королевства чешскаго внимательно соображали и припоминали себѣ, какъ чины и обыватели королевства польскаго всегда жили въ хорошей дружбѣ, любви, пріязни и братствѣ съ чинами и обывателями этого королевства и до сихъ поръ живутъ, и такъ какъ они очень желаютъ, чтобы чѣмъ дольше, тѣмъ большая дружба и любовь съ королевствомъ польскимъ продолжалась, и чтобъ оба королевства имѣли однихъ владѣтелей или родственныхъ другъ другу, то они постановили на сеймѣ отправить особыхъ пословъ къ предстоящему сейму польскому, съ уполномоченною грамотой и инструкціей подъ земскою печатью. Эти послы должны всячески стараться, чтобы чины Польскаго королевства

---

[1]) Choisnin (изд. Лондонск. 1789 г., 247). Также по Гейденштейну (Rer. polon. ab excessu Sigismundi Ang. libri XII), императоръ послалъ Чеховъ, «ob cognationem utriusque gentis gratiores futuros ratus» (ed. 1672 г. p. 12).

[2]) Письмо (польское) пословъ къ Малополянамъ 13-го октября 1572 г., инструкція аббату Циру 30-го октября (Noailles III, 191).—Авторъ политическаго стихотворенія «Rozmowa Lecha z Piastem», рекомендуя въ короли сына императора, замѣчаетъ, что сыновья послѣдняго «знаютъ чешскій языкъ, который мы понимаемъ», и что въ случаѣ избранія Габсбурга, Польша пріобрѣтетъ себѣ помощь Чеховъ, какъ это было при Казимірѣ и Сигизмундѣ, которые съ помощію Чеховъ и Силезійцевъ разбивали Пруссаковъ, и даже посылали ихъ подъ самую Опочку.

приняли въ свои государи и короли его императорское величество, какъ короля чешскаго, нашего всемилостивѣйшаго государя, или какого-нибудь изъ его наслѣдниковъ [1]).

На избирательномъ сеймѣ въ Варшавѣ, 9-го апрѣля 1573 года, Розенбергъ держалъ рѣчь на чешскомъ языкѣ, рекомендуя Полякамъ эрцгерцога Эрнста. Между прочимъ, онъ указывалъ и на то, что предлагаемый кандидатъ знаетъ чешскій языкъ, и что „польскій и чешскій народъ одного и того же происхожденія, и поэтому они сходны въ нравахъ, языкѣ и вообще во всѣхъ дѣлахъ и поведеніяхъ. Во всемъ томъ, по правдѣ, никакой другой народъ не подходитъ ближе къ польскому и никакимъ образомъ не можетъ съ нимъ сравниваться, какъ чешскій; оба они и теперь связаны взаимною любовью, такъ что хотя въ это время и находятся подъ управленіемъ разныхъ королей, но все-таки называютъ другъ друга братьями и считаются однимъ и тѣмъ же народомъ" [2]).

Подобно Розенбергу, и послы чешскихъ чиновъ вспомнили, что нѣтъ другихъ двухъ народовъ, которые происхожденіемъ, языкомъ, законами, учрежденіями и обычаями были бы другъ на друга такъ похожи, какъ польскій и чешскій; ихъ государства основаны двумя братьями при лучшихъ предзнаменованіяхъ, чѣмъ тѣ, которыя окружали дѣло Ромула и Рема. Оба народа и государства были соединены при королѣ Вячеславѣ II; при Владиславѣ Ягайлѣ и его потомкахъ жили они въ тѣснѣйшей дружбѣ, и по смерти короля Юрія Подѣбрадскаго Чехи обратились къ своимъ родственникамъ, друзьямъ и сосѣдямъ Полякамъ и избрали себѣ въ короли Владислава; ибо не трудно было владѣть Чехами королю, который воспитывался дома между Поляками — народомъ, съ Чехами почти во всемъ сходнымъ. Отъ дочери Владислава, Анны, происходитъ и императоръ и король Максимиліанъ; было бы желательно, чтобъ онъ сдѣлался королемъ поль-

[1]) Постановленія чешскаго сейма т. 2.

[2]) Рѣчь Розенберга въ латинскомъ переводѣ напечатана современною брошюрой (Legatio S. C. Maj. idiomate bohemico in castris habita), также у Гольдаста, Бальбина, Броэль-Плятера. Чешскій языкъ рѣчи Розенберга показался французскому послу, епископу Монлюку, важнымъ преимуществомъ; онъ, по словамъ его секретаря, находилъ «большое затрудненіе въ томъ обстоятельствѣ, что послы императора будутъ держать свою рѣчь на чешскомъ, польскому близкомъ, языкѣ и, такимъ образомъ, будутъ понимаемы всякимъ, между тѣмъ какъ онъ самъ не могъ говорить какъ только по латински». По свидѣтельству того же лица, Розенбергъ, «человѣкъ умѣренный и скромный», не увлекъ слушателей, говоря слишкомъ тихо (Choisnin 313, 327). Сравн. Bielski Kron. pol. (675).

скимъ. Такимъ образомъ, соединены будутъ короны угорская, чешская и польская, и Чехи и Поляки, народы съ самаго своего начала наиболѣе тѣсно другъ съ другомъ связанные, будутъ жить по прежнему вмѣстѣ [1]). Въ Германіи носились даже слухи, впрочемъ невѣроятные, что сынъ императора предлагаетъ между прочимъ присоединить чешское королевство къ польской коронѣ [2]).

Но всѣ эти старанія императорскихъ и чешскихъ пословъ были напрасны. Полякамъ понравился только самъ посланникъ Розенбергъ, какъ природный Чехъ и „Славянинъ"; само-жь его посольство не достигло своей цѣли [3]).

Ненависть Поляковъ къ Нѣмцамъ была такова, что когда на съѣздѣ Краковскомъ Іоаннъ Мышковскій произнесъ только имя императора, поднялся противъ него такой крикъ, что чуть его не прогнали изъ собранія. Подобное тому случилось и на избирательномъ сеймѣ. Когда епископъ Плоцкій, желая склонить Мазовшанъ къ выбору Эрнста, показалъ имъ его портретъ, то сенаторъ Вольскій сталъ нападать на домъ австрійскій, который-де поработилъ уже довольно королевствъ, и свое богатство и свою силу употребитъ, навѣрное, къ притѣсненію польской свободы. Особенно сильно возставалъ противъ австрійскаго дома Ходкевичъ, такъ что послѣ его рѣчи никто не посмѣлъ уже вспомнить объ Эрнстѣ. Сами императорскіе послы, по одному свидѣтельству, и ихъ свита, все природные Чехи, подружившись съ Поляками на пиршествахъ и увидѣвъ свободу ихъ, вспомнили, что и они прежде пользовались таковою же, но что потомъ ее у нихъ отняли, стали притѣснять ихъ налогами, и стремиться истребить ихъ языкъ; поэтому, и они, какъ братья, стали предупреждать Поляковъ, остерегаться австрійскаго ига [4]).

Розенбергъ произвелъ на Поляковъ такое благопріятное впечатлѣніе, что уже тогда нѣкоторые Поляки желали его имѣть королемъ.

---

[1]) Litterae s statibus regni Bohemiae ad ordines regni Poloniae et M. D. Lithuaniae и Legatio a statibus Bohemiae ad ordines regni Poloniae, и отвѣты польскихъ и литовскихъ чиновъ знаемъ изъ рукописи университетской библіотеки Варшавской (№ 394, fol. 192—200). Сравн. польскую хронику I. Бѣльскаго (693), и соч. Грачевскаго (428).

[2]) Письмо французскаго посла въ Германіи, Шомберга, къ герцогу 'Анжу, 9-го августа 1572 г. (Noailles III, 290).

[3]) Heidenstein Rer. polon. 25.

[4]) Граціани, секретарь папскаго нунція въ Польшѣ, кардинала Коммендони Vita Commendoni, ed. Patav. 1685, 212, сокращено у Нѣмцевича: Zbiór pamiętników, I, 56).

На избирательномъ сеймѣ (1573 года 7-го мая) популярный Станиславъ Шафранецъ, вмѣстѣ съ Станиславомъ Горкою, предложили Розенберга, какъ человѣка богатаго, славнаго происхожденія и Чеха. Но этотъ планъ не удался: избранъ былъ французскій принцъ Генрихъ Валуа [1]).

Поляки хотя и не исполнили желанія императора, однако очень радушно отнеслись не только къ его посламъ Чехамъ, но и поблагодарили чешскихъ чиновъ за ихъ посольство. Они считали его знакомъ особой пріязни обоихъ королевствъ и народовъ, чешскаго и польскаго, которые произошли отъ крови двухъ братьевъ; обѣщали соблюдать стародавнюю дружбу съ родственнымъ Чешскимъ народомъ, союзными братьями и друзьями своими, при какомъ бы то ни было королѣ; положили, что во всякомъ случаѣ польскій король долженъ будетъ соблюдать стародавнія связи съ родственнымъ народомъ чешскимъ и не будетъ относиться къ нему враждебно. Чешскіе же чины, съ своей стороны, принявъ съ благодарностью этотъ отвѣтъ Поляковъ, просили императора и короля возобновить всѣ древніе договоры между королевствами чешскимъ и польскимъ, жившими всегда въ хорошемъ сосѣдствѣ и согласіи, братствѣ и любви [2]).

Польскій престолъ упразднился уже черезъ годъ послѣ бѣгства новоизбраннаго короля Генриха. Въ числѣ кандидатовъ на польскій престолъ явились и Габсбурги, самъ императоръ Максимиліанъ и эрцгерцоги Эрнстъ и Фердинандъ. Посломъ отъ Максимиліана въ Польшу былъ Розенбергъ.

Но противъ кандидатуры императора образовалась вновь сильная оппозиція. На съѣздахъ шляхты, равно какъ и на избирательномъ сеймѣ, раздавались ѣдкія рѣчи противъ Нѣмцевъ вообще, и противъ императора, и опять выставлялись, въ примѣръ Полякамъ, лишенные своей свободы, Чехи. Тогда выставлена и кандидатура Розенберга. Ее поддерживали многіе Поляки, особенно часть мелкой шляхты, а изъ вліятельныхъ лицъ Шафранецъ, Горки, Зборовскіе, Фирлей и другіе, желая имѣть королемъ Розенберга, какъ „пана стариннаго рода и Чеха, человѣка своей крови и своего языка и природнаго своего брата“ [3]).

---

[1]) Современный событіямъ авторъ Orzelski: Bezkrólewia Ksiąg ośmioro czy dzieje Polski 1572—1576 (изд. 1856 г. II, 169).

[2]) Отвѣты польскихъ и литовскихъ чиновъ на письмо и посольство чешских чиновъ 21-го апрѣля 1573 г. (въ рукоп. Варшавск. библ. № 394). Постановленія чешскаго сейма 1574 г.

[3]) О кандидатурѣ Розенберга сравн. особенно Орельскаго и Гейденштейна, также его современную біографію Брезана (Zivot Vil. Rosenberka 208, 221).

Но избраніе чешскаго пана въ польскіе короли не удалось, и тогда. Поляки раздѣлились на двѣ партіи: сенаторы вельможи избрали императора Максимиліана, шляхта — Стефана Баторія. Тогда-то Розенбергъ отправился и въ Польшу. Въ Андреевѣ онъ былъ торжественно принятъ Поляками; всѣ передъ нимъ встали съ открытыми головами и посадили его на первое мѣсто. Здѣсь (29-го января 1576 г.) чешскій министръ держалъ къ нимъ длинную рѣчь въ пользу императора, на чешскомъ языкѣ, „Полякамъ болѣе пріятномъ и понятномъ“ [1]).

Между тѣмъ отправилась въ Вѣну къ самому императору польская депутація съ тѣмъ, чтобъ объявить ему его избраніе въ короли одною изъ партій и имъ была принята 18-го января 1576 года. На польскую рѣчь вождя этой депутаціи Серадзскаго, воеводы Ласкаго, императоръ, извиняясь, что не знаетъ по польски, отвѣтилъ на чистѣйшемъ чешскомъ языкѣ, къ большому удовольствію пословъ [2]).

Предстоящему избранію чешскаго короля въ польскіе очень обрадовались Чехи. „Если всемогущій Господь Богъ“, говорили чешскіе чины на сеймѣ 1576 года, „королевствамъ Чешскому и Польскому дастъ одну голову, то это, навѣрное, послужитъ къ прославленію и распространенію языка славянскаго между всѣми народами, и врагамъ всего христіанства къ немалому страху“ [3]).

Но и тутъ императору не удалось добиться короны Ягайловичей. Еще меньше посчастливилось обоимъ эрцгерцогамъ, послы которыхъ, между прочимъ, восхваляли и ихъ знаніе, близкаго къ польскому, чешскаго языка [4]).

Десять лѣтъ спустя, по смерти короля Стефана (1586 г.), Габсбурги опять стали домогаться польскаго трона. Кандидатами выставлены были сначала нѣсколько эрцгерцоговъ, а потомъ одинъ изъ нихъ — Максимиліанъ. Старая исторія повторяется: не смотря на проявившуюся ненависть противъ Нѣмцевъ, одна польская партія провозгласила себя въ пользу Максимиліана.

Главнымъ посломъ Габсбурговъ въ Польшѣ былъ и тогда чеш-

---

[1]) Orzelski II, 50, 70; III, 69; Niemcewicz: Zbiór pam. II, 99.

[2]) Tomek (Časop. Česk. Mus. 1851, II, 122); Albertrandy: Panowanie Henr. Walez. i Stefana Bat. (Kraków, 1849, 58).

[3]) Постановленія чешскаго сейма 1576 года, статья «о королевствѣ Польскомъ».

[4]) Tomek (Časop. Česk. Mus. 1851, II, 116); Albertrandy 37; Orzelski II, 183; Heidenstein, 74. Сравн. также памятники Дачицкаго изъ Геслова (Časop. Česk. Mus. 1828, II, 81).

скій панъ, Оломуцкій епископъ Станиславъ Павловскій. Онъ долже былъ, между прочимъ, представлять Полякамъ, что эрцгерцоги хо и не знаютъ польскаго языка, но говорятъ на чешскомъ и посре ствомъ его скорѣе выучатся и по польски. Въ рѣчи же своей польскимъ чинамъ (14-го августа 1587 г.) Павловскій, предлагая в брать въ короли одного изъ Габсбурговъ, между прочимъ восклицает что этого требуютъ отъ Поляковъ первые основатели и праотцы че скаго и польскаго народовъ, ихъ сосѣдство, древніе союзы и дог воры, и наконецъ, ихъ „сходство въ языкѣ, нравахъ и законахъ" [1]

И Чехи рады были ожидаемому возвышенію своей королевско династіи, и что „сроднятся Ляхи, Мораване и Чехи и будетъ нова утѣха" [2]). Въ то же время и Полякъ Папроцкій, приверженецъ австрі ской партіи, выражалъ надежду, что подъ правленіемъ Габсбургов и Поляки, подобно Чехамъ, успокоятся и возвысятся [3]).

На этотъ разъ дѣло кончилось не такъ мирно, какъ прежде. Макс миліанъ, отвергаемый большинствомъ Поляковъ, задумалъ добивать польскаго трона съ оружіемъ въ рукахъ, но былъ разбитъ подъ Б чиной (1588 г.) и поплатился за свою попытку плѣномъ. Радость поводу пораженія Максимиліана была тогда въ Польшѣ общею. С восторгомъ воспѣваютъ современные польскіе поэты эту неудачу Нѣ цевъ, природныхъ враговъ Польши, погубившихъ Чеховъ и Угровъ готовившихся то же самое сдѣлать и съ Поляками, и восхваляютъ поб дителя Бычинскаго, гетмана Іоанна Замойскаго, прославившаго Б чину на весь міръ, на печальную вѣсть Нѣмцамъ, и противившаго австрійскому тиранству; за то онъ будетъ славенъ передъ други славянскими богатырями. Но не только современники, но и поздн шіе Поляки считали большою заслугою Замойскаго, что онъ пом шалъ избранію Габсбурга, и такимъ образомъ, спасъ свой народъ о несчастной судьбы Чеховъ [4]).

---

[1]) Mayer: Stan. Pawłowski Gesandtschaftreisen nach Polen, 252, 322.

([2] Современная пѣснь 1588 г. (Jireček: Rozpravy, 78). Сравн. выше слова нешовскаго.

[3]) Pamięć nierządu w Polsce r. 1587. Папроцкій посвятилъ это стихотворе Розенбергу и надѣется, что онъ, любимый и уважаемый Поляками, успоко ихъ отечество. (Изд. Туровскаго, при «Hetman» 41, 55).

[4]) Сравн. оды Іоак. Бѣльскаго (I, VI, XIV. Carminum liber, Crac., 1588 Гроховскаго пѣснь «Kalliopy Słowieńskiej na zwycięstwo pod Byczyną» (въ соб ніи его поэзій 1607 г., стр. 449); Piasecki Chron. (106, 269).—Максимиліанъ тилъ и на царскій престолъ русскій еще при жизни царя Өеодора, какъ ви

Первою заботой императора Рудольфа было освободить Максимиліана изъ тюрьмы. Для этой цѣли явился, уже въ третій разъ, Розенбергъ въ Польшу. Первое свиданіе его съ Замойскимъ произошло на границѣ силезско-польской, въ Старинѣ (въ февралѣ 1589 года). Здѣсь завязался между обоими западно-славянскими государственными людьми замѣчательный разговоръ о славянскихъ дѣлахъ того времени. Замойскій напомнилъ Розенбергу, что онъ, какъ Чехъ, долженъ заботиться прежде всего объ интересахъ Славянскаго народа, который прежде былъ столь славенъ и могущъ, а теперь, по большей части, глубоко упалъ. Одни-де только Чехи и Поляки берегутъ еще достоинство и свободу Славянскаго народа. Онъ, Розенбергъ, занимая въ стародавнемъ процвѣтающемъ Чешскомъ королевствѣ первое мѣсто, можетъ считаться первенствующимъ лицомъ всего народа Славянскаго и поэтому долженъ болѣе заботиться о достоинствѣ и свободѣ своего народа, чѣмъ служить чужой жадности и быть помощникомъ ихъ притѣсненію. Не только весь христіанскій міръ, обращаетъ особое вниманіе на трактуемое нынѣ дѣло, но о немъ будетъ судить и потомство; поэтому онъ долженъ стараться опровергнуть мнѣніе, будто-бъ онъ противился интересамъ Славянскаго народа. Даже если бы послѣ всѣхъ страшныхъ бѣдствій войны Поляки были побѣждены, какая же произошла-бъ изъ этого выгода Чехамъ кромѣ той, чтобъ они сами позорно предали родственные народы чужому рабству, и не безъ большой опасности для самихъ себя, способствовали къ распространенію господства Нѣмцевъ и къ приготовленію и себѣ такой судьбы, которая постигла другіе славянскіе народы. По всѣмъ этимъ причинамъ Замойскій выразилъ надежду, что Розенбергъ несомнѣнно больше подумаетъ о своемъ народѣ и о своемъ отечествѣ, чѣмъ о чужомъ могуществѣ и честолюбіи. Розенбергъ, внимательно выслушавъ эти слова, отвѣтилъ, что онъ поступитъ такъ, какъ этого требуетъ благо отечества и вѣрность къ его государю. Въ продолженіе переговоровъ Замойскій, замѣтивъ, что королевства Угорское и Чешское поставлены въ числѣ наслѣдственныхъ земель австрійскаго дома, обратилъ на эту ошибку вниманіе Розенберга, который былъ очень благодаренъ за такую любезность [1]).

изъ письма короля Стефана Тарновскому 1585 г. (Żrzódła do dziejów pol., wyd. Grabowski i Przezdziecki, I, 62).

[1]) Содержаніе разговора Замойскаго съ Розенбергомъ передалъ секретарь перваго Гейденштейнъ. Сравн. также отчетъ Розенберга императору у Майера (Stan. Pawłowski 415).

Нѣсколько дней спустя Максимиліанъ, отказавшись отъ польскаго престола, былъ освобожденъ изъ тюрьмы.

Эти событія, впрочемъ, нисколько не помѣшали дружескимъ отношеніямъ Чеховъ и Поляковъ. Между королевствами Чешскимъ и Польскимъ были возобновлены всѣ древніе договоры и союзы, и по прежнему возстановлены „искренняя любовь, согласіе и хорошее сосѣдство“ [1]. Дружескія отношенія обоихъ западо-славянскихъ государствъ продолжались ненарушимо до роковаго 1618 года.

Равно какъ въ первой половинѣ XVI вѣка, польскіе вельможи, по примѣру чешскихъ пановъ, домогались первенства передъ мелкою шляхтой, такъ, съ другой стороны, въ Чехіи въ началѣ XVII вѣка составленъ былъ Вячеславомъ Вхинскимъ планъ — преобразовать Чешское государство въ такую же шляхетскую республику, какъ была Польша. Когда жь одинъ иностранный посланникъ при императорѣ въ Прагѣ замѣтилъ автору этого проекта его сходство съ польскимъ государственнымъ устройствомъ, то Вхинскій ему отвѣтилъ, что вѣдь „Чехи и Поляки—братья“ [2].

Между тѣмъ и въ Польшѣ, и въ Чехіи произошли важныя перемѣны, которыя повліяли и на ихъ взаимныя отношенія. Польскій тронъ занялъ король-іезуитъ Сигизмундъ III, и его содѣйствіемъ распространилась въ Польшѣ усердная и успѣшная пропаганда въ пользу исключительнаго католицизма и радикальная реакція противъ многочисленныхъ некатоликовъ, или какъ ихъ называли, „схизматиковъ“ и „еретиковъ“. Съ другой стороны, католицизмъ въ Чехіи сильно упалъ, и некатолики „еретики“ (лютеране, чешскіе братья и утраквисты) пріобрѣли себѣ важныя права и свободу. Такимъ образомъ, отношенія Чеховъ къ польскому правительству—но еще не къ польскому обществу—значительно измѣнились.

Чехи могли разчитывать на симпатіи Польши, какъ единоплеменники, но какъ „еретики“, они возбуждали ненависть строго католическаго польскаго правительства. Во взаимныхъ отношеніяхъ обоихъ

---

[1]) Чешскій сеймъ 1589 г., памятники Дачицкаго (Časop. Česk. Mus. 1828, II, 92). О событіяхъ по поводу кандидатуры Максимиліана сравн. особенно вышеупомянутую статью Томка. О сраженіи Бычинскомъ существуетъ, между прочимъ, и одно русское донесеніе (Памятники диплом. сношеній I, 1159).

[2]) Gindely: Kaiser Rudolf II und seine Zeit (I, 340). О стремленіяхъ польскихъ вельможъ во время, такъ-называемой, кокошьей войны 1536 г. см. Бѣльскаго, Хрон. польск. (577).

славянскихъ народовъ случилось то же самое, что̀ мы видѣли, два столѣтія тому назадъ, во время гуситскаго движенія.

Въ 1618 году Чехи возстали противъ своего короля изъ дома Габсбурговъ. Возстаніе Чеховъ взволновало тогда всю Европу и отразилось и на сосѣдней Польшѣ. Король Сигизмундъ, въ самомъ началѣ столкновенія Чеховъ съ императоромъ и королемъ Матвѣемъ, старался уладить дѣла между ними. Поэтому (17-го сентября 1618 года) онъ просилъ Чеховъ отказаться отъ всякихъ непріязненныхъ дѣйствій, замѣчая, что онъ очень скорбитъ о ихъ возстаніи по поводу „привязанности и любви къ этому королевству, которое съ нашимъ жило уже при нашихъ предкахъ и бывшихъ короляхъ польскихъ въ хорошемъ сосѣдствѣ и согласіи". Въ такомъ смыслѣ писалъ онъ и Силезцамъ. Съ другой стороны, онъ старался повліять и на императора въ смыслѣ примиренія съ Чехами [1]).

Когда же Чехи выбрали себѣ въ короли курфирста Пфальцскаго Фридриха, то въ Прагу явились послы короля польскаго, съ увѣщаніемъ примириться съ императоромъ. Чешскіе члены отвѣтили Сигизмунду (14-го ноября 1619 года), что не могутъ ужь отказаться отъ новоизбраннаго короля и просили его, чтобъ онъ не переставалъ благопріятствовать и покровительствовать чешской коронѣ „ради большой дружбы и согласія, существующаго между обоими королевствами и народами, чешскимъ и польскимъ, и ради единаго языка и единаго начала обоихъ народовъ и стародавнихъ, всегда вполнѣ соблюдаемыхъ, договоровъ и союзовъ" [2]).

Сигизмундъ и строго католическая партія въ Польшѣ съ негодованіемъ смотрѣли на развитіе дѣлъ въ Чехіи. Многіе польскіе вельможи, духовные и свѣтскіе, были готовы на всѣ услуги австрійскому дому; да и самъ старый гетманъ Жолкевскій, узнавъ о выборѣ пфальцграфа Фридриха, замѣчаетъ, что „нечестно и непріятно смотрѣть на все это, сложа руки; кто знаетъ, что̀ намѣреваются дѣлать эти еретики" [3]).

Но такъ какъ общественное мнѣніе въ Польшѣ было противъ

---

[1]) Современные Pavel Skála ze Zhoře (Historie Česká od v. 1602—1622, vyd. Tieftrunk, II, 397, 442), и Khevenhiller (Annal. Ferdinandei, IX, 199).

[2]) P. Skàla, III, 398; Khevenhiller, IX, 332, 632.

[3]) Письмо его къ великому секретарю Задзику 1619 г. (Zbiór pamiętników histor. o dawnéj Polsce, VI, 295). Много писемъ по чешскимъ дѣламъ, см. у Мосбаха: Wiadomości do dziejów polskich.

вмѣшательства въ чешскія дѣла и вообще противъ всѣхъ враждебныхъ дѣйствій относительно Чеховъ, то король, не рѣшаясь дѣйствовать по своему собственному желанію, созвалъ въ концѣ 1619 года сеймъ въ Варшавѣ и предложилъ ему на обсужденіе угрожающую Польшѣ, со стороны Силезіи и Угріи, опасность и печальное положеніе католицизма во владѣніяхъ императора. Но сеймъ не соглашался со взглядами короля, совѣтовалъ никакъ не вмѣшиваться въ чешскія дѣла въ пользу императора и обращалъ вниманіе на то, что австрійскій домъ никогда не благопріятствовалъ Польшѣ, а потому и король ничѣмъ ему не обязанъ. Напротивъ, корона польская имѣетъ съ чешскою стародавніе договоры и дружескія связи, жила съ нею до сихъ поръ въ дружелюбномъ согласіи и мирѣ. Кромѣ того, пусть король сообразитъ, что споръ Чеховъ съ Габсбургами не касается одной только религіи, но стародавнихъ привиллегій чешскихъ, которыя Чехи справедливо пріобрѣли себѣ отъ прежнихъ своихъ королей. Вопервыхъ, дѣло идетъ о свободномъ выборѣ короля; еслибы Поляки задумали помѣшать этому похвальному обычаю, то, по справедливому Божьему наказанію, могла-бъ и ихъ постичь подобная участь, за которую-бъ отвѣтствовали своимъ потомкамъ [1]).

Тогда (1619 г.) издалъ одинъ „Богу, королю и отечеству вѣрный польскій шляхтичъ" интересную брошюру, излагая въ ней семьдесять важныхъ причинъ, по которымъ королю польскому, сенаторамъ и шляхтѣ не слѣдуетъ сопротивляться неизбѣжной самозащитѣ въ Угріи и Чехіи. Авторъ, между прочими причинами, приводитъ и тѣ, что Угры и Чехи защищаютъ самое справедливое дѣло противъ Австрійцевъ, что Чехи и Поляки одного происхожденія, отъ братьевъ Чеха и Лѣха, и что силезскіе князья—настоящіе наслѣдники королей польскихъ: идти безъ справедливой причины на ихъ истребленіе не что́ иное, какъ свирѣпствовать въ собственныхъ внутренностяхъ [2]).

---

[1]) Объ этомъ «сеймѣ» (вѣроятно, только собраніе коронныхъ совѣтниковъ), знаемъ изъ рукописной части исторіи Скалы (IX, 580, подлинники въ библіотекѣ чешскаго музея).

[2]) Septuaginta graves et arduae rationes, ob quas regem Poloniae, nec non senatores et nobilitatem regni defensioni in Hungaria, Bohemia et alibi locorum inevitabili necessitate susceptae, non adversari decet etc. (Posonii, 1619); также и понѣмецки; по-чешски приводитъ ихъ Скала (рукоп. IX, 58). Авторъ—князь *Юрій Збаражскій*, братъ вышеупомянутаго Христофора, потомокъ литовскихъ Корыбутовичей. Противъ этой брошюры издалъ отвѣтъ Плоцкій епископъ Стан. Лубенскій (Responsio ad 70 rationes, 1620). Изъ брошюры I. Зречицкаго (Nowiny

И силезскіе князья, и чины старались отвратить Польшу отъ всякаго вмѣшательства въ чешскія дѣла. Въ письмѣ (29-го мая 1620 г.) къ польскимъ сенаторамъ, они защищаютъ полное право Чеховъ выбирать себѣ королей и указываютъ, между прочимъ, на древніе договоры, заключенные между славными королевствами Польскимъ и Чешскимъ, между двумя народами, тѣсно родственными по происхожденію, языку и учрежденіямъ; говорятъ, что прежніе короли польскіе, Владиславъ Ягайло и Казиміръ не предпринимали ничего враждебнаго противъ Чеховъ, и что Поляки помогали имъ тогда противъ королей Сигизмунда и Альбрехта Австрійскаго. Если Польша теперь будетъ помогать императору, то со временемъ угрожаетъ опасность и польской свободѣ. Въ концѣ своего письма Силезцы, во имя единства происхожденія и языка чешскаго и польскаго, просятъ сенаторовъ, чтобъ они хорошо извѣстили короля о положеніи дѣлъ чешскихъ [1]).

Король Сигизмундъ, не могши явно вмѣшаться въ чешскія дѣла въ пользу императора, постарался, по крайней мѣрѣ, косвенно дѣйствовать противъ ненавистныхъ еретиковъ и позволилъ извѣстнымъ казакамъ-лисовчикамъ, этому „сброду воровъ и разбойниковъ", какъ ихъ называютъ Чехи, вторгнуться въ Угорскія и Чешскія земли [2]). Эти лисовчики участвовали и въ роковомъ для Чешскаго государства сраженіи на Бѣлой Горѣ, 8-го ноября 1620 года.

Такимъ образомъ и Польша, хотя косвенно, способствовала паденію Чехіи. О тѣхъ же самыхъ Чехахъ, которыхъ, вмѣстѣ съ Поля-

---

z Czech i o przyrodzenin tych ludzi, 1619 г.) видно, что Краковскіе Жиды, Гданичане, Зборовская конгрегація и друг. посылали Чехамъ деньги и разные матеріалы.

[1]) Ad senatores regni Poloniae scriptum silesiacum (современная печать). Силезцы отправляли посольство въ Польшу отъ всей короны чешской еще вслѣдъ за Бѣлогорскимъ сраженіемъ и заявили на польскомъ сеймѣ (3-го декабря 1620 года) желаніе, чтобъ «оба братскія королевства жили по прежнему въ дружескихъ отношеніяхъ». Поляки, принимая съ благодарностью это заявленіе, замѣтили, что надо было ожидать того отъ родственныхъ и единоплеменныхъ народовъ». Mosbach, Dwa poselstwa do Polski, 68, 116).

[2]) Противъ высылки лисовчиковъ въ Чехію и въ Угрію являлись протесты въ самой Польшѣ. Такъ, напримѣръ, протестовали депутаты Краковскаго воеводства. (Zbiór pamiętników, VI, 282); Мат. Золецкій совѣтуетъ лисовчикамъ не вмѣшиваться въ чужія дѣла и обратить оружіе противъ Турокъ (Copia listu utrapionéj ojczyzny do rycerstwa Lisowskiego, 1621). Военныя дѣйствія этого бича славянскаго описалъ вышеупомянутый Дэмболэцкій. Разныя подробности о лисовчикахъ см. въ обширной ихъ исторіи М. Дзедушицкаго.

ками, назвалъ первыми представителями Славянскаго народа еще тридцать лѣтъ тому назадъ величайшій государственный человѣкъ Польши Замойскій, — о тѣхъ же Чехахъ писали тогда въ Польшѣ, напримѣръ, слѣдующее: „Хотя Чешскій народъ считается родственнымъ Полякамъ, такъ какъ оба народа производятъ свое начало отъ двухъ родныхъ братьевъ, — но онъ все таки сильно отдалился отъ польской доблести и отъ польскаго духа; онъ — народъ, во всемъ подходящій къ Москвѣ" [1]).

Со времени паденія Чешскаго государства и вслѣдствіе наступившихъ въ немъ многочисленныхъ перемѣнъ въ политическомъ и національномъ его отношеніяхъ, измѣнились и взаимныя связи между Чехами и Поляками, и если продолжали обнаруживаться, то по большей части, только на научномъ поприщѣ.

Но само паденіе независимости Чеховъ, и вслѣдствіе того, усиленіе Габсбурговъ, не переставало возбуждать въ Полякахъ тяжелыя и непріятныя чувства. Когда (1683 г.) король Іоаннъ Собѣсскій сталъ собираться на помощь императору противъ Турокъ, то на сеймѣ, въ печати и пр. раздались громкіе голоса противъ такого плана. „Мы никогда не хотѣли государей изъ австрійскаго дома, а теперь мы должны взяться за оружіе, чтобъ удержать подъ ихъ игомъ нашихъ братьевъ въ Угріи, Моравіи, Чехіи и Хорватіи. Не Турки, а Бранденбургъ и Австрія—вотъ наши вѣковые враги!" [2]).

6. Духовныя связи Чеховъ и Поляковъ. — Христіанство. — Чешская и польская шляхта. — Университеты Пражскій и Краковскій. — Единство чешскихъ братьевъ въ Польшѣ. — Чешскій языкъ въ Польшѣ. — Взглядъ Поляковъ на чешскія дѣла.

Рядомъ съ тѣсными взаимными отношеніями Чеховъ и Поляковъ въ области политической, международной, сложились и ихъ взаимныя духовныя связи.

Чехи (съ Моравянами) раньше являются на историческомъ поприщѣ, чѣмъ Поляки; они раньше принимаютъ христіанство и христіанско-европейскую культуру. Все это переходитъ къ ближайшимъ ихъ сосѣдямъ и соплеменникамъ Полякамъ преимущественно отъ нихъ.

[1]) Bart. Pogodziński: Nowiny z Czech i o przyrodzeniu tych ludzi (1620). О военныхъ событіяхъ въ Чехіи того времени есть нѣсколько брошюръ польскихъ, о которыхъ сравн. особенно Дзедушицкаго.

[2]) Rogalski: Dzieje Jana III Sobieskiego, 130.

Изъ Великой Моравіи распространились зачатки христіанства и къ южнымъ ляшскимъ племенамъ, именно на верхнюю Вислу. Позже, посредствомъ Чеховъ, чешской княжны Добравы, князь польскій Мечиславъ принялъ христіанство. Латинскій обрядъ восторжествовалъ въ Чехіи, равно какъ и въ Польшѣ, не безъ содѣйствія втораго епископа Пражскаго, Славниковича Войтѣха. Войтѣхъ, равно какъ Кириллъ, Меѳодій и Вячеславъ, сдѣлались общими патронами Чеховъ и Поляковъ, стоя рядомъ съ св. Станиславомъ [1]). Король Владиславъ-Ягайло передъ сраженіемъ Танненбергскимъ надѣется на помощь святыхъ польскихъ патроновъ, Станислава, Вячеслава и Войтѣха. Длугошъ, оканчивая свой историческій трудъ, благодаритъ тѣхъ же святыхъ. Побѣду Хотинскую (28-го сентября 1621 года, день св. Вячеслава) нѣкоторые Поляки приписывали помощи „чешскаго князя св. Вячеслава, одного съ Поляками происхожденія“ [2]).

Взаимныя связи между Чехами и Поляками поддерживались и частымъ переходомъ дворянскихъ, или какъ у обоихъ назывались, шляхетскихъ родовъ. Особенно въ Польшѣ многіе роды производились изъ Чехіи, напримѣръ, Окша, Венява, Огончикъ, Одровонжъ, Помянъ и друг. [3]). Чешская и польская шляхты, имѣя одинаковый корень, то-есть, древне-славянскій родовой бытъ, поддерживали дружескія отношенія и сознаніе сходства и братства до позднѣйшихъ временъ [4]).

Съ половины XIV вѣка многіе Поляки стали посѣщать вновь открытый Пражскій университетъ, составляя одну изъ четырехъ его націй. Въ самомъ концѣ этого столѣтія (1397 г.) учреждена польскою королевой Ядвигой въ Прагѣ для литовскихъ студентовъ особая коллегія (родъ семинаріи), которая поручена надзору трехъ Че-

---

[1]) Сравн. приведенныя выше Officia patron. prov. Polon. Съ другой стороны чешскій король Премыслъ II Отокаръ является большимъ почитателемъ св. Станислава (Dogiel Cod. dipl. r. Polon, I, 1; Niemcewicz: Zbiór pamiętników I, 309).

[2]) Kobierzycki: Historia Vladislai principis, 824. Самое имя Вячеслава «Wacław» Поляки приняли прямо отъ Чеховъ; въ древней польщизнѣ XIV вѣка встрѣчается польская форма этого имени «Wancław».

[3]) Сравн. генеалог. сочиненія Длугоша, Папроцкаго, Окольскаго, Несецкаго. Шайноха (Nowe szkice histor., 781) выводитъ всѣ гербы польскіе изъ Чехіи.

[4]) Сравн. выше о кокошьей войнѣ, о Розенбергѣ въ Польшѣ, о планѣ Вхинскаго; о посѣщеніи Адамомъ изъ Штернберга Луки Горки 1584 г. (Časop. Česk. Mus. 1830, 441) и пр. Замѣтимъ здѣсь, что и древне-польская шляхта XIV—XV вѣковъ раздѣлялась, какъ чешская, всегда на два разряда: шляхтичей (nobiles) и влодыкъ (milites).

ховъ (монаха Іоанна изъ Щекни и Пражскихъ мѣщанъ Крижа и Нѣпра), а позже и проповѣднику достопамятной часовни Виѳлеемской. Студенты польскіе и литовскіе посѣщали Пражскій университетъ до второй половины XV вѣка, то-есть, до запрещенія папы, чтобы никто не приходилъ въ „еретическій“ университетъ Пражскій (1469 г.) [1].

По примѣру Пражскаго, устроенъ былъ университетъ или академія въ Краковѣ (въ 1364 году), возобновленная Владиславомъ-Ягайломъ въ 1400 году. По его словамъ, она должна была просвѣщать Польшу и возвышать такъ, какъ Пражскій университетъ Чехію. Сюда перешли и многіе профессора изъ Праги, польскаго, чешскаго и нѣмецкаго народа [2]).

Особенно тѣсныя и дружескія сношенія завязались между Чехами и Поляками вслѣдствіе переселенія многихъ приверженцевъ церкви единства чешскихъ братьевъ въ Польшу. Чешскіе братья, съ самаго ихъ начала преслѣдуемые и католиками и утраквистами, наконецъ, послѣ чешскаго возстанія (1547 года), вынуждены были выселиться изъ Чехіи (1548 году). Они, не зная, куда обратиться, выбрали, наконецъ, страну родственныхъ себѣ по языку Поляковъ“ [3]). Въ Польшѣ единство чешскихъ братьевъ скоро пріобрѣло себѣ большое значеніе вмѣстѣ съ остальными протестантскими церквами лютеранъ и кальвинистовъ. Братья основали много „сборовъ“ (церквей), особенно въ Великой и въ Малой Польшѣ, и скоро стали считать въ своихъ рядахъ много приверженцевъ изъ знатныхъ родовъ польскихъ, особенно великопольскихъ—Лещинскихъ, Кротоскихъ, Остророговъ и друг. Въ Польшѣ они издавали чешскія книги и переводили ихъ на польскій языкъ [4]).

---

[1]) О польскихъ студентахъ въ Пражскомъ университетѣ (1367—1467 гг.) см. Monumenta histor. univers. Prag. I, оттуда у Мучковскаго Wiadomość o założeniu univers. w Krakowie; о Литовской коллегіи—Monum. II, папская грамота 1469 г. Theiner: Monum. Polon. histor., II. 164. Въ началѣ XV вѣка магистръ Андрей изъ Броду въ числѣ народовъ въ Пражскомъ университетѣ приводитъ не только Поляковъ, но и Русскихъ—ecce Pluteni, ecce *Rutheni*, ecce Poloni etc. (Script. rer. hussit. II, 155).

[2]) Мучковскій, 73, Длугошъ, lib X, p. 167). Въ драмѣ Academia Cracoviensis (1537 г.) Польша разказываетъ Чехамъ объ учрежденіи Краковской академіи Казиміромъ и объ ея упадкѣ; Чехія же утѣшаетъ Поляковъ, что и у нихъ будетъ такой университетъ, какъ Пражскій.

[3]) Comenius: Hist. fratrum bohem., 28.

[4]) Напримѣръ, чешскій канціоналъ въ Шамотулахъ (1561); польскій его переводъ вышелъ въ Королевцѣ 1554 г.

Съ оставшимися въ Чехіи и особенно въ Моравіи братьями, польскіе братья находились всегда въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ. Польскіе братья часто посѣщали съѣзды чешско-моравскихъ братьевъ, собираемые особенно въ Моравіи, въ Преровѣ, Липникѣ, Слезонахъ и пр., и здѣсь трактовали и о своихъ дѣлахъ; свою молодежь посылали на воспитаніе въ Чехію и Моравію [1]). Съ другой стороны, и чешскіе, и моравскіе братья ходили въ Польшу и сюда же обратились они вновь, когда, послѣ Бѣлогорскаго сраженія, ихъ вторично изгнали изъ чешскихъ земель. Великопольское Лешно сдѣлалось ихъ средоточіемъ: здѣсь жилъ и дѣйствовалъ великій Коменскій, здѣсь издавались и многія книги на чешскомъ языкѣ еще до половины XVII вѣка.

Такимъ образомъ, Чехи и Поляки приходили въ самое близкое общеніе. По-польски говорилось и въ сборахъ чешскихъ и моравскихъ; съ другой стороны, и чешскій языкъ раздавался въ Польшѣ; такъ, напримѣръ, на съѣздѣ братьевъ чешскихъ и польскихъ (изъ Великой и Малой Польши и Литвы) въ Лешнѣ (1635 г.), Коменскій, по всеобщему желанію, держалъ проповѣдь на чешскомъ языкѣ [2]). Въ Польшѣ издавались многія чешскія книги, читались и переводились на польскій языкъ. Нѣкоторые знаменитые чешскіе братья, природные Чехи, сдѣлались и польскими писателями, такъ, напримѣръ: Рокита, Рыбинскій, Турновскій и др. [3]).

Важнымъ послѣдствіемъ взаимныхъ отношеній Чеховъ и Поляковъ въ области духовной было значеніе чешскаго языка въ Польшѣ и его вліяніе на польскій языкъ.

Чешскій языкъ развился и установился гораздо раньше, чѣмъ польскій, и на немъ уже въ XIII — XIV вѣкахъ существовала довольно богатая литература не только духовная, но и свѣтская; съ начала

---

[1]) Чешскіе воспитатели требовались и въ Польшу, такъ, напримѣръ, въ 1608 г. Пражскій ректоръ Бахачекъ послалъ одного воспитателя пану Стадницкому (Čazop. Česk. Mus. 1845, 624).

[2]) Zoubek: Život Jana Am. Komenského, 32, 35.

[3]) О чешскихъ братьяхъ въ Польшѣ сравн. сочиненія Благослава, Ласитскаго, Коменскаго, Венгерскаго, Гиндели, Лукашевича, Dekrety jednoty bratrské, и пр. Братья Чехи, пишучи по-польски, часто употребляютъ чешскія слова, чистыя, или передѣланныя на польскій ладъ, напримѣръ: podstatny, sprośnie żądość, zawirka, przekażka, dziesiątek, pokrzyctwo, pry, przedni, z chuci и др. Лукашевичъ, сообщая въ своихъ сочиненіяхъ о польскихъ диссидентахъ множество братскихъ памятниковъ польскихъ XVI вѣка, часто не понимаетъ такихъ словъ.

же XV вѣка, съ развитіемъ религіозно-національнаго движенія онъ пріобрѣлъ себѣ во всей публичной жизни такое значеніе, о какомъ въ Польшѣ не было и помину. Польша все еще находилась подъ исключительнымъ господствомъ латинскаго языка, которое прекратилось только въ половинѣ XVI вѣка. До этого времени нельзя и говорить о какой-нибудь польской литературѣ; почти все писалось на латинскомъ языкѣ — статуты, лѣтописныя, историческія, духовныя и другія сочиненія; на польскомъ же языкѣ записывались только какъ-бы случайно, между прочимъ, нѣкоторыя духовныя пѣсни, статьи, части библій, и наконецъ, переводы статутовъ и нѣкоторыя юридическія формулы.

Съ христіанствомъ перешли въ Польшу и чешскія духовныя пѣсни, молитвы и переводъ Библіи, и если въ теченіе времени они, подъ вліяніемъ мѣстнаго нарѣчія, и подвергались измѣненіямъ, то все-таки сохранили до XV вѣка болѣе или менѣе чехизмовъ, да и чистыхъ чешскихъ словъ и оборотовъ. Такіе чехизмы встрѣчаются въ пѣсняхъ Bogarodzica (приписываемой св. Войтѣху), Salve regina, въ пѣсни ко св. Маріи и др. Въ нихъ находимъ, напримѣръ, слова: hospodin, zwolena, wsławena, nadéje, łkajíce i płačize, Iežiš pożehnonécho, płod života tv'echo, svatécho duchа schrána, pokład, dárce, и проч. [1]). То же самое видимъ и въ древне-польскихъ молитвахъ XV вѣка (Отче нашъ, Богородица, Вѣрую, и др.: jenż jsi, tvá vuola, od złécho, s tabú, vstúpił, z mrtvých vstał, pane, wszechmogucy (подлѣ wszechmogący), pragnucy (подлѣ pragnący), pannu, и др.; встрѣчается и исповѣдь на чисто чешскомъ языкѣ [2]).

Библію Чехи стали переводить по частямъ уже съ X вѣка. До начала XIV вѣка были уже переведены части Евангелія, Псалтырь и другія книги, а въ XIV вѣкѣ сдѣланъ былъ полный сводъ Библіи на

---

[1]) Wiszniewski, Hist. lit. pol. I, 384 (Bogarodzica также въ изд. Прездзецкаго 1866, сравн. Časop. Česk. Mus. 1872, 335). Но подлѣ духовныхъ пѣсенъ съ чехизмами встрѣчаются такія пѣсни (съ начала XV вѣка) и на чистомъ польскомъ языкѣ (Wiszniewski, VI, 415, Maciejowski: Piśmiennictwo polskie, Dodatki). Чешскія слова пишемъ нынѣшнимъ правописаніемъ.

[2]) Кеппенъ: Собраніе словенск. памятн., 90, Časop. Česk. Mus. 1848, 93; Maciejowski: Piśm. pol., Dodatki 47, 87, 100. Но гораздо чаще встрѣчаются чисто польскіе переводы безъ всякой чешской примѣси, или съ очень рѣдкими чехизмами, напримѣръ, декалогъ изъ конца XIV вѣка, житіе св. Власія нач. изъ XV вѣка, житіе св. Анны и Іоахима XV вѣка, разныя молитвы и проповѣди XV вѣка, и пр.

чешскомъ языкѣ. Между тѣмъ, полный сводъ Библіи на польскомъ языкѣ былъ сдѣланъ только два вѣка спустя, въ началѣ второй половины XVI вѣка, хотя отдѣльныя попытки перевода частей Библіи на польскій языкъ относятся къ XIV столѣтію. Чешскія библіи переходили и въ Польшу, и здѣсь ими пользовались вмѣсто своихъ польскихъ, а позже и для перевода на польскій языкъ [1]).

Чешскій переводъ Псалтири былъ извѣстенъ и польскому ея переводчику XIV вѣка, съ латинской вульгаты, но онъ пользовался имъ довольно благоразумно, сообразно духу польскаго языка. Въ польскомъ переводѣ остались только нѣкоторыя чешскія слова и формы, напримѣръ: miłost вмѣсто miłość, lizat вмѣсто lizać, skutkuow вмѣсто skutków, czynie вмѣсто czynią, jej (gyey) вмѣсто ji (gy), и другія. Большее вліяніе чешскаго языка замѣтно въ польскомъ переводѣ Библіи, сдѣланномъ въ началѣ XV вѣка. Польскій переводчикъ, не заглядывая въ латинскую вульгату (кромѣ нѣкоторыхъ книгъ), прямо переводилъ или списывалъ съ чешскаго текста Библіи по рецензіи конца XIV и начала XV вѣка. Да часто и читалъ онъ неправильно; такъ, напримѣръ, онъ пишетъ „na świecie“ вмѣсто „náśieśe se“, „stworzenie“ вмѣсто „stvrzenie“, „a konce“ вмѣсто „okence“, „wiek“ вмѣсто „vêc“ и проч.; повторяетъ и ошибки чешскаго переводчика: szlachcionka—šlechtična (nobilis вмѣсто nubilis), z cudzołożnéj macierze — z cizołożné mateře (de adultera matre вмѣсто de altera matre) и проч.; употребляетъ много чисто чешскихъ словъ, напримѣръ, названія мѣсяцевъ: brzezień, dęben, prosinec“ и проч. [2]).

---

[1]) Чешская библія начала XV вѣка хранится въ (недоступной) библіотекѣ Замойскихъ въ Варшавѣ; другая (пис. 1476—1478 гг. въ Каменцѣ) была въ капитульной библіотекѣ Влоцлавслой, теперь у г. Мухлинскаго въ Варшавѣ (Biblioteka Warszaw. 1872, III, 129).

[2]) Обширно объ этомъ см. Nehring: O psałterzu floryańskim (1871); Małecki: Biblia Królowéj Zofii (1871); Jireček: Biblí staropolská (Časop. Česk. Mus. 1872, 297, сравн. Časop. 1864, 136). Для сравненія приводимъ здѣсь начало библій древне-чешской (Лесковецкой) и древне-польской:

W poczatcie stworzil Buoh nebe y zemi, ale zemie bula neuzyteczna a prazdna, a tmy biechu nad twarzi propasty, a duch bozy nassiesse sie nad wodami. Y powiedye buoh: bud swietlo, i stworzeno yest swietlo. A widyev boh swietlost, ze yest dobra, y rozdielil swietlost ode tmy, y nazwal yest swietlost dnem a tmy nocy,

Na pocsątcze bog stworzyl niebo y szemyą, alye szemya bila nyeuszyteczna a proszna, a czmi bili na twarzy przepaszczy, a duch boszy naszweczye nad wodamy. Y rzekl bog: bądz szwyatlo, y stworzono szwyatloszcz. A uszrzal bog szwyatloszcz, ysze gest dobra, y roszdzelyl szwyatloszcz ode czmi, y nazwal gest

Большее или меньшее количество такихъ чехизмовъ и вообще слѣдовъ чешскаго вліянія можно встрѣтить во всѣхъ памятникахъ духовной литературы польской до первой половины XVI вѣка. Но замѣтимъ, что въ отыскиваніи и опредѣленіи чехизмовъ въ польскихъ памятникахъ того времени надо быть очень осторожнымъ; къ числу ихъ нельзя безусловно относить, напримѣръ, слова, которыя встрѣчаются въ древнемъ и новѣйшемъ чешскомъ языкѣ, но которыхъ нѣтъ уже въ новѣйшемъ польскомъ. Хотя оба западно-славянскіе языка, съ перваго появленія чешскаго и польскаго народовъ, являются уже вполнѣ установившимися и опредѣленными, но все-таки ихъ сходство до сихъ поръ поразительно и въ лексикальномъ, и въ грамматическомъ отношеніи. Это сходство обнаруживается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ дальше мы заглядываемъ назадъ. Многія слова могли быть извѣстны и древнимъ Полякамъ, и Чехамъ, но уцѣлѣли только у послѣднихъ, между тѣмъ какъ у первыхъ вышли изъ употребленія или замѣнены другими. Такъ въ нѣкоторыхъ польскихъ памятникахъ XV и начала XVI вѣковъ (въ молитвахъ, въ проповѣдяхъ, въ духовныхъ пѣсняхъ, въ книгахъ Іоанна изъ Кошичекъ, Опеця и др.) встрѣчаемъ слова: skutki, krasny, zpra... obiatować, drzewie, dzie, siedło (то-есть, мѣсто), licemiernik, lubieżn... (то-есть, чешское líbezný), wiarować się (чешск. varovati se), dufani... wzdychanie, słubiła, stepali, wielmi, bydlenie, и друг., которыхъ въ нынѣшнемъ польскомъ нѣтъ, или которыя приняли здѣсь другое значеніе. Но изъ этого нельзя еще заключить, что эти слова — чешскія, и что они не были и въ древне-польскомъ языкѣ [1]).

Чешскими библіями не переставали пользоваться польскіе переводчики до второй половины XVI вѣка, когда польскій языкъ уже совсѣмъ установился, и польская литература стала выше чешской. Чешскою библіею пользовался и переводчикъ такъ-называемой Библіи Шарфенбергера или Леополиты, доминиканецъ Леонардъ (1561, 2-е изд. 1574, 3-е изд. 1577), а также позже Вуекъ [2]).

Y vczynen gest wēczer a z gitra den geden. Y opiet wecie buoh-bud stwrzenye vprostrzied wod, etc.	szwyatloszcz dnyem a czmi noczą. uczynyl wyeczyor a s yutra dzeyn gede... Lepak rzecze bog: bodz stworzenye poszrzod wod, etc.

[1]) Такъ, нѣкоторыя слова въ первомъ изданіи книги Опеця (1522) въ послѣдующихъ изданіяхъ замѣнены другими: wzjawić — objawić, dostojen — godziwy, działać — czynić, wesele — wesoło, żenszczyznapani, gospodynie — boże, и пр. (Wiszniewski, Hist. lit. pol. VI, 383).

[2]) Muczkowski: O Janach Leopolitach i bibliach Szarfenbergerowskich. Срав...

Значеніе и важность чешскаго языка въ Польшѣ, особенно въ богословской литературѣ, признаетъ еще во второй половинѣ XVI вѣка польскій переводчикъ „Постилы“ Мартина Лютера (1574), Іеронимъ Малэцкій. „Хорошій переводчикъ“, пишетъ онъ, „который хочетъ переводить съ нѣмецкаго языка, долженъ хорошо понимать по-нѣмецки и не только быть хорошимъ Полякомъ и правильно и исправно употреблять обороты, но долженъ знать и чешскій языкъ, потому что польскій и чешскій языки — одна рѣчь, не смотря на то, что каждый изъ этихъ языковъ имѣетъ свои собственныя выраженія или особенности. И такъ какъ Чехи раньше, чѣмъ Поляки, перевели Библію и другія книги Лютера на свой чешскій языкъ, то мы, Поляки, должны были и въ нынѣшнее время брать много словъ отъ Чеховъ и употреблять ихъ, особенно въ теологіи“.

Новый наплывъ чешскаго языка и чешскихъ книгъ въ Польшу наступилъ, въ половинѣ XVI вѣка, вслѣдствіе переселенія туда чешскихъ братьевъ.

Сказанное здѣсь о вліяніи чешскаго языка на духовную литературу польскую касается и свѣтской литературы древне-польской, но только отчасти.

Въ юридическихъ памятникахъ древне-польскихъ XIV—XV столѣтій, въ переводахъ статутовъ, городскихъ правъ и проч., не замѣтно никакого вліянія чешскаго языка; въ нихъ польскій языкъ чистъ, какъ онъ употреблялся въ юридической и въ обыденной

Wiszniewski, Hist. lit. pol. VI, 549, Jocher Obraz bibliograf. II, 78. Для сравненія приводимъ здѣсь начало 4-й главы ев. св. Мат. изъ чешской библіи 1506 г. (другихъ изданій въ Варшавѣ нѣтъ) и изъ 1-го изданія библіи Леополиты 1561 г. (нынѣшнимъ правописаніемъ):

Tehdy Ježiš veden jest na púšt' od ducha, aby był pokušen od dábła. A když se postił čtyřidceti dní a čtyřidceti nocí, potom jest złačněł. A přistúpiv pokušitel řekł jemu: Isi-li syn boží, rsiž, at' kamenie toto chlebové budú. Kterýž odpovědév řekł jemu: Psáno jest sajisté: Ne samým chlebem živ jest čłověk, ale každým słovem, kteréž pocházie z ust božiech.

Tedy Jezus wiedzion jest na puszczą od ducha, żeby był pokuszon ode diabła. A gdy się pościł czterdzieści dni i czterdzieści nocy, potym łaknął. I przystąpiwszy do niego kusiciel rzekł mu: Ieśliżeś ty jest syn boży, przykaż, aby to kamienie chlebem się stało *). On odpowiedziawszy rzekł: Napisano jest: Nie samym tylko chlebem żywie człowiek, ale wszelkim słowem, które pochodzi z ust bożych.

*) Nowy Testam. 1556 г.: rzecz, by kamienie to chlebem było.

жизни [1]). Въ другихъ польскихъ сочиненiяхъ того времени замѣтно чешское влiянiе, хотя, повторяемъ, оно относится болѣе къ формальной сторонѣ языка, къ словамъ, между тѣмъ какъ граматика, стиль и проч. чисто польскiе. Такъ, напримѣръ, въ запискахъ янычара, писанныхъ по-польски Сербомъ Константиновичемъ около 1500 года, встрѣчаемъ чисто чешскiя слова: pořád, siodłak, dobytek (то-есть, скотъ), statek, Uhři, uherský (подлѣ Węgrzy, węgiorski) и др. [2]). Отдѣльныя слова чешскiя встрѣчаются и у позднѣйшихъ писателей польскихъ—у Рея, Кохановскаго, Бѣльскаго и др., напримѣръ: cudzić (cíditi), tesarz, prozna, woda patokowa, kus, honiec и др. [3]).

Чешское влiянiе замѣтно и въ нынѣшнемъ языкѣ польскомъ; въ немъ остались до сихъ поръ чешскiя слова, не передѣланныя на польскiй ладъ, напримѣръ: obywatel, smutek, hodować, hojny, hardy, hańba, hasło, ohydny (древнепольск. ohisny) и др.

И правописанiе чешское имѣло влiянiе на польское. Это влiянiе замѣтно особенно въ статьѣ Станислава Заборовскаго о польской орѳографiи (1518 г.). Заборовскiй старается установить колеблющуюся орѳографiю польскую, по примѣру чешскаго правописанiя Гуса, введенiемъ дiакритическихъ знаковъ въ латинскую азбуку и примѣнить правила чешской орѳографiи къ польской. Звуки *ч*, *ш*, *ж*, и свойственный западнымъ Славянамъ звукъ ř (rz) означаетъ, по примѣру Гуса, съ одной точкой c, s, z, r, также и твердое *л* — l; звуки *ць*, *сь*, *зь*, *нь*, *пь*, и проч. — въ двумя точками c, s, z, n, p и проч.; даже и свойственный польскому языку звукъ dz означаетъ по-чешски ď. Заборовскiй вообще хорошо знакомъ съ чешскимъ языкомъ; онъ знаетъ, что вмѣсто польскихъ носовыхъ звуковъ Чехи выговариваютъ и пишутъ обыкновенно u (ruku, budu), иногда и a (svatý, proklatý), и проч. [4]).

---

[1]) Сравн. древне-польскiе переводы статутовъ, изд. Лелевелемъ и Гельцелемъ, выписки изъ земскихъ и судебныхъ книгъ, изд. Приборовскимъ, Гельцелемъ, Малковскимъ; Магдебургское право, изд. Вишневскимъ, и др.

[2]) Pamiętniki jańczara (изд. Warszawa, 1828). Сравн. Jwečza Rospravy z oboru historie, filologie a literatury, I. «Wuherska ziemia», «Wuherskie książe», «Wuhry albo Węgrzy» пишетъ и авторъ книги «Powieść o założeniu klasztora na Łysey Gorze» XVI вѣка.

[3]) Сравн. также одну чешско-польскую пѣсню (силезскую) свѣтскаго содержанiя, изъ XV вѣка («Chci ja na pannu żałować, niechciałat' mi trochy dać» etc.) Sitzungsberichte der kais. Akademie XXXIX,, 636.

[4]) Zaborowskiego: Ortografia polska, z łaciń. przez A. Kucharskiego (Warszawa, 1825).

Но этотъ способъ правописанія привился къ польскому языку только отчасти; Поляки частію остались при недостаточномъ древнемъ правописаніи составленіемъ разныхъ буквъ. Только въ первомъ изданіи Описанія Сарматіи (Tractatus de duabus Sarmatiis), Матвѣя изъ Мѣхова, 1517 г., слѣдовательно, за годъ до изданія статьи Заборовскаго, встрѣчаемъ предлагаемую имъ орѳографію. Мѣховита пишетъ напримѣръ: hore, more, krzecot, Turagara, Cirkaci, Drohicien, Zidacon, Dreccyanye, Traccyane и проч. Но уже въ изданіи той же самой книги 1521 года эти слова написаны: gorzey, morze, krzeczot, Turzagora, Czyrkaczy, Drohyczyn, Zudaczuow, Drzewianie, Trawianie, и проч Хотя съ XVI вѣка польскій языкъ сталъ быстро развиваться, и польская литература скоро опередила чешскую, но все-таки чешскій языкъ сохранилъ свое значеніе въ Польшѣ до самаго конца XVI вѣка.

Изъ польскихъ земель испытала чешское вліяніе вообще особенно Силезія, съ XIV вѣка присоединенная къ чешскому государству. Правда, во время этого присоединенія, Нижняя Силезія была уже онѣмечена, да и въ Верхней, остававшейся польскою, высшія сословія поддавались уже германизаціи. Но рѣшительная побѣда національнаго элемента въ Чехіи въ XV вѣкѣ отразилась и на этой провинціи чешской короны. Чешскій языкъ сталъ распространяться въ Верхней Силезіи, гдѣ еще сохранялся польско-славянскій элементъ, именно въ княжествахъ Опольскомъ, Ратиборскомъ, Тѣшинскомъ, Освѣтимскомъ и Заторскомъ. Грамоты на чешскомъ языкѣ издаютъ въ XV, XVI, даже и въ XVII столѣтіяхъ князья, намѣстники, вельможи и города верхней Силезіи [1]). Въ княжествѣ Опольско-Ратиборскомъ чешскій языкъ пріобрѣлъ себѣ даже законное господство. Въ 1561 году чины этого княжества, на сеймѣ въ Ополѣ, одобрили особое земское уложеніе, утвержденное королемъ въ слѣдующемъ году. Это уложеніе написано на чешскомъ языкѣ и издано въ 1563 году [2]). Оно составлено особенно по образцу моравскаго земскаго уложенія,

---

[1]) Сравн. множество силезскихъ документовъ на чешскомъ языкѣ въ сб. Archiv česky, особенно «Zápisy Koselské 1480—1571» (II, 393). Нѣсколько силезскихъ грамотъ на чешскомъ языкѣ хранится въ архивахъ Чешскаго музея и Варшавскомъ. О распространеніи чешскаго языка въ Верхней Силезіи даже въ XVII вѣкѣ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и генеалогическое сочиненіе Папроцкаго «Štambuch slezský» (1609 г.), посвященное многимъ силезскимъ дворянскимъ родамъ.

[2]) Zřízení zemské kníž. Opolského a Ratiborského i jiných Krajuov k nim přistušejicich (Hołomauc 1563, 2-е изд. Nisa, 1671).

изъ котораго нѣкоторыя статьи даже прямо выписаны (напримѣръ, о дорогахъ, объ открытіи суда), или по крайней мѣрѣ, очень къ нимъ подходятъ (напримѣръ, присяга земскихъ судей). Языкъ—чисто чешскій, и только иногда встрѣчаются польскія слова, особенно юридическіе термины (warunek, posah, ocizna, mateřizna и друг.). Господство же чешскаго языка въ публичной жизни выражается въ особыхъ отдѣлахъ (XX, XXI, XXV): „Въ судѣ всѣ чужеземцы и туземцы должны говорить по-чешски или на понятной этому языку рѣчи, а не иначе. Приговоры должны быть провозглашаемы и вписываемы въ книги на чешскомъ языкѣ. Всѣ на другихъ языкахъ — нѣмецкомъ и латинскомъ, писанныя свидѣтельства и пр. должны быть представляемы земскому суду въ чешскомъ переводѣ".

Въ Тѣшинскомъ княжествѣ нѣмецкій и латинскій языки уступили чешскому съ половины XV вѣка (первая грамота Тѣшинскихъ князей на чешскомъ языкѣ 1442 года), и съ того времени до самаго XVIII столѣтія грамоты князей и дворянъ Тѣшинскихъ издаются на чешскомъ языкѣ. Господство чешскаго языка въ Тѣшинскомъ княжествѣ выражено также и юридическимъ путемъ, въ земскомъ уложеніи (1592 г.), составленномъ на чешскомъ языкѣ почти слово въ слово согласно съ Опольско-Ратиборскимъ [1]).

Въ княжествахъ Освѣтимскомъ и Заторскомъ чешскій языкъ остался господствующимъ и послѣ ихъ присоединенія къ Польшѣ (1453 г.). На чешскомъ языкѣ писаны грамоты Освѣтимскихъ и Заторскихъ князей Іоанна, Премислава (Премка), Казиміра и чешскихъ и польскихъ воиновъ, воевавшихъ въ Освѣтимѣ противъ польскаго короля Казиміра (1457—1458 гг.). По-чешски писаны и грамоты, касающіяся особенно имѣній польскаго рода Мышковскихъ (1473—1559). Эти грамоты издаютъ польскіе короли, старосты краковскіе и освѣтимскіе, судьи и кастеляны освѣтимскіе, заторскіе и другіе, и пишутъ земскіе писаря освѣтимскіе, все природные Поляки. Любопытна, напримѣръ, грамота 1523 года, которою намѣстникъ верхней Силезіи, тѣшинскій князь Казиміръ, улаживаетъ споры между Март. Мышковскимъ, стольникомъ краковскимъ, и нѣсколькими тѣшинскими дворянами, въ присутствіи комиссаровъ Польскаго короля, епископа Ка-

---

[1]) Práva a zřizení zemské kniž. Těšinského (Hołomauc, 1592); переведено въ концѣ XVII вѣка на языкъ латинскій, и только въ 1796 г. на нѣмецкій. Много чешскихъ грамотъ находится въ архивахъ Тѣшинскаго суда и Тѣшинской думы (Biermann: Gesch. des Hzgth. Teschen 162, 245. Einige Quellen zur Gesch. Schlesiens überhaupt. u. des H. Teschen insbesondere, въ Берненскихъ Schriften V, 176).

менецкаго, воеводы и кастеляна Сандомѣрскихъ и др. Чешскій языкъ въ этихъ грамотахъ чистъ, почти безъ полонизмовъ, которые размножаются въ грамотахъ только съ теченіемъ времени (otčizna, mateřizna; mažženka, posah, ličba, и др.). Чешскій языкъ употребляли Освѣтимяне и сосѣди ихъ въ Краковскомъ воеводствѣ и въ перепискѣ съ Чехами и Моравами: такъ, напримѣръ, по-чешски пишутъ Северинъ Балицкій, староста Освѣтимскій, опавскому судьѣ Планкнару (1534 г.), Христ. Комаровскій, кастелянъ Сандецкій, епископу Оломуцкому Павловскому (1595 г.) и пр. Вслѣдствіе совершеннаго присоединенія княжества Освѣтимскаго и Заторскаго къ польской коронѣ (1564 г.) постановлено, что съ тѣхъ поръ вся офиціальная переписка должна быть ведена на польскомъ языкѣ [1]).

Знаніе чешскаго языка было распространено въ Польшѣ еще въ XVI вѣкѣ, да еще притомъ чешскій языкъ считался тутъ чуть-ли не выше польскаго, къ неудовольствію польскихъ патріотовъ.

Поляки, вслѣдствіе частыхъ сношеній съ Чехами во времена гуситскаго движенія, знакомились съ чешскимъ языкомъ отчасти на самомъ мѣстѣ, въ Чехіи, отчасти въ Польшѣ посредствомъ многихъ прибывшихъ туда Чеховъ, особенно военныхъ. Чехи въ сношеніяхъ съ польскими и съ литовскими государями употребляли не только общій тогда латинскій языкъ, но и свой природный чешскій [2]). Поляки же, съ своей стороны, не стѣснялись говорить съ Чехами по польски: такъ, чешскіе и польскіе теологи въ Краковѣ (1431) говорили на своихъ языкахъ, переговоры между королемъ Юріемъ и польскими послами велись преимущественно по чешски, равно какъ и переговоры съ новоизбраннымъ королемъ чешскимъ Владиславомъ, ко-

---

[1]) Нѣкоторыя грамоты Освѣтимскія 1457—1551 гг. хранятся въ архивахъ Чешскаго музея и главномъ Варшавскомъ; о другихъ упоминаютъ Чацкій (O litew. i pol. prawach, I, 54) и Вишневскій (Hist. lit. pol. VI, 379). Восемь грамотъ, касающихся рода Мышковскихъ 1481—1559 гг., сообщилъ Шанецкій въ Miscellanea Cracov. II, 94; двѣ такія грамоты, 1473 и 1474 гг., хранятся въ главномъ архивѣ варшавскомъ. Нѣкоторыя Освѣтимскія и Заторскія грамоты вписаны — на чешскомъ языкѣ — и въ польскую (коронную) метрику. Постановленіе польскаго сейма 1564 г. см. въ Volumina legum II, 656.

[2]) Упомянемъ здѣсь о шуткѣ, разказанной Длугошемъ (I. B. 207). Въ переговорахъ чешскаго короля Вячеслава IV съ польскими послами въ Прагѣ 1410 г. первый сталъ съ ними говорить по-чешски, такъ какъ оба языка, чешскій и польскій, сходны и другъ другу понятны. Но польскіе послы возразили ему, что это не такъ, ибо слово «siodłak» значитъ по-чешски поселянина, а по польски «сѣдельника».

торый отвѣчалъ по польски; по чешски говорилъ на польскомъ сеймѣ и Розенбергъ, посланникъ императора Максимиліана, и на томъ же языкѣ говорилъ съ Поляками самъ императоръ и пр. Да Поляки и, соединенные съ ними, Литовскіе Русскіе, иногда сами употребляли чешскій языкъ, напримѣръ, вышеупомянутые князья Литовскіе Сигизмундъ Корыбутовичъ и Швитригайло, русскій князь Вячеславъ изъ Острога, польскіе воеводы Судивой изъ Остророга и Іоаннъ изъ Тэнчина, послы Казиміра къ Юрію Подѣбрадскому Станиславъ изъ Остророга и Яковъ изъ Дубна, вышеупомянутые Мышковскіе и др. Наконецъ, въ польскую метрику (главный архивъ) записывались чешскія грамоты (касающіяся князей Освѣтимскаго и Заторскаго и другихъ силезскихъ княжествъ) уже во второй половинѣ XV вѣка, слѣдовательно, гораздо раньше, чѣмъ грамоты на польскомъ языкѣ [1]).

Чешскій языкъ употреблялся и въ переговорахъ между чешскими наемными полками въ Польшѣ и королями польскими. Такихъ доку-

---

[1]) Сравн. Archiv český III, 18, 462; IV, 160. Чешскія записи въ Метрикѣ коронной (въ гл. архивѣ Варшавскомъ) съ 1484, 1488, 1490, 1494 гг. и др. Приведемъ здѣсь начало двухъ чешскихъ грамотъ, записанныхъ въ коронной метрикѣ, 1494 г. (кн. XV, fol. 78) и 1540 (1552 г.) (кн. LXXX, fol. 146). Въ первой «Jan Olbrecht, z buožie miłosti král Polský, najvyšši kněz Litevský, Ruský, Pruský, pán a dědic, proni jistec a dłužnik dłuhu duole psaněho, a my Ondřej z Tenčina kastelan Vojnický, Pret (sic) Myškovský z Přetičova, Kastelan Vělunský, Jan Myškovský z Přetičova, Kastelan Osvětimsky, Beneš Pohorský, Mikołaj Porambský, sudie země Osvětimské, a Petr Porubský (sic), synovec jeho, rukojmě a społuslibce z jeho miłosti a za jeho miłost královskù všechni rukù společní a nerozdielnù, každý z nás, jako za svój vłastní dłuh, vyznáváme tímto listem všem vuobec i kazdému zvlášče že jsme dłužni dłuhu pravého a spravedlivého nám vděk a v naši piłnu potřebu puožičaného (sic) dva tisíce złatých dobrých uherszých cervených na złace i na vádze spravedlivých osviecenému kniežeti, knězi Hanušovi Osvětimskému a Zátorskému kněžně Barboře manželce jeho, etc. etc. V Krakově v pásek před sv. Janem Křtitelem etc». Другою грамотой король Сигизмундъ-Августъ подтверждаетъ (1552 г. въ Петр ковѣ) грамоту отца, писанную idiomate bohemico 1540 г. и приводитъ ее вполнѣ: »My Vavřinec Myškovský z Mirova a naspytkovicech kastelan Sandecký, Severi Bonar z Balíc etc., najvyšši správca země Krakovskiej. Tak jakož král I. M. pá ńaš miłostivý nám ráčil poručiti ku krčmě Vłosenskiej jeti a tam cestu złu skrz ktoru dává se škoda nemała v skarbě I. K. M., ohledati, i tudziež jej (sic) tak postanoviti, že by była opravena a formanům był dobrý a vždycky projezd svobodný známo činíme tímto listem našim všem, kdež toho bude potřebí, že za povučení I. K. M. jsme o tu cestu złù takové postanovení učinili etc. etc. Dán u krčmy Vłosenskiej v pondělí po svatej Hedvidze léta etc». Замѣтимъ здѣсь, что эта чешско-польская грамота XVI вѣка писана уже латинскимъ шрифтомъ, а не обыкновеннымъ тогда у Чеховъ письмомъ нѣмецкимъ; подобно тому латинскимъ шрифтомъ писана и Освѣтимская грамота 1551 г. (въ архивѣ чешскаго музея).

ментовъ (разметныхъ грамотъ, квитанцій и пр.) на чешскомъ языкѣ сохранилось нѣсколько отъ XV вѣка, особенно отъ временъ короля Казиміра, часто нуждавшагося въ военной помощи чешскихъ войскъ [1]).

Въ концѣ XV вѣка извѣстный гуманистъ Конрадъ Цельтесъ, пребывая въ Краковѣ (1488—1490 гг.), учился здѣсь по чешски и по польски, и одна его здѣшняя любовница писала ему письмо на чешскомъ языкѣ (1500 г.); его же латинскія стихотворенія объяснялъ одинъ польскій ученый по чешски [2]). Въ Краковѣ издалъ (1532 г.) Польскій астрологъ Михаилъ изъ Шадка сочиненіе „Прогностикъ" на чешскомъ языкѣ. Чешскія книги посвящались и природнымъ Полякамъ, и продавались въ Польшу еще во второй половинѣ XVI вѣка. Такъ напримѣръ, Коначъ посвящаетъ свою книгу „Pravidło lidského života" (1528 г.) Христофору Шидловецкому, воеводѣ Краковскому; Мелянтрихъ пріобрѣлъ себѣ привилегію польскаго короля для продажи чешскаго перевода гербарія, и пр.

О распространеніи чешскаго языка въ Польшѣ даже во второй половинѣ XVI вѣка сохранилось еще интересное свидѣтельство. „Нашъ Полякъ", пишетъ вышеупомянутый Лука Горницкій въ своемъ „Дворянинѣ Польскомъ", — „отъѣзжай хоть версту отъ дома, сейчасъ же захочетъ говорить не иначе, какъ только на томъ языкѣ, гдѣ немножко

---

[1]) Приведемъ здѣсь извѣстныя намъ грамоты чешскія въ Польшѣ: двѣ вышеупомянутыя грамоты 1442 и 1449 гг.; четыре грамоты 1455 г. и одна 1458 г. (изд. въ Брестѣ Куявскомъ, Торунѣ и Маріенбургѣ), касающіяся чешскихъ воиновъ въ польской службѣ (двѣ въ архивѣ чешскаго музея, двѣ въ Варшавскомъ главномъ архивѣ, одна у г. Дэмбовскаго въ Варшавѣ; сравн. Maciejowszi Piśmiennictwo polskie III, Dodatki, 197); такія же (квитанціи) 1465 года (въ чешскомъ музеѣ), 1486 года (у г. Подчашинскаго въ Варшавѣ, сравн. Biblioteka Warsz., 1872, III, 142), 1488 г. (квитанція Альбрехта Костки изъ Поступицъ королю Казиміру, въ архивѣ Варшавскомъ); нѣсколько разметныхъ грамотъ Казиміру воиновъ Колды (podle páně Koldovy roty) 1457 г. (въ чешскомъ музеѣ); наконецъ вышеупомянутыя записи Освѣтимскія. Приведемъ начало одной грамоты 1455 г.:

Kazimír z božie miłosti král Polský, veliký knėz Litevský, dėdic a pán Ruský a Pruský etc. Vyznáváme tiemto cistem obecnė přede všemi, ktož jej uzřie aneb čtuc słyšeti budû, že jsme uhodili s osvieceným kniežetem, knėzem Přemkem Osvėtimským a Tošeckým, s bratrem naším miłým i se všemi jinými dobrými lidmi jeho rotû o słužbu na druhého čtvrt léta i přijali sme a mocí toho listu za naše přijímánie słužebníky od dánie sv. Appolonie, etc. etc. Языкъ этихъ грамотъ вообще чистъ; полонизмы встрѣчаются рѣдко (больше всего въ грамотѣ 1442 г., здѣсь и «xanze»—ksiaze, князь), на пр. zdradił, niht (nygdt), vyšti (wysstim), odnoviti podvyšení, и пр.

[2]) Sitzungsberichte der kais. Akademie. Wien 1868, October, 144.

пробылъ. Если былъ въ Италіи—то употребляетъ за каждымъ словомъ „signor“, если во Франціи—то „par ma foi“, если въ Испаніи—то „nosotros cavaglieros“, а иной, хотя бы и не былъ въ Чехіи, а только переѣхалъ черезъ границы Силезіи, и то уже не хочетъ иначе говорить, какъ только по чешски, и Богъ знаетъ какой будетъ этотъ его чешскій языкъ. И если ему скажешь, чтобъ онъ говорилъ на своемъ языкѣ, то онъ отвѣтитъ, что забылъ, или что природный языкъ кажется ему грубымъ, и чтобъ это доказать, вырветъ какое-нибудь древне-польское слово изъ пѣсни Богородица и сопоставитъ его съ какимъ-нибудь гладкимъ чешскимъ словечкомъ, чтобъ указать грубость своего языка и красоту чужаго; наконецъ, чуть ли не каждый ораторъ въ польскомъ языкѣ употребляетъ чешскія слова вмѣсто польскихъ, какъ будто это чрезвычайно красиво“. На вопросъ одного дворянина, не нравится ли ему, когда Полякъ беретъ въ польщизну чешскія слова, Лука отвѣчаетъ: „нечего нравиться, когда имѣется собственное польское слово, и отбросивъ его, заимствовать изъ чужаго языка на его мѣсто, и вмѣсто „stany koronne“ (чины государственные) говорить „stawy koronne“; ибо это ни что другое, какъ будто бы прогоняли Поляковъ изъ земли, а Чеховъ въ нее принимали; какой въ томъ смыслъ — видитъ всякій. Конечно, гдѣ не стало бы польскаго слова для той вещи, которую Поляку слѣдовало бы назвать, или еслибъ въ переводѣ съ одного языка на другой онъ нуждался въ чужомъ словѣ,—то не только не порицаю того, когда онъ возьметъ слово изъ столь сходнаго съ нашею рѣчью языка, какъ чешскій, но позволительно взять и изъ латинскаго, особенно, если слово было бы легко понятно или уже немножко принято. Такъ поступали и наши славные польскіе ораторы, между тѣмъ какъ нынѣшнимъ пришло на мысль безстыдно совать въ свой языкъ странныя чужеземныя слова и, вмѣсто отличныхъ словъ польскихъ вставлять гораздо худшія чешскія. Поэтому мало понимаемъ этихъ новыхъ Цицероновъ и совершенно не понимаемъ того, что̀ они намъ предлагаютъ письменно. Они же думаютъ, что это очень умно такъ говорить, или такъ писать, чтобъ ихъ понимали немногіе, или никто; но въ этомъ, конечно, ошибаются“ [1]).

Вставка чисто чешскихъ словъ, то-есть, не измѣненныхъ на польскій ладъ, встрѣчается у нѣкоторыхъ польскихъ писателей даже второй половины XVI вѣка. Въ числѣ ихъ Кленовичъ, познакомившись

[1]) Dworzanin polski (1565, изд. Туровскаго 43).

съ чешскимъ языкомъ на мѣстѣ (въ 1570 г. онъ былъ въ южной Чехіи), иногда нарочно, безъ всякой нужды, вставляетъ чешскія слова, чтобы только пощеголять знаніемъ чешскаго языка. Такъ, въ своей поэмѣ „Worek Judaszów“ (1600 г.) онъ пишетъ: „jeśli się nie szatrzy“, прибавляя: „szatrzenie (то-есть, šetřeni) po czesku, boczenie po polsku“; „*dzite* czeskie słowo, po polsku idźcie“; „pokuta, po czesku *pokánie* quasi pokatanie“; „szelma, monstrum poczesku“, и пр. Даже цѣлыя чешскія фразы приводятся иногда въ польскихъ сочиненіяхъ того времени [1]).

На Чеховъ и вообще на чешскія отношенія обращали всегда вниманіе въ Польшѣ. Знаніе чешской исторіи, права и пр. было здѣсь довольно распространено не только между польскими историками, но и въ болѣе широкихъ кружкахъ [2]). Уже выше мы сказали, что польскіе историки, разказывая о судьбахъ своего народа, не упускаютъ изъ виду и сосѣднихъ народовъ, особенно русскій и чешскій; такъ поступаютъ, напримѣръ, Длугошъ, Мѣховита, Хвальчевскій, Кромеръ, Бѣльскій, Папроцкій и др., пользуясь чешскими лѣтописями и историками и устными разказами очевидцевъ [3]). Чешскую исторію обработывали въ Польшѣ и особо. Валентій Полидамъ, занимаясь чешскою исторіей, успѣлъ издать древнѣйшій ея періодъ; большую часть этого изданія занимаетъ рѣчь Лѣха къ Чеху, въ которой первый побуждаетъ послѣдняго къ славѣ, и отвѣтъ Чеха, который благодаритъ брата за любовь и восхваляетъ чешскій народъ [4]). Мартынъ Бѣльскій помѣстилъ въ свою „Хронику всего міра“, кромѣ хроникъ польской и угорской, краткую хронику чешскаго народа, — по словамъ, сказаннымъ въ ней Любушей — „народа благороднаго языка славянскаго“. Свѣдѣнія свои Бѣльскій черпалъ особенно изъ чешской хроники Гайка [5]). Примѣры изъ чешской

---

[1]) Орѣховскій (Dyalog albo rozmowa około exekucyi polskiej korony 1562), говоря о чешскихъ сеймахъ, приводитъ слова чешскаго короля при открытіи сейма по чешски (изд. Туровскаго 59).

[2]) Сравни, напримѣръ, что пишетъ Горницкій о судебномъ порядкѣ чешскомъ (Rozmowa o elekcyi etc. изд. Туровскаго, 51).

[3]) Длугошъ—важный источникъ чешской исторіи XV вѣка. Экземпляръ чешской хроники Пулкавы находился и въ рукахъ епископа Збигнѣва Олешницкаго, который сдѣлалъ въ ней нѣсколько поправокъ (Palacký: Radhost, II, 471).

[4]) Historia de rebus gestis Bohemorum (Crac., 1535), посвященная чешскому королю Фердинанду. Знаемъ ее только изъ Вишневскаго (Hist. lit. pol. VIII, 72).

[5]) Kronika wszytiego swyata (изд. 1550 г., fol. 136—153, повторена также въ изданіяхъ 1554 и 1564 гг.). Разказывая о крещеніи князя Боривоя, Бѣльскій замѣчаетъ, что «król Swatopłuch z bojarinem ruskim był jego kmotrem».

исторія часто приводили польскіе писатели, публицисты, поэты и ораторы. Такъ, напримѣръ, часто указываютъ на гуситское движеніе, враждебно или дружелюбно, смотря по тому, принадлежитъ ли пишущій къ католикамъ, или къ диссидентамъ. Первые, стало быть, жалѣли о заблужденіяхъ „знаменитаго народа славянскаго, братьевъ и сосѣдей нашихъ Чеховъ" по поводу еретика Гуса и кровавыхъ проистекшихъ изъ того войнъ желали, чтобъ ихъ отечество было избавлено отъ такихъ бѣдствій; другіе же радовались, что оппозиція противъ суевѣрій Рима явилась прежде всего у Славянъ, у Чеховъ, и горячо защищали „благочестиваго" Гуса противъ обвиненій его въ еретичествѣ [1]).

Особенно интересовались Поляки судьбами Чеховъ послѣ избранія послѣдними Габсбурговъ въ ихъ короли и послѣдовавшаго затѣмъ постепеннаго ослабленія древней чешской свободы и возвышенія королевской власти. На это обстоятельство польскіе публицисты и ораторы не перестаютъ обращать вниманіе своихъ соотечественниковъ. „Возьмите Чеховъ, своихъ братьевъ", восклицаетъ Орѣховскій, — „спросите ихъ, за что казнилъ ихъ Фердинандъ? Скажутъ, за то, что мы не хотѣли идти съ Фердинандомъ противъ Саксонскаго курфирства противно нашимъ привилегіямъ. Спросите ихъ, возлагаются ли эти большіе и безпрестанные подати и налоги въ Чехіи съ позволенія чешской короны, или только по повелѣнію и принужденію королевскому? Чехи отвѣтятъ, что на чешскихъ сеймахъ дѣлаются такія предложенія со сторонѣ Фердинанда: Милые паны, его королевское величество прежде проситъ, а потомъ хочетъ, чтобъ было по сему" [2]).

И дѣйствительно, положеніе Чеховъ подъ властью Габсбурговъ играло, какъ мы выше видѣли, важную роль на избирательныхъ сеймахъ польскихъ и значительно повліяло на неуспѣхи Габсбурговъ въ Польшѣ. Польскіе писатели и ораторы даже въ XVII вѣкѣ не могли забыть несчастія „братскаго народа Чешскаго", лишеннаго Габсбургами его независимости, и предостерегали своихъ земляковъ отъ австрійскаго дома [3]).

---

[1]) Сравн. напримѣръ, Orzechowski: Dyalog (1562), и Guincunx (1564); Colloquium Piotrkowskie (Сарницкаго? 1564), Niemojewski: Odpowiedź na książki Herbesta (1569), сочиненія Другоша, Госіа, Скарги, Венгерскаго и пр.

[2]) Dyalog (изд. Туровскаго, 59); послѣднія слова приводятся по чешски.

[3]) Сравн., напримѣръ, Пясецкаго (Chron. 269, 587), Фредра (Gest. pop. polon. sub Henr. Val., 202), Ольшевскаго (Censura candidatorum, 1669 г.), Ляпскаго (Wojna Chocimska, 111), и др.

Чехи, по общественному мнѣнію въ Польшѣ XVI вѣка, считались гордыми и любящими роскошь, но вмѣстѣ съ тѣмъ правдивыми и твердыми въ исполненіи обѣщаннаго слова. По словамъ Рея, какъ Чехи любятъ держать свое слово, такъ и Поляки, если хотятъ дать нерушимое обѣщаніе, то связываютъ себя „чешскимъ" словомъ [1]). „Чешское слово" въ Польшѣ въ XVI и XVII вѣкѣ означало вообще вѣрное исполненіе обѣщаннаго, на что можно было положиться „A za ja Czech słowo dzierżeć?"—„Co Czech słowo trzymać?" Такія и имъ подобныя выраженія встрѣчаемъ у Кромера, Сарницкаго, Папроцкаго, Рысинскаго и другихъ [2]).

Съ другой стороны, и въ Чехіи хорошо знали Поляковъ, ихъ исторію, государственныя учрежденія, языкъ и литературу. Мы видѣли, что польскими отношеніями интересовались многіе чешскіе писатели; что природные Чехи, приверженцы церкви чешскихъ братьевъ, сдѣлались и польскими писателями и такимъ образомъ, отплатили Полякамъ за чешскаго писателя, природнаго Поляка Папроцкаго. Событіями въ сосѣдней и родственной Польшѣ интересовались и въ Чехіи [3]). Хотя польскій языкъ вообще не повліялъ на чешскій, но

---

[1]) Przemowa krótka do poczciwego Polaka stanu rycerskiego (о разныхъ народахъ, стихи въ сочиненіи Рея Zwierciadło 1568, изд. Краковск. 1848 г. стр. 165): Pierwej gdy co zarnego i w Polsce zmawiano, Tedy to czeskim słowem zdzierżać obiecano. Конечно, хорошія отношенія между Чехами и Поляками не исключали и насмѣшекъ другъ надъ другомъ. Такъ, напримѣръ, тотъ же Рей насмѣхается надъ однимъ «Чехомъ, который не боялся Татаръ»: Czech jeden na Podole jechał kozakować, i począł się s swym męstwem dziwnie wysławować», и потомъ убѣжалъ. (Figliki albo rozlicznych ludzi przypadki dworskie). Ах. Кмита, авторъ юмористическаго стихотворенія о «Бабинской республикѣ» (Morocozmea Babińskie, 1617 г.) начинаетъ свои стихи съ «Золотой бабы» Московской, и съ бабы-колдуньи, которая по лѣтописямъ—велѣла Чехамъ, воевавшимъ съ Лучанами, съѣсть осла, и продолжаетъ: «I tak czechowie osła na jej słowo zjedli, Ślęzacy łeb z uszyma, Polski nieosiedli (Wiszniewski Hist. lit. pol. VI. Dodatek). То же самое повторяетъ и вышеупомянутый Погодзинскій. Съ другой стороны; вышеупомянутый Чехъ Николай ругаетъ Поляковъ, чешскій лѣтописецъ насмѣхается надъ «дурачками Поляками», принимавшими фальшивую монету (1436 года. Staři letopis. češti 98), панъ Цтиборъ изъ Цимбурга изображаетъ «Лѣнь» живущею въ Польшѣ (Hádani pravdy a lži 1467 г.), и пр. Сравн. также чешское письмо угорскаго короля Матвѣя о Полякахъ 1472 г. (Archiv český VI, 49).

[2]) Кромеръ (гл. 13), Сарницкій (Annales 192), Папроцкій (Diadochus гл. 3 и посвященіе чешскимъ министрамъ 12), Рысинскій (Przypowieści polskie 1629 г., p. 105).

[3]) Сравн. памятники Жидка, Дачицкаго, Быджовскаго и др., разныя «новины» (вѣдомости) о польскихъ дѣлахъ, и пр. Энциклопедія Чеха Павла Жидка

все-таки многіе Чехи, пребывая въ Польшѣ, волей-неволей подверглись вліянію этого близкаго языка. Такъ, напримѣръ, по свидѣтельству Благослава, чешскій братъ Червенка, пребывая въ Чехіи, Моравіи, Пруссіи и Польшѣ, часто смѣшивалъ эти нарѣчія и употреблялъ слова и обороты польскіе, прусскіе и моравскіе. То же бывало и съ іезуитомъ Гостунскимъ, который, долго пробывъ въ Польшѣ, смѣшивалъ въ своихъ проповѣдяхъ чешскій и польскій языки [1]).

II.

Чехи и Балтійско-Лабскіе Славяне.

1. Сношенія Чеховъ и Балтійско-Лабскихъ Славянъ.

Чехи, столкнувшись, подобно другимъ своимъ сосѣдямъ и соплеменникамъ на Лабѣ, съ врагами всего славянства Нѣмцами, вышли изъ этой борьбы побѣдителями и не лишились, подобно своимъ сѣвернымъ братьямъ, ни національной, ни политической самостоятельности. Но хотя Чехи и мужественно продолжали отражать напоръ Нѣмцевъ, у нихъ все-таки возникали иногда опасенія, устоятъ ли они въ этой неравной борьбѣ, и не постигнетъ ли и ихъ судьба ихъ лабскихъ и балтійскихъ братьевъ. Вѣдь Чехи всегда знали, что когда-то на сѣверѣ ихъ сосѣдями были не Мишенскіе и Бранденбургскіе маркграфы, а Сербы и Стодоряне; что и въ Лужицахъ, присоединенныхъ позже къ чешской коронѣ, жили Сербы, хотя уже подъ властью нѣмецкихъ господъ; что и дальше на сѣверъ была земля Славянъ (Slavonia), Бодричей и Лютичей, съ которыми нѣмецкіе государи безпрестанно воевали [2]). Хотя чешскіе полки и не разъ помогали нѣмецкимъ войскамъ противъ языческихъ Славянъ Балтійскихъ, но все-таки они не забывали, что это ихъ соплеменники. Языкъ чешскій и языки

находящаяся въ Краковѣ, приписывалась въ Польшѣ извѣстному Твардовскому. (Сравн. статью Мучковскаго 1835).

[1]) Błachosłav Grammatika 289. Jungmann Hist. liter. česze, 122. Одна польская пѣснь Червенки находится въ польскомъ канціоналѣ изд. 1598 г. О полонизмахъ въ чешскомъ переводѣ памятниковъ Константиновича. см. Rozpravy Iirečka, 1.

[2]) Названія «Сербы, Сербія», въ смыслѣ земель Мишенской и Лужицкой, встрѣчаются у чешскихъ лѣтописцевъ и у другихъ писателей до XVI—XVII вѣка. О походахъ Нѣмцевъ противъ Славянъ разказываетъ нѣмецкій лѣтописецъ Косма подъ 985—987 годами.

Лабскихъ и Балтійскихъ Славянъ, сосѣдей Саксоніи, были такъ близки другъ другу, что Пражскими епископами назначались и Саксонцы, „знающіе совершенно языкъ славянскій“: таковы были первый и третій епископы Пражскіе Титмаръ (973 г.) и Титагъ (998 г.). Изъ племени Лютичей, изъ Стодорской земли, вышла мать святаго ихъ князя Вячеслава, Драгоміръ; съ Лютичами издревле были у чешскихъ князей договоры о взаимной помощи, которые всегда вѣрно соблюдались и еще въ концѣ X вѣка возобновлялись: еще тогда чешскій князь Болеславъ, разставаясь съ своими вѣрными союзниками Лютичами и зная ихъ непримиримую вражду къ Нѣмцамъ, утѣшалъ ихъ, что прійдетъ время, когда и они имъ отомстятъ [1]).

Но это время не явилось: Лютичи, вмѣстѣ съ Сербами и Бодричами, вскорѣ были истреблены Нѣмцами. И даже сами Чехи способствовали гибели своихъ сѣверныхъ братьевъ: еще въ 1147 году моравскіе князья и Оломуцкій епископъ участвовали въ крестовомъ походѣ Нѣмцевъ и Датчанъ противъ Бодричей и Лютичей. Земли побѣжденныхъ Славянъ заняли, общіе всѣмъ западнымъ Славянамъ враги, Нѣмцы.

При дружественныхъ отношеніяхъ Чеховъ и Лютичей весьма вѣроятно, что чешскіе язычники сносились съ Радигощью и съ Арконой, и что Боги балтійскихъ Славянъ были извѣстны и Чехамъ. Такъ въ одномъ древнечешскомъ словарѣ XIII вѣка, въ такъ-называемой Mater Verborum, приводятся и нѣкоторыя божества Балтійскихъ Славянъ: Сватовитъ, Радигостъ, Триглавъ, Бѣлбогъ и др. [2]).

2. Мнѣнія Чеховъ о гибели Балтійско-Лабскихъ Славянъ.

Послѣ паденія лабскаго и балтійскаго славянства, не могли и Чехи остаться нетронутыми отъ притязаній Нѣмцевъ, ненависть и надменность которыхъ противъ всѣхъ Славянъ характеризовалъ такъ хорошо чешскій лѣтописецъ XII вѣка Косма.

Нѣмцы стали распространяться въ землю Чешскую и Моравскую, и такимъ образомъ, угрожать и чешской народности. Эту опасность почувствовали Чехи преимущественно во время великой своей борьбы XV вѣка почти со всею Европой вообще, и съ имперіей Римско-Гер-

[1]) Сравн. лѣтописи Космы (I, 36, 49, 62) и Титмара (ad a. 990).

[2]) Гильфердингъ. Ист. балт. Славянъ, 237, Časopis Česk. Mus. 1863, 157. Не забудемъ, что послѣдніе волхвы оставили Чехію только въ самомъ концѣ XI вѣка (Csomas, I, 197).

манскою въ особенности. Нѣмцы тогда съ яростью бросились на древнихъ своихъ національныхъ враговъ, которые, кромѣ того, какъ еретики, были подъ проклятіемъ римской церкви. Чехи хорошо узнали цѣли Нѣмцевъ и усердно приглашали всѣхъ вѣрныхъ и ревностныхъ любителей своего народа къ борьбѣ съ „природными врагами нашими, Нѣмцами, которые, не имѣя никакой причины, на нашъ языкъ всегда злятся, и какъ нашему языку сдѣлали на Рейнѣ, въ Мишніи, въ Пруссіи и его прогнали, такъ и намъ думаютъ сдѣлать и занять мѣста прогнанныхъ“ [1]).

Въ это бурное время, когда національная ненависть Чеховъ и Нѣмцевъ и вообще Славянъ проявилась въ высшей степени, Чехи не разъ вспоминали съ грустью и горечью о судьбѣ своихъ Лабскихъ и Балтійскихъ братьевъ. „Нѣмцы“, жалуется неизвѣстный авторъ въ одномъ памятникѣ того времени,—„вездѣ славянскій языкъ преслѣдовали и вытѣсняли; такъ, занялъ этотъ нѣмецкій сбродъ Лужицкую и Сербскую земли и заселилъ страны первоначально чешскаго и славянскаго происхожденія. Сербскій народъ занималъ когда-то всѣ земли отъ Саксоніи, начиная отъ Старгарда на востокъ до земли Прусской. Нѣмецкій языкъ укралъ у насъ и землю Брауншвейгскую, Люнебургскую, Магдебургскую, Гальберштадтскую, Бранденбургскую, Мекленбургскую и Бѣлгардскую“ [2]).

Чехи, зная объ онѣмеченіи большей части лабскаго и балтійскаго славянства и съ огорченіемъ вспоминая объ этомъ, знали, вмѣстѣ съ тѣмъ, и о жалкомъ состояніи языка и соціальнаго положенія остатковъ Славянъ въ Германіи. Такъ одинъ лѣтописецъ чешскій XVI вѣка не согласенъ съ производствомъ Чеховъ отъ „Вандаловъ, то-есть, Сербовъ“, и возстаетъ противъ этого мнѣнія, которое противно не только всѣмъ историкамъ, писавшимъ о началѣ Чешской земли, но и характеру чешскаго языка: „Ибо“, замѣчаетъ онъ, „не мы говоримъ сербскою рѣчью, а Сербы смѣшали нашу съ своею, то-есть, нѣмецкою, и употребляютъ ее“. Другіе писатели чешскіе XVI и XVII вѣковъ упрекаютъ современныхъ Чеховъ въ томъ, что они портятъ свой языкъ нѣмецкимъ, какъ Сербы; они знаютъ, что памятью Славянъ или Виндовъ служитъ до сихъ поръ множество названій городовъ и селъ въ Лабскихъ земляхъ, и что ихъ остатки живутъ въ

[1]) Манифестъ Пражанъ, 1420 г. (Archiv český, III, 212.

[2]) Krátké sebránie z Kronik českých (1437 г.), изд. Ганки, 229, 241. Сравн. выше стр.

Саксоніи, въ Маркахъ, въ Лужицѣ и въ другихъ странахъ, но въ такомъ презрѣніи, что Нѣмцы не позволяютъ имъ селиться ни въ какихъ городахъ, изъ которыхъ вытѣснили ихъ предковъ, и что они вынуждены работать, какъ холопы, по деревнямъ: „Славянскій нашъ языкъ уже слишкомъ униженъ и оскорбленъ, такъ какъ онъ истребленъ не только во всей землѣ Мишенской, Брауншвейгской, Люнебургской, Бременской и друг., но также и на Лабѣ. Во всѣхъ этихъ земляхъ до самого моря Сѣвернаго, иначе Балтійскаго, простирающихся больше, чѣмъ на сто миль, какъ въ Лужицахъ, въ обѣихъ Маркахъ Бранденбургскихъ, Саксоніи, Поморьѣ, Мекленбургѣ, Лауенбургѣ, Гольштейнѣ до самыхъ заливовъ Даніи. Народъ такъ безчестно оскорбленъ пришлецами за то, что они не позволяютъ никому, родившемуся отъ славянскихъ или сербскихъ родителей, учиться ремеслу, не терпятъ никого въ цѣхѣ и не допускаютъ къ ремесламъ и занятіямъ, пока онъ не докажетъ присягой, что происходитъ не отъ славянской, а отъ нѣмецкой крови [1]).

Было надъ чѣмъ призадуматься Чехамъ, глядя на судьбу лабскихъ и балтійскихъ своихъ братьевъ: вѣдь и положеніе Чеховъ—послѣ паденія ихъ независимости (1620 г.)—стало все больше и больше подходить къ положенію презираемыхъ остатковъ Лабскихъ Сербовъ. Съ ужасомъ смотритъ на упадающую чешскую народность ревностный патріахъ XVII вѣка Богуславъ Бальбинъ. Разказывая объ охраненіи чешскаго языка предками, онъ думаетъ, что ихъ побуждали къ тому примѣры сосѣднихъ земель лабскихъ и балтійскихъ, бывшихъ нѣкогда славянскими, и въ которыхъ славянскій языкъ, вслѣдствіе разныхъ происковъ, осужденъ на рабство или совсѣмъ изчезъ; съ огорченіемъ вспоминая о жестокомъ и безчеловѣчномъ поведеніи Нѣмцевъ противъ несчастныхъ Балтійскихъ и Лабскихъ Славянъ, онъ обращается къ своему народу съ слѣдующими словами: „Эти примѣры, будучи близки и ясны, могутъ Чехамъ и народамъ славянскаго имени напомнить общую опасность и наставить ихъ съ величайшей пользой, чтобы предупредить угрожающее имъ зло" [2]).

Съ другой стороны, и Лужицкіе Сербы хорошо сознавали, что ихъ

---

[1]) Чешскія хроники Кутена (1539) и Велеславина (1585), введенія; Kronyka Bolesłavská (то-есть, Далимилъ), изд. П. Ешина 1620 г. (предисловіе), Благослава Чешская грамматика (232).

[2]) Balbin: Miscellanea histor. regni Bohemiae (lib. III, p. 236), Dissertatio apologetica pro lingua slavon. praecipue bohem., 21.

одноплеменники находятся въ Чехіи, въ Польшѣ и въ другихъ странахъ. Это сознаніе, какъ мы видѣли выше, имѣло и практическіе результаты относительно сербскаго языка. Взаимныя сношенія между Чехами и Лужицкими Сербами поддерживала учрежденная позже (1704, 1716 гг.) для Сербовъ и до сихъ поръ существующая католическая семинарія въ Прагѣ.

III.

Поляки и Славяне Балтійско-Лабскіе.

1. Сношенія Поляковъ съ Балтійско-Лабскими Славянами.

Славянскія племена, заселившія обширныя равнины по рѣкамъ Одрѣ и Вислѣ на сѣверъ до Балтійскаго моря, на западъ до самой Лабы, происходили отъ одного корня. Эти жители „полей" и „лѣхъ, лядъ"— всѣ они были „Ляхи". Это подтверждаетъ общій этимъ Славянамъ языкъ, ихъ бытъ и древнія преданія. Объ этомъ національномъ единствѣ Ляховъ Балтійскихъ и Вислянскихъ знали и другіе Славяне: такъ русскій лѣтописецъ разказываетъ, что „Словѣне пришедши сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляхове друзіи Лютичи, или Мазовшане, или Поморяне" [1]).

Ляховъ раздѣлила исторія: восточная ихъ половина—Поляне, Слязане, Хорваты, Мазовшане и Поморяне сложились въ одно политическое цѣлое съ христіанскимъ устройствомъ, между тѣмъ какъ западные Ляхи, Бодричи и Лютичи, очутившись въ особомъ положеніи, погибли въ неравной борьбѣ съ Нѣмцами. Не удалась попытка Болеслава Храбраго соединить всѣхъ Ляховъ и вообще всѣхъ западныхъ Славянъ въ одно государственное тѣло. Лютичи и старинные ихъ союзники Чехи сами воспрепятствовали осуществленію этого плана. Ему благопріятствовали только Лабскіе Сербы. Хотя ихъ земли, въ борьбѣ Болеслава съ Нѣмцами, были главнымъ театромъ войны, хотя многочисленныя толпы Гломачей, Сербищанъ и другихъ уводились въ плѣнъ въ Польшу; но все-таки сербскіе городскіе стражи, „вѣтники", сносятся съ своими польскими соплеменниками и передаютъ имъ ввѣренные себѣ города. Но не всѣ Сербы присоединились тогда къ

[1]) П. С. Р. Л., I, 3. Польскій языкъ оказалъ большія услуги апостолу Поморянъ и Лютичей, Оттону Бамбергскому (Bielowski—Monum. Polon. histor. II, 126, 128).

Польшѣ; не рѣка Сала, на которой Болеславъ отмѣтилъ новыя границы Польскаго государства, отдѣляла его отъ Германіи, а только Лабе и Галштровъ (Эльстеръ), и отъ нѣмецкаго ига освободились только одни восточные Сербы, Мильчане и Лужичане и присоединились къ Польшѣ.

Польша не оказалась на столько сильною, чтобы навсегда удержать за собою эти пріобрѣтенія: скоро послѣ смерти великаго Болеслава, границы Польскаго государства были оттѣснены опять дальше на востокъ до Бобра, Лабскіе Сербы выданы на жертву алчному нѣмецкому элементу, и на всегда пропало время, когда они, по одной народной пѣснѣ, не зная еще ни словечка по нѣмецки, ходили на Нѣмцевъ.

Съ другой стороны подпали, и Балтійскіе Славяне подъ власть Нѣмцевъ; напрасно старается еще ихъ защищать могучій польскій князь Болеславъ III: и Рана, и западное Поморье сдѣлались добычей Нѣмцевъ, равно какъ и земля Бодричей, и земля Стодорянъ.

2. Мнѣнія Поляковъ о гибели Балтійско-Лабскихъ Славянъ.

Утрату славянскихъ земель лабско-балтійскихъ Поляки долго не могли забыть. О „желѣзныхъ столбахъ", водруженныхъ на Салѣ или Солавѣ, какъ граняхъ Польши, не разъ вспоминаютъ и позднѣйшіе Поляки, и еще въ 1454 г. Краковскій кастелянъ Янъ изъ Чижева, въ присутствіи короля Казиміра и многихъ вельможъ, справедливо жалуется на то, сколько земель Польша дозволила, въ своей безпечности, занять Нѣмцамъ, особенно Лужицы и землю Любушскую, безправно оторванныя отъ польской короны [1]).

Отголоски древняго національнаго и отчасти и политическаго единства всѣхъ Ляховъ звучатъ еще въ памяти Поляковъ не только XIII-го, но и позднѣйшихъ вѣковъ. Въ Польшѣ хорошо знали, что эти „Вандалы или Венды и Поляки—были и суть одинъ народъ". Польскіе лѣтописцы, разказывая, что какой-то миѳическій польскій князь, Лешекъ III, раздѣлилъ свою землю между двадцатью своими сыновьями, приводятъ въ числѣ удѣловъ и Кашубію, нижнее Поморье, Рану, Бодричей, Варновъ, Древлянъ—названныхъ такъ отъ лѣсовъ или

---

[1]) Bogusławski: Rys dziejów-serbo-łużyckich, 208. Еще въ концѣ XVII вѣка одинъ польскій поэтъ восклицаетъ: «Elba, twéj korony ściana niegdy, cny Bolesławie», который «żelazne Kazał Kolumny Kopać i na Elbie». (Lipski—Wojna Chocimska, 3, 196).

деревъ, — Сгорѣлецъ, называемый теперь Бранденбургъ, Силезію и разныя земли по рѣкамъ Лабѣ, Одрѣ, Пѣнѣ, Доленцѣ, Укрѣ, Рекеницѣ, Варнавѣ, Гаволѣ, Спревѣ, Травнѣ или землю Травлянъ, и другія области Польши между моремъ Балтійскимъ, Лабой и Гаволой. Во всѣхъ этихъ земляхъ жили прежде Славяне и построили, существующіе и до сихъ поръ, города: Буковецъ или Любекъ, Плона, Бременъ (отъ бремени), Добинъ, Висмаръ, Ратиборъ, Иловъ, Звѣринъ, Розтокъ и другіе. Всѣ эти Славяне или большая ихъ часть — такъ разсуждаютъ польскіе историки — находились когда-то подъ властью Болеслава Храбраго, но послѣ его смерти оторваны отъ польской орлицы и подпали подъ власть разныхъ господъ.

На онѣмеченіе этихъ славянскихъ земель часто жалуются и позднѣйшіе польскіе писатели и напоминаютъ своимъ соотечественникамъ, чтобъ они вспомнили, „сколько польскихъ земель отнято у нихъ Нѣмцами". Почти всѣ эти Славяне (Лехиты - Ляхи, Венды, Вандалы), жившіе при морѣ Балтійскомъ, порабощены нѣмецкими государями, вытѣснены и прогнаны, особенно высшія сословія, и замѣнены нѣмецкими колонистами, такъ что изъ Славянъ остались немногіе по деревнямъ, говоря „на польскомъ или славянскомъ языкѣ", хотя и испорченномъ. Такъ, и въ Бранденбургіи жили Славяне, говорившіе на польскомъ языкѣ, и въ Саксоніи Сербы или Вандалы, и память Славянъ сохраняютъ здѣсь и до сихъ поръ многія названія мѣстъ; да и Мекленбургскіе князья происходятъ отъ князей славянскихъ Бодричей, именно отъ Прибислава Никлотовича; также и князья поморскіе польско-ляшской крови; и если они сражаются въ рядахъ Нѣмцевъ противъ Поляковъ (какъ это случилось при Танненбергѣ), то поступаютъ противъ своего народа [1]).

Лужицкіе Сербы, пробудившись къ новой, хотя и ограниченной, литературной жизни, стали изучать ближайшіе себѣ языки славянскіе, польскій и чешскій, и сравнивать ихъ съ своимъ: такъ, напримѣръ, дѣйствовали уже въ XVII вѣкѣ оба Френцеля. Между Сербами въ Нижней Лужицѣ возобновилъ, или скорѣе, началъ литературное движеніе природный Полякъ Богумилъ Фабриціусъ (1701—1741 гг.).

---

[1]) Такъ разсуждаютъ польскіе историки Богухвалъ и Паско (Bielowski Mon. Pol. hist. II, 470, 479), Длугошъ (I, 66, 185, 267), Матвѣй изъ Мѣхова (предисловіе къ польской исторіи, описаніе Сарматіи), Сарницкій (402), Пясецкій (71), и друг.

Наконецъ замѣтимъ, что и на умирающіе остатки Бодричей, на Древлянъ, имя которыхъ было извѣстно Полякамъ еще въ XIII вѣкѣ, первый у Славянъ обратилъ вниманіе польскій ученый Іоаннъ Потоцкій [1]).

IV.

Поляки и Русскіе.

1. Древнія преданія о происхожденіи Ляховъ и Руси. — Поляки и юго-западные Русскіе (Русины). — Польскій языкъ на Руси и русскій въ Польшѣ. — Унія. — Борьба Поляковъ и юго-западныхъ Русскихъ въ XVII вѣкѣ.

Національное единство и родство поселившихся на сѣверъ отъ Карпатъ, на Вислѣ и на Днѣпрѣ племенъ славянскихъ, позднѣйшихъ Ляховъ и Руси, является въ древнихъ польскихъ и русскихъ преданіяхъ. Они выводятъ этихъ Славянъ изъ дунайскихъ земель, изъ Панноніи или Угорской земли. На это родство указываютъ и разныя, болѣе или менѣе древнія сказанія о трехъ братьяхъ-выходцахъ — Чехѣ, Лѣхѣ и Русѣ, выселившихся будто съ юга на сѣверъ, о происхожденіи Поляковъ изъ русскихъ земель, изъ Новгорода, и проч. Память о первоначальномъ родствѣ и общемъ происхожденіи отдѣльныхъ племенъ славянскихъ за Карпатами сохранилась, кромѣ того, и въ нѣкоторыхъ одинаковыхъ ихъ названіяхъ. Такъ, напримѣръ, племя, поселившееся на сѣверномъ склонѣ Карпатъ или Хребтовъ, Карваты или Хорваты, раздѣлилось со временемъ на двѣ половины, изъ которыхъ западная примкнула къ Польскому народу, восточная же — къ Русскому; жившіе на самомъ восточномъ краю тогдашняго славянскаго міра племена, Вятичи и Радимичи, производились отъ Ляховъ еще въ XII вѣкѣ; близки и названія Кіевскихъ и Куявскихъ Полянъ, Сѣверянъ на Деснѣ и въ Силезіи, поморскихъ и русскихъ Волынянъ, и пр. [2]).

Въ IX—X вѣкахъ изъ этихъ закарпатскихъ Славянъ составились

---

[1]) Voyage dans quelques parties de la Basse Saxe pour la recherche des antiquités slaves ou vendes (1795).

[2]) Замѣтимъ, что этнографическія границы между Ляхами и Русью почти не измѣнились; онѣ идутъ и теперь по Вислокѣ, Вепрѣ и Бугу, какъ было, вообще говоря, уже въ IX—X вѣкахъ. Только между Вислой и Бугомъ Ляшское племя подвинулось немножко на востокъ, въ ущербъ русскому. Сравн., между прочимъ, соч. Петрушевича: Холмская епархія (Львовъ, 1867, также въ Холмскомъ мѣсяцесловѣ на 1871 годъ).

два государства и два народа: на западѣ — Польша (Ляхи), на востокѣ — Русь. Оба они стали развиваться своимъ особымъ путемъ: Поляки, примкнувъ къ западу, приняли и его цивилизацію, Русскіе же вошли въ кругъ цивилизаціи восточной, византійской. Это религіозное и культурное разъединеніе обоихъ славянскихъ народовъ придало ихъ исторіи рѣшительный поворотъ и имѣло сильное вліяніе на взаимныя ихъ отношенія въ послѣдующіе вѣка.

Польша и Русь, два смежныя государства, находились въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ и столкновеніяхъ. Польскіе князья безпрестанно вмѣшиваются въ дѣла Руси, особенно юго-западной, Карпатской, Волынской и Кіевской, и наконецъ завладѣваютъ ею. Съ другой стороны, и русскимъ князьямъ не чужды интересы сосѣдней Польши. Польскіе полки стояли часто подъ Галичемъ, Владиміромъ, Кіевомъ, Полоцкомъ, Смоленскомъ и Москвой, Русскіе же — подъ Краковомъ, Завихостомъ и Варшавой; нерѣдко въ древне-славянскихъ земляхъ по Вислѣ, Днѣпру, Двинѣ и Волгѣ, въ братоубійственныхъ войнахъ, проливалась кровь Лѣха и Руса, долго не рѣшался споръ о ихъ первенствѣ на сѣверо-востокѣ Европы, пока, наконецъ, не водружено было русское знамя надъ Варшавой.

Не смотря на упорную борьбу и вражду Поляковъ и Русскихъ, на ихъ частыя столкновенія, эти два Славянскіе народа всегда ясно сознавали общее свое происхожденіе и родство. Поляки не забывали, что Русь, будто бы другой міръ, есть часть славянской земли и что народъ Русскій, безчисленнымъ своимъ множествомъ, равняется звѣздамъ; въ Польшѣ раздавались голоса: „братья милая Руси, потягнѣте за едино сердце“; въ случаѣ же враждебнаго столкновенія обоихъ народовъ, сознавались, „яко дьяволъ есть повергъ вражду сію межи нами“, и не разъ „створиша межи собою клятву Русь и Ляхове, аще по семъ коли будетъ межи ими усобица, не воевати Ляхомъ русское челяди, ни Руси лядьской [1]).

[1]) Письмо Краковскаго епископа Матвѣя (см. выше); такъ-называемая Ипатіевская лѣтопись, то-есть, лѣтопись княжества Волынско-Галичскаго, хорошо знающая событія въ сосѣдней «лядьской» землѣ (П. С. Р. Л., II, 156, 169, 209). Подробностей о частыхъ сношеніяхъ и столкновеніяхъ Ляховъ и Руси мы здѣсь, разумѣется, не можемъ приводить; ими исполнены лѣтописи польскія и русскія. Замѣтимъ, что послѣдніе называютъ Поляковъ всегда «Ляхи» (adject. «лядьскій»), какъ и югозападные Русскіе до сихъ поръ. Объ этомъ названіи сравн. особенно Шафарика, Слав. Древности, § 38, ч. 3, и статью П. Лавровскаго (Ж. М. Н. П., CXLXI).

Взаимныя сношенія Поляковъ съ югозападными Русскими (Русинами) были болѣе близки и тѣсны, чѣмъ ихъ связи съ Русью сѣверовосточной или, какъ она обыкновенно называлась, съ Московскимъ государствомъ. Между Польшей и югозападной Русью рано завязались частыя сношенія, особенно между ближайшими другъ другу князьями Краковско-Судомірскими и Мазовскими и Галичско-Владимірскими, областью которыхъ Польша рано завладѣла. Остальная югозападная Русь досталась Польшѣ вслѣдствіе присоединенія къ ней Литвы. Такимъ образомъ, вся югозападная Русь тѣсно примкнула къ Польшѣ и во многомъ испытала польское вліяніе. Оно распространилось и на матеріальную, и на духовную сторону жизни этой половины Русскаго народа.

Польскія учрежденія и порядки, политическіе и соціальные, польскій языкъ и литература проложили себѣ путь не только до Львова и Владиміра, но и дальше до Кіева, Чернигова, Полоцка и даже до Смоленска. Во всей этой карпатской, поднѣпровской и подвинской Руси еще до XVI вѣка являются, по образцу польскому, воеводы, кастеляны, старосты, и образовывается изъ древнихъ русскихъ князей и бояръ—новое особое сословіе, шляхта, которая захватываетъ въ свои руки всю политическую власть, собирается уже не на вѣчахъ вмѣстѣ съ остальнымъ народомъ, а приходитъ одна только на сеймики и на сеймы, постановляетъ законы, выбираетъ судей и другихъ чиновниковъ, наконецъ, вмѣстѣ съ польской шляхтой, и короля польскаго и великаго князя литовскаго и русскаго [1]).

Мало того. Посредствомъ Польши и собственной Литвы, югозападная Русь стала входить въ кругъ и западо-европейской цивилизаціи. Польскій языкъ и литература стали проникать и въ русскія

---

[1]) Польскіе порядки и учрежденія казались иногда и Московскимъ Русскимъ лучшими ихъ собственныхъ. Такъ, Максимъ Грекъ, обличая безпорядки и злоупотребленія въ управленіи и судопроизводствѣ Московскаго государства, указываетъ на Поляковъ: «Аще и Латына Ляховы суть по ереси, но всяким правдосудіемъ и чловѣколюбіемъ правятъ вещи подручниковъ по уставленыхъ градскихъ законовъ» (Опис. рукоп. синодальн. библ., II, 2, стр. 528). Но, съ другой стороны, Русскіе тоже замѣтили, что Поляки-бояре «вся творятъ по своей воли, кралей же имѣютъ особно избранныхъ, и сихъ мало слушаютъ, и все творятъ по своему хотѣнію, и самовольствія государемъ своимъ не допускаютъ ни единого, купеческихъ же людей и поселянъ имѣютъ въ великой неволѣ» и пр. (Русская космографія XVII вѣка, у А. Попова: Изборникъ изъ русской хроногр., 525).

земли. Русская шляхта XVI вѣка стала все больше и больше отступать отъ стародавней своей православной вѣры и принимать разныя вѣроученія западо-европейской реформаціи и, послѣ католической реакціи, и католицизмъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, распространилось у нихъ и знаніе польскаго языка. На этомъ языкѣ была тогда знаменитая литература, какъ ни у одного другого народа славянскаго того времени. На польскомъ языкѣ процвѣтала не только самая важная, по духу того времени, литературная отрасль—переводы библій и вообще литература теологическая, но и довольно богатая и разнообразная свѣтская литература, между тѣмъ, какъ русская литература того времени, исключая строго юридическихъ памятниковъ, сухихъ лѣтописей и нѣкоторыхъ богословскихъ сочиненій, не представляла ничего особеннаго, да хранясь почти исключительно въ рукописяхъ—была мало доступна.

Съ другой стороны, русская шляхта стала все чаще сходиться съ польской на сеймахъ и, такимъ образомъ, знакомиться и на практикѣ съ польскимъ языкомъ. Такъ, напримѣръ, на достопамятномъ сеймѣ Люблинскомъ (1568—1569 гг.) говорилось все на польскомъ языкѣ, хотя здѣсь южные Русскіе (Волынскіе и Кіевскіе) еще выговорили себѣ право исключительнаго употребленія русскаго языка въ своей публичной жизни, и чтобы всѣ ихъ письменности писались вѣчно не другимъ какимъ языкомъ, какъ русскимъ.

Вслѣдствіе совершившагося на этомъ сеймѣ полнаго слiянія Польши и Литвы въ одно государство, съ однимъ общимъ народнымъ (шляхетскимъ) представительствомъ, польскій языкъ съ тѣхъ поръ раздавался на сеймахъ почти исключительно; оригинальная русская рѣчь Смоленскаго кастеляна Мелешка на сеймѣ 1589 года — есть едвали не послѣдняя, сказанная на этомъ языкѣ въ собраніи представительства рѣчи посполитой [1]).

Такимъ образомъ, польскій языкъ дѣлалъ все бо̀льшіе успѣхи между шляхтой югозападной Руси. Уже въ началѣ XVII вѣка нуженъ былъ польскій переводъ литовско-русскаго статута „для тѣхъ, которые не умѣютъ читать на русскомъ языкѣ, или чаще употребляютъ польскій". Не забудемъ, что литовскій статутъ былъ обязателенъ только для Литовско - Русскихъ, а не для Польскихъ земель, и что въ немъ выразительно постановлено „писати по руску литерами

---

[1]) Акты южной и западной Россіи II, 188; Wiszniewski: Hist. lit. pol. VIII, 480.

и словы рускими вси листы, выписы и позвы, а не иншимъ языкомъ и словы".

Правда, шляхта юго-западной Руси часто вступается въ пользу древняго своего языка русскаго, возстаетъ противъ навязываемаго ей польскаго языка, но противъ полонизаціи протестуетъ и на польскомъ языкѣ; русская шляхта и духовенство, „Русь стародавней религіи греческой" заступается за свою православную вѣру, но свои требованія, свои статуты и книги по этому предмету пишетъ на польскомъ языкѣ [1]). Такъ какъ шляхта юго-западной Руси мѣнялась все больше въ католическую и польскую, то и убывали заступники русской народности и вѣры, и часто раздаются отъ русскихъ патріотовъ горькія жалобы на такое печальное положеніе дѣлъ въ польско-литовской Руси [2]).

При такомъ значеніи и важности польскаго языка въ юго-западной Руси, не удивительно, что онъ въ значительной мѣрѣ повліялъ и на очень близкій ему языкъ русскій, который былъ въ употребленіи, особенно въ свѣтской литературѣ, въ югозападной Руси. Польское вліяніе на этотъ языкъ усиливалось со временемъ все больше и больше; въ русскій языкъ входили польскія слова, не только передѣланныя на русскій ладъ, но и въ чисто польской формѣ, противной духу русскаго языка; принимались разные термины юридическіе, военные и другіе, и наконецъ, цѣлые обороты и фразы; хорошо замѣчаетъ одинъ юго-западный Русскій, что „якъ Поляцы у свои языкъ намѣшали словъ латинскихъ, которыхъ южъ и простые люди z налогу (привычки) уживаютъ: такъ же и Русь у свои языкъ намѣшали словъ польскихъ и оныхъ уживаютъ" [3]). Поэтому не мудрено, что лучшему знатоку славянскихъ языковъ XVII вѣка, Хорвату Крижаничу, „бѣлорусское нарѣчіе" показалось не особымъ „нарѣчіемъ, а скорѣе измѣненіемъ польскаго нарѣчія или просто искаженіемъ", такъ какъ Русины въ своемъ языкѣ во всемъ подражаютъ Полякамъ, въ матеріальномъ и формальномъ отношеніи [4]).

---

[1]) Сравн. Архивъ юго-западной Россіи II, 7 (Постановленія дворянскихъ провинціальныхъ сеймовъ въ юго-западной Россіи), литературу по церковной уніи, и пр.

[2]) Сравн., напримѣръ, Смотрицкаго Θреносъ, Paraenesis и др. Интересный примѣръ перерожденія Русина въ Поляка представляетъ Кіевскій епископъ Верещинскій въ концѣ XVI вѣка (см. его Wizerunek, изд. Туровскаго, 101).

[3]) Акты западной Россіи (IV, стр. 229, запис. ок. 1600—1605 гг.).

[4]) Вліяніе польскаго языка на русскій является, на сколько знаемъ, силь-

При такомъ перерожденіи большей части Русскаго народа, именно его высшихъ, образованныхъ сословій, разумѣется, и многіе Русскіе стали писать на польскомъ языкѣ, сознавая еще вполнѣ, что они не Поляки, а Русскіе; извѣстный Орѣховскій самъ называетъ себя „родомъ Русинъ, народомъ Полякъ", и извиняется за свой польскій языкъ, какъ „грубый Русинъ". Въ рядъ польскихъ писателей поступили и многіе Русскіе, такъ: Будный, Смотрицкій, Шимоновичъ, Зиморовичъ, Барановичъ и другіе. Они же ввели и многія русскія слова въ польскій языкъ, которыя въ немъ и остались [1]).

Съ другой стороны, и русскій языкъ былъ довольно рано извѣстенъ въ Польшѣ. Такъ, уже въ началѣ XIII вѣка находилась у Ярослава, каноника Плоцкаго, русская лѣтопись [2]). Изъ королевской канцеляріи выходили грамоты на русскомъ языкѣ уже въ XIV вѣкѣ (при Казимірѣ), особенно же со времени восшествія Ягайловичей на польскій престолъ. Тогда русскій языкъ чаще раздавался и въ королевскомъ дворцѣ Краковскомъ. Владиславъ-Ягайло, не зная ни по-латински, ни по-польски, говорилъ по-русски; на этомъ же языкѣ говорили и писали его преемники до Сигизмунда-Августа, который первый поднялъ, заброшенный до тѣхъ поръ въ публичной жизни, языкъ польскій. На русскомъ языкѣ писана и надгробная надпись короля Казиміра († 1492 г.), въ часовнѣ св. Креста въ Краковѣ [3]). Кардиналъ Збигнѣвъ Олешницкій пріобрѣлъ себѣ пріязнь Витовта особенно тѣмъ, что хорошо зналъ русскій языкъ. Длугошъ, чтобы пользоваться

нѣе всего въ привиллегіи Бѣльской землѣ 1501 года (Акты западной Россіи I, № 189); въ ней встрѣчаемъ даже такія слова: вѣнцей, вшистки, праца, кмѣть и др., названія «Русинъ» и «Полякъ» (не «Ляхъ») въ значеніи холопа и земянина. Да и обыкновенное въ польскомъ стилѣ XVII вѣка примѣшиваніе латинскихъ словъ и оборотовъ вошло въ русскій языкъ, какъ это встрѣчается, напримѣръ, въ волынской грамотѣ 1606 года (Архивъ юго-западной Россіи, ч. II, № 7). Польскія слова и термины: кгродъ, кгвалтъ, пицованіе, хорутговная шляхта, древцо съ прапорцемъ, панцырь, шиховати и др., встрѣчаются постоянно въ статутахъ, грамотахъ и др. памятникахъ юго-западной Руси.

[1]) Орѣховскій называетъ себя «gente Roxolanus, natione Polonus» въ Fidei catholicae confessio (1561), и въ Quincunx (изд. Туровскаго, 38). Барановичъ въ своихъ стихотвореніяхъ «Lutnia Apollinowa» (1671) замѣчаетъ самъ, что «Rusin do Polaka coś po polsku gdaka», и «że twój język i w Rusinie, ciesz się cny Polaku, słynie» (p. 543)

[2]) Wisnniewski, Hist. lit. pol. II, 108, Biblioteka Warszawska, 1853, III, 23.

[3]) Приводитъ ее Сарницкій (Annales, 369).

русскими лѣтописями, учился уже въ старости русскому языку [1]). Этотъ языкъ знали и другіе историки польскіе, между ними особенно Стрыйковскій, который пользовался многими русскими лѣтописями. Польскіе писатели любили примѣшивать въ свои сочиненія русскія слова, обороты и цѣлые разговоры. Наконецъ, оба эти славянскіе языка часто раздавались въ одно и то же время и были понятны и Полякамъ, и Русскимъ [2]).

Общаго славянскаго происхожденія Поляковъ и Русскихъ не забыли и виновники роковой для обоихъ народовъ церковной уніи. О „заблужденіяхъ Русскихъ бѣлыхъ, то-есть, Москвитянъ, и Русскихъ Червоныхъ, живущихъ въ Польшѣ и въ Литвѣ“ [3]), давно жалѣли въ Польшѣ, особенно же католическое духовенство. Такъ какъ первая унія Флорентинская съ теченіемъ времени разрушилась, то польскіе ревнители ея, черезъ полтора столѣтія, стали хлопотать о ея возобновленіи. Однимъ изъ первыхъ поборниковъ этой мысли былъ іезуитъ Скарга. Посвящая знаменитое свое сочиненіе „О единствѣ церкви Божіей“ Польскому королю Сигизмунду III, онъ говоритъ, что издаетъ эту книгу „о греческомъ расколѣ, жалѣя погибели славныхъ народовъ греческихъ, издавна погруженныхъ въ великій духовный мракъ и турецкою неволей уничиженныхъ, и гораздо большую жалость имѣя къ нашимъ братьямъ Русскаго народа, соединеннымъ съ нами сосѣдствомъ, языкомъ и однимъ государствомъ, которые держатся этого раскола“. Разказывая о крещеніи многочисленныхъ и славныхъ народовъ славянскихъ, особенно стараніемъ римскихъ папъ, онъ замѣчаетъ, что одна только Русь приняла крещеніе отъ Грековъ. Упоминая

---

[1]) Cano jam capite ad perdiscendas literas rutenas me ipsum appuleram. Какъ пользовался Длугошъ русскими лѣтописями, объ этомъ сравн. Бестужева-Рюмина: О составѣ русскихъ лѣтописей (приложенія, 64).

[2]) Въ помѣщенной у Стрыйковскаго (742) польской пѣснѣ о сраженіи Оршанскомъ князь Острожскій кричитъ на своихъ воиновъ по-русски; въ «Figliki» Рея Полякъ говоритъ по-русски съ Литвиномъ (то-есть, Русиномъ), а въ другомъ мѣстѣ (Чтенія, 1846, I. Изслѣд., 35)—съ Москвитяниномъ; въ драмѣ М. Бѣльскаго «Sejm niewieści» (изд. 1595) Поликсена говоритъ по-русски, и пр. Въ разныхъ польскихъ сочиненіяхъ того времени встрѣчаются, напримѣръ, такія русскія слова: pohibel, durować, sołowij, kniehynie, druh, kniha и др. На съѣздѣ евангеликовъ и православныхъ въ Вильнѣ 1599 года русскій священникъ Лука отвѣчалъ Поляку Гличнеру по-русски (Regenvolscius, 486), и пр.

[3]) Сравн. записку Гнѣзненскаго архіепископа Іоанна Ласкаго «de Ruthenorum nationibus eorumque erroribus» 1514 года (Turgenev: Hist. Russ. Monum. I, 123).

дальше объ уніи Флорентинской, онъ приводитъ въ числѣ полезныхъ сторонъ ея возобновленія и ту, что въ такомъ случаѣ сосѣдство католическихъ Поляковъ съ Русью было бы болѣе пріятно и мило, и сама Польша стала бы могущественнѣе. Къ такому возсоединенію Руси способствуетъ и одинъ общій государь, подъ которымъ Божіе провидѣніе соединило Русь съ Польшей и съ Литвой, и одинъ общій языкъ, и милое сосѣдство, и хорошее, спокойное сожительство. Русь не должна обращать вниманіе на Московскаго князя и народъ одинаковаго съ ней языка и религіи, потому что можетъ-быть, и Москва послѣдуетъ примѣру Польско-Литовской Руси и соединится съ Римомъ [1]).

Унія русской церкви въ государствѣ Польско-Литовскомъ состоялась, хотя не вполнѣ, на извѣстномъ соборѣ Брестскомъ. Она дала поводъ къ безпрерывной борьбѣ религіозныхъ, и наконецъ, и политическихъ партій въ Польшѣ. Напрасно нѣкоторые польскіе патріоты, предвидя гибельныя послѣдствія такой опасной борьбы для своего отечества, возстаютъ противъ навязыванія уніи Русскому народу; напрасно Гербуртъ и Збаражскій вопіютъ противъ преслѣдованія православной вѣры у „народа Русскаго, братіи и крови нашей", указывая на возникающую по этому поводу ненависть противъ Польши не только всего Русскаго народа въ Польшѣ, Литвѣ и Москвѣ, но и остальныхъ Славянъ въ Турціи [2]). Но такіе отзывы были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, равно какъ и всѣ прошенія, протесты и угрозы православнаго русскаго дворянства. Оскорбленія православной русской вѣры не мало способствовали возстаніямъ казацкимъ и грознымъ бурямъ, волновавшимъ Польшу почти все XVII столѣтіе. Но и тогда, въ этой братоубійственной борьбѣ между Поляками и Русскими, когда нечего было и думать о примиреніи обоихъ остервененныхъ народовъ, тогда нѣкоторые болѣе дальновидные Поляки и Русскіе глубоко грустили надъ такою гибелью двухъ родственныхъ народовъ славянскихъ „той же крови и того же языка, разнящихся только нарѣчіемъ" [3]).

Самъ Богданъ Хмельницкій, вызывая всю Русь къ возстанію противъ Ляховъ, не забываетъ, что начинается братоубійственная война:

---

[1]) O jedności Kościoła bożego (Krak. 1590, 1-е изд. 1577 г.) Сравн. Obrona synodu Brzeskiego.

[2]) Zdanie o narodzie Ruskim (сравн. выше).

[3]) Kochowski: Annal. Polon. Climact. (1683, введеніе).

по его словамъ, Поляки „отъ насъ Савроматовъ и Руссовъ уродившись и изшедши, и за едино съ початку, съ самовладною братіею нашою Савроматами и Руссами бувши, повстали напрасно и безсовѣстно, якоже иногда Каинъ на Авеля, на Руссовъ альбо Савроматовъ, властную съ древности и природную братію свою" [1]).

Въ смыслѣ примиренія Ляховъ и Руси дѣйствовалъ тогда и знаменитый русско-польскій панъ Адамъ Кисель, православный русскій шляхтичъ, но вполнѣ примкнувшій къ польскому государственному устройству, котораго однако Поляки, не довѣряя ему, называли „таинственнымъ", Русскіе же—„кость отъ костей нашихъ, отцепившійся и приставшій къ Ляхамъ". Кисель, съ одной стороны, всячески старался примирить казаковъ съ Польшей, а съ другой стороны, дѣйствовалъ и на польское правительство въ пользу Руси, особенно относительно ея вѣры. Уже въ самомъ началѣ борьбы, онъ написалъ Хмельницкому трогательное письмо (27-го августа 1648 г.), умоляя его прекратить свои враждебныя дѣйствія противъ Польши: „Въ торжественный день Вознесенія Богородицы, небесной царицы и единственной покровительницы народа Славянскаго, пишу это свое жалобное письмо и прошу эту наисвятѣйшую Мать Бога нашего, чтобъ укротила сердце ваше" [2]).

Раздавались и въ Польшѣ голоса, что вражда и борьба Поляковъ и казаковъ лежитъ только въ интересахъ Турціи, и что обоимъ народамъ слѣдовало бы примириться и освободить стонущихъ подъ турецкимъ игомъ христіанъ. Съ упрекомъ спрашиваетъ одинъ современный польскій поэтъ Русскихъ, зачѣмъ они не пошли скорѣе освободить свою братію одной вѣры и одного племени, Сербовъ и Болгаръ Дунайскихъ, которые просили Хмельницкаго объ этомъ [3]).

Съ другой стороны, и русскій авторъ, Лазарь Барановичъ, глубоко жалѣетъ о безпрерывныхъ войнахъ польско-русскихъ въ ущербъ обоимъ народамъ и турецкимъ христіанамъ. Возставая противъ пословицы „пока свѣтъ свѣтомъ—не будетъ Русинъ Поляку братомъ", онъ

[1]) Бѣлоцерковскій универсалъ 1648 года (Акты западн. Россіи V, стр. 79).

[2]) Памятники Кіевской коммиссіи III, 239, Iak. Michałowskiego Księga pamiętnicza 164. О спорахъ религіозныхъ Кисель выразился: «Mówmy sobie prawdę: duchowni nas wadzą z obu stron». (Michałowski 608). Для характеристики славянскаго сознанія Киселя сравн. ниже его рѣчь царю Алексѣю Михайловичу.

Momenta rati[illegible], quibus adduci debet Chmielnicius ad pacem, 1651—1652 [illegible] Twardowski: Wojna domowa (Krak. 1660, 2 изд. Kalisz,

проситъ помощи у самого Бога: „Боже умножи любовь между ними, потуши въ нихъ искру гнѣва, и самъ Духъ Святый примири Русь съ Ляхами, сжалься надъ несчастною порой, гдѣ сарматскіе сыновья бьются между собою на радость Турку; прекрати обоюдную вражду мужественнаго Русина и могучаго Ляха и обрати ихъ дѣятельность противъ Турка, чтобъ они соединенными силами освободили свою братію. Молдаване, Волохи и Сербы умножатъ войско польское, и если орлы московскій и польскій вмѣстѣ полетятъ на Турка, то его навѣрное истребятъ“ [1]).

Но объ искреннемъ примиреніи шляхетской и католической Польши и казацкой народной православной Руси—нечего было и думать. Напрасно раздавались тогда прекрасныя слова, что „въ соединеніи знаменитыхъ народовъ Польскаго, Литовскаго и Русскаго въ одно государство, въ ихъ неразлучномъ единодушіи и любви и соединенныхъ силахъ состоитъ защита всего христіанства противъ врага святаго креста“; напрасно Польша обѣщала всевозможныя выгоды Руси и ея „стародавней религіи греческой“ въ предѣлахъ, „докуда языкъ народа русскаго досягаетъ“: все это оставалось пустыми словами и неисполнимымъ желаніемъ.

Тогда казалось, что обоихъ славянскихъ народовъ примиритъ ближайшій ихъ сосѣдъ и соплеменникъ, царь Русскій, что вся Рѣчь—посполитая Польская добровольно примкнетъ къ восточному государству Русско-Московскому, и такимъ образомъ, осуществится уже за сто лѣтъ до того являвшійся нѣсколько разъ планъ образованія одного огромнаго восточно-славянскаго государства отъ Одры и Балтійскаго моря на востокъ за Волгу далеко въ Азію, до границъ Китая.

Но эта надежда только мелькнула и прекратилась въ самомъ зародышѣ.

2. Польша и сѣверо-восточная Русь (Москва).—Мысли объ избраніи Русскаго царя въ Польскіе короли и о союзѣ обоихъ славянскихъ государствъ въ XVI—XVII вѣкахъ.

Съ восточною Русью или великимъ княжествомъ Московскимъ Польша познакомилась посредствомъ, соединенной съ нею подъ одною

---

[1]) Lutnia Apollinowa (1671, p. 427), Nowa miara staréj wiary (1675, p. 343); послѣдняя книга посвящена царю Алексѣю Михайловичу, первая — царевичу Іоанну Алексѣевичу.

династіей—Ягайловичей, Литвы. Король Польскій, будучи и великимъ княземъ Литовскимъ и Русскимъ, имѣлъ частыя сношенія и столкновенія съ смежнымъ восточно-русскимъ государствомъ. Иногда оба государя обѣщаютъ, какъ „братья", другъ другу взаимную „помощь на всякаго недруга" [1]); но гораздо чаще они сами являются заклятыми врагами.

Не смотря на вражду, которая завязалась между государствами Польско-Литовскимъ и Русско-Московскимъ изъ-за первенства на европейскомъ востокѣ, оба народа, Поляки и Москвитяне, всегда сознавали, что они одного славянскаго происхожденія. И если Поляки и называли „Москалей" наслѣдственными своими врагами, варварами и пр., то все-таки никогда не забывали, что „во всей Москвѣ говорятъ на русскомъ или на славянскомъ языкѣ", и что „сама одинаковость у насъ и Москвы языка, явно свидѣтельствуетъ, что мы происходимъ отъ одного народа и поэтому мы несомнѣнно дѣти общаго отца"; всегда помнили, что Русь—„славное царство славянскаго народа, населенное Русинами или Русскими, раздѣлена между двумя государями, Московскимъ и Польскимъ", что рѣки Семь, Сула, Пселъ и Ворскла отдѣляютъ „два славянскіе народа". Съ другой стороны знали и Русскіе, что Польское государство основано „словенскимъ княземъ Ляхомъ", и что Поляки, хотя „вѣры ляцкой, римской, папежской, языкъ же имутъ словенскій" [2]).

Съ государствомъ Русско-Московскимъ Польша сносилась особенно посредствомъ юго-западной Руси. Переговоры съ Москвой велись на русскомъ или такъ-называемомъ бѣлорусскомъ языкѣ [3]). Поэтому туда ходили польскими послами обыкновенно паны изъ православной юго-западной Руси, которые съ царями и ихъ боярами умѣли говорить

---

[1]) Сравн. напримѣръ, договоръ великаго князя Василія Васильевича съ королемъ Казиміромъ 1449 г. (Акты Запад. Россіи I, № 60).

[2]) Matth. de Miechow (Tractatus de duabus Sarmatiis lib. II.), I. Bielski (Kron. polska 14), Kochowski (Annal. Polon. Climact. I, 3), Morsztyn Zbigniew (Pieśni miłosne 1647 г., wyd. 1844, p. 37). Русскіе хронографы и космографіи XVI—XVII в. (А. Поповъ: Изборникъ изъ русск. хронографовъ, 131, 464, 525).

[3]) «Издавна повелось, что грамоты королевскія къ великому государю пишутся бѣлорусскимъ письмомъ», говорятъ 1646 года московскіе послы польскимъ панамъ, споря съ ними объ одной формѣ этого языка. (Соловьевъ: Ист. Россіи X, 136). «Бѣлорусскимъ» называютъ въ Москвѣ языкъ югозападной Руси.

на русскомъ языкѣ; таковы, напримѣръ, были Тышкевичъ, Ходкевичъ, Гарабурда, Сапѣга, Кисель и др. [1]).

Славянское сознаніе Поляковъ и Русскихъ проявлялось особенно тогда, когда представлялся случай соединить Польшу и восточную Русь въ одно государство. Это было нѣсколько разъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Русскіе цари, считаясь законными государями всей юго-западной Руси, отъ Карпатъ до Смоленска, „отчины св. Владиміра", стремились уже съ конца XV вѣка присоединить ее къ своему государству. Эти стремленія ихъ нерѣдко раздѣляли и Литовцы, то-есть, по большей части Русскіе; наконецъ и сами Поляки не были прочь отъ избранія русскаго царя въ свои короли, надѣясь на укрѣпленіе своего государства, особенно противъ Турокъ и Татаръ. Что оба славянскіе государства, Польско-Литовское и Русско-Московское не были соединены еще въ XVI—XVII вѣкѣ мирнымъ образомъ, тому препятствовало преимущественно различіе вѣроисповѣданій: царь русскій не хотѣлъ да и не могъ сдѣлаться католикомъ, не желая измѣнить своему народу, и наоборотъ, король польскій не могъ, по той же самой причинѣ, принять православіе.

Послѣ прекращенія династіи королей польскихъ и великихъ князей литовско-русскихъ изъ дома Ягайла, въ числѣ кандидатовъ на польскую корону явился и царь русскій. Сами Поляки и Литовцы имѣли его въ виду какъ государя „славянскаго".

Еще при жизни бездѣтнаго Сигизмунда-Августа, Поляки и Литовцы преемникомъ Сигизмунда желали имѣть царя или царевича Ивана. Это передали царю и сами польскіе послы, прибывшіе въ 1570 году въ Москву, для заключенія вѣчнаго мира между Польшей и Москвой. Въ тайной конференціи съ государемъ они объявили ему, что „польскіе и литовскіе вельможи, видя короля своего безъ наслѣдника и не желая отъ бусурманскихъ или иныхъ земель для себя государя, положили намѣреніе избрать государя отъ словенскаго роду по волѣ, и прихиляются къ тебѣ, великому государю и твоему потомству". Послы же Московскіе Польшѣ тоже извѣщали царя, что „въ Варшавѣ говорятъ, что кромѣ Московскаго государя — другаго

---

[1]) Ходкевичъ, посолъ къ царю 1563 года, извинялся, что по поводу частаго пребыванія въ Польшѣ «языкъ мой русскій помѣшался съ польскимъ языкомъ, такъ что рѣчей моихъ и не узнать, что̀ стану говорить». Но царь ему велѣлъ говорить, какъ умѣетъ, и «если что̀ и по-польски скажешь, мы поймемъ». (Соловьевъ, Ист. Россіи VI, 260).

государя не искать; говорятъ, что паны уже и платье заказываютъ по Московскому обычаю и многіе уже носятъ; что королевнѣ очень хочется быть за государемъ-царемъ" [1]).

Скоро послѣ смерти послѣдняго Ягайловича, раздался въ западномъ углу Польши голосъ въ пользу русскаго царя. Въ концѣ 1572 года безыменный шляхтичъ изъ Калиша издаетъ брошюру „Показаніе пользъ, которыя произошли бы отъ принятія Московскаго князя и вреда отъ выбора короля изъ западныхъ господъ". Калишскій шляхтичъ обращается особенно къ мелкой шляхтѣ и приводитъ на память совѣтъ короля Сигизмунда, чтобы по его смерти, ради многихъ пользъ, выбранъ былъ никто другой, какъ князь Московскій: вѣдь не даромъ же Чешская княгиня, вѣщая Любуша, послала въ сѣверныя страны и взяла въ мужья крестьянина отъ плуга. Самъ Богъ такъ искони постановилъ, чтобы Сарматы ни откуда большаго умноженія не могли имѣть, кромѣ сѣверныхъ странъ, подобно тому какъ нѣкогда Римлянамъ ни одинъ другой народъ не могъ сопротивляться, кромѣ Сарматовъ и Скиѳовъ. Авторъ рекомендуетъ царя Ивана въ короли польскіе между прочимъ и кромѣ „понятнаго его языка", и мечтаетъ о сліяніи Москвы, Литвы и Польши въ одно государство по примѣру присоединенія Литвы къ Польшѣ при Ягайлѣ.

Мысль объ избраніи русскаго царя въ короли польскіе и о соединеніи Польши съ Русью была тогда очень распространена въ Польшѣ и особенно въ Литвѣ; не мало содѣйствовало тому и „сходство языка и обычаевъ". По словамъ секретаря французскаго посла въ Польшѣ, партія русская была для другихъ самая опасная, такъ какъ не было человѣка въ Рѣчи Посполитой, который не сознавалъ бы выгоды проч-

---

[1]) Бантышъ-Каменскій: Переписка между Россіей и Польшею по 1700 г., составленная по дипломатическимъ бумагамъ Московскаго архива коллегіи иностранныхъ дѣлъ, I, 33 (въ Чтеніяхъ 1860, 1861 гг.). На основаніи тѣхъ же самыхъ бумагъ А. Малиновскій составилъ статью: Историческія доказательства о давнемъ желаніи Польскаго народа присоединиться къ Россіи (пис. 1815 года, сравн. Опис. рукоп. Румянцевск. Муз. 381, напечатано съ прибавленіемъ разныхъ бумагъ 1833 г. въ Трудахъ и лѣтописяхъ Общ. Ист. и Древн. Росс. VI.). Сравн. Соловьева (пользовавшагося тѣми же самыми бумагами) Ист. Россіи VI, 272. Въ пользу соединенія Польши и Московской Руси высказался еще при жизни Сигизмунда-Августа Андрей Цесельскій, совѣтовавшій Полякамъ выбрать себѣ еще при жизни короля второго сына царя Ивана, который пожаловалъ бы его Смоленскомъ, Псковомъ и Новгородомъ. (Ad equites, legatos ad conventionem Varsov. publice designatos etc. oratio, Cracov, 1572).

наго мира и соединенія этихъ двухъ большихъ, сильныхъ и могущественныхъ государствъ [1]).

Когда, черезъ два года (1575), тронъ польскій вновь лишился государя, Поляки опять обратили свое вниманіе на восточнаго царя, котораго сопоставляли съ „Пястомъ", то-есть, съ домашнимъ шляхтичемъ. Его желала выбрать въ короли шляхта многихъ воеводствъ, Краковляне, Лэнчичане, Сандомиряне, Волыняне, Люблиняне, Кіевляне и др.; ему благопріятствовали вліятельныя лица, какъ напримѣръ, Шафранецъ и Замойскій. Послѣдній, бывшій тогда старостою Белзскимъ, возставая противъ избранія иностранца, особенно Нѣмца, прямо говоритъ, что великій князь Московскій мало разнится отъ Пяста и представляетъ почти тѣ же самыя выгоды, какъ землякъ, а Лэнчицкій воевода Сераковскій, говоря въ пользу такого короля, который „былъ бы пожилыхъ лѣтъ и употреблялъ нашъ языкъ для отправленія разныхъ дѣлъ", замѣтилъ, что такимъ королемъ представляется лучше всего великій князь Московскій, но по причинѣ его молчанія, нельзя о немъ и говорить. Наконецъ и самъ примасъ-архіепископъ Уханскій тайно прислалъ царю, съ русскимъ посломъ, образцы грамотъ на польскомъ языкѣ, какъ слѣдуетъ ему писать въ Польшу духовенству, шляхтѣ и отдѣльно каждому вельможѣ, то-есть, упомянуть, что „онъ не еретикъ, а христіанинъ, крещенъ во имя св. Троицы, что Поляки и Русскіе, будучи одного племени Славянскаго или Сарматскаго, должны, какъ братья, имѣть одного государя" [2]).

Различіе вѣроисповѣданій и вообще слишкомъ трудное соглашеніе интересовъ польскихъ и русскихъ помѣшали избранію русскаго царя въ польскіе короли, къ большому удовольствію иностранцевъ. „Только Богъ удалилъ Москвитянина", восклицаетъ вышеупомянутый секретарь французскаго посла въ Польшѣ,—„ибо если бы оба эти государства соединились другъ съ другомъ, то у Германіи не хватило бы

---

[1]) Miscellanea 1572—1576 (рукоп. Варшавск. унив. библ. №599, fol. 25 sqq.); Broel-Plater: Zbiór pamiętników do dziejów pol. III, 40; Записка аббата Giovannini (Turgenev Histor. Russ. Monum. I, 232, 270); Choisnin (изд. Лондон. 248). Сравн. Трачевскій: Польское безкоролевье, Малиновскій: Ист. доказ. 15, 201; Соловьевъ, Ист. Россіи VI, 317; Noailles: Henri de Valois (III), и др.

[2]) Современный Orzelski: Bezkrólewia Ksiąg ośmioro II, 230; Бантышъ-Каменскій: Переписка I, 144; Малиновскій: Ист. доказ. 25; Соловьевъ, Ист. Россіи VI, 330. Одинъ польскій воевода писалъ тогда Розенбергу: «Очень боюсь Москвы, ибо шляхта и народъ ей благопріятствуютъ» (Březan: Život Vil. z Rosenberka 218).

средствъ защищаться, и равнымъ образомъ, на остальное христіанство напалъ бы большой страхъ" [1]).

Но самая мысль о соединеніи обоихъ славянскихъ государствъ не оставляла Поляковъ, и они еще нѣсколько разъ пытались осуществить ее. Не помѣшала тому и жестокая война, которую началъ король Стефанъ Баторій съ царемъ Иваномъ. И тогда въ Польшѣ не забывали, что восточные Русскіе—ихъ соплеменники. „Москвитяне и Поляки", писалъ въ это время первый польскій поэтъ того времени, Кохановскій, — „одного рода славянскаго; ихъ, тѣсно связанныхъ, раздѣлило разное вѣроисповѣданіе — зло, которое раздѣляетъ единодушныхъ братьевъ; за княженіе Русское были многіе споры и очень кровавыя войны между обоими, и миръ не установился и до сихъ поръ; устарѣлую ненависть возбудило новое оскорбленіе" [2]).

Стефанъ въ концѣ своей жизни, задумывая планъ похода противъ Турокъ, намѣревался, вопервыхъ, завоевать государство Русско-Московское, и такимъ образомъ, соединить силы всей восточной Европы противъ азіатскихъ варваровъ [3]). Но такъ какъ этотъ планъ оказался неисполнимымъ, то Стефанъ сталъ думать о соединеніи обоихъ государствъ мирнымъ путемъ. Еще при жизни короля самъ примасъ-архіепископъ Карнковскій сказалъ Московскимъ посламъ, что по смерти короля „думаемъ быть съ вами вмѣстѣ подъ рукою вашего государя", и польскій посолъ въ Москвѣ, Гарабурда, предлагалъ соединеніе Польши, Литвы и Москвы въ одно государство, въ случаѣ кончины короля Стефана или царя Θеодора. Польскіе и литовскіе министры и сенаторы, духовные—въ ихъ главѣ примасъ-архіепископъ—и свѣтскіе, указывали митрополиту Московскому и ближнимъ боярамъ, „своей братіи", на выгоды соединенія обоихъ государствъ и народовъ „одное и не розное рѣчи и языка; и сперва идемъ съ собою, кабы изъ однихъ народовъ; къ тому съ вами одного Бога хвалимъ, многіе изъ насъ будучи тоежъ одное вѣры хрестьянскія, греческія; и потомъ которая жъ бы сила непріятельская противъ такимъ государствамъ въ единачество межъ себя случонымъ стояти могла?" Польскіе вельможи усильно просили бояръ хлопотать о такомъ соединеніи, кото-

---

[1]) Choisnin, 388.

[2]) Ad Stephanum Bathorrheum (sic) regem Poloniae inclytum Moscho debellato epinicion a. 1582 (Cracov, 1583).

[3]) Bielski Kron. pol. 804; Heidenstein: Rer. polon. ab excessu Sigism. Aug. libri XII (изд. Франкфуртское, p. 238, сравн. также 225).

рос было бы очень полезно всѣмъ тѣмъ народамъ. Въ такомъ смыслѣ говорилъ и Гарабурда царю и боярамъ, заявляя желаніе, чтобы въ случаѣ смерти того или другаго государя соединились Польша, Литва и Москва подъ одною рукой, „Краковъ противъ Москвы, а Вильна противъ Новагорода, и стояти государствамъ обѣма за одно въ докончаньи". Царь и бояре соглашались жить съ Польшей въ братской любви, и „государствамъ бы обоимъ быти въ соединеніи" противъ всѣхъ враговъ [1]).

И дѣйствительно, по смерти Стефана (1586 г.), въ Польшѣ стали стараться объ избраніи царя Θеодора польскимъ королемъ. Опять стали указывать на то обстоятельство, что русскій царь—славянскаго рода и мало рознится отъ Поляковъ языкомъ и обычаями, и на большія выгоды, которыя произошли бы отъ соединенія обоихъ сосѣднихъ государствъ „одного языка и народа славянскаго". Объ избраніи Θеодора особенно хлопотали Литовцы; они уже на своемъ сеймикѣ, въ Волковыскѣ, обязались не принимать въ короли другаго, кромѣ русскаго царя. Въ пользу его дѣйствовали и у Поляковъ самыя вліятельныя лица литовскія, воеводы Виленскій — Радивилъ, Троцкій—Глѣбовичъ и Брацлавскій — Збаражскій. Съ другой стороны, и самъ царь и его бояре серьезно думали о соединеніи обоихъ государствъ, или по крайней мѣрѣ, о присоединеніи Литвы „одной вѣры и одного обычая" съ Москвой. Бояре сами признавали большой вредъ, проистекающій изъ вражды и ненависти обоихъ государствъ для всего христіанства, и большія выгоды изъ соединенія: тогда Молдавія, Валахія, Боснія, Сербія и Венгрія, подвластныя Туркамъ, достались бы Польшѣ и Литвѣ. Въ соединеніи обоихъ государствъ Поляки и Русскіе вообще видѣли большую славу и пользу не только для себя, но и для всего христіанства.

На избирательномъ сеймѣ (1587 г.) литовская шляхта, посредствомъ своего маршалка Паца, объявила, что единогласно принимаетъ Θеодора и съ тѣмъ готовилась уѣхать домой. Около двухъ тысячъ мазовской шляхты кричало также сенаторамъ, что не Нѣмца хотятъ, а князя Московскаго; воевода Иновлоцлавскій предлагалъ Пяста или шведскаго королевича, а еслибы не всѣ согласились, то—Московскаго князя.

И послѣ избранія Максимиліана въ польскіе короли и Сигизмунда

---

[1]) Соловьевъ, Ист. Россіи VII, 270, 273. Бантышъ-Каменскій: Переписка II, 10; Малиновскій: Ист. доказат. 32, 209—235 (грамоты).

Шведскаго, паны литовскіе не перестали хлопотать объ избраніи Ѳеодора, или по крайней мѣрѣ, о присоединеніи Литвы, Руси, Подлѣсья и Мазовіи къ государству Русско-Московскому, никакъ не желая имѣть на тронѣ Нѣмца. „У насъ писанное дѣло“, сказали Радивилъ и Глѣбовичъ русскимъ посламъ, — „что нѣмецкій языкъ словенскому языку никакъ добра не мыслитъ; и намъ какъ котораго Нѣмчина взять себѣ за государя?“

Избраніе русскаго царя въ короли польскіе не удалось на этотъ разъ по тѣмъ же самымъ причинамъ, которыя воспрепятствовали избранію его отца[1]).

Но если не удалось соединеніе обоихъ государствъ въ одно, то по крайней мѣрѣ сами Поляки старались о заключеніи вѣчнаго мира и самаго тѣснаго союза съ русскимъ царемъ. По этому поводу (1600 г.) прибыли въ Москву польско-литовскіе послы, литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга, Варшицкій и Пельгримовскій, предлагая царю Борису такой союзъ. Въ инструкціи, данной посламъ самимъ королемъ Польскимъ Сигизмундомъ, между прочимъ сказано слѣдующее: „Второй посолъ долженъ говорить: замѣчая и соображая, какъ важны согласіе, любовь и соединеніе наше, великихъ государей, не только для тѣхъ народовъ, которыми по Божьей милости счастливо владѣемъ, и которые будто одной вѣры и одного языка и происходятъ отъ одного народа славянскаго, но и для всего христіанства, то желаемъ съ тобою, Борисомъ Ѳеодоровичемъ всея Руси, жить въ согласіи, любви и соединеніи“. Въ проектѣ же союзнаго трактата, предложеннаго Сапѣгой, первая статья гласитъ о томъ, чтобъ оба государя и всѣ жители Польши, Литвы и Москвы были въ вѣчной, нераздѣльной любви братской, какъ люди одной вѣры христіанской, одного языка и народа славянскаго“. Остальныя статьи касаются взаимнаго престолонаслѣдія и помощи обоихъ государей и почти совершеннаго слиянія

---

[1]) Diaryusz elekcyi Zygmunta III. (Turgenev Histor. Russiae Monum. II, 22); Bielski Kron. Polska (продолженіе, изд. Туровскаго стр. 1543); Малиновскій: Ист. доказат. 35, 236; Соловьевъ, Ист. Россіи VII, 281; Źrzódła do dziejów polskich (wyd. Malinowski i Przezdziecki II, 141). Сравн. также Варшевицкаго Rerum polon. etc. (ed. Ciampi 38, 99), Пясецкаго Chronic. (70).—О тогдашнемъ настроеніи умовъ противъ Нѣмцевъ на литовской Руси можно судить и по интересной рѣчи Смоленскаго кастеляна Мелешка на сеймѣ 1589 г. (Акты Южн. и Зап. Россіи II, 188). Мелешко между прочимъ говоритъ о королѣ Сигизмундѣ I, что онъ «Нѣмцевъ якъ собакъ не любилъ, и Ляховъ зъ ихъ хитростьми велмѣ не любилъ, але Литву и нашу Русь любительно миловалъ».

обоихъ государствъ въ одно; да и „для крѣпчайшаго соединенія этихъ славныхъ государствъ и для объявленія его передъ цѣлымъ свѣтомъ должны быть сдѣланы двойныя короны; одна посломъ Московскимъ возлагается при коронаціи на короля Польскаго, а другая посломъ польскимъ возлагается на государя Московскаго“. Этотъ проектъ, разумѣется не состоялся [1]).

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, казалось, должна была осуществиться мысль о тѣсномъ союзѣ и даже и о соединеніи Московскаго государства съ Польшей.

Царскій вѣнецъ всея Руси принимаетъ мнимый царевичъ Дмитрій; его поддерживаютъ польскіе вельможи, и съ ихъ помощію, онъ занимаетъ упраздненный престолъ Рюриковичей и приводитъ въ Москву супругу свою Марину, дочь Сандомірскаго воеводы Юрія Мнишка [2]). Въ этомъ событіи видѣли тогда въ Польшѣ прекращеніе вѣковыхъ споровъ и примиреніе обоихъ народовъ славянскихъ. Польскій поэтъ Станиславъ Гроховскій, воспѣвая этотъ бракъ, призываетъ Поляковъ и Русскихъ къ общей радости: „Сѣлъ въ государствѣ своемъ мужъ сердца великаго, царь Димитрій Ивановичъ, при которомъ Москва процвѣтаетъ, побратавшись съ Польшей и соединившись съ нею кровью Славный подъ солнцемъ Славянскій народъ, радуйся своему согласію; до границъ свѣта проникаетъ твоя слава и касается самого неба! Сандомірскій воевода, посредствомъ тебя произошло согласіе съ Польшей! Тебя мои славянскія струны будутъ прославлять на всѣ стороны, и ты будешь слыть между славными богатырями славянскими!“ [3]).

Когда царь Димитрій (3-го мая 1606 г.) принималъ родственниковъ Марины и польскихъ пословъ, то отъ имени первыхъ Мартынъ Стадницкій, гофмейстеръ царицы, выразилъ надежду на лучшую будущность. „Въ настоящія времена упадка царствъ христіанскихъ“, сказалъ между прочимъ ораторъ,—„Богъ, на страхъ невѣрнымъ, даровалъ христіанамъ утѣшеніе въ томъ, что, подвергнувъ ваше ве-

---

[1]) Сборникъ князя Оболенскаго № 7; Poselstwo Lwa Sapiehy w r. 1600 do Moskwy, podług dyaryusza El. Pielgrzymowsziego sekretarza poselstwa, z rękopisu przez wład. Trębickiego opisane, 29; Соловьевъ, Ист. Россіи VIII, 23. Сравн. также Kognowicki: Życia Sapiehów I, 63, Adelung: Reisende in Russland II, 1.

[2]) Отецъ Юрія, Николай († 1553), коронный подкоморій, прибылъ въ Польшу изъ Чехіи.

[3]) Pieśni na fest ucieszny wielkim dwiema narodom, polskiemu i moskiewskiemu Dymitra Iwanowica cara i M. Mniszkówny r. 1606 (изд. Туровскаго 103).

личество искушеніямъ, которыми обыкновенно укрѣпляетъ своихъ избранниковъ, восхотѣлъ соединить ваше царское величество родственнымъ союзомъ съ народомъ, мало различнымъ отъ вашего народа по языку, обычаямъ и отъ вѣковъ равнымъ по силѣ, великодушію, храбрости и мужеству. Теперь угаснутъ притворство и недовѣріе между Поляками и Русскими, прекратятся жестокія и варварскія кровопролитія между нами, и взаимныя силы обоихъ народовъ съ благословенія Божія обратятся съ успѣхомъ противъ невѣрныхъ. Этого желаемъ не только мы, но и всѣ христіанскіе народы" [1]).

Надежды эти, однако, не сбылись. Вслѣдствіе занятія русскаго престола мнимымъ царевичемъ Димитріемъ произошли въ Русскомъ царствѣ страшныя смуты, въ которыя вмѣшалась и Польша, желая воспользоваться ими для завладѣнія Москвою. Русскіе по неволѣ выбираютъ въ свои цари Польскаго королевича Владислава. Въ Польшѣ надѣются на прекращеніе обоюдной вражды между обоими государствами и народами въ ущербъ басурманамъ и мечтаютъ о сліяніи обоихъ государствъ въ одно. Гетманъ Жолкевскій указываетъ королю Сигизмунду на то, что въ случаѣ избранія Владислава въ русскіе цари, онъ легко могъ бы быть избранъ и въ короли польскіе, такъ какъ ни одинъ изъ кандидатовъ не могъ бы принести Рѣчи Посполитой такой пользы, какая послѣдовала бы отъ соединенія нашей Рѣчи Посполитой съ Московскимъ государствомъ. Сто-шестьдесятъ лѣтъ прошло отъ Ягайла до той поры, какъ великое княжество Литовское слилось съ Польшей; такъ будетъ со временемъ и съ Московскимъ государствомъ". Наконецъ, являются и планы о преобразованіи Московскаго государства посредствомъ польскаго вліянія: болѣе важнымъ городамъ пусть жалуютъ права городовъ прусскихъ или нѣмецкихъ, пусть устроится колонизація изъ Польши въ Москву, пусть высылаются молодые люди на воспитаніе въ Польшу, весь народъ Русскій пусть будетъ пожалованъ польскими правами и свободами, и проч. Но съ другой стороны, многіе Поляки считали соединеніе Поляковъ и Москвитянъ невозможнымъ, „ибо чтобъ они оба ужились, потребно содѣйствіе Духа Святаго" [2]).

---

[1]) Turgenev: Histor Russ. Monum. II, 166; Костомаровъ: Смутное время, I, 323. Тогда приготовлялся союзъ Польши и Московской Руси противъ Турокъ. (Turgenev, II, 103, 115; Акты Зап. Россіи, IV, 251).

[2]) Письмо короля Сигизмунда Московскимъ боярамъ 1610 г. (Временникъ I, смѣсь 35); Записки гетмана Жолкевскаго о Московской войнѣ (108); Pisma Żół-

Соединеніе обоихъ государствъ не осуществилось и тогда, преимущественно по поводу разницы вѣроисповѣданій: Владиславъ не занялъ Московскаго трона. Но не смотря на всѣ долголѣтнія враждебныя дѣйствія между Поляками и Русскими, въ Польшѣ осталось и въ слѣдующихъ годахъ желаніе видѣть Владислава царемъ русскимъ, желаніе, чтобы „польскій орелъ и Московскій коршунъ летали вмѣстѣ и сѣли на одномъ деревѣ"; тогда оба примиренные народа могли бы сообща обратиться противъ Турокъ и освободить христіанъ изъ неволи. Представители обоихъ государствъ въ послѣдствіи нерѣдко совѣщаются, „какъ и чѣмъ унять кровь христіанскую и обоимъ великимъ христіанскимъ государствамъ и народамъ оставить всякую недружбу, и жить съ собою въ пріязни, согласіи и братской любви во вѣки нерушимо", такъ чтобъ и ихъ друзья, и враги особенно Турки и Татары, узнали, что „оба эти народа ради общаго добра слились въ одно и то же тѣло" [1]). И когда, наконецъ, оба государства заключили (1634 г.) вѣчный миръ, предложены были тѣ же самыя условія, какія предлагали польскіе послы царю Борису Годунову, и первая статья гласитъ опять: быть „въ вѣчной, нераздѣльной любви братской, яко люди одное вѣры хрестіянское, одного языка и народа словенского"; опять предлагаются „двоистыя коруны", и вообще тѣснѣйшій союзъ обоихъ „славныхъ, широкихъ и великихъ государствъ", и въ случаѣ смерти того или другаго государя — соединеніе обоихъ государствъ въ одно. Обо всемъ этомъ польскіе послы желали уговариваться „въ любви по братерску"; но дѣло не состоялось, такъ какъ послы Московскіе не приняли этихъ предложеній) [2].

Объ общемъ происхожденіи обоихъ сосѣднихъ государствъ, краснорѣчиво заговорилъ новому царю Алексѣю Михайловичу польскій

---

kiewskiego (103). Срвн. Костомарова, Смутное время III, 69, и II, 147; Marchocki: Historya wojny moskiewsziéj 163; Palczowski Kolęda Moskiewsza (1609 г.); Соловьевъ И. Р. VIII, 350. Замѣтимъ, что съ другой стороны, нѣкоторые недовольные Поляки въ 1605—1606 гг. намѣревались пригласить Димитрія на польскій тронъ. (Костомаровъ I, 302).

[1]) Срвн. стихотворенія Мясковскаго (Zbiór rythmów 1622 г. II, 66—70), переговоры польскихъ и русскихъ пословъ подъ Смоленскомъ 1615 г. (Акты Зап. Россіи, IV, стр. 469, 491, 498; срвн. 315, 436 и др.), записку Владислава 1617 г. (Turgenev, Hist. Russ. Monum. II, 410) и др.

[2]) Соловьевъ, Ист. Рос. IX, 239; Малиновскій: Ист. доказат. 54, 240. Срвн. оду Сарбевскаго (lib. V, ode 17) къ канцлеру Задзику, заключившему этотъ миръ Поляновскій.

посолъ, кастелянъ Кіевскій, православный панъ русскій, Адамъ Кисель (1646 г.). „Великое королевство Польское съ великими княжествами своими“, говорилъ Кисель,—„и великое государство Русское, какъ два кедра ливанскіе отъ одного корня, создала десница Вседержителя Господа отъ единой крови славянской и отъ единаго языка славянскаго народа; свидѣтельствуютъ о томъ греческіе и латинскіе лѣтописцы и историки. особенно истинный свидѣтель есть самъ языкъ, обоимъ великимъ государствамъ, какъ единому народу, общій и непремѣнный. Поэтому вамъ, великимъ государямъ, и намъ всѣмъ, обоихъ великихъ государствъ жителямъ, отъ единой славянской крови происходящимъ, свидѣтельствуютъ слова, Духомъ Святымъ реченныя: коль добро и коль красно еже жити братіи вкупѣ! Сему боговдохновенному указанію послѣдствуя, блаженной памяти великій государь царь Михаилъ Θеодоровичъ закрѣпилъ союзъ вѣчнаго братства съ великимъ государемъ паномъ моимъ. Съ того времени звѣзда смутнаго разрыва, кровопролитія и междоусобной брани погасла; наступило и сіяетъ незаходимое солнце вѣчнаго мира, дружбы и любви братской!“ Такія же дружескія отношенія между обоими государствами, надѣялся посолъ,—будутъ навѣрное и при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ. Кисель предложилъ царю и боярамъ дѣленіе славянской исторіи на три періода: „1) счастливый, когда Славяне, чрезъ соединеніе силъ своихъ, по всему свѣту славились; Римъ старый и Римъ новый свидѣтельствуютъ о дѣлахъ храбрости славянской; 2) вѣкъ несчастный, вѣкъ междоусобной брани, когда Славяне, разлучившись другъ отъ друга, многообразнымъ разореніемъ и кровопролитіемъ братскую любовь растерзали; въ это время многими вотчинами народовъ нашихъ чужіе народы и поганскіе овладѣли; 3) теперь Божьей милостію третье время настало: время вѣчнаго союза и братской любви величествъ вашихъ и обоихъ государствъ, какъ-бы возвращеніе въ первый чинъ единородствія и единодружныя любви“ [1]).

Эти прекрасныя слова и остались только словами. Время вѣчной братской любви между обоими славянскими народами еще не настало. Напротивъ того, оба государства, Польское и Русское, вскорѣ вновь

---

[1]) Соловьевъ Ист. Рос. X. 138. (По свидѣтельству Малиновскаго (предисловіе къ 2 т. его изданія: Zrzodła do dz. pol.) существуетъ дневникъ объ этомъ посольствѣ Киселя, но не знаемъ, гдѣ онъ теперь находится). Два года спустя Кисель пишетъ примасу (31-го мая 1648 г.), что царь вслѣдствіе «заключеннаго братскаго имъ союза» посылаетъ 40,000 войска противъ Татаръ (Памятники Кіевск. коммисс. III, 33; Michałowski: Księga pamiętnicza 28).

враждебно столкнулись по поводу возстанія Хмельницкаго. Уже въ самомъ началѣ возстанія казацкій гетманъ заявилъ желаніе, „чтобы православный царь Алексѣй Михаиловичъ былъ и Ляхамъ, и намъ государемъ и царемъ, чтобы Ляхи за вѣру нашу съ нами больше биться не помышляли“ [1]).

Къ той же самой мысли обнаружили склонность нѣсколько лѣтъ спустя и сами Поляки. Тѣснимая со всѣхъ сторонъ врагами, Польша сама увидѣла одно спасеніе для нея въ соединеніи съ Русскимъ царствомъ и въ избраніи царя Алексѣя Михаиловича въ короли польскіе. Объ этомъ толковалось уже въ 1656 году въ переговорахъ Поляковъ съ царемъ, которые велись при посредничествѣ императорскихъ пословъ у Вильны. Послѣднимъ не понравился проектъ избранія русскаго царя въ польскіе короли, такъ какъ они уже думали объ избраніи какого-нибудь Габсбурга. Но сами польскіе коммиссары сказали тогда Московскимъ боярамъ, что „намъ цесарева племени австрійскаго дома короли уже наскучили. Какъ у насъ государствовало потомство Ягайла короля, то мы благоденствовали, а когда начали у насъ быть короли нѣмецкой природы, то мы отъ ихъ потомства теперь мало что не нищіе, и государству своему видимъ запустошеніе. Цесарскіе послы рады не соединенію, а разорванію между нами. Такъ мы и станемъ между собою говорить о добромъ дѣлѣ“. Польскіе коммиссары выразили надежду, что между обоими государствами установится „братская дружба и любовь, вѣчное докончанье и миръ и неразорванный покой“, и что сбудется ихъ „вѣчное соединеніе“. Польскій посолъ отправленный отъ Вильны къ царю, Корсакъ, поздравлялъ „обраннаго короля польскаго и великаго князя литовскаго“, благодарилъ Бога за это событіе, и отъ имени Рѣчи Посполитой обѣщалъ вѣрное подданство. Съ другой стороны, самъ царь Алексѣй обрадовался этому избранію въ короли польскіе и велѣлъ по этому поводу отправлять во всѣхъ церквахъ Московскихъ молебствія [2]).

Дѣло должно было рѣшиться на слѣдующемъ сеймѣ, на которомъ—по словамъ Корсака—„единакими гласы завоеванную ту коруну, которую Богъ на благоговѣйную главу вашей царской милости полагаетъ, съ коруною польскою и княжествомъ Литовскимъ счастливе бы взложили“. Но съ созваніемъ сейма въ Польшѣ долго ме-

---

[1]) Соловьевъ, Ист. Росс. X, 229.

[2]) Соловьевъ, Ист. Росс. X, 415, XI, 45. Срв. Малиновскій: Ист. доказат. 59, 245.

длили, и только года черезъ полтора король Польскій Іоаннъ-Казиміръ универсаломъ (19-го мая 1658 г.) созвалъ сеймъ въ Варшаву, на которомъ должны были упрочиться и установиться безпрерывный миръ и крѣпкій союзъ и соединеніе съ княземъ и съ сосѣднимъ народомъ Московскимъ, который происходитъ отъ одной и той же съ нами крови и источника славянскаго рода и вѣрой, языкомъ и обычаями лишь мало отличается, въ смущеніе сосѣдей, завистныхъ всему славянскому имени“ и надѣется, что осуществится „это необходимое и для широко распространеннаго славянскаго имени славное дѣло.“ Этимъ дѣломъ интересовались въ Польшѣ еще цѣлый годъ спустя. Поляки видѣли въ этомъ предстоящемъ соединеніи Россіи и Польши въ одно государство предзнаменованія всемірнаго его господства. Необыкновенны причины этого сліянія двухъ сильнѣйшихъ народовъ Сарматіи—разсуждаютъ они; первое—славянское происхожденіе обоихъ, сходные нравы и обычаи; если между ними и существуетъ нѣкоторая разница вѣроисповѣданія, то она не такъ важна. Еще на сеймѣ Варшавскомъ (1659 г.) разсуждали о большой пользѣ соединенія Россіи и Польши въ одно государство, такъ какъ „Русскіе и Поляки народы одного племени и мало различны по языку“ [1]).

Но и этотъ планъ по примѣру всѣхъ предыдущихъ, не сбылся, вслѣдствіе различія вѣроисповѣданій и вообще почти невозможнаго соглашенія интересовъ польскихъ и русскихъ. Но, не смотря на то, мысль о добровольномъ соединеніи Польши и Россіи появлялась въ послѣдствіи еще нѣсколько разъ. Такъ, десять лѣтъ спустя (1668 г.), когда король Іоаннъ-Казиміръ намѣревался отречься отъ трона, многіе Поляки — въ томъ числѣ и примасъ-архіепископъ — и особенно Литовцы желали выбрать королемъ царевича Алексѣя Алексѣевича; литовскій канцлеръ, Христофоръ Пацъ, совѣтовалъ царю послать войско къ границамъ. Въ началѣ 1673 года литовскіе сенаторы угрожали короннымъ, что если Польша не станетъ воевать съ Турками, а будетъ имъ платить подать, то Литва скорѣе поддастся рус-

[1]) Kochowski Annal. Poloniae Climacter II, 293, 373, и неизвѣстный авторъ Historya panowania Jana Kazimierza I, 346, II, 18; Костомаровъ: Гетманство Выговскаго (Истор. монографіи II, 180). Въ такомъ смыслѣ пишетъ также современный поэтъ польскій, Сам. Твардовскій; онъ утѣшается, что вслѣдствіе избранія царя Польша усилится, и надѣется, что оба соплеменные народа заключатъ подобную Литовской унію, что Русскіе пріймутъ свободу польскую и церковную унію (Wojna domowa 1660 г. изд. 1681 г., стр. 211).

скому царю. Когда въ томъ же году польскій тронъ опять сталъ празднымъ, то польскіе и литовскіе вельможи подумали объ избраніи царевича Өеодора, хотя самъ царь Алексѣй заявилъ желаніе быть польскимъ королемъ. Между прочимъ, въ Польшѣ тогда соображали, что „давно тѣ обои народы языкомъ, правомъ, строемъ себѣ подобны, въ вѣрѣ мало что разны, на единой живя землѣ, безъ раздѣленія моремъ или великою трудностію границъ между собою будучи, при семъ имѣя сосѣдей, по большей части общихъ, и пользы едины могли бы быть стѣною непреодолимою христіанству". Оба государства, вмѣстѣ съ императоромъ Римскимъ, успѣшно могли бы дѣйствовать противъ Турокъ и распространить свои границы „безъ взаимной между собою обиды", и „могло бы случиться освобожденіе греческихъ и славянскихъ народовъ христіанскихъ изъ бусурманской неволи". И когда избранъ былъ въ короли Собѣсскій, то это не понравилось Литовцамъ, и воевода Троцкій, Огинскій, прямо сказалъ русскому резиденту Тяпкину, что „вся Литва отложится совсѣмъ отъ короны и приклонится къ царскому величеству, усмотря время" [1]).

Мысль объ общемъ дѣйствованіи Польши и Руси противъ Турокъ и Татаръ пріобрѣтала себѣ вообще все больше и больше популярности. На такое общее дѣйствованіе указываютъ сами польскіе послы, прибывшіе въ Москву для подтвержденія Андрусовскаго перемирія (1667 г.). „Надобно обоимъ великимъ монархамъ противъ бусурманскихъ войскъ вмѣстѣ стоять. Непріятель христіанскій, слыша о союзѣ обоихъ монарховъ, испугается, и народы христіанскіе, находящіеся подъ властью басурмана, Греки, Сербы, Болгары, Волохи и Молдаване начнутъ искать освобожденія изъ подъ поганскаго насилія". Эти слова встрѣтили одобреніе со стороны царя и бояръ [2]).

Эта мысль повторяется часто. Такъ, польскій посолъ въ Москвѣ, воевода Хелменскій, Гнинскій (1671 г.), въ цвѣтистой рѣчи къ царю Алексѣю, разказывалъ, какъ всѣ древніе народы и государства пропали и осталась, съ одной стороны, только Польша, соединенная съ домомъ Австрійскимъ, — „а ваше царское величество заступаете Европу съ другой стороны. Въ предѣлахъ владѣній вашихъ родятся, растутъ, разливаются Донъ, Двина и Волга. Ты побѣждаешь дикихъ

[1]) Соловьевъ, Ист. Росс. XII, 59, 199, 204; Малиновскій: Истор. доказат. 77, 260; Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ IV, 295.

[2]) Соловьевъ Ист. Росс. XI, 251; Relacya poselstwa do W. X. Moskiewskiego odprawionego przez Kaz. Bieniewskiego etc. (Hubert, Pamiętniki histor. I, 90).

наслѣдниковъ Батыя и Темиръ-Аксака и защищаешь Европу, зѣницу вселенныя; ты стремишься къ странѣ, орошаемой Дономъ, дабы и тамъ, въ незнаемой части вселенныя, наложить имя славянское, паче всего услаждаешь неудобства полуночныя милосердіемъ правленія. Оба народа Польскій и Русскій Богъ превѣчный положилъ стѣною христіанства: какой же страшный отчетъ дать долженъ передъ небомъ тотъ, кто дерзнетъ ихъ ослаблять или дѣлить несогласіемъ или дружбою неискреннею!"

Въ такомъ же смыслѣ высказался и польскій подканцлеръ, епископъ Ольшовскій, въ тайномъ разговорѣ съ русскимъ резидентомъ въ Варшавѣ, Тяпкинымъ, когда Русскій царь поздравилъ новаго короля Польскаго, Собѣсскаго (11-го іюля 1674 г.). Ольшовскій, сообщивъ Тяпкину, что король желаетъ тѣснаго союза Польши и Россіи противъ Татаръ и Турокъ, продолжалъ: „Если это соединеніе послѣдуетъ, то силами обоихъ народовъ навѣрное прогонимъ Турка до Дуная, потому что мы уже знаемъ, какъ въ битвахъ съ Турками промышлять, только бы при нихъ не было Татаръ, которые нашему народу всегда тяжки. А христіанскіе народы, живущіе по Дунаю, Волохи, Сербы, Молдавне, Славяне какъ скоро заслышатъ, что царскія войска соединились съ польскими, то сейчасъ же пристанутъ къ нимъ, особенно къ людямъ царскаго величества. Они всякими способами проповѣдываютъ, тайно и явно, какъ бы имъ далъ Богъ, чтобы царское величество съ королевскимъ были въ братской дружбѣ и соединеніи, и тогда немедленно поддадутся обоимъ великимъ государямъ, потому что единовѣрные они христіане не только съ народомъ Московскимъ, но и съ нами, римскими католиками, и хотя есть между нами въ вѣрѣ какое различіе, то несогласія эти произошли отъ гордости папы и греческихъ патріарховъ. Если же войска обоихъ народовъ задунайскія земли у Турокъ отобьютъ, то этимъ самымъ получатъ способъ къ вѣчному покою".

Тогда доходили въ Польшу слухи, что Румыны, Югославяне и Греки съ нетерпѣніемъ ждутъ соединенныхъ войскъ польскихъ и русскихъ, чтобы сбросить съ себя несносное иго турецкое и поддаться польскому королю или русскому царю [1]). Отъ общаго содѣйствія Поляковъ и Русскихъ противъ Татаръ и Турокъ много ожидали пользы

---

[1]) Соловьевъ Ист. Росс. XII, 76, 214; Симбирскій сборникъ (Малоросс. дѣла 1673—1674 годовъ, №№ 17, 23). Сравн. выше мысли Хорвата Крижанича о союзѣ Польши и Руси противъ Турокъ и Татаръ.

въ Польшѣ при заключеніи вѣчнаго мира съ Россіей (1686 г.). Польскій посолъ въ Москвѣ, Гримултовскій, выразилъ тогда желаніе, чтобъ „*оба* доблестные и славные народы славянскіе радовались своему примиренію и показали свѣту, что у нихъ сабля въ гибель бусурманамъ, и чтобъ соединенныя войска обоихъ государей и народовъ по Днѣпру и по Дунаю наполняли Черное море и водружали на ихъ берегахъ святые кресты“. Подобныя тому мысли высказывала тогда и царевна Софія [1]).

Итакъ, видимъ, что Поляки и Русскіе, не смотря на всю упорную борьбу между собою, не переставали считать другъ друга близкородственными другъ другу по общему своему происхожденію славянскому и часто желали — особенно Поляки — болѣе тѣснаго союза и даже соединенія въ одно государственное тѣло.

Но историческія обстоятельства сложились не въ пользу этого мирнаго соединенія. Напрасно еще въ концѣ XVII вѣка русскій резидентъ въ Польшѣ, Никитинъ, заявлялъ желаніе о добровольномъ соединеніи Польши и Россіи. „Дай Господи“, сказалъ Никитинъ литовскому канцлеру Сапѣгѣ, по поводу завоеванія Азова царемъ Петромъ (1696 года), — „великому государю взять на договоръ не только всю Турецкую землю, но и самое государство Польское и княжество Литовское въ вѣчное подданство привести; тогда вы, Поляки, будете всегда жить въ покоѣ и тишинѣ, а не такъ, какъ теперь, въ вѣчной ссорѣ другъ съ другомъ отъ непорядка своего“ [2]).

Но не смотря на это неудавшееся дѣло, въ Польшѣ не переставали сознавать, что въ сосѣдствѣ на востокѣ существуетъ родственное государство, Россія, съ которою слѣдуетъ жить въ мирѣ „по славянскому братству обоихъ народовъ“ [3]). Да, Россія считалась, въ случаѣ нужды, иногда и убѣжищемъ Поляковъ. Когда въ началѣ XVIII вѣка гоненіе некатоликовъ въ Польшѣ достигло высшей степени (1717 г.), и они стали помышлять о переселеніи изъ отечества на западъ въ Пруссію или на востокъ въ Россію, то многіе литов-

---

[1]) Żrzódła do dziejów pol. (wyd. Malinowski i Przezdzeicki II, 40; сравн. 47, 34). Гримултовскій говорилъ свою рѣчь на польскомъ языкѣ съ примѣсью нѣсколькихъ русскихъ словъ.

[2]) Соловьевъ, Н., Ист. Россіи XIV, 234.

[3]) Сравн. письмо князя Вишневецкаго князю Трубецкому 1733 года. (Соловьевъ, Н., Ист. Россіи XX, 17).

скіе кальвинисты предпочли выселиться въ Россію „ради сходства языка“ [1]).

3. Польскій языкъ въ сѣверовосточной Руси.

Знаніе польскаго языка и польской литературы, стоявшей въ XVI и XVII вѣкахъ несравненно выше, чѣмъ литература на всей Руси польско-литовской и Московской того времени,—стало проникать посредствомъ юго-западной Руси и дальше на востокъ, въ сѣверо-восточную Русь. Уже съ первой половины XVI столѣтія польскіе переводы Библіи проникали въ смежныя съ Литвой края Московской Руси [2]). Въ началѣ же XVII вѣка польскій языкъ сталъ часто слышаться въ Москвѣ среди многочисленныхъ польскихъ гостей и воиновъ, прибывшихъ туда съ царемъ Димитріемъ [3]).

Съ постепеннымъ распространеніемъ разныхъ западно-европейскихъ учрежденій и порядковъ, въ Московской Руси въ XVII вѣкѣ распространялось и знаніе польскаго языка и литературы. Русскіе послы въ Варшавѣ уже не отклоняютъ отъ себя желанія познакомиться съ польскимъ и латинскимъ языкомъ, довольствуясь, что они „по милости Божіей держатъ преданный имъ славянскій языкъ твердо и нерушимо“, а сами покупаютъ разныя книги польскія и латинскія. Такія книги находились въ разныхъ библіотекахъ, царей, Московской академіи и частныхъ лицъ (напримѣръ, Медвѣдева, Матвѣева и др.). Многія сочиненія переводятся съ латинскаго и „славено-польскаго“ языка на „славено-россійскій“, напримѣръ, часть хроники Стрыйков-

---

[1]) Письмо кальвинск. священника на Жмуди, Рекуця, къ старѣйшинѣ чешскихъ братьевъ Яблонскому (23-го ноября 1717 г.): «propter analogiam linguae będą woleli pojść raczéj do Moskwy». (Łukaszewicz: Dzieje kościołów wyzn. helwet. w Litwie I, 328). Около того же времени (въ сентябрѣ 1718 г.) польскіе диссиденты обратились къ царю Петру за защитой (Соловьевъ, Ист. Росс., XVII, 287).

[2]) Еще во второй половинѣ XVII вѣка монахъ Чудова монастыря Евѳимій ратуетъ противъ пользованія библіями польскою и латинскою при исправленіи славянской Библіи (Опис. рукоп. синод. библ. II, 3, стр. 413). Вліяніе польскаго языка замѣтно и въ сочиненіяхъ князя Курбскаго; онъ употребляетъ, напримѣръ, такія слова: або, альбо (или), повѣтренный (воздушный, заразительный), пожиточный (полезный), мѣскій (городскій), и др.

[3]) Дмитрій, любя вообще польскіе обычаи, ввертывалъ въ русскій говоръ польскіе обороты и поговорки (Костомаровъ: Смутное время I, 248). Русско-Московскіе послы въ Польшѣ присутствуютъ въ польскомъ театрѣ, слушаютъ польскія проповѣди.

скаго „о Славянахъ и о началѣ Руси", космографія и хроника М. Бѣльскаго и др.; издаются буквари не только славено-россійскихъ письменъ, но и греческихъ, латинскихъ и польскихъ. Польскіе псалтыри въ стихахъ (перевода Кохановскаго) вошли въ употребленіе не только „во всѣхъ странахъ Малыя, Бѣлыя, Черныя и Червоныя Россіи, паче же во Велицѣй Россіи въ самомъ царствующемъ градѣ Москвѣ", и только позже были переведены и на славяно-русскій языкъ. На всей Руси польская литература XVI—XVII вѣковъ заняла, нѣкоторымъ образомъ, мѣсто юго-славянской прежнихъ временъ. Посредствомъ польской литературы Московскіе Русскіе познакомились со многими произведеніями западной Европы, съ разными сказаніями, съ рыцарскимъ романомъ, новеллами, апофтегматами, фацеціями, театральными мистеріями и представленіями, духовными стихами или „виршами" и пр. Въ русскихъ ихъ переводахъ встрѣчаются частые полонизмы; въ одномъ сборникѣ духовныхъ стихотвореній рядомъ съ церковно-славянскими „виршами" помѣщено и много польскихъ, написанныхъ славянскими буквами.

Во второй половинѣ XVII вѣка стали и при дворѣ царскомъ учиться польскому языку: такъ, говорили по-польски царь Ѳеодоръ (воспитанникъ Симеона Полоцкаго) и царица Софія. Лазарь Барановичъ, южно-руссъ, писавшій стихи по польски, посвятилъ два своихъ поэтическихъ произведенія: «Żywoty świętyck» (Kijów, 1670) царевичу Ѳеодору Алексѣевичу и «Lutnia Apollinowa» (Kijów, 1671) царевичу Іоанну Алексѣевичу. По этому поводу онъ пишетъ царю Алексѣю Михайловичу: „Издахъ же языкомъ польскимъ, яко писахъ въ то время, егда Поляки отъ имени твоего царскаго къ скипетру коруны польскіе молити помышляху, да крѣпчайше союзъ мирнаго соединенія укрѣпять. Издахъ языкомъ ляцкимъ: извѣстенъ бо есмь, яко царевичъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ не точію нашимъ природнымъ, но и ляцкимъ языкомъ чтетъ книги. Благовѣрному же государю царевичу Іоанну Алексѣевичу книгу „Духовныя струны" приписахъ; издахъ же языкомъ ляцкимъ, вѣмъ бо, яко и вашего пресвѣтлаго величества сигклитъ сего языка не гнушается, но чтутъ книги и исторіи ляцкія въ сладость" [1]).

---

[1]) Соловьевъ, Ист. Росс., XIII, 179, 250; А. Поповъ: Обзоръ русск. хронографовъ II, 87 слѣд.; Пыпинъ: Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, 249; Галаховъ: Исторія русской словесности I, 197, 230, 251, 275; Пекарскій: Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ I,

Это польское влiянiе на духовную жизнь сѣверо-восточной Руси прекратилось только при Петрѣ Великомъ, который въ своихъ преобразованiяхъ обратился къ непосредственнымъ источникамъ европейской цивилизацiи — въ Германiю, Голландiю и др. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ не упускалъ изъ виду и польскихъ силъ; такъ напримѣръ, по его приказанiю русскiй агентъ въ Европѣ, баронъ Гюйзенъ, приглашалъ „на русскую службу офицеровъ, художниковъ, ремесленниковъ и пр., особенно изъ такихъ, которые понимали бы по-польски или по-чешски [1]).

4. Паденiе Польши. — Соединенiе юго-западной и сѣверо-восточной Руси.

Вслѣдствiе событiй второй половины XVIII вѣка, произошелъ между обоими славянскими народами, Польскимъ и Русскимъ, новый бѣдственный разрывъ. Но замѣчательно, что и тогда уже, въ послѣднiе годы существованiя Рѣчи Посполитой, большинство Поляковъ, видя неминуемую гибель отечества, усердно желало, чтобъ оставшаяся его часть досталась Россiи, по крайней мѣрѣ, всецѣло, а не по раздѣлу съ Нѣмцами. „Россiя и Пруссiя", восклицаетъ на достопамятномъ сеймѣ Гродненскомъ (1793 г.) одинъ Мазовскiй депутатъ,— „не одно и то же. Россiя происходитъ отъ одного съ нами племени и мало отъ насъ рознится по образу мыслей, обычаямъ и правамъ; въ соединенiи съ Россiей мы, можетъ-быть, увидимъ обоюдное счастiе обоихъ народовъ. Но съ Пруссiей мы не сойдемся никогда. Старая пословица говоритъ: пока свѣтъ свѣтомъ, Полякъ Нѣмцу не будетъ братомъ" [2]).

372; Описанiе библ. Толстаго 334, 365, 370; Описанiе библ. и рукоп. Царскаго 5, 193 и пр. Русско-Московскiе послы, переговариваясь въ 1615 году подъ Смоленскомъ съ польскими, приводили также доказательства изъ польской исторiи, о Премыславѣ, Лѣшкахъ, Попелѣ и другихъ польскихъ князьяхъ «нецарскаго корня». (Акты Зап. Россiи IV, 497).

[1]) Пекарскiй I, 92. Попытка писать польскiй языкъ русско-славянскимъ письмомъ не ограничилась только духовными стихами; при Петрѣ Великомъ Данiилъ Гурчинъ напечаталъ свою польскую пѣснь о побѣдѣ Русскихъ подъ Калишемъ 1706 г. латиницей и кириллицей, въ Москвѣ (Пекарскiй II, 133); и приведенная въ одномъ русскомъ хронографѣ грамота Александра Славинаѣъ изобилуетъ полонизмами (А. Поповъ: Изборникъ изъ русск. хроногр., 440).

[2]) Костомаровъ: Послѣднiе годы Рѣчи Посполитой (621). Уже въ 1718 году примасъ-архiепископъ заявилъ русскому послу въ Варшавѣ, что Польша желаетъ

Россія не воспользовалась тогда случаемъ присоединить къ себѣ всю Польшу.

О взаимныхъ отношеніяхъ юго-западныхъ Русскихъ съ сѣверо-восточными не станемъ здѣсь распространяться. Общее русское происхожденіе, православная вѣра, культура, письмо и пр. искони соединяли Русскій народъ въ Бѣлой, Малой и Великой Руси, хотя и юго-западные Русскіе (Русины), рано подпавъ подъ власть Польши и Литвы, стали развиваться во многомъ различно отъ своихъ братьевъ въ сѣверо-восточной Руси, или какъ обыкновенно она тогда называлась, въ государствѣ Московскомъ. Посредствомъ юго-западной Руси проникали въ Москву первые зачатки европейской цивилизаціи и преобразованій: припомнимъ себѣ только имена Симеона Полоцкаго, Славинецкаго, Сатановскаго, Барановича, Гизеля, Яворскаго, Прокоповича и др. [1]). Русско-славянскія книги, печатаемыя во Львовѣ, Кіевѣ и другихъ городахъ юго-западной Руси, распространялись и на сѣверо-восточной Руси, даже и переводились съ „бѣлороссійскаго на истинный славенороссійскій языкъ“ [2]).

Долго пришлось обѣимъ частямъ Руси жить порознь. Со второй половины XV вѣка, въ юго-западной, Литовской Руси являются стремленія присоединиться къ сѣверо-восточной независимой Руси Московской, и государи послѣдней „великіе князи и цари всея Руси“, простираютъ свои притязанія на всю отчину св. Владиміра до самыхъ Карпатъ [3]). Въ половинѣ XVII вѣка казалось, что вся Бѣлая

быть всегда въ союзѣ съ Россіей и царя имѣть протекторомъ, потому что прусскій дворъ болѣе всѣхъ опасенъ Польшѣ. Тогда же и староста Бобруйскій, Сапѣга, говорилъ русскому послу о «природной гордости нѣмецкой и ненасытной хищности Австріи». Когда король Августъ говорилъ нѣкоторымъ польскимъ панамъ о выгодахъ союза Польши съ императоромъ противъ властолюбивыхъ замысловъ Россіи, то паны отмолчались и толковали между собою, что союзъ и дружба нѣмецкая имъ подозрительны, и что нельзя допускать короля до разрыва съ Россіей (Соловьевъ, Ист. Росс. XVII, 289—290).

[1]) Эти юго-западные Русскіе, призываемые съ юга на сѣверъ «ради наученія Славено-россійскаго народа», часто не совсѣмъ нравились своимъ «великороссійскимъ» братьямъ, которые съ недовѣріемъ смотрѣли на «малороссійскихъ» пришлецовъ или «черкасишекъ», привыкшихъ «латинскимъ всякимъ обычаямъ и мудрованію», и честили ихъ прозвищами «еретиковъ, ляшенковъ (полячишекъ), обливанниковъ». Срави. увѣщательное слово патріарха Іоакима (Опис. рукоп. синод. библ. II, 3, стр. 431—435) и письмо Ст. Яворскаго патріарху Адріану 1700 г. (Соловьевъ, Ист. Росс. XV, 120), и др.

[2]) Рукописи Царскаго 74.

[3]) Уже въ 1479 г. король Польскій Казиміръ, говоритъ Литовцамъ по пово-

и Малая Русь присоединится къ Великой Руси. Но не состоялась тогда это соединеніе: только заднѣпровская часть Малой Россіи, этого „преддверія Великой Россіи",—какъ ее назвалъ украинскій гетманъ Брюховецкій,—присоединена была къ царству Русскому [1]). Наконецъ, черезъ сто лѣтъ, возвратилась почти вся юго-западная Русь (кромѣ Галицкой и Угорской) подъ скипетръ государей русскихъ.

V.

Русскіе и Чехи.

1. Свѣдѣнія о Чехахъ на Руси.

Слѣдить за взаимными сношеніями двухъ народовъ, которые живутъ въ такомъ разстояніи другъ отъ друга, какъ Русскій и Чешскій, которые наконецъ, развивались каждый своимъ особымъ путемъ, гораздо труднѣе, чѣмъ нарисовать картину взаимныхъ сношеній двухъ смежныхъ и болѣе близкихъ, своимъ историческимъ и культурнымъ развитіемъ, народовъ, какъ напримѣръ, Поляковъ и Чеховъ, или Поляковъ и юго-западныхъ Русскихъ [2]). По этой причинѣ очеркъ взаимныхъ отношеній Чеховъ и Русскихъ не можетъ не страдать нѣкоторою неполнотой и отрывочностью.

Мы имѣли нѣсколько разъ случай говорить о сознаніи Чеховъ и Русскихъ, что они одного происхожденія славянскаго; мы видѣли, что это сознаніе являлось въ наукѣ и въ жизни, и что оно даже повело къ интереснымъ спорамъ о томъ, вышли ли Чехи изъ Хорватіи, или изъ Руси.

ду ихъ воинственнаго настроенія противъ Москвы, — чтобы «parvam in Ruthenis suae ditionis suique ducatus spem ponerent, quos sibi propter disparisatem vitus suapte sponte infestos nossent, nec tam pro victoria Lithuanorum, quam pro ruina, si dimicatio cum Moskwensibus fieret, adnisuros. Vera praedicere visus est et annunciare»,—замѣчаетъ Длугошъ (II, 589).

[1]) Гетманъ Мазепа обязался (1687 г.) «народъ малороссійскій всякими мѣрами и способы съ великороссійскимъ народомъ соединять и въ неразорванное и крѣпкое согласіе приводить супружествомъ и инымъ поведеніемъ». (Маркевичъ: Ист. Малороссіи III, 315).

[2]) Чехи и Моравane примыкаютъ къ Русскимъ (въ Угріи и Галиціи) посредствомъ Словаковъ; но эти ближайшіе родственники Чеховъ и Моравянъ развивались, со времени паденія великой Моравіи, нѣсколько иначе и составили во многомъ отдѣльное цѣлое.

Итакъ, знали и Чехи, что у нихъ родные братья не только на Днѣпрѣ, но и дальше на востокѣ на Волгѣ, на Кавказѣ и Уралѣ; знали и Русскіе, что Чехи и Морава часть тѣхъ же самыхъ Славянъ изъ которыхъ вышли и Днѣпровскіе Поляне, Древляне, Дреговичи, Сѣверяне и другія племена, принявшія потомъ названіе Русь, что „бѣ единъ языкъ словѣнескъ... Морава, Чеси и Ляхове и Поляне, яже нынѣ зовомая Русь". Еще въ позднѣйшіе вѣка мы находимъ Хорватовъ, Лучанъ, Дулѣбовъ (Дудлебовъ), Волынянъ, Нетоличей, Стадичей, Кіевъ, Бѣлградъ, Вышеградъ, Луку или Луки и пр. не только въ Татрахъ и по Днѣпру, но и въ горахъ Креконошскихъ и на берегахъ Лабы и Волтавы.

Мы видѣли, что Славяне не сберегли своего народнаго единства, и что подвигъ славянскихъ апостоловъ Константина и Меѳодія соединить посредствомъ одного вѣроисповѣданія, письма и языка всѣхъ Славянъ, западныхъ, южныхъ и восточныхъ, не удался вполнѣ: западные и частью южные Славяне отдѣлились, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, отъ приготовляемаго единства религіознаго, а слѣдовательно, и культурнаго, и стали развиваться иначе, чѣмъ восточные и юго-восточные Славяне.

Этотъ фактъ, что главная дѣятельность обоихъ славянскихъ апостоловъ происходила въ областяхъ чешско-моравскихъ, остался навсегда извѣстнымъ въ русскихъ земляхъ. Искони извѣстно было на Руси, что въ земляхъ моравскихъ князей Ростислава, Святополка и Коцела „первое преложены книги Моравѣ, яже прозва ся грамота словѣньская, яже грамота есть въ Руси и въ Болгарѣхъ Дунайскихъ". Дѣятельность славянскихъ апостоловъ у западныхъ Славянъ въ Моравіи, Паннопіи, въ Ляхахъ и въ Чехахъ извѣстна была на Руси особенно по ихъ жизнеописаніямъ, составленнымъ ихъ учениками еще въ Моравіи. Эти жизнеописанія читались и списывались на Руси съ древнѣйшихъ временъ; ими пользовались и ихъ дополняли русскіе лѣтописцы.

Кромѣ дѣятельности славянскихъ апостоловъ, Константина и Меѳодія, у западныхъ Славянъ, знали на Руси и жизнеописанія другихъ святителей и дѣятелей западо-славянскихъ въ первыя времена введенія христіанства. Такъ, напримѣръ, были на Руси распространены до позднѣйшихъ вѣковъ жизнеописанія: чешской княгини Людмилы „отъ земли Сербскія, дочери князя Сербскаго", сказаніе „о Боривоѣ, князѣ Муравскомъ", жизнеописаніе пустынника Ивана королевича Хорватскаго, съ которымъ встрѣтился Боривой, князь Маворскій (то-

есть, Моравскій), христіанинъ греческаго закона; два важные жизнеописанія св. Вячеслава, чешскаго князя и пр. [1]).

Такими жизнеописаніями чешскихъ дѣятелей и князей, изъ которыхъ Вячеславъ и Людмила причислены и православною русскою церковью къ лику святыхъ,—сохранялись и распространялись историческія знанія о государствѣ и народѣ Чешско-Моравскомъ. По нимъ знали на Руси хотя немного о судьбахъ нѣкоторыхъ чешско-моравскихъ историческихъ лицъ; изъ такихъ жизнеописаній узналъ русскій читатель о князьяхъ Ростиславѣ, Святополкѣ, Коцелѣ, Боривоѣ и его женѣ Людмилѣ, князѣ Воротиславѣ, его женѣ Дорогомири и ихъ сыновьяхъ Вячеславѣ и Болеславѣ; узналъ о землѣ чешскихъ Хорватовъ, о городахъ чешскихъ и моравскихъ, о „славномъ градѣ Прагѣ, Болеславлѣ, Будчѣ, Тетинѣ, о многихъ церквахъ въ этихъ городахъ, о разныхъ древнеславянскихъ обычаяхъ, сохранившихся на Руси гораздо дольше, чѣмъ въ Чехіи, напримѣръ, о „постригахъ" чешскихъ князей, о ихъ сажаніи на „столъ отенъ и дѣденъ", о ихъ военныхъ играхъ и пр.

Эти историческія свѣдѣнія на Руси о первыхъ христіанскихъ дѣятеляхъ у западныхъ Славянъ дополнялись другими русскими литературными памятниками, особенно лѣтописями, хронографами и космографіями; въ хронографы и космографіи вошли извѣстія о Чехахъ посредствомъ польскихъ источниковъ, особенно „чешской хроники" Н. Бѣльскаго. Изъ нихъ узнали Русскіе и древнія миѳическія преданія чешскія, читая „о началѣ государствъ Польскаго и Чешскаго", основанныхъ двумя братьями Чехомъ и Ляхомъ которые пришли изъ славянскихъ земель, „о Крокѣ, королѣ польскомъ, иже отъ племени Чехова", и пр. Оттуда жь узнали они и о грамотѣ Александра Великаго, данной „славному и храброму словенскому народу". Въ русскихъ космографіяхъ описывается также „Ческое королевство и Моравская земля"; стольные города въ нихъ Прага на рѣкѣ Волтавѣ и Оломуцъ на рѣкѣ Моравѣ; Чехи—народъ храбрый и гордый, льву подобный, „языкъ имутъ словенскій подобенъ польскому; прежде имяху особнаго краля; вѣрою нынѣ заблудили, да у нихъ есть не только папежники, но и Гусати отъ еретика Яна Гуса", и пр. [2]).

---

[1]) Эти жизнеописанія, прологи, службы и пр. часто изданы, послѣдній разъ въ Fontes rer. bohem. I. Сравн. опис. рукоп. Румянцевск. муз. 778, рукоп. Царскаго 330, Rad jugoslav. akad XXI, 134. Сравн. выше стр.

[2]) Поповъ: Изборникъ изъ хронографовъ русской редакціи 131, 138, 491 и

Изъ своихъ лѣтописей Русскіе знали, что ихъ князья, особенно юго-западной Руси, Галичской и Волынской, не разъ сносились съ чешскими князьями и дружески и враждебно, и что чешскіе полки часто бывали въ русскихъ земляхъ. По мнѣнію Русскихъ, вѣсти о славныхъ подвигахъ ихъ князей доходили не только до Грековъ, Угровъ и Ляховъ, но и до Чеховъ и до Моравы: такъ вѣсть о побѣдахъ князей надъ Половцами, такъ и вѣсть о сраженіи Куликовскомъ [1]).

Изъ своихъ лѣтописей Русскіе узнали, что князь Святополкъ Владиміровичъ, гонимый Божіимъ гнѣвомъ, прибѣжалъ въ пустыню „межю Ляхи и Чехи" и здѣсь „испроверже злѣ животъ свой"; что въ этомъ же самомъ Чешскомъ лѣсѣ и Владиміръ Мономахъ ходилъ четыре мѣсяца, находясь въ Ляхахъ. Вѣсть о злой кончинѣ братоубійцы Святополка „межю Ляхи и Чехи" вкоренилась глубоко въ памяти народа Русскаго въ южной и въ сѣверной Руси и осталась въ ней долго, когда тамъ давно уже забыли настоящее значеніе словъ „межю Ляхи и Чехи", придавъ имъ совсѣмъ другое значеніе: въ давнихъ Новгородскихъ колоніяхъ, Двинской землѣ и Заволочьѣ, въ нынѣшней Архангельской губерніи, до сихъ поръ извѣстная, но въ первоначальномъ своемъ значеніи уже совсѣмъ непонятная для народа поговорка „между Чахи и Ляхи" значитъ такъ и сякъ, ни дурно ни хорошо, безъ работы, безъ дѣла [2]).

Событія въ Чехіи, особенно позднѣйшихъ временъ, доходили до русскихъ земель часто въ довольно искаженномъ видѣ. Такъ, напримѣръ, очень вѣроятно, что если не вся шляхта польская, то по крайней мѣрѣ значительная ея часть, приняла гербы отъ Чеховъ, и что подобно тому, и литовско-русская шляхта приняла гербы отъ польской (на съѣздѣ Городельскомъ, 1413 г.). Но эти факты одинъ литовско-русскій лѣтописецъ передѣлалъ по своему; онъ разказываетъ, что на съѣздѣ императора Сигизмунда, короля Владислава и великаго князя Витовта въ Луцкѣ (1429 г.), первый совѣтовалъ литовскимъ панамъ, чтобъ они сбратались съ польскими посредствомъ гербовъ. „И цесарь тежъ почалъ паномъ литовскимъ мовити, ижъ панови ляцкіи не могли иначей въ покою вчинити межи кролевствомъ ческимъ и польскимъ,

---

пр.; Опис. рукоп. Румянцев. муз. 767, 773. «Исторіи словенскіи или ческіи» были и въ рукахъ вышеупомянутаго Зах. Копыстенскаго (1621 г.).

[1]) П. С. Р. Л., II, 3, Слово о полку Игоревѣ, Задонщина (издан. Эрбена 10, 62).

[2]) П. С. Р. Л., I, 63, 85, 103. Опытъ областнаго великорусск. словаря, 112.

а завжды межи тыми кролевствы вальки бывали, а такъ панове ляцкіи зъ паны ческими тымъ збратилися, ижъ гербы собе ляхове побрали у пановъ ческыхъ, и коли гербы побрали, а тымъ ся збратили и отъ тых же местъ валька межи ними перестала, и въ покою межи себе живутъ". Тотъ же самый лѣтописецъ думаетъ, что въ сраженіи подъ Грюнвальдомъ или Танненбергомъ „гетманъ былъ найвыжшій во войску Ягайловомъ панъ Соколъ Чехъ", и обширно разказываетъ о мнимой войнѣ и о переговорахъ королей Чешскаго Юрія (Ирика) и польскаго Казиміра, къ которому послали „Вроцлавляне и Слезаци, просячи, абы въ нихъ господаремъ зосталъ, а одъ Ирика короля ческаго абы ихъ вборонилъ", и пр. [1]).

Наконецъ, Чехія нашла себѣ дорогу и въ народныя сказанія и сказки русскія. Въ сказаніи о смерти Батыя является Влаславъ или Владиславъ, король Českou Ханамъ Угрямъ, Чехамъ и Нѣмцамъ и всему поморью, тайный приверженецъ православія, который, осаждаемый въ Варадинѣ, убиваетъ Батыя. На Руси знали сказку „о Василіѣ королевичѣ златовласомъ чешскія земли" и „повѣсть умилительную о Брунцвикѣ, королевичѣ чешскія земли", о его приключеніяхъ и борьбѣ съ разными „потворами". Послѣдняя сказка навѣрное взята прямо изъ Чехіи, гдѣ она съ давнихъ временъ и до сихъ поръ одна изъ любимыхъ книгъ простаго народа [2]).

Итакъ, искони и всегда было извѣстно на Руси сѣверо-восточной — Московской и юго-западной — Польско-Литовской, не только, что „бѣ единъ языкъ словѣнескъ, и Морова, Чеси и Ляхове, и Русь", но и что „Чехове суть люди на западѣ слонца на горахъ, люди довцепны, мало отъ руского языка отторгнены, а Русь есть люди близки ричи свое языка ческа" [3]).

Во всѣхъ этихъ русскихъ памятникахъ, съ древнѣйшихъ временъ

---

[1]) Pomniki do dziejów litew. (Быховецъ), wyd. Narbutt, 40, 43, 58—61.

[2]) Сказаніе о смерти Батыя (Никоновск. лѣт. III, 27, Воскрес. лѣт. (П. С. Р. Л. VII, 157), хронографъ изд. Попова 44); сравн. Соловьева Ист. Россіи IV, 364); Пыпинъ: Очеркъ литер. исторіи стар. повѣстей и сказокъ русскихъ 223—228 (сравн. рукоп. Царскаго 23, 554). Русскій переводчикъ романа «Аполлонъ король Тирскій» пользовался, вѣроятно, и чешскимъ переводомъ, какъ видно изъ употребленія словъ: краль, кралевичъ, кралевна (подлѣ король и пр.), хладничекъ. (Сравн. Тихонравовъ: Лѣтоп. русск. лит. 1, Časopis Česk. Mus. 1864).

[3]) Въ предисловіи къ червоно-русскому переводу Вислицкаго статута изъ первой половины XV вѣка, напечаталъ (съ ошибками) Wiszniewski, Hiss. lit. pol. VIII, 442.

до XVII вѣка, встрѣчаются только славянскія названія земель, рѣкъ и мѣстъ западо-славянскихъ; вездѣ есть только Чехи, Морава, Угре, рѣки: Волтава, Одра, Псина (Пштина), Опава, Солоная, города: Воротьславль, Опава, Середа, Глубичичи, Особолога, Насилье, Козлій, Бардуевъ (Бардѣевъ), Зъпишь (Спишь) и др. Такія славянскія названія проглядываютъ даже въ русскихъ космографіяхъ и другихъ памятникахъ XVII вѣка, переведенныхъ или передѣланныхъ съ латинскаго или нѣмецкаго языка; напримѣръ, „Богемія сирѣчь Ческое королевство", „Волтава", „Одра" подлѣ „Албисъ, сирѣчь Елва", „Мишенскіе" города подлѣ „Миснія", „Аустрія сирѣчь Ракуская земля", „Гунгарія, Венгерская земля" подлѣ „Угорская земля", и пр. [1]).

2. Свѣдѣнія о Русскихъ у Чеховъ.

Чехи, съ своей стороны, тоже всегда знали и сознавали, что на востокѣ, за Польскою землей, есть общи[ ]ная славянская земля, Русь. Къ нимъ доходили и вѣсти, что эту страну постигло страшное бѣдствіе: Татары завоевали два царства „старый Кіевъ и Новыградъ (тоесть, Владиміръ) пространъ", и наложили на христіанъ большую дань. Темная вѣсть объ убіеніи внучки князя Михаила Кіевскаго, у города Середы въ Силезіи, подала чешскому поэту поводъ подумать, что это была дочь татарскаго хана Кублая, который изъ-за этого убійства грянулъ на Европу [2]).

Хотя Чехи и знали, что на Руси живетъ народъ славянскій, но они все-таки, вслѣдствіе своего присоединенія къ западной латинской церкви и вообще къ западной Европѣ, смотрѣли на Русскихъ, какъ на болѣе отдаленныхъ родственниковъ, чѣмъ, напримѣръ, на болѣе близкихъ имъ географически и духовно Поляковъ. Одною изъ главныхъ причинъ этого взгляда Чеховъ на Русскихъ было именно православное вѣроисповѣданіе послѣднихъ, вѣра „русская".

Такъ какъ между славянскими народами, принявшими славянское

---

[1]) Въ нынѣшнемъ русскомъ языкѣ географическія названія въ чешскихъ и словенскихъ (словацкихъ) земляхъ приводятся обыкновенно по-нѣмецки и по-мадьярски; такъ, вышеупомянутыя древнерусскія названія находятся на русскихъ картахъ подъ слѣдующими формами: Богемія, Моравія (лат.), Венгрія (польск.), Мольдау, Одеръ, Цинна, Оппа, Шаіо, Бреславль, Троппау, Неймарктъ, Леобшицъ, Гоценплоцъ, Насиделъ, Козелъ, Бартфельдъ, Ципсъ. Сравн. русскія космографіи у А. Попова: Изборникъ изъ русск. хроногр. 459.

[2]) Поэма «Ярославъ» Краледворск. рукоп.; сравн. П. С. Р. Л., II, 177.

богослуженіе, первенствовали Русскіе, то у Чеховъ рано стали называть исповѣдывателей славянскаго богослуженія и православной вѣры Русскими. Уже папа Іоаннъ XIII, дозволяя учрежденіе особой епископіи въ Прагѣ, требуетъ, чтобъ она была латинская, а не по обрядамъ или по сектѣ Болгарскаго или Русскаго народа, или славянскаго языка“ (971). И въ самомъ дѣлѣ, Чехи думали позже въ XIII—XIV вѣкѣ, что, „св. Меѳодій былъ Русинъ, служившій литургію по славянски“, и называли греко-славянское письмо русскимъ (alphabetum rutenicum); въ чешскомъ послѣсловіи такъ-называемаго Сазаво-Эмаузскаго Евангелія, писаннаго въ 1395 году отчасти письмомъ греко-славянскимъ, отчасти „словѣнскимъ“ (глаголицей), первая часть называется книгой русскаго закона, русскаго письма [1]).

Кромѣ того, были и другія причины, по которымъ Чехи и Русскіе все больше и больше отдалялись другъ отъ друга: Русь, принявъ христіанство и культуру изъ восточной церкви, стала иначе развиваться, чѣмъ западная и средняя Европа, къ которой примкнули всѣ западные Славяне; эта Европа стала смотрѣть на Русь, какъ на страну, стоящую внѣ ея, стала все больше ея чуждаться, особенно послѣ порабощенія ея Татарами, и наконецъ, смотрѣть на нее враждебно, преимущественно по поводу ея „схизматическаго“ исповѣданія. Римскіе папы, увидавъ что ихъ притязанія на Русскія земли оказываются напрасными, что русскіе князья вовсе не намѣрены повиноваться римскимъ намѣстникамъ Христа, стали не только одобрять враждебные подвиги западно-европейскихъ государей противъ Руси, но и прямо проповѣдывать крестовые походы противъ „схизматическихъ“ Русскихъ, равно какъ и противъ языческихъ Прусовъ, Литвы и Татаръ.

Изъ западныхъ народовъ показались папамъ Чехи, или скорѣе чешскіе государи, выгоднымъ орудіемъ противъ всѣхъ восточныхъ

---

[1]) Cosmas (Script. rer. boh. I, 49); Erben Regesta Boh. I, 29; Далимилъ изд. Ганки 42, Сазаво-эмаузское благовѣствованіе, изд. Ганки 187—188; Hanuš: Dodavky k Iungmannově Hist. lit. české I, 5. Съ другой стороны, въ русскихъ памятникахъ замѣна слова «словѣнскій» словомъ «русскій» встрѣчается часто; такъ, въ прибавленіи въ паннонской легендѣ о св. Константинѣ говорится объ изобрѣтеніи имъ «русскаго» письма; въ нѣкоторыхъ рукописяхъ той же самой легенды (гл. XVII) вмѣсто «словѣнскимъ языкомъ» читается «русьы» (Сравн. Чтенія 1863, 1864 годовъ). Въ одномъ житіи св. Константина сказано: «се же есть букви словенска и болгарска, еже есть руская» (Опис. рукоп. синодальн. библ. II, 3, стр. 296).

народовъ, которые не хотѣли признавать папской власти. Вѣдь и Чехи смотрѣли на Русскихъ, какъ на „схизматиковъ", равно какъ и на Грековъ, Болгаръ, Сербовъ (Расичей) и на Босанскихъ еретиковъ. Такъ называетъ ихъ самъ Чешскій король Премыслъ Отокаръ II въ письмѣ къ папѣ Александру IV (1260 г.) [1]). По милости папъ, чешскимъ государямъ открывалась громадная дѣятельность на востокѣ. Папа Урбанъ IV вызываетъ (1264 г.) Чешскаго короля Премысла Отокара II помогать Польшѣ противъ нападенія Русскихъ „схизматиковъ", Литовцевъ и Татаръ, ихъ союзниковъ, и по своей апостольской власти, уступаетъ ему въ наслѣдство земли русскія и литовскія, которыя онъ съ Божіею помощью обратилъ бы въ „христіанскую" вѣру или завоевалъ бы, въ случаѣ, если другіе католики не имѣютъ на нихъ права [2]).

Не удивительно, что при тогдашнемъ положеніи дѣлъ у западныхъ Славянъ, этотъ взглядъ высшихъ церковныхъ властей на отношенія восточной Европы привился и къ чешскимъ государямъ, проникъ и въ чешское общество. Король Премыслъ II пошелъ крестовымъ походомъ если не на русскихъ „схизматиковъ" — они были слишкомъ далеко,—то по крайней мѣрѣ, на языческихъ Прусовъ, въ землѣ которыхъ основалъ городъ Кролевецъ [3]). Но желаніе подчинить папской власти и остальные восточные народы, между прочимъ и Русскихъ, осталось въ чешскомъ обществѣ и въ послѣдствіи: такъ и во второй половинѣ XIII вѣка авторъ одного изъ лучшихъ памятниковъ чешской народной литературы, воспѣвающаго подвиги Александра

---

[1]) Script. rer. boh. I. 400; Пулкава (Dobner Monum. III, 229); Turgenev, Hist. Russ. Mon. II 348; Emler: Regesta Bohem. et Morav. II 103. Чешскій Пулкава переводитъ «schismatici» - rozdvojenci (раздвоенные). Впрочемъ не забудемъ, что эти народы помогали тогда Уграмъ противъ Чеховъ.

[2]) Turgenev, Hist. Russ. Monum. II, 350; Theiner, Monum. Polon. I, 77. Emler, Regesta Bohem. et Moraviæ. II, 176. Папа Александръ IV въ 1257 году поручаетъ монаху Варѳоломею изъ Чехіи (fratri Bartholomæo de Bœmia ord. fratr. Minor) проповѣдывать слово Божье «у Литовцовъ, Ятвяговъ и Русскихъ и другихъ язычниковъ и схизматиковъ» этихъ странъ; его же назначаетъ онъ и епископомъ Луковскимъ (Emler, Regesta Bohemiæ et Morav. II, 52, 57).

[3]) Въ одной русской космографіи XVII в. сказано: «Королевицъ городъ, по немецку Кинсбергъ (Königsberg) нареченный, который король Ческій поставилъ» (А. Поповъ: Изборникъ изъ русск. хронографовъ 489). Король Премыслъ хлопоталъ тогда (1268) о возвышеніи епископіи Оломуцкой въ архіепископство, которому принадлежали бы новыя епархіи въ Литвѣ, Галиндіи и въ землѣ Ятвяговъ. (Theiner, Mon. Polon. I, 79; Emler, Reg. Boh. et Morav. II, 229).

Македонскаго, проситъ Бога, чтобы такимъ, какъ побѣдитель Александръ, былъ и чешскій король: тогда бы, навѣрное, вскорѣ Литва, Татары, Бусурманы, Прусы и „неутвержденные“ (то есть, схизматическіе) Русскіе такъ устрашились, что ухватились бы за крестъ и отказались бы отъ своихъ идоловъ [1]).

Кромѣ тогдашнихъ общеевропейскихъ взглядовъ на Русь, заявило въ этомъ дѣлѣ свою силу на Чеховъ и польское вліяніе. Польша, находясь издавна въ постоянныхъ сношеніяхъ и столкновеніяхъ съ сосѣдними русскими землями, рано стала распространяться на востокъ и, присоединивъ къ себѣ Литву и завладѣвъ цѣлою юго-западною днѣпровскою Русью, стала смотрѣть враждебно на самостоятельную сѣверо-восточную Русь. Религіозная вражда шла здѣсь рука объ руку съ политическою.

Такъ какъ Чехи, отдѣленные отъ Руси особенно Польшей, не могли непосредственно сноситься съ Русскими и между тѣмъ находились въ постоянныхъ, по большей части, дружескихъ сношеніяхъ съ сосѣднею Польшей, то не мудрено, что они очень часто подвергались въ своихъ взглядахъ на восточную Европу вліянію своихъ ближайшихъ сосѣдей и родственниковъ. Этимъ польскимъ вліяніемъ слѣдуетъ объяснить себѣ многія явленія въ общественномъ мнѣніи у Чеховъ о Руси, особенно восточной.

Мы видѣли, что свѣдѣнія Чеховъ о славянскомъ мірѣ увеличились особенно во время гуситскаго движенія, и что тогда Чехи ближе познакомились особенно съ югозападными Русскими, жившими въ государствѣ Польско-Литовскомъ, съ которымъ Чехи входили въ тѣсныя сношенія. Свѣдѣнія Чеховъ о Русскомъ народѣ и о его языкѣ все больше и больше распространялись: доказательствомъ служатъ вышеупомянутые литературные памятники чешскіе: грамота Александра Македонскаго Славянамъ, труды Благослава, Бенешовскаго, Судетскаго и другихъ. Чешскіе историки, космографы и филологи, говоря о разныхъ славянскихъ народахъ, касались, разумѣется, и Русскихъ. Но, какъ уже выше сказано, не рѣдко руководились чужими взглядами, особенно на восточную, Московскую Русь. Такъ, напримѣръ, пишетъ чешскій переводчикъ Мюнстеровой космографіи, Сигизмундъ изъ Пухова, что „народъ Московскій употребляетъ языкъ славянскій, хотя

---

[1]) Výbor z literatury české I, 166.

другими языками такъ смѣшанный и испорченный, что его Славянинъ съ трудомъ понимаетъ“ [1]).

Больше узнали Чехи о восточной Руси и о „Русахъ и Рушакахъ“ (то-есть о Русскихъ и Русинахъ) изъ чешскаго перевода книги Гваннини, которую перевелъ Матѳій Госіусъ, мѣщанинъ Колинскій [2]). Издатель этого посмертнаго сочиненія, Даніилъ Адамъ изъ Велеславина, посвящая его думѣ города Колина, не сомнѣвается, что она его пріиметъ не только какъ трудъ любимаго ихъ согражданина, „но и ради его пользы, которая, вопервыхъ, относится къ вамъ и къ вашей общинѣ, потомъ и ко всѣмъ соотечественникамъ этой чешской земли. Ибо такъ какъ Москвитяне и Русскіе произошли изъ того же самаго народа сарматскаго, какъ и мы, Чехи, и употребляютъ тотъ же самый языкъ, который мы и другіе народы славянскіе, хотя съ разными оттѣнками, какъ Поляки, Хорваты, Словаки, Сербы: полезно нашимъ Чехамъ это знать и вѣдать, какъ далеко распространенъ ихъ народъ, и что онъ не только въ этихъ странахъ, между черными лѣсами, и отсюда къ Униграмъ и Полякамъ, но и гораздо дальше на востокъ и на сѣверъ простирается, отъ Ледовитаго моря, которое находится далеко за Москвою, до моря Средиземнаго и Адріатическаго, такъ что почти половину двухъ частей свѣта, Азіи и Европы, обнялъ и наполнилъ“.

Сѣверо-восточная Московская Русь заинтересовала и другаго чешскаго писателя того времени, Марка Флорентина Быджовскаго, который подробно описалъ войну Стефана Баторія съ Московскою Русью (1579 и слѣд.), жизнь царя Іоанна Грознаго и русское посольство въ Прагѣ 1595 года [3]).

На Русскія земли обратили вниманіе и чешскіе генеалоги XVI—XVII вѣковъ. При жалкомъ состояніи тогдашней исторической критики, нельзя удивляться, что многіе западно-славянскіе дворянскіе роды производили свое начало если не прямо изъ Ноева ковчега, то, по крайней мѣрѣ, отъ братьевъ Чеха и Лѣха, мнимыхъ основателей Чешскаго и Польскаго государствъ. Подобострастные генеалоги — въ томъ числѣ и извѣстный Варѳ. Папроцкій—умножали такія нелѣпости

---

[1]) Kosmografia česká (1554 г., fol. 537).

[2]) M. Hosius: Kronyka Mozkevská (1590 и 1602, сокращено 1786).

[3]) Рукопись его «Rudolphus Rex» въ универс. библ. Пражской (срвн. Časop. Česk. Mus. 1846, I). Разказъ Быджовскаго о русскомъ посольствѣ въ Прагѣ см. ниже.

и даже приводили ихъ въ полную систему. Славный родъ чешско-моравскихъ пановъ Жеротиновъ Папроцкій производитъ отъ русскихъ князей Рюриковичей, именно отъ Олега Святославича (у него называется онъ „Колга"). По разказамъ этого славянскаго генеалога, „Колга", узнавъ о козняхъ брата своего Ярополка, послалъ тайно своего сына въ западныя страны на службу князей чешскихъ; такъ какъ „Колга" часто употреблялъ поговорку „въ своей прирожденной русской рѣчи, иди къ врагу, или предайся врагу (что по чешски толкуется чортъ): по этой причинѣ онъ названъ Врагомъ". Отъ него происходятъ Враговскіе а отъ нихъ Жеротины. Отъ своего отца получилъ онъ „письмо, золотою грамотой (то-есть, русскимъ письмомъ) писанное", которое его потомки берегли, какъ большое сокровище. Позже пошелъ панъ Плихта изъ Жеротина на Русь, чтобы добиться отъ князей русскихъ подтвержденія этой грамоты, и пр. [1]). Все это, разумѣется, выдумки или Папроцкаго, или Жеротиновъ: по крайней мѣрѣ нельзя доказать связи Жеротиновъ съ какими-нибудь русскими князьями. Но самому Папроцкому нечего удивляться: онъ былъ вѣрный сынъ своего времени, для котораго не существовала историческая критика. Вѣдь, спустя почти сто лѣтъ послѣ Папроцкаго, Калинъ изъ Маріенберга издалъ особое сочиненіе, въ которомъ съ большимъ ученымъ аппаратомъ, даже съ приложеніемъ родословныхъ таблицъ и пр., пространно доказываетъ, что изящная кровь древнихъ и могущественныхъ князей русскихъ перелилась въ пресловутый и благородный родъ Жеротиновъ, потомковъ св. Владиміра, именно его сына Изяслава [2]).

Если у нѣкоторыхъ чешско-моравскихъ родовъ существовали преданія, основательныя или неосновательныя, о ихъ происхожденіи изъ Руси, то на оборотъ, встрѣчаются и преданія о чешскихъ выходцахъ въ русскія земли. Такъ, напримѣръ, въ 1538 году разказываетъ одинъ чешскій панъ Генрихъ изъ Ризенберга, въ генеалогическомъ очеркѣ своего рода, что сынъ Премысловича Дѣпольта, Брячиславъ (лице не историческое), „женился на дочери князя Вратиславскаго и отправился, съ шуриномъ своимъ, Генрихомъ княземъ Вратиславскимъ, на Русь, завоевалъ ее и поселилъ тутъ своего сына [3]).

---

[1]) Zrcadło markrabstvi Moravského, fol. 89; Ogród Królewski, fol. 204.

[2]) Calin de Marienberg: Virtus leonina etc. (1683).

[3]) Современный списокъ въ архивѣ Требонскомъ (въ южной Чехіи). Ризенберги, древлечешскіе Дерславичи, производились, безъ основанія, отъ Дѣпольтичей, отрасли Премысловичей, потомковъ князя Дѣпольта (Theobald).

Мы ужь упомянули выше, что вслѣдствіе частыхъ дружелюбныхъ сношеній Чеховъ съ Поляками, польскіе взгляды нерѣдко имѣли вліяніе на чешскіе относительно Руси, особенно восточной. Кромѣ того, нельзя забывать, что до Петра Великаго во всей Европѣ смотрѣли на восточную Русь, или какъ ее обыкновенно называли, на Московію, какъ на государство, стоящее внѣ остальныхъ европейскихъ государствъ.

Не удивительно, что и Чехи раздѣляли этотъ общеевропейскій взглядъ на Московію, и будучи подъ вліяніемъ польскимъ, смотрѣли иногда на нее также враждебно, какъ и сами Поляки. Такъ, напримѣръ, панъ Ладиславъ изъ Штернберга, наивысшій канцлеръ чешскій, отъ сердца радуется пораженію Москвитянъ подъ Оршею; сообщая изъ Угорскаго Будина (1514 г., 3-го октября) разныя вѣсти наивысшему бурграфу (первому министру) чешскому пану Зденку Льву изъ Рожмиталя, Штернбергъ пишетъ ему и объ этой побѣдѣ короля Сигизмунда, прибавляя, „что навѣрное радуетесь за короля Польскаго, что Господь Богъ изволилъ ему даровать побѣду надъ этими разбойниками (лотры)“ [1]).

Не мало повредило Московской Руси въ глазахъ всѣхъ европейскихъ государствъ и царствованіе Ивана Грознаго. Такъ было и у Чеховъ, которыхъ познакомили съ жизнью этого царя Госіусъ и Быджовскій.

О войнахъ между Польшей и Московскою Русью выходили въ Прагѣ разныя печатныя вѣдомости; такъ, напримѣръ, въ 1563 году „Вѣдомости грозныя, страшныя и жалостныя, какъ Непталимъ (sic!), великій князь Московскій, его величеству королю польскому съ значительнымъ числомъ войска напалъ на Литовскую землю и поджогами, убійствомъ людей обоего пола, нехристіанскимъ и безстыднымъ плѣненіемъ, завоеваніемъ городовъ и замковъ, большой и значительный ущербъ сдѣлалъ“; въ 1580 году „Объявленіе войны его величества короля Польскаго Мозку (sic), мерзкому врагу и тирану“, и пр. Кончину этого „страшнаго и грознаго тирана“ записалъ и Николай Да-

---

[1]) Списокъ въ архивѣ чешскаго музея. Побѣду Поляковъ надъ Русскими «подъ Дубомъ» (вѣроятно, Стародубомъ въ Сѣверщинѣ) 1517 г. праздновали также въ Прагѣ. Польскій воевода Николай (Шидловецкій?), находись тогда посломъ короля Сигизмунда въ Прагѣ, велѣлъ зажечь огни на Старомѣстской площади; съ башни ратуши трубили трубачи, а студенты пѣли Te Deum laudamus (Staří letop. čěšti, 408).

чицкій изъ Геслова въ запискахъ о своемъ времени [1]). Даніилъ Адамъ изъ Велеславина, въ упомянутомъ уже предисловіи къ „Кроникѣ Московской“ Госіуса, коснувшись царствованія Ивана Грознаго, babприбавляетъ: „Узнаемъ особенную Божію милость въ томъ, что насъ изволитъ ласково охранять отъ этихъ народовъ, каковы суть Турки, Москвитяне и Татары“.

Вопросъ о родствѣ Чеховъ и Русскихъ получилъ въ началѣ XVII вѣка, какъ мы видѣли. и практическую важность въ тогдашней исторической наукѣ чешской. Нѣкоторые Чехи протестовали тогда противъ мнѣнія, будто бы ихъ народъ происходитъ отъ „варварскихъ“ Русскихъ [2]).

3. Взаимныя сношенія Чеховъ и Русскихъ.

Все, что мы сказали о взаимныхъ отношеніяхъ Чеховъ и Русскихъ до начала XVII вѣка. то-есть, до паденія Чешскаго государства, относится, по большей части, къ литературѣ, наукѣ и вообще болѣе къ теоретическому сознанію общаго происхожденія славянскаго Чеховъ и Русскихъ.

Но кромѣ этого, былъ и другой путь узнавать другъ друга: это — непосредственныя сношенія Чеховъ и Русскихъ. Хотя взаимныя сношенія обоихъ этихъ народовъ не могли быть такія, какъ отношенія двухъ сосѣднихъ народовъ, но все-таки существовали болѣе или менѣе тѣсныя связи между самыми западными и самыми восточными Славянами.

Уже при первыхъ князьяхъ русскихъ изъ рода Рюрикова были торговыя связи между Чехами и Русскими: русскому князю Святославу Игоревичу Чехи привозили серебро даже въ Переяславецъ на Дунаѣ. Между многочисленными женами сына Святослава, Владиміра, были и двѣ Чехини, матери Вышеслава, Святослава и Мстислава или Станислава. При Владимірѣ государства Чешское и Русское даже граничили другъ съ другомъ, чешскіе князья Болеславъ I и II распространили предѣлы своего княжества далеко на востокъ въ земли Карпатскія, и князья русскій и чешскій жили въ мирѣ и въ любви [3]).

Во время безпрестанныхъ междоусобицъ русскихъ князей, въ числѣ

---

[1]) Časop. Česk. Mus. 1828, II, 87.

[2]) Сравн. выше стр.

[3]) П. С. Р. Л., I, 28, 34, 54.

разныхъ помощниковъ боровшихся между собою Рюриковичей являются, въ XII и въ началѣ XIII вѣковъ, и чешскіе полки. Они ходятъ подъ Владиміръ Волынскій, Галичъ, Бѣлгородъ, Кіевъ, даже и противъ Суздаля. Такъ было особенно съ половины XII вѣка, послѣ встрѣчи между великимъ княземъ Изяславомъ Мстиславичемъ и чешскимъ княземъ Владиславомъ, когда тотъ возвращался изъ второго крестоваго похода черезъ Царьградъ, Кіевъ и Краковъ домой (1148 г.). Между обоими славянскими князьями завязались дружескія связи, и Изяславъ называлъ Владислава (Володислава) своимъ сватомъ".

Русскіе полки бывали рѣдко въ чешскихъ земляхъ, по крайней мѣрѣ до половины XIII вѣка: „не бѣ первѣе никоторый князь Рускый воевалъ землѣ Чешьскоѣ, ни Святославъ хоробры, ни Володимеръ святый". Такъ сдѣлалъ только князь Галичскій Даніилъ Романовичъ, выступивъ, какъ союзникъ угорскаго короля, противъ Чеховъ (1253 г.). Вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Львомъ и съ князьями Краковскимъ Болеславомъ и Опольскимъ Владиславомъ, онъ вторгнулся въ Опавскую землю; здѣсь около Опавы, Насилья, Глубичичей и Особологи, соединенные „Русь и Ляхове" воевали съ Чехами, которыми командовали оба Бенешевича, Андрей и Бенешъ, и Герборть изъ Фульштейна. Въ другой разъ воевалъ Даніилъ съ Чехами, какъ союзникъ угорскаго короля, въ сраженіи на Моравскомъ полѣ (1260 г.).

Если Даніилъ Романовичъ ради короля угорскаго и ради славы выступилъ враждебно противъ чешскихъ королей Вячеслава I и Премысла II, то его сынъ, Левъ Даніиловичъ, сдѣлался большимъ другомъ Чешскаго короля Вячеслава II. Когда Левъ, участвуя во внутреннихъ междоусобицахъ польскихъ князей и въ ихъ и короля чешскаго борьбѣ за Краковскій столъ, стоялъ (1291 г.) съ войскомъ подъ Краковомъ, „ѣха въ Чехы на снемъ ко королеви, за не любовь держаше съ нимъ велику; и докончавъ съ нимъ миръ до своего живота; король же одаривъ Лва дарми всякыми дорогыми, и тако отпусти съ великою честью". Дружбу свою къ Вячеславу показалъ Левъ и въ послѣдующихъ его войнахъ съ польскимъ княземъ Владиславомъ Локеткомъ, сдѣлавъ, вмѣстѣ съ другими русскими князьями, въ пользу Вячеслава нападеніе на Судомірскую землю [1]).

---

[1]) Сравн. лѣтописи Лаврентьевскую, Ипатіевскую и Никоновскую. Извѣстія изъ лѣтописей русскихъ о взаимныхъ сношеніяхъ Чеховъ и Русскихъ до начала XIV вѣка собралъ Эрбенъ (Časop. Česk. Mus. 1870, 69). Съ высказаннымъ здѣсь мнѣніемъ о пѣсняхъ Краледворской рукописи нельзя согласиться.

Итакъ, видимъ, что чешскіе князья Премысловичи и русскіе князья Рюриковичи, особенно Кіевскіе и Галичско-Владимірскіе, сносились другъ съ другомъ съ древнѣйшихъ временъ. Эти взаимныя сношенія, разумѣется, не могли быть такими, какъ, напримѣръ, сношенія Чеховъ съ Поляками, или Поляковъ съ Русскими, но все-таки продолжали хотя кое-какъ поддерживать связи между западными и восточными Славянами.

На отчужденіе чешскихъ князей отъ русскихъ не мало повліяло, кромѣ отдаленности, и то обстоятельство, что чешскій и русскій княжескіе роды почти не сближались между собою посредствомъ браковъ: чешскіе князья женились преимущественно на Нѣмкахъ, Полькахъ и Угоркахъ, а на русскихъ княжнахъ очень рѣдко, вѣроятно— не только по причинѣ большого разстоянія, но и по причинѣ различнаго вѣроисповѣданія. Мы знаемъ только двухъ русскихъ княженъ, вышедшихъ за чешскихъ князей: одна — неизвѣстнаго имени и происхожденія за моравскаго князя берненскаго Вратислава (1132 г.); другая, Кунигунда или Кинька, дочь Ростислава Михаиловича Галичскаго, потомъ угорскаго бана въ сербской Мачвѣ, за короля Премысла Отокара II (1261 г.) [1]. Русскому вліянію можно приписать и имя моравскаго князя Оломуцкаго Владиміра (1145—1200 гг.), единственнаго члена княжескаго рода Премысловичей того имени. О чешскихъ княжнахъ, которыя выходили за русскихъ князей, — не знаемъ ничего, развѣ только двѣ вышеупомянутыя Чехини, жены Владиміра Святославича, были княжескаго рода.

Когда въ XIV вѣкѣ многія русскія земли были присоединены къ Польшѣ, то и Чехи могли ближе и легче сноситься и съ русскими подданными соединенныхъ Польши и Литвы. Взаимныя связи между Чехами и юго-западными Русскими сдѣлались съ тѣхъ поръ болѣе тѣсными и проявились особенно живо во время гуситскаго движенія [2].

4. Чешскій языкъ на Руси.

Чехи и Русскіе, находясь въ личныхъ сношеніяхъ, употребляли всякій свое родное нарѣчіе и хорошо понимали другъ друга. Чешскій говоръ былъ слышенъ и понимаемъ у Кіева, Владиміра Волынскаго,

---

[1]) Script. rer. bohem. I, 306, 405. Первую лѣтописецъ очень восхваляетъ изъ-за ея красоты. Сравн. также Časop. Česk. Mus. 1842, I, 23.

[2]) Сравн. отдѣлъ: Чехи и Поляки.

Галича; русская же рѣчь воиновъ Даніила Галичскаго раздавалась и въ Опавской землѣ, и на нее отвѣчали по чешски. Такъ было и позже въ гуситскія и за ними послѣдующія времена, когда чешскіе воины приходили въ Русскія земли, и Русскіе — въ Чехію. Особенно близки Чехамъ были и остаются до сихъ поръ Русскіе въ Галиціи, въ древнемъ Галичско-Владимірскомъ княжествѣ [1]). Лѣтопись этого княжества XII—XIII вѣковъ довольно хорошо знакома съ чешскими отношеніями; она передаетъ совершенно вѣрно и названія чешскихъ городовъ, даже хорошо измѣняя ихъ въ духѣ русскаго языка: такъ, изъ чешскихъ формъ Глубчицы, Особлага, Воротьславь и др. лѣтописецъ сдѣлалъ совсѣмъ правильно русскія Глубичичи, Особолога, Воротьславль и др. Даже и нѣкоторыя чужія, не славянскія имена измѣнены на чешскій ладъ, если только не приписать это польскому вліянію, таковы: Индрихъ (Генрихъ), Волдрихъ (Удальрихъ), Альжбѣта (Елисавета), Вацлавъ чесскій и др. Подобное тому видимъ и въ другихъ памятникахъ юго-западной Руси, Галичской и Литовской, напримѣръ: „Ганусъ", „панъ Ольдрихъ" (въ галичской грамотѣ 1401 года), „панъ Бедрихъ" (Фридрихъ, бояринъ подольскій, въ грамотѣ 1414—1429 гг., неужели панъ Бедрихъ Острожскій?) [2]), названія Австрійцевъ и Силезцевъ, „Ракушане (Ракужане) и Слезаки или Слякане" въ литовско-русскихъ лѣтописяхъ суть чисто чешскія: „Ракушане, Слезаци или Слезане" [3]). Изъ чешскаго языка перешли въ русскій и нѣкоторыя слова по военной терминологіи, по большей части, конечно, посредствомъ польскихъ: гетманъ, атаманъ, пищаль, пушка и др.

Но мало того. Чешскій языкъ повліялъ и на литературный языкъ русскій, который былъ въ употребленіи въ юго-западной Руси Польско-Литовской, въ юридическихъ и вообще свѣтскихъ памятникахъ и въ духовной литературѣ.

---

[1]) Еще ближе къ Русинамъ Словаки, такъ что недавно чешско-словенскій литературный языкъ былъ распространенъ и между сосѣдями Словаковъ, Угорскою Русью. Сравн. Бесѣда 1871, VI, 231.

[2]) Акты южной Россіи I, № 89, Акты западной Россіи I, № 22. Польское «Tęczyn» перемѣнено одинаково по-русски и по-чешски «Тычивъ—Tičin» (Акты южной Россіи I, № 9, Archiv český III, 18); такъ и «Sandomierz» въ Судоміръ» и др.

[3]) «Ракушска» или «Рakоска земля» (то-есть, Австрія) пишетъ и волынская лѣтопись. «Ракуская земля» встрѣчается еще въ русскихъ космографіяхъ XVII вѣка (А. Поповъ: Изборникъ изъ русск. хронограф., 492).

Чешскій языкъ выработался гораздо раньше, чѣмъ польскій и русскій: первый слишкомъ долго, до XVI вѣка, находился подъ властью совсѣмъ чуждаго языка латинскаго; второй, еще до недавняго времени боровшись съ церковнымъ, хотя и роднымъ языкомъ, долго не устанавливался.

Если посмотримъ на письменные памятники юго-западной, литовской и польской Руси, XV и XVI вѣковъ, то насъ поражаетъ необыкновенное ихъ сходство съ современными памятниками чешскими, не только относительно словъ, но и цѣлыхъ оборотовъ. Объ исключительномъ польскомъ вліяніи здѣсь нельзя подумать, по крайней мѣрѣ до первой половины XVI вѣка, такъ какъ въ грамотахъ, статутахъ и вообще въ публичной письменности польскій языкъ сталъ употребляться только съ конца первой половины XVI вѣка, замѣнивъ господствовавшій до тѣхъ поръ латинскій языкъ; до того времени языкъ польскій рѣдко употреблялся въ письменности, и когда это случалось, то онъ всегда являлся довольно грубымъ, не выработаннымъ, подъ сильнымъ вліяніемъ чешскаго языка.

Съ другой стороны, возьмемъ во вниманіе, что чешскій языкъ уже съ конца XIV вѣка и особенно съ начала XV, во времена гуситскія, почти исключительно употреблялся во всѣхъ публичныхъ грамотахъ, и пріобрѣлъ себѣ чрезвычайную гладкость и совершенство въ формахъ и въ стилѣ и сталъ извѣстенъ не только въ Польшѣ, но и въ Литвѣ. Мы видѣли, что изъ велико-княжеской литовской канцеляріи выходили даже письма на чешскомъ языкѣ. Это предполагаетъ если не знаніе его литовско-русскими княжескими секретарями, то по крайней мѣрѣ существованіе въ канцеляріи и Чеховъ. Поэтому съ большой вѣроятностью можно предполагать вліяніе чешскаго языка на русскій канцелярскій стиль, употреблявшійся въ литовской Руси [1]).

---

[1]) Сходство чешскихъ и литовско-русскихъ памятниковъ еще болѣе бросается въ глаза, если сравнимъ послѣдніе съ современными имъ польскими переводами статутовъ польскихъ и мазовскихъ XV вѣка. Чтобы сравнить чешскій и литовско-русскій языкъ и стиль XV вѣка, приведемъ здѣсь грамоту князя Швитригайла 1424 года (Акты западной Россіи I, № 32) и сопоставимъ ей вѣрный переводъ чешскій такъ, какъ сдѣлалъ бы его какой-нибудь чешскій писарь того времени (Русское г слѣдуетъ читать какъ чешское *h*):

Во имя Божье, аминь. Мы Болеславъ инако Швитрикгайло, зъ Божьей милости князь Черниговскій и иныхъ, знаемо то чинимъ симъ нашимъ листомъ	Ve jméno božie, amen. My Bolesłav jinak Švidrgał, z božie miłosti kněz Černihovský i jiných, známo to činíme tím našim listem každému dobrému, nynějším

Приведемъ изъ грамотъ и литовско-русскихъ статутовъ XV и начала XVI вѣка нѣсколько словъ и оборотовъ, которыя, такъ-сказать, буквально сходны съ чешскими въ стилѣ того времени, напримѣръ: „досвѣдчито, непорушнѣ, предречены, службы наши не были замѣшканы, женское поглавле, взказати, взяти передъ себе, водлѣ жаданья, отповѣдные листы, радни и помоцни (помочни), горла не лютуетъ, естли бы его милости Богъ не въховалъ, знаменавъ службу николи неомѣшканую, приказалъ и поручилъ, про то жадаемъ, абы твоя милость рачила намъ въ томъ порадити, како быхомъ мѣли брату нашому отповѣдити, было бы прекажено и къ вчинку не пришло, кралевское величество слышелъ, ажъ бы есте памятовали на присѣги предковъ вашихъ, вѣрнѣ его милости служити, якожъ есте и служили, да-ли Богъ, ажъ и до его милости сконанья“, и пр. и пр. [1]).

Вліяніе чешскаго языка видно и въ духовной литературѣ юго-западной Руси. Съ конца XV вѣка сдѣланыбыли въ польско-литовской Руси

каждому доброму, нынѣшнимъ и потомъ будущимъ, сего листа чтучимъ и слухаючимъ, аже даровали есмо и даемъ слузѣ нашему Юркови Козеняти на своемъ *селѣ* на Хватовцѣхъ 50 копъ, руской *личбы*, Краковской, монеты *). А имѣеть тое село держати и уживати со всѣми его пожитки и ужитки, што къ нему здавна прислухають, и также по немъ его дѣти; а пакъ ли тое перворѣченое село намъ ся бы слюбило, а любо которому нашему слузѣ поволили быхомъ е выкупити, тогды тыхъ 50 копъ имаетъ быти дано слузѣ нашему Юркови, а любо по немъ его дѣтемъ. А на потверженье сему листу привѣсили есмо нашю печять. А то ся доконало у Коломыи, у недѣлю по *усѣкновеньи главы* **) св. Ивана, подъ лѣты 1424.

i potom budúcim, toho listu čtúcim i posłúchajicím, že darovali sme i dáváme słuze našemu Jirkovi Kozenèti na své *vsi* na Chvatovcech 50 kop, ruského *čísla*, Krakovské mince (rázu). A má tu ves držeti i užívati se všemi jejími požitky i užitky, co k ní z dávna přisłušie, i takéž po něm jeho děti; a pakli ta prvé řečena ves nám se by slibiła, a nebo kterému našemu słuze povolili bychom ji vykúpiti, tehdy těch 50 kop jmá býti dáno słuze našemu Jirkovi, a nebo po něm jeho dětem. A na potvrzenie tomu listu přivěsili sme naži pečet'. A to se dokonało v Kołomyji, v neděli po *stětí* sv. Jana léta 1424.

[1]) Эти слова мы взяли случайно изъ перваго литовскаго статута и изъ Актовъ западной Россіи I. Съ ними сравн. разныя письменности чешскія XIV—XV вѣковъ въ сборникѣ Archiv Český.

*) Въ др. гр. (1424 г.) „Краковскаго рѣзу“.
**) Церковно-слав.

попытки замѣнить хотя отчасти старинный церковно-славянскій языкъ мѣстнымъ русскимъ языкомъ. Эти попытки усилились особенно послѣ распространенія реформаціи въ польскихъ и литовско-русскихъ земляхъ; тогда стали издаваться тамъ русскія книги „людемъ посполитымъ къ доброму наученію“. Имѣлъ ли чешскій гуситизмъ на Руси до этой реформаціи какіе-нибудь успѣхи—не знаемъ.

Между духовными книгами у всѣхъ народовъ первое мѣсто занимала Библія. Изъ Славянъ полный сводъ Библіи является раньше всѣхъ у Чеховъ. Они уже въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка имѣли на своемъ языкѣ три печатныя изданія: Пражское (1488), Кутногорское (1489) и Венеціанское (1506), чего не было тогда еще нигдѣ у другихъ Славянъ. Чешскій текстъ переведенъ по латинской вульгатѣ; на первомъ переводѣ (1488 г.) основаны и остальные до второй половины XVI вѣка, только позднѣйшіе издатели все больше и больше исправляютъ текстъ. Чешскими переводами Библіи пользовались не только Поляки, но и юго-западные Русскіе, когда сочли нужнымъ толковать Библію народнымъ русскимъ языкомъ. Въ этихъ русскихъ переводахъ встрѣчаются иногда поразительные чехизмы, свидѣтельствующіе, что русскіе переводчики не только пользовались чешскою Библіей, но подобно польскимъ, списывали чисто чешскіе слова и обороты.

У Русскихъ докторъ Франдискъ Скорина изъ Полоцка первый „выложилъ“ всѣ книги Библіи ветхаго и новаго закона „на руській языкъ“, то-есть, письменный языкъ, который употреблялся тогда въ Литовской Руси, съ нѣкоторою примѣсью церковно-славянскаго языка. Большую ихъ часть онъ издалъ въ Чехіи въ Прагѣ, „у славномъ великомъ (старомъ) месте Празскомъ“, въ теченіе 1517, 1518, 1519 гг. (Апостолъ въ Вильнѣ 1525—1528). Кромѣ этого печатнаго изданія, — первой печатной книги на русскомъ языкѣ, — сохранились нѣкоторыя части той же самой рецензіи и въ рукописяхъ.

При этомъ своемъ русскомъ переводѣ Скорина пользовался особенно чешскою Библіей; даже можно предполагать, что онъ переводилъ прямо съ чешскаго текста вульгаты, именно по Венеціанскому изданію 1506 года [1]).

---

[1]) Экземпляры Библіи Скорины чрезвычайно рѣдки. Мы могли пользоваться одной только книгой Іисуса сына Сирахова, которая хранится въ библіотекѣ чешскаго музея. Заглавія въ Библіи Скорины показываютъ, что онъ руководился именно Венеціанскимъ изданіемъ чешской Библіи; въ изданіяхъ Пражскомъ и Кутногорскомъ ихъ нѣтъ.

Сравнимъ хотя нѣсколько мѣстъ книги Исуса Сираха изъ Библіи Скорины съ чешскою и съ позднѣйшею Острожскою.

Чешская Библія 1506 года.	*Библія Скорины 1517 года.*	*Библія Острожская 1581 года.*
(Гл. 16). Uposlechni mne synu, a nauč se kázni a rozumu, a slov mých bud pilen v srdci tvém.	Послухай сыну мой, и научися наказания и разуму, и словъ моихъ буди пиленъ въ сердци своемъ.	Послушаи мене чадо и научися художеству, и на словеса моя внимаи сердцемъ своимъ.
(Гл. 18). Jako kamének pieskový, tak jsú malá léta proti věku.	Ꙗко каменекъ песковый, тако мала суть лѣта противъ вѣку.	Ꙗко число пѣска тако мало лѣтъ въ день вѣка.
Błázen příkře omłuví a dar nekázaného pošmúří oči.	Безумный прикро отмолвить, и даръ ненаказанного посмурить очи.	Буи исподативъ поноситъ и дааніе завидливаго мучитъ око.
(Гл. 28) Města hrazená bohatých zkaził jest, a domy mohovitých rozkopał.	Грады огражены богатыхъ зказилъ есть, а домы многоможныхъ роскопалъ	Грады твръды разори, и домы вельможамъ разъврати.
(Гл. 29). A paklit bude moci opłatiti, ale rozhněvát se: jistinyt ledva połovici opłati, a počte to jako nálezek.	Пакли же возможетъ заплатити первей съпротивится и истинны ледвы половину заплатить, и почтетъ то себѣ за знайденое.	Аще же възможетъ едва полъ принесетъ, и вмѣнитъ е ꙗко обрѣтеніе.
(Гл. 31). Ktož złato miłiye, nebudeť spravedliv učiněn, a ktož následuje utracenie marného, napłněn bude psotú.	Кто злато милуеть, сей неоправдится, и кто наследуетъ утрату марную, сей наполненъ будеть псоты.	Любяи злато неоправдится, гоняи растлѣнія самъ насытится.
(Гл. 32). Kamének karbunkulový vokrase złata: a srovnánie hudeb na kvasu vina.	Каменекъ карвункулевый во окрасе злата, тако и прировнание гудебъ на пировании вина.	Печатлѣнъ анѳраѯъ на манистѣ златѣ, и разсуженіе мусиковъ въ питіи вина.
(Гл. 43). V velikosti své położił jest obłaky, a zetřieno jest kamenie krupobitie.	Въ вѣличестве своемъ положилъ есть облаки, и зотрѣно естѣ камение крупобития.	Величіемъ своимъ укрѣпи облаки и съкруши каменіе градное.

Изъ этихъ примѣровъ видно, какъ тѣсно подходитъ русскій переводъ Скорины къ чешскому, принимая даже чисто чешскія слова. Вообще въ Библію Скорины перешло много чешскихъ словъ, формъ и реченій, напримѣръ: безъ цохибы (безъ сомнѣнія), лагвица (бутылка), настрои гудебныи (инструменты музыкальные), чародейникъ, небескій, кофликъ (чаша), рерюха (жеруха), покладица (казна), утирадла (полотенце), выникали (отличались), кдыжь (когда), коналося (совершалось); формы: стоиваше, храниваше (стоялъ, хранилъ), слютуется надо мною (помилуетъ меня), обадва грехъ спахали суть (оба грѣхъ совершили), бы пакъ пригодилося (когда случилось), обѣтовати на запалную обѣть (приносить жертву въ сожженіе), и пр.

Одинъ переписчикъ такого рукописнаго перевода прибавилъ по образцу чешскому и чешское удареніе (всегда на первомъ слогѣ) и даже иногда и протяжность нѣкоторыхъ слоговъ; онъ пишетъ, напримѣръ: то́гда, лю́дій, ро́жденыхъ, тру́бити по́молишися, при́несеши, по́ всему, на́да́вали, до́бро́го, пя́то́го, и пр. [1]).

Чешское вліяніе особенно замѣтно въ одномъ южно-русскомъ переводѣ „Пѣсни пѣсней" начала XVI вѣка. Мы здѣсь встрѣчаемъ чехизмы въ словахъ и въ оборотахъ даже совсѣмъ противъ духа русскаго языка, напримѣръ: межи дцерами (mezi dcerami—дочерьми), боиговали суть (боролись, чисто чешское выраженіе, даже съ древне-чешскимъ правописаніемъ: bogowali sú), витежный (výtečný, отличный), превалъ (příeval—проливной дождь), вечерядло (večeřadlo—столовая), заграда (zahrada, садъ), закветли (zakvetli, зацвѣли), квѣтіе (kvietie, цвѣты), противъ кацеромъ а еретикомъ, про страхы ночныи; чисто чешскія фразы: „ать ся тулять непочну по стадахъ товаришовъ твоихъ (Острожская Библія: „да некогда буду ꙗко облагающася по стадехъ друговъ твоихъ)", „ездьцомъ моимъ у возехъ Фараоновыхъ приронналъ есмь тобѣ, пріетелько моя" (Острожская Библія: „Кони мои въ колесницы Фараоновъ уподобихъ тя близъ мене"), „Глядала есмь, его же милуеть душа моя" (Острожская Библія: „Искахъ, его же възлюби душа моя"), и пр.

Это едва-ли писалъ Русскій, даже юго-западный, привыкшій къ польской рѣчи: переводчикъ былъ, вѣроятно, природный Чехъ или Словакъ [2]).

---

[1]) Головацкій: Нѣсколько словъ о Библіи Скорины и о рукописной русской Библіи изъ XVI в. (Науковый Сборникъ галицко-русской Матицы 1865 г.).

[2]) Основа 1861, № XI, XII. Срвн. Спис. рукоп. синод. библ. II, 3, стр. 763

Но въ теченіе первой половины XVI вѣка вліяніе чешскаго языка на русскій въ юго-западной Руси совсѣмъ уступило польскому. Впрочемъ, чешская Библія оставалась на Руси извѣстною и въ позднѣйшія времена; она была и въ рукахъ переводчиковъ Острожской Библіи [1]).

Нѣтъ сомнѣнія, что кромѣ Библіи и другія чешскія книги расходились на Руси Польско-Литовской и дальше на Руси Московской. Чешскіе издатели не даромъ печатали и издавали свои книги въ пользу „народовъ, которые употребляютъ нашъ благородный и обширный славянскій языкъ" [2]).

О чешскомъ вліяніи на другія явленія общественной жизни юго-западныхъ Русскихъ трудно пока сказать что-нибудь болѣе опредѣленное. Такимъ образомъ, трудно еще рѣшить вопросъ, заявило ли чешское право какое-нибудь вліяніе на сводъ литовско-русскихъ законовъ, или было ли, по крайней мѣрѣ, извѣстно въ Литовской Руси чешское уложеніе, то-есть, земскіе законы (на чешскомъ языкѣ), въ Чехіи первый разъ собранные, сведенные и напечатанные при Владиславѣ Ягайловичѣ (1500 г.), слѣдовательно, раньше, чѣмъ это случилось съ польскими (на латинскомъ языкѣ) и литовскими статутами (на русскомъ языкѣ).

Оставляя рѣшеніе этого вопроса славянскимъ юристамъ, мы укажемъ только на одинъ фактъ, изъ котораго видно, что въ концѣ XV вѣка чешское право было, по крайней мѣрѣ, извѣстно на Литвѣ. Когда въ 1492 году наивысшій маршалокъ литовскій Литаворъ Хребтовичъ вручилъ новоизбранному великому князю литовско-русскому Александру обнаженный мечъ, то потребовалъ отъ него, отъ имени всѣхъ пановъ литовскихъ, чтобъ онъ справедливо княжилъ, управлялъ и судилъ „не по обычаю италіанскому, чешскому или нѣмецкому, а по истинному литовскому и по примѣру Витовта" [3]).

Итакъ, до XVI вѣка взаимныя сношенія между Чехами и Русскими, преимущественно юго-западными жителями Польской и Ли-

---

[1]) «Сія третія книги Маккавейскія въ прочіихъ библіахъ не обрѣтаются, ниже въ самои тои словенъскои, и ни в латинскихъ ани в лясюихъ, точію в греческои и в ческои, но и мы ихъ неоставихомъ». Рукописная чешская Библія изъ первой половины XV в. хранится у купца Лопкова въ Москвѣ. (Срвн. статью І. Коларя въ засѣданіяхъ чешск. общ. наукъ 1867, 4-го марта).

[2]) Такъ чешскія лѣтописи и сказки.

[3]) Decius: De Jagellonum familia (Crac. 1521, p. 49); оттуда взялъ и Стрыйковскій (Kronika etc. p. 667).

товской Руси, были довольно живы и являлись въ разныхъ отношеніяхъ общественной ихъ жизни. Справедливо замѣчаетъ русскій переводчикъ статута Вислицкаго, переведеннаго по порученію Ванька Кердеевича, кастеляна Холмскаго, въ первой половинѣ XV вѣка, что „Чехи мало отличаются отъ русскаго языка, и что Русь рѣчью своею близка языку чешскому“ [1]). Это знали въ Чехіи и на Руси не только въ теоріи, но и на практикѣ.

Этимъ славянскимъ родствомъ Чеховъ и Русскихъ хотѣла воспользоваться и римско-католическая пропаганда между народомъ Русскимъ въ XVI вѣкѣ. Извѣстный іезуитъ Поссевинъ (1581 г.), представляя разныя предложенія для обращенія всего народа Русскаго въ Польско-Литовской и въ Московской Руси въ католицизмъ, совѣтуетъ, между прочимъ, основать семинарію въ Вильнѣ или Полоцкѣ для польскихъ Русскихъ; но которые прибывали бы изъ Москвы, продолжаетъ этотъ іезуитъ, „тѣ пусть посылаются въ Оломуцъ (въ Моравѣ) или въ Прагу въ епископскія семинаріи, въ которыхъ, вслѣдствіе родства ихъ языка съ русскимъ, легче пріобрѣли бы нужныя свѣдѣнія“; дальше совѣтуетъ, чтобъ изъ статей Царьградскаго патріарха Геннадія издали статью о приматѣ римскаго папы и раздавали ее въ коллегіи Ярославской и въ семинаріяхъ Оломуцкой, гдѣ есть нѣсколько Русскихъ, и Пражской, чтобы чешскіе католики ими пользовались для уничтоженія гуситскаго раскола [2]).

5. Чехи и сѣверо-восточные Русскіе.— Русско-Московскія посольства въ Прагѣ. — Чехи въ Московской Руси. — Петръ Великій и Чехи.

Сношенія Чеховъ съ сѣверо-восточной Великою Русью, или какъ она и у нихъ называлась по примѣру остальной Европы, съ Москвою, не могли быть такія, какъ съ Русью Польско-Литовскою. Причиной того, кромѣ большой отдаленности, было и то обстоятельство, что Москва, съ своими особенностями государственными, общественными и религіозными, долго стояла, такъ-сказать, внѣ остальныхъ европейскихъ государствъ.

Со вступленіемъ династіи Ягайловичей на столъ чешскій и угорскій, чешскіе государи считали интересы польскіе и литовскіе близ-

[1]) См. выше стр.

[2]) Possevin: Moscovia et alia opera (Coloniae, 1595, p. 10), также у Тургенева: Histor Russ. Monum., Supplem. 36, 39.

кими и себѣ. Такъ было и относительно литовско-московскихъ дѣлъ. Въ концѣ XV вѣка Чехи вмѣстѣ съ Ляхами считаются врагами великихъ князей Московскихъ, и великій князь Литовскій призываетъ чешскаго короля на помощь противъ Москвы не только во имя родства, но и во имя католическаго вѣроисповѣданія, которому угрожаетъ опасность со стороны всей православной Руси, Литовской и Московской [1]).

Съ XVI вѣка Москва, однако, начала входить въ болѣе близкія и частыя сношенія съ Европой, особенно съ Римскими императорами, по поводу общихъ дѣйствій противъ Турокъ.

Такъ какъ тогда императоры римскіе были вмѣстѣ съ тѣмъ и королями чешскими и угорскими, съ столицей въ чешской Прагѣ, то русско-московскіе послы стали являться и въ Прагу къ императору и королю чешскому и угорскому, въ „Чешскую землю", въ „Чешское государство", а еще не въ „Богемію". Такимъ образомъ, Чехи и представители восточной Руси вошли въ болѣе близкое соприкосновеніе. Русскіе послы, сходясь съ Чехами, съ чешскими министрами и панами не только оффиціальнымъ образомъ. но и частно, за обѣдами и пр., навѣрное говорили съ ними и безъ помощи нѣмецкихъ толмачей, на своемъ языкѣ. Чешскимъ вліяніемъ можно объяснить разныя названія въ донесеніяхъ пословъ, напримѣръ: „Раковскій" или „Ракузскій" (австрійскій), „Слезская земля" (Силезія), „Матіяшъ" (Матвѣй), „Вилимъ" (Вильгельмъ) и проч.; титулъ императора всегда „король чешскій и угорскій", а не „богемскій и венгерскій". Въ одномъ донесеніи Московско-русскіе послы, отправленные къ императору римскому, описываютъ путешествіе (1583 г.) изъ „Оломонца въ Муравской землѣ" (Оломуцъ въ Моравѣ) въ Чехію „на Литомышль, цесарева канцлера Вратислава Перстеня (то-есть, Перннштейна), а отъ Литомышля.... къ Мету (то-есть, Мейто, какъ Чешскій простой народъ до сихъ поръ называетъ городъ Высокое Мыто)... къ Пардовицамъ (Пардубице), къ чешскому стольному городу, къ Прагѣ", гдѣ „боркрабъ воевода Вилимъ Розберкъ (то-есть, наивысшій бургграфъ или пуркрабе Вильгельмъ изъ Розенберга) и канцлеръ Вратиславъ Перстень" послали къ нимъ трехъ Нѣмцевъ и пр. [2])

Въ донесеніи 1595 года послы описываютъ аудіенцію у импера-

---

[1]) Акты Западной Россіи I, № 188. Сравн. выше стр.

[2]) Памятники дипломат. сношеній древней Россіи съ державами иностранными I, 866.

тора и короля Рудольфа. Ихъ встрѣтил … выс-
къ императору; при немъ стояли „цес…
Волфъ (то-есть, Вокъ) Розонберкъ, бол…
Чешскомъ королевствѣ, Адамъ Снейгавъ…
нѣмецки Neuhaus), чешскій королевскій…
(то-есть, Янъ изъ Вальдштейна), чешскі…
ной (то-есть, наивысшій коморникъ), …
есть, Вячеславъ изъ Ричанъ), чешскій…
придворный) судья, Хриштофъ Попел…
(Христофоръ Попелъ изъ Лобковицъ, …
суда), коморные бояре“, и др. [1]).

Но если Русскіе такъ коверкали чешскія фамиліи, то и Чехи не оставались у нихъ въ долгу. Такъ, напримѣръ, въ одномъ современномъ чешскомъ извѣстіи о томъ же самомъ русскомъ посольствѣ въ Прагѣ (1595 г.) говорится, что во главѣ его стоялъ „Михаилъ Ивановиціусъ или Ивановитскій гейтманъ Рахыненскій (sic), канцлеръ великаго княжества Московскаго“ (то-есть, Михаилъ Ивановичъ Вельяминовъ, намѣстникъ Кашинскій, думный дворянинъ), и „Янъ Согніа Власинусъ, секретарь Оппомасеніусъ“ (sic! то-есть, Ѳоонасей Ивановъ, сынъ Власьевъ, дьякъ). Посольство привѣтствовано въ Прагѣ (16-го августа) упомянутыми выше чешскими министрами Вальдштейномъ и Лобковицомъ (которыхъ сами послы называютъ правильно: Янъ Вальштенъ или Валштейнъ, какъ и тогда по чешски назывался и писался, и Хриштофъ или Криштофъ Попель въ Лобковицѣ); и помѣщено на Малой Сторонѣ на Уѣздѣ. Чешскій авторъ замѣчаетъ у этихъ Московскихъ пословъ строгое соблюденіе поста („ихъ пища была утромъ и вечеромъ: лукъ, чеснокъ, рыба, питье—медъ, вино, водка“); описываетъ аудіенцію у императора, сообщая и письмо царя Ѳедора императору Рудольфу. „Эти послы остались въ Прагѣ до 27-го дня мѣсяца сентября, въ который день съ честью провожаемые господами Пражанами возвратились опять къ своему великому князю“ [2]).

Чехи и Русскіе въ Великой Руси вообще сходились только посредствомъ отдѣльныхъ лицъ, а не какъ народы. Но и эти путеше-

[1]) Памятники дипломат. сношеній, II, 334.

[2]) Изъ рукописи М. Быджовскаго «Rudolphus rex», напечатано, въ Časop. Česk. Mus. 1844, 305. Вышеупомянутый Власьевъ былъ въ 1599 году опять царскимъ посломъ у императора Рудольфа, съ которымъ тогда встрѣтился въ городѣ Плъзни.

кими языки, конечно, поддерживали сознаніе общаго происхожденія, въ память котораго хранилась у обоихъ народовъ съ древнѣйшихъ временъ. Къ сѣверо-восточнымъ Русскимъ изъ Чеховъ прибыли Іеронимъ Пражскій (въ Плесковъ), вышеупомянутый моравскій панъ, спѣшившій на помощь къ Новгородцамъ противъ Нѣмцевъ, рыцарь Коковецъ, чешскій братъ Рокита). Въ XVII вѣкѣ были изъ Чеховъ въ восточной Руси: Эразмъ Гейделъ (Гейделіусъ) изъ Рассенштейна, совѣтникъ чешскаго аппеляціоннаго суда, Пражскій іезуитъ Бернардъ Таннеръ и чешскій рыцарь Юрій изъ Драхова. Гейделіусъ присланъ императоромъ Матвѣемъ (1615 г.) подъ Смоленскъ, какъ посредникъ между переговаривающимися послами польскими и русскими. Съ послѣдними онъ говорилъ „безъ толмача, старымъ славянскимъ языкомъ", какъ они думали (вѣроятно по чешски). Но Гейделіусъ скоро понялъ, что примирять Поляковъ и Русскихъ, значитъ „помирить воду съ огнемъ", и разумѣется, не достигъ своей цѣли [1]). Таннеръ поѣхалъ въ Москву съ польскимъ посольствомъ (1678 г.); здѣсь, между прочимъ, онъ часто разговаривалъ съ Русскими при помощи чешскаго языка: такъ, напримѣръ, спорилъ съ однимъ попомъ о формѣ креста, къ удивленію пословъ, которые, какъ онъ замѣчаетъ, не ожидали, что онъ можетъ столько говорить „по русски". На вопросъ царскихъ слугъ, „kaky ty czlowiek? posolsky?" отвѣчалъ по чешски; „tak jestit'", къ ихъ удовольствію, „dobroster zustay (sic), id est: bene, bene, maneas". Русскія слова царя и польскія—посла князя Чарторыйскаго,—онъ приводитъ въ подлинникѣ, и пр. [2]). Юрій изъ Драхова описалъ путешествіе свое изъ Москвы въ Китай, которое совершилъ съ русскимъ посломъ Исбрандомъ (1693 г.). Пребывая въ городѣ „Устыцѣ" на Сухонѣ, видѣлъ празднованіе Пасхи и крашеніе яицъ, припоминая, что это древній и принятый обычай во всей Русской землѣ и почти у всего народа славянскаго", и пр. [3]).

Вслѣдствіе паденія самостоятельности Чешскаго государства въ XVII вѣкѣ и разныхъ печальныхъ послѣдствій этого событія, осо-

---

[1]) Соловьевъ, Ист. Россіи IX, 58. Срвн. Акты зап. Россіи, IV, 449.

[2]) Legatio polono-lithuania in Moscoviam a 1678 suscepta (Norimberg, 1680 г., изд. 1689 г.). Переведено и на русскій языкъ (рукоп. въ Румянц. муз. Опис. 803). Таннеръ называется здѣсь «богемо-прагскій нѣмецкій камердинеръ госп. посла князя».

[3]) По латински въ Гамбургѣ 1697; чешскій переводъ Рулика въ Прагѣ. 1800 г.

бенно постепеннаго онѣмеченія чешской интеллигенціи и вообще высшихъ сословій, потерпѣло и славянское сознаніе Чеховъ.

Эти отношенія въ чешскихъ земляхъ отражались и на остальныхъ земляхъ славянскихъ, на Польшѣ и на Руси. Здѣсь, по крайней мѣрѣ въ болѣе значительныхъ кружкахъ, стали мало по малу забывать, что и Чехи — народъ славянскій. Этому способствовало и распространеніе нѣмецкаго вліянія въ восточной Европѣ. Съ конца XVII вѣка Русское государство все болѣе сближалось съ остальною Европой, особенно посредствомъ Нѣмцевъ. Такъ какъ нѣмецкое вліяніе въ публичной и литературной жизни на Руси стало пріобрѣтать себѣ все большее значеніе, то не мудрено, что и во взгляды Русскихъ на Чеховъ примѣшалась доля этого чуждаго вліянія. Съ тѣхъ поръ Русскіе нерѣдко стали смотрѣть на „Богемію" и на „Богемцевъ" или „Бемчанъ" немного иначе, чѣмъ на прежнюю „Чешскую землю", на „Чешское государство" и на „Чеховъ". Впрочемъ, не забудемъ, что и „Богемцы", окружавшіе тогда „Богемскаго" короля, не были уже прежніе „Чехи" XV и XVI вѣковъ.

Съ половины XVII вѣка стали доходить до Руси извѣстія уже не изъ Моравіи, а „изъ города Брина (то-есть Берно, по нѣмецки Brünn) изъ Меренскія земли" (то-етть, Моравской, по нѣмецки Mähren) [1]. Русскіе того времени говорятъ уже о „Бемской комнатѣ", о своемъ путешествіи изъ „Маршинъ-Будовицъ" (то-есть Моравскія Будѣевицы, по нѣмецки Mährisch-Budwitz) въ Дейчбродъ" и „Бембродъ" (то-есть, Нѣмецкій и Чешскій Бродъ, по нѣмецки Deutsch-Brod, Bömisch-Brod), и пр. [2]). Подобныя тому нѣмецкія названія встрѣчаются иногда раньше, смотря по тому, кто были окружавшіе русскихъ пословъ императорскіе слуги — Нѣмцы или Чехи, но исключительное господство въ русской литературѣ пріобрѣли эти названія только съ XVIII вѣка.

Бѣдственное положеніе Чешскаго народа того времени не осталось, впрочемъ, неизвѣстнымъ и на Руси; въ Москвѣ раздается голосъ, вопіющій къ Русскому царю, о помощи всѣмъ Славянамъ, и въ томъ числѣ—Чехамъ. Хорватъ Юрій Крижаничъ напоминаетъ царю Алексѣю Михайловичу, что Славяне въ Чехіи и Моравѣ, вслѣдствіе

---

[1]) Куранты 1665 г. Буслаева Истор. Христом. 1143).

[2]) Срвн. Памятники дипломат. сношеній IX, 1033; Дневникъ путешествія Петра Великаго 1698 г. (Устряловъ: Исторія царствованія Петра Великаго III, 611) и др.

своей разрозненности, общенія и сватанія съ Нѣмцами, подпали подъ нѣмецкую власть и въ постыдное рабство и онѣмечились такъ, что они теперь ни Славяне, ни Нѣмцы.

Свѣдѣнія о существованіи Чеховъ, какъ Славянъ, являются и въ другихъ памятникахъ русской литературы того времени, у Копіевича, Поликарпова, Манкіева и др.; съ другой стороны, и въ чешской научной литературѣ XVII—XVIII вѣковъ Русскіе признаются родственниками Чеховъ.

Родство Русскихъ и Чеховъ сознавалъ особенно Петръ Великій. Когда Петръ и его свита пребывали въ Вѣнѣ, то ихъ окружали преимущественно Чехи, находившіеся при императорскомъ дворѣ. Такъ, на одномъ придворномъ вечерѣ (1697 г.) къ боярину Борису Петровичу Шереметьеву императрица прислала двухъ фрейлейнъ, умѣвшихъ говорить „по чехскому". Петръ, пребывая въ Вѣнѣ (1698 г.), самъ просилъ императора, чтобы къ нему назначили дворянина, знающаго по-славянски; къ нему присланъ былъ чешскій маршалокъ, графъ Чернинъ; и на придворномъ маскарадѣ за стуломъ царя стояли два благородные Чеха [1]).

Петръ Великій, нуждаясь, для преобразованія своего государства на европейскій ладъ, въ разныхъ людяхъ, офицерахъ, инженерахъ, художникахъ, мастеровыхъ и др., обращалъ особенное вниманіе на такихъ, которые понимаютъ по польски или по чешски, и приглашалъ на русскую службу канцеляристовъ, „шрейберовъ, которые бывали въ службѣ цесарской изъ Бемчанъ, изъ Шленцовъ или изъ Моравцовъ, которые знаютъ по словенски". Петръ даже велѣлъ своему агенту въ Вѣнѣ „нанять изъ Праги компанію комедіантовъ такихъ, которые умѣютъ говорить по славянски или по чешски". Но при тогдашнемъ печальномъ положеніи чешской народности трудно было

---

[1]) Пекарскій: Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Вел. I, 229; Устряловъ, Исторія царствов. Петра Вел. III. 125, 141 (Въ Памятникахъ дипλом. снош. X, 1614 вмѣсто «по-чехскому» стоитъ «по-черкасскому» то-есть малорусскому; можетъ-быть, Шереметьеву чешскій языкъ показался «черкасскимъ»). *Пельцель* (Geschichte der Böhmen. 3, Aufl. 836) разказываетъ, что въ 1698 г. Петръ, проѣзжая изъ Дрездена въ Вѣну, пробылъ въ Прагѣ, и здѣсь за обѣдомъ разговаривалъ съ чешскими дворянами по славянски. Но изъ дневника путешествія Петра видно, что царь въ Прагѣ не останавливался, а что 6-го іюня «передъ вечеромъ пріѣхали въ городъ Прагу; ѣхали сквозь городъ, и городъ великій, столица чехская. И стали за городомъ, въ корчмѣ кушали, и отъѣхали одну милю» (Устряловъ. III, 611; Пекарскій. I, 230).

найдти такихъ артистовъ, хотя царь непремѣнно требовалъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, наняли половину труппы „съ чешскимъ языкомъ", не смотря на донесеніе агента, что „языкъ ихъ зѣло трудно разумѣть".

Кромѣ шрейберовъ и комедіантовъ изъ Чеховъ, Петръ задумалъ воспользоваться помощью чешскихъ ученыхъ при сочиненіи или переводахъ разныхъ книгъ на русскій языкъ. Поэтому уже въ 1712 году онъ велѣлъ искать въ Прагѣ ученыхъ, которые писали бы „о началѣ славянскаго народа и о ихъ языкѣ", и собирать здѣсь книги, касающіяся этого предмета. Позже (1716 г.) велѣлъ своему агенту Веселовскому отыскатъ энциклопедіи и другія книги на разныхъ языкахъ и потомъ „съѣздить въ Прагу и тамъ въ езувицкихъ школахъ учителемъ говорить, чтобы они помянутыя книги перевели на словенскій языкъ. И понеже нѣкоторыя рѣчи ихъ не сходны съ нашимъ словенскимъ языкомъ, и для того можемъ къ нимъ прислать русскихъ нѣсколько человѣкъ, которые знаютъ по латини и лучше могутъ несходныя рѣчи на нашемъ языкѣ изъяснить".

Веселовскій нашелъ въ Прагѣ такого переводчика іезуита, „историографа чешскаго", который, подъ надзоромъ ректора Либертина, взялся за переводъ требуемыхъ книгъ. Ему въ помощь, высланы въ Прагу въ томъ же самомъ году (1716 г.) двое русскихъ, Иванъ Воейковъ, ученикъ славяно-латинской школы Московской, и Ѳеоѳилъ Кроликъ, монахъ Спасскаго монастыря, съ двумя писарями. Но эти Русскіе скоро увидѣли, что „чешскій переводъ съ нѣмецкаго чинится напрасно; Кроликъ примѣнился уже такъ къ нѣмецкому языку, что самъ съ онаго переводитъ безъ всякой трудности, не требуя чешскаго, понеже уже въ Россіи имѣлъ твердый фундаментъ того языка; а Воейковъ съ чешскаго переводитъ и всего разумѣть не можетъ, чего ради переводятъ ему съ нѣмецкаго на латинскій языкъ. И тако за чешскій языкъ деньги платятся токмо напрасно, ибо мочно то чинить въ Россійскомъ государствѣ безъ многаго иждивенія". Какъ кончились всѣ эти работы — неизвѣстно. Около того времени было и нѣсколько учениковъ Московской академіи въ Прагѣ, гдѣ у іезуитовъ учились „либеральнымъ наукамъ", именно Анохинъ, Козловскій и Суворовъ [1]).

[1]) Разныя письма (1715—1720 гг.) объ этомъ см. у Пекарскаго. I, 92, 231, 238, 436; у Соловьева: Ист. Росс. XVI, 187, XVII, 403. Срвн. также встрѣчу Петра съ чешскимъ живописцемъ Купецкимъ; оба говорили другъ съ другомъ по славянски (Пекарскій, I, 230; Časopis Česk. Mus. 1855, 220).

Въ сношеніяхъ Петра съ Чехами была политическая сторона. Когда Петръ потребовалъ отъ Вѣнскаго правительства выдачи своего сына Алексѣя, то по этому дѣлу сошлась конференція (18-го августа 1717 г.), состоявшая изъ министровъ Цинцендорфа, Штаренберга и Траутзона. Министры разсуждали такъ: это происшествіе чрезвычайно важно и опасно, потому что царь, не получивъ удовлетворительнаго отвѣта, можетъ съ многочисленными войсками, расположенными въ Польшѣ, по силезской границѣ, вступить въ Силезію и тамъ остаться до выдачи ему его сына, а по своему характеру онъ можетъ ворваться въ Чехію, гдѣ волнующаяся чернь легко къ нему пристанетъ. Поэтому не слѣдуетъ терпѣть ни минуты бездѣйствія и какъ можно скорѣе найдти средство къ отпору [1]).

VI.

Чехи и Юго-славяне.

1. Раздѣленія южныхъ и западныхъ Славянъ Мадьярами. — Югославянскіе воины въ Чехіи и чешскіе у Югославянъ.

Какъ взаимныя отношенія между Чехами и Русскими ограничивались, по большей части, теоретическимъ признаніемъ общаго славянскаго происхожденія, также было и между Славянами западными — Чехами и Поляками, и южными — Словенцами, Хорватами, Сербами и Болгарами.

Кратковременно было сосѣдство этихъ двухъ отраслей славянскихъ. Словенцы не долго находились въ государственномъ единствѣ съ западными Славянами (при Самѣ), не долго сосѣдили Хорваты и Болгаре—посредствомъ Паннонскихъ Славянъ, княжества Блатенскаго и „задунайской“ Болгаріи—съ Великою Моравіей Мойміровичей. Скоро наѣхали въ дунайскія земли Мадьяры, и ворвавшись въ сплошную массу славянскую, разрубили ее навсегда. Этимъ наѣздомъ Мадьяръ и послѣдующимъ затѣмъ основаніемъ Угорскаго королевства южные и сѣверо-западные Славяне отдалены были другъ отъ друга. На это разъединеніе жалуются еще въ позднѣйшія времена нѣкоторые славянскіе писатели [2]).

Сознаніе родства и національнаго единства сѣверныхъ и южныхъ

---

[1]) Устряловъ VI, 392; Соловьевъ XVII, 191.

[2]) Сравн. выше слова Поляка Меховиты и Дубровничанина Червы.

Славянъ видно въ особенности въ преданіяхъ о ихъ происхожденіи. Какъ, съ одной стороны, Чехи и Поляки толковали о выходѣ мнимыхъ праотцевъ своихъ, братьевъ Чеха и Лѣха, изъ югославянской Хорватіи, такъ, съ другой стороны, Хорваты, Сербы и Болгаре производили себя, исторически вѣрнѣе, изъ сѣверныхъ странъ чешскихъ, польскихъ и русскихъ [1]).

Въ болѣе близкія сношенія, или скорѣе, столкновенія приходили Чехи съ Югославянами въ войнахъ чешско-угорскихъ. Не разъ сражались Хорваты, Сербы и Болгаре въ угорскихъ войскахъ противъ Чеховъ: такъ было, напримѣръ, въ XIII вѣкѣ, во время короля Премысла II Отокара, на котораго, вмѣстѣ съ угорскимъ королемъ, пошли разные Славяне, и „схизматическіе" Греки, Болгаре и Сербы, и еретическіе Босняки [2]). Такъ было и въ XV вѣкѣ, во время гуситскихъ войнъ, когда „Расы" или „Рацы" (то-есть, Сербы) являлись въ войскѣ угорскихъ королей, Сигизмунда и Матвѣя, въ чешскихъ земляхъ. Въ XV вѣкѣ, въ свою очередь, чешскіе воины приходили все чаще въ югославянскія земли и здѣсь, въ войскѣ угорскихъ королей, сражались противъ Турокъ. Чешскія знамена развѣвались тогда не только въ Хорватіи, но и на Балканѣ и на Шарской планинѣ. Въ Хорватіи и въ Славоніи воевалъ, съ 1441 года, Чехъ Іоаннъ Витовецъ изъ Гребена, позднѣйшій банъ Славонскій [3]).

Когда въ 1443 году угорскій король Владиславъ предпринялъ походъ въ Сербію и въ Болгарію, были въ его войскѣ и чешскіе полки, и главнымъ начальникомъ военныхъ возовъ былъ Чехъ Еникъ

[1]) Позже распространилась теорія о выходѣ Чеха и Лѣха изъ Хорватіи и къ Югославянамъ (сравн. Орбини). Въ половинѣ XVII вѣка одинъ хорватскій поэтъ хвалится, что Чехія и Польша основаны Хорватами (Kukuljević: Književnici u Hrvatah, 46)

[2]) Сравн. письмо Премысла папѣ 1260 г. Еретиковъ Патаренъ въ Боснѣ знаетъ и Гусъ (Sebrané Spisy, I, 39). При заключеніи мира 1271 г. между королями чешскимъ и угорскимъ упоминаются на сторонѣ послѣдняго и сербскій король Урошъ и его сынъ Стефанъ, царь болгарскій Святославъ, и нѣсколько русскихъ князей. (Emler: Regesta Boh. et Morav. II, 302). Если Чехи называли Югославянъ «схизматиками», то съ другой стороны, въ одной древлеболгарской статьѣ о разныхъ народахъ (около 1200 г.) Чехи причислены къ «половѣрнымъ языкамъ» (то-есть, неправославнымъ). Шафарика, Слав. Древности, послѣднее прибавленіе.

[3]) Palacký: Dějiny nár. česk. IV, 1, p. 451.

изъ Мечкова [1]). Чешскіе и польскіе полки были и въ несчастномъ сраженіи на Косовомъ полѣ (1448 г.), и послѣ пораженія Угровъ, защищались въ своихъ возахъ полдня, до тѣхъ поръ, пока не были совсѣмъ истреблены множествомъ Турокъ [2]). Чешскіе полки служили и обоимъ Гуніадамъ—угорскому, губернатору Іоанну и королю Матвѣю. Между ними отличался особенно, такъ-называемый, „черный полкъ (чвойска, рота)“, состоявшій почти исключительно изъ Чеховъ, Мораванъ и Сербовъ (1467—1492 гг.) [3]).

Воинственность Чеховъ была тогда извѣстна и славилась на всемъ славянскомъ югѣ, и современный историкъ Дубровницкій, Туберо Черва, въ памятникахъ своего времени (1490—1522 гг.), не находитъ словъ для восхваленія чешской храбрости. Онъ называетъ Чеховъ самымъ воинственнымъ народомъ не только въ открытомъ сраженіи, но и въ осадѣ городовъ; Нѣмцы не смѣютъ сражаться съ ними и даже не выносятъ ихъ взгляда и пр.

На несчастіе южныхъ своихъ братьевъ, подпавшихъ подъ иго Турокъ, не рѣдко жалуются Чехи и выражаютъ надежду, что эти земли „нашего языка“ не всегда останутся въ такомъ жалкомъ состояніи. Но и судьба Хорватіи и Далмаціи, подпавшихъ подъ верховную власть Угріи, внушала Чехамъ—послѣ соединенія коронъ чешской и угорской (1490)—опасенія; по крайней мѣрѣ, на чешскомъ сеймѣ (1518), вслѣдствіе частаго пребыванія короля въ Угріи, выразилось опасеніе, чтобы Чешское королевство не постигло то, что̀ случилось съ королевствомъ Хорвато-Далматскимъ, сдѣлавшимся вассальною угорскою землею [4]).

2. Славянскій монастырь въ Прагѣ.

Чехи и Югославяне встрѣчались не только съ оружіемъ въ рукахъ, но знакомились и другимъ, болѣе мирнымъ способомъ. Стараніемъ императора и короля Карла IV, основанъ былъ (1347 г.) въ Прагѣ монастырь,

---

[1]) Časopis Česk. Mus. 1859, 156. Не знаемъ, были ли чешскіе полки и въ сраженіи подъ Варной. О немъ существуетъ одна современная чешская пѣснь. (Sitzungsberichte des Kais. Akademie, XXXIX, 664).

[2]) Длугошъ, II, 47.

[3]) Palacký, IV, 1, p. 461; V, I, p. 327. I. Бѣльскій замѣчаетъ, что «король Матвѣй пользовался службой славянскаго народа больше, чѣмъ другаго, то-есть, Поляковъ, Чеховъ, Мораванъ и Силезійцевъ (Kron. Pol.).

[4]) Staří letop. češti, 422. Palacký, V, 2, p. 348.

такъ-называемый славянскій, и сюда были приглашены монахи изъ Хорваціи, отправлявшіе богослуженіе по римскому обряду на славянскомъ языкѣ, писанномъ глаголицей. Не знаемъ ближе побужденій чешскаго короля къ такой мысли—было ли это какъ приготовленіе къ задуманной имъ уніи православныхъ Югославянъ съ Римомъ, или были тутъ еще другія причины,—довольно того, что Карлъ еще при жизни своего отца, будучи маркграфомъ моравскимъ (1346 г.), взялся за осуществленіе своего плана. Для этой цѣли онъ припомнилъ папѣ Клименту VI, что въ нѣкоторыхъ славянскихъ земляхъ, съ соизволенія папскаго, отправляется богослуженіе на народномъ славянскомъ языкѣ, и такъ какъ въ смежныхъ съ Чехіей странахъ того же самаго языка есть много схизматиковъ и не вѣрующихъ, которые не хотятъ понимать латинскаго языка, то славянскіе монахи оказали бы и здѣсь большія услуги къ умноженію славы Божьей и христіанства.

Папа одобрилъ мысль основанія славянскаго монастыря въ Чехіи. Черезъ годъ (1347 г.) Карлъ, тогда уже король чешскій, основалъ монастырь бенедиктинцевъ въ Прагѣ, въ которомъ богослуженіе должно было отправляться на славянскомъ языкѣ, въ честь св. Іеронима, переводчика Священнаго Писанія на „славянскій языкъ, отъ котораго происходитъ и рѣчь нашего королевства чешскаго“, такъ чтобъ этотъ святитель прославлялся въ Чехіи не менѣе, чѣмъ среди своего народа, на своей родинѣ [1]).

Первые монахи въ этомъ монастырѣ были Хорваты, католики-глаголаши. Они ввели здѣсь и свои славянскія книги, писанныя глаголицей, и отъ нихъ научились позже вступившіе въ монастырь природные Чехи славянскому языку и письму.

Карлъ вообще продолжалъ особенно заботиться о своемъ созданіи и о монахахъ, соединенныхъ съ нимъ „сладкими связями роднаго языка“, прямо выражаясь, что славянское богослуженіе придаетъ бо̀льшій почетъ и славу чешскому языку; монастырскаго писаря славянскихъ книгъ онъ пожаловалъ годичнымъ доходомъ за такія усердныя услуги, оказанныя имъ въ честь монастыря и „благороднаго языка славянскаго“ [2]). Въ этотъ монастырь Карлъ подарилъ и Евангеліе,

---

[1]) Pelzel: Kaiser Karl IV, I (Urkundenbuch, 90); также Ginzel: Geschichte der Slawenapostel (Codex, 92).

[2]) Pelzel: Karl IV, Urkundenbuch, I, 95, 98, 100; II, 385.

писанное греко-славянскимъ „русскимъ“ письмомъ, по преданію, св. Прокопіемъ [1]).

Посредствомъ славянскаго монастыря Чехи познакомились опять съ церковнымъ славянскимъ языкомъ, который не былъ у нихъ слышенъ два съ половиною вѣка; познакомились и съ славянскимъ письмомъ, съ кириллицей и особенно глаголицей. Тому и другому письму они учились по особымъ „азбуквиднакамъ“ [2]). Мало того, монахи-Чехи стали писать и на своемъ природномъ языкѣ чешскомъ глагольскимъ письмомъ. Между прочимъ, въ началѣ XV вѣка (1416 г.) списана глаголицей чешская Библія „братьями монастырскими, а не писцами хорватскими“ [3]).

Монастырь славянскій существовалъ до начала гуситскаго движенія, именно до 1419 года; тогда онъ былъ уничтоженъ, и съ нимъ пропало богослуженіе на славянскомъ языкѣ. Въ монастырѣ сталъ жить съ тѣхъ поръ утраквистскій приходскій священникъ. Только въ концѣ XVI вѣка возобновленъ былъ монастырь, но уже латинскихъ бенедиктинцевъ. Само же названіе „Славянскій“ монастырь („на Слованехъ“) осталось до сихъ поръ [4]).

Съ прекращеніемъ славянскаго богослуженія въ этомъ монастырѣ, растерялись и славянскія книги, подобно тому, какъ это случилось двѣсти-пятьдесять лѣтъ тому назадъ въ монастырѣ Сазавскомъ. Но еще во второй половинѣ XVI вѣка и даже въ началѣ XVII вѣка, въ этомъ монастырѣ хранилось много славянскихъ книгъ [5]).

---

1) Сазаво-емаузское благовѣствованіе, изд. Ганка, Билярскій: Судьбы церковнаго языка, II.

2) Jungmann: Hist. liter. české, 27; Hanuš: Dodavky, I, 5; Срезневскій, Древн. глаголь. памятн., 27.

3) Вторая ея часть хранится въ университ. библіотекѣ Пражской. Сравн. статьи I. Коларя въ засѣд. учен. общ. Праж., 1866, 3-го декабря, и въ Časop. Česk. Mus. 1870, 391; Сазаво-емаузске благовѣств., 187; Dobrowsky: Glagolihca (2-е изд. 80, отрывокъ всеобщей исторіи на чешскомъ языкѣ, написанномъ глаголицей)

4) Истор. очеркъ этого монастыря см. въ журн. Památky archaeolog., I, 193. По примѣру Пражскаго учрежденъ славянскій монастырь и въ Краковѣ.

5) Lupáč: Calend. histor. (1584 г., ad 29, mart. 1372), Paprocký: Diadochus (1602 г., 362, приводитъ и три глагольскія надписи). Папроцкій, разказывая объ уничтоженіи монастыря по хроникѣ Гайка (fol. 318), прибавляетъ, что гуситамъ на встрѣчу вышелъ архимандритъ съ братіей, прося не разрушать монастыря, основаннаго Карломъ «въ честь народа славянскаго, изъ котораго

3. Взаимныя сношенія Чеховъ и Югославянъ.

Сношенія Чеховъ и Югославянъ ограничивались большею частію сношеніями между отдѣльными лицами. Приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ.

Когда Сербскій царь Стефанъ Душанъ заявилъ намѣреніе принять унію съ римскою церковью, то императоръ и Чешскій король Карлъ IV старался укрѣпить его въ этомъ намѣреніи (1355 г.), радуясь тому особенно по той причинѣ, что имъ обоимъ государямъ есть общій „благородный и знатный языкъ славянскій" [1]).

На соборѣ Базельскомъ, въ числѣ католическихъ прелатовъ и противниковъ присутствовавшихъ тамъ чешскихъ гуситовъ, находился Іоаннъ Стойковичъ изъ Дубровника, или какъ его Чехи называли, „Славянинъ, докторъ славянскій". Стойковичъ, въ разгарѣ преній, называлъ иногда Чеховъ еретиками. Когда же противъ этого обвиненія возсталъ самъ чешскій гейтманъ, попъ Прокопій Великій, съ упрекомъ, что „нашъ землякъ (conterraneus) наноситъ намъ оскорбленія", то Стойковичъ возразилъ ему: „Такъ какъ я вашъ землякъ по языку и по народу, то поэтому усердно и желаю, чтобы вы возвратились къ матери церкви" [2]).

Извѣстный реформаторъ Франковичъ (Flaccius Illyricus), урожденный Далматъ, сносясь съ чешскими братьями въ Польшѣ (1558 г.), заявлялъ имъ свою пріязнь, какъ происходящимъ тоже изъ славянскаго народа, и старался обратить ихъ къ партіи Виттенбергскихъ теологовъ [3]).

Вячеславъ Вратиславъ изъ Митровицъ, чешскій дворянинъ, провожавшій императорскаго посланника въ Царьградъ (1599 г.), путешествуя туда черезъ югославянскія земли, замѣтилъ о Болгарахъ,

---

произошли Чехи». Въ славянскомъ монастырѣ были и выше упомянутые Бенешовскій и Лодерекеръ — архимандритами. Нѣкоторые отрывки слав. книгъ издалъ Ганка: Остатки слав. богослуж. у Чеховъ (1859).

[1]) Palacký: Gesch. v. Böhmen. II, 2, p. 306. Časop. Česk. Mus. 1839, II, 242.

[2]) Appendini: Notizie istorico-critiche sulle antichità, storia e litteratura dé Ragusei II, 77.

[3]) Ласитскаго: Ист. чешск. братьевъ въ чешскомъ переводѣ, изд. 1765 г., стр. 250. О сношеніяхъ Франковича съ братьями см. также Časop. Česk. Mus. 1856, I, 33, и Gindely: Quellen zur Gesch. der böhm. Brüder, 275 sq.

что они „употребляютъ славянскій языкъ, такъ что мы, Чехи, можемъ съ ними объясняться" [1]).

4. Чешскія книги у Югославянъ.

На общность югославянскихъ нарѣчій съ чешскимъ языкомъ разчитывали въ Чехіи, еще въ концѣ XVII вѣка, издатели католическихъ церковныхъ книгъ чешскихъ, выпущенныхъ въ свѣтъ такъ-называемымъ „наслѣдствомъ (то-есть, фондомъ) св. Вячеслава". Они думали, что чешскія книги найдутъ себѣ сбытъ и въ югославянскихъ земляхъ, и такимъ образомъ, утвердится и распространится католицизмъ „не только въ Чешскомъ королевствѣ, но и въ другихъ славянскихъ странахъ". Самъ же архіепископъ Пражскій, графъ Вальдштейнъ, утверждая это „наслѣдство" (1692 г.), замѣтилъ, что до самой, происходившей тогда, войны турецкой, чешскія католическія книги потребовались въ страны, „гдѣ употребляется чешскій или мало отъ этого отличающійся языкъ, именно не только въ Моравію, но и въ Далмацію, Боснію и другія Туркамъ подданныя земли". Такъ случилось и теперь, когда императоръ Леопольдъ отнялъ у Турокъ общирные края въ Славоніи, Сербіи и др. Для утвержденія католицизма въ этихъ земляхъ выслано было туда наслѣдствомъ св. Вячеслава большое число чешскихъ богослужебныхъ книгъ, библій, катехизисовъ, молитвенниковъ и др., отчасти даромъ, отчасти за умѣренную цѣну [2]).

VII.

Поляки и Югославяне.

1. Сношенія Поляковъ и Югославянъ. — Польскіе воины у Югославянъ и югославянскіе—въ Польшѣ.

Тѣ же отношенія, какія существовали между Чехами и Югославянами, были и между Поляками и сими послѣдними. Оба народа

---

[1]) Příhody V, V, z M., vyd. Pelzel (1777 г., 40). Въ доказательство пользы чешскаго языка въ Царьградѣ, гдѣ тоже говорятъ по-славянски, приводитъ чешскій граматикъ Роса (1672, предисловіе) слѣдующій случай: знаніе чешскаго языка спасло одному члену императорскаго посольства жизнь. Другой чешскій путешественникъ въ Іерусалимѣ (1490 г.) знаетъ, что въ Бриндизи поселились «Словаки» (то-есть, Югославяне), и называетъ Далмацію «Славянскою землей» (Časop. Česk. Mus., 1861, 272).

[2]) Riegger: Materialien zur alten u. neuen Statistik von Böhmen (Prag u. Leipzig, 1787, IV, 769).

производили себя одинъ отъ другаго: Поляки выводили своего праотца Лѣха изъ Югославянъ, Югославяне же себя — изъ закарпатскихъ странъ [1]).

Хотя позже, вслѣдствіе поселенія Мадьяръ между сѣверными и южными Славянами, Поляки встрѣчались съ своими южными соплеменниками рѣже, чѣмъ съ своими славянскими сосѣдями на западѣ и на востокѣ, но все-таки взаимныя ихъ связи не совсѣмъ прекратились. Поляки сносились съ южными Славянами особенно посредствомъ дружескаго имъ Угорскаго государства, короли котораго два раза соединяли на своей головѣ короны угорскую и польскую. Польскіе полки провожали короля польско-угорскаго Владислава въ Сербію и Болгарію и здѣсь, по предположенію одного историка польскаго [2]), „Болгаре, будучи одного съ Поляками языка, вездѣ добровольно имъ предавались"; польскіе полки окружали своего короля въ несчастномъ сраженіи подъ Варной (1444 г.); польскіе воины вмѣстѣ съ чешскими сражались въ своихъ возахъ противъ Турокъ и на Косовомъ полѣ (1448 г.). Съ другой же стороны, и Югославяне, особенно Сербы (Рацы), стали приходить и въ Польшу наемными воинами. „Рацы, то-есть, Славяне изъ Расціи изъ Русскаго народа", пишетъ Март. Бѣльскій въ своей стратегіи [3]), „первые принесли къ намъ на Подолье обычай военной службы ѣздить съ копьемъ и щитомъ, еще при Людовикѣ и Владиславѣ, короляхъ польскихъ и угорскихъ. Потомъ и Поляки, служа съ ними, переняли у нихъ этотъ обычай, а прежде ѣздили съ кушами и рогатинами". Такіе наемные Сербы встрѣчаются въ Польшѣ и въ соединенной съ ней Литвѣ и Руси до XVII вѣка.

2. Польша какъ защитница Югославянъ.—Сербъ Константиновичъ въ Польшѣ. — Стрыйковскій и Збаражскій у Югославянъ. — Варшевицкій. — Твардовскій.

Когда несчастные Югославяне подпали, по большей части, подъ иго азіатскихъ варваровъ, когда Турки стали подступать дальше къ сѣверу за Дунай, и королевство Угорское не было уже въ состояніи задерживать этотъ страшный напоръ, тогда Югославяне съ тоской стали ози-

---

[1]) Еще въ X вѣкѣ родъ сербскихъ жупановъ Захолмскихъ производился отъ рѣки Вислы.

[2]) Bielski: Kron. pol., 372.

[3]) Sprawa rycerska (1569 г., изд. Войцицкаго въ Archiwum domowe, 334). Бѣльскій подобно Червѣ смѣшиваетъ «Рассію» (то-есть, Сербію) и «Россію».

раться на сильное государство славянское за Карпатами, возлагая на него всѣ свои надежды. Прекрасно выразилъ эту мысль вышеупомянутый Далматъ Андроникъ, вызывая Поляковъ къ защитѣ ихъ южныхъ соплеменниковъ. Такой же голосъ раздается и изъ Дубровника, изъ устъ перваго югославянскаго поэта, Ивана Гундулича. Гундуличъ прославляетъ подвиги Польскаго королевича Владислава, который сокрушилъ турецкую змѣю, и короля Сигизмунда, подъ мечомъ котораго лопнула отоманская сабля. Польско-русскій союзъ противъ Татаръ и Турокъ и въ пользу освобожденія Югославянъ горячо предлагаетъ и Юрій Крижаничъ.

Съ своей стороны, и Поляки съ грустью вспоминаютъ судьбу своихъ южныхъ собратьевъ. Они знаютъ, что Югославяне разорваны на много частей и подпали подъ власть чужеземцевъ; записываютъ судьбу и паденіе королевства Босанскаго, „славянскаго языка", сѣтуютъ на несчастье Югославянъ, стонущихъ подъ игомъ варваровъ, которымъ они должны отдавать свой цвѣтъ, свою молодежь въ янычары. Вспоминая о безпрерывной борьбѣ остальныхъ Югославянъ, не подпавшихъ подъ турецкое иго, особенно храбрыхъ Ускоковъ, они удачно сравниваютъ ихъ съ низовыми казаками, и пр. [1]).

Съ отношеніями югославянскими и турецкими XV вѣка познакомилъ Поляковъ одинъ Сербъ, Мих. Константиновичъ изъ Островицы. Онъ, попавъ въ плѣнъ къ Туркамъ и проживъ нѣкоторое время между янычарами, прибылъ наконецъ въ Польшу и здѣсь, въ концѣ XV вѣка, написалъ на польскомъ языкѣ замѣчательныя записки о положеніи дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ того времени, прибавивъ нѣкоторые разказы изъ югославянской исторіи, напримѣръ, о войнѣ между Болгарами и Сербами (1330 г.), о сраженіи Косовскомъ и о паденіи Сербіи, о деспотахъ Стефанѣ и Георгіѣ, о сраженіяхъ подъ Варной, на Косовомъ полѣ (1448 г.), о паденіи Босніи и пр. Польскій языкъ въ этомъ интересномъ памятникѣ довольно чистъ, и только кое-гдѣ встрѣчается нѣсколько чехизмовъ и еще менѣе сербизмовъ: bugarski подлѣ bulgarski, Stewan, zraditi (сдѣлать), swem (всѣмъ), wojnik (воинъ) [2]).

---

[1]) Сравн. Длугоша, Мѣховиту, обоихъ Бѣльскихъ (космографію и хроники), и др.

[2]) Pamiętniki jańczara, z rękop ok. 1550 (Zbiór pis. pol. część II, tom V, Warszawa, 1828). Эти записки переведены были уже въ половинѣ XVI вѣка на чешскій языкъ и изданы 1565 и 1581 гг. въ Лютомышлѣ. Сравн. Rozpravy z oboru historie, filologie i literatury, братьевъ Іиречковъ (1860 г., p. 1).

Съ интересомъ и съ сочувствіемъ относятся къ своимъ югославянскимъ братьямъ и польскіе путешественники, бывавшіе въ ихъ земляхъ. Такъ, Стрыйковскій, пребывая (1574 г.) у Болгаръ и Сербовъ, часто разговаривалъ съ ними, какъ онъ выражается, о ихъ происхожденіи изъ Пафлагонской земли; онъ обращаетъ вниманіе и на разные историческіе памятники въ тѣхъ странахъ: такъ, напримѣръ, разказываетъ о разныхъ оружіяхъ, находящихся въ Адріанополѣ со временъ болгарско-греческихъ войнъ, о побоищѣ Варненскомъ, которое посѣтилъ самъ, о происхожденіи Янычаръ изъ „славянскаго народа“ и ихъ умноженіи въ его время и пр.; въ Царьградѣ онъ слышалъ богатырскія пѣсни, пѣтыя, подъ сербскія гусли, по-сербски и по-турецки; такія пѣсни поютъ Сербы и о Варненскомъ сраженіи [1]). Когда князь Христофоръ Збаражскій на пути въ Царьградъ (1622) былъ въ Болгаріи и въ Сербіи, то онъ и его спутники вспомнили, что ихъ предки когда-то занимали эти земли, что оттуда вышелъ и ихъ прадѣдъ Лѣхъ, и что эти Югославяне говорятъ на сходномъ съ польскимъ языкѣ. Въ Царьградѣ же Збаражскій объяснялся съ турецкими сановниками посредствомъ хорватскаго и сербскаго языковъ [2]).

Въ пользу угнетенныхъ Югославянъ раздаются въ Польшѣ голоса на сеймахъ и въ печати; польскіе патріоты, публицисты и депутаты не разъ увѣщеваютъ своихъ соотечественниковъ помочь южнымъ своимъ братьямъ, и такимъ образомъ, отстранить и отъ своего отечества все болѣе и болѣе угрожающую ему бѣду отъ Турокъ. „Если мы не перемѣнимся“, восклицаетъ Христофоръ Варшевицкій, — „то Турки, подобно другимъ славянскимъ народамъ, легко поработятъ и насъ, Поляковъ, такъ какъ у насъ такія же качества, что̀ у на-

[1]) Kron. pol. lit. ruska (1582, passim).

[2]) Kuszewicz: Narratis legationis Zbaravianae 1622 (Dantisci 1645, 56; сравн. Niemcewicz: Zbiór pamiętników II, 313); Pwardowski: Trzeważna legocya Kr. Zbaraskiego (Krak., 1639, 48); Relacya poselstwa s. Zbaraskiego, Dziemnik Wileński, 1827, III, 255, также рукоп. Варшавск. универс. библ., № 9). Когда Полякъ Іеронимъ Ласкій въ 1527—1528 гг. находился, какъ посолъ короля Іоанна Запольскаго, въ Царьградѣ, то Мустафа паша, Сербъ изъ Босны, сказалъ ему: «Мы одного народа, ты Ляхъ, и я Боснякъ. Не естественно ли—любить свой собственный народъ больше, чѣмъ всякій другой?» (См. Красинскаго: Histoire réligieuse des peuples slaves 132, изъ дневника, Ласкаго; въ дневникѣ, напечатанномъ у Катоны, Ист. Угорск. кор. XX, 260 и слѣд., нѣтъ этого мѣста).

шихъ одноплеменниковъ, и мы начинаемъ отказываться отъ давн обычаевъ“ [1]).

Стрыйковскій, вызывая Поляковъ противъ Турокъ, плачетъ н несчастіемъ Югославянъ вмѣстѣ съ пророкомъ Іереміей: „Наши слѣдства достались иностранцамъ, жестокія руки отобрали у сир ихъ собственный хлѣбъ; мы пили свою собственную воду за ден мы покупали себѣ дрова у поганыхъ въ неволѣ; у насъ надъ г ломъ стояли грозные палачи; удрученнымъ работой, намъ не да отдыха“ [2]). На неволю Сербовъ, Босняковъ и другихъ Югослав между Далмаціей, Дунаемъ и Чернымъ моремъ „нашей крови и нихъ родственниковъ“ сѣтуетъ и поэтъ Твардовскій, но надѣе что, можетъ-быть, позднѣйшіе за нами внуки займутъ эти земли

О печальномъ положеніи Югославянъ подъ турецкимъ игомъ у минаетъ и Замойскій въ своемъ достопамятномъ разговорѣ съ ч скимъ министромъ Розенбергомъ.

3. Польскіе публицисты какъ сторонники Югославянъ.

Въ самомъ концѣ XVI вѣка (1595—1597 гг.) раздаются почти од временно голоса Папроцкаго, Грабовскаго и Верещинскаго, пред гающихъ польскимъ сеймамъ свои мысли о дѣйствіи противъ Тур и объ освобожденіи Югославянъ. О Польшѣ издавна вздыхаютъ мученные Греки, Сербы, Хорваты, Босняки; еслибы Поляки, въ со съ казаками, воюя противъ Турокъ, прибыли къ Дунаю, тогда земли славянскія, Дакія, Болгарія, Сербія, Расція, Боснія, знаме тыя прежде государства, къ Полякамъ больше, чѣмъ къ другимъ х стіанскимъ государямъ, расположенныя вслѣдствіе единства языка и свободы,—присоединились къ нимъ, и даже многіе воины славян между янычарами, знакомые съ турецкими обычаями, и турецкіе вольники-Славяне болѣе бы благопріятствовали Полякамъ, какъ дямъ своего языка, чѣмъ Нѣмцамъ. Еслибы Поляки, въ союзѣ съ д гими христіанскими государями, пошли противъ Турокъ, то скоро владѣли бы не только Тавридой, Молдавіей, Валахіей, но и знам тыми прежде государствами славянскими за Дунаемъ. Въ так смыслѣ говорятъ и въ XVII вѣкѣ Гербуртъ, Збаражскій, Мясков

[1]) Warszewicki: Wenecia (Krak., 1572, 1587).
[2]) O wolności korony polskiéj (Krak., 1575, поэма «O niewoli tureckiéj»).
[3]) Legacya Zbaraskiego 211, 236.

авинскій, Рысинскій и др. Послѣдній выражаетъ мысль, что уже тефану Баторію слѣдовало соединить съ Польшей не только Семиградію, но и Болгаръ, Сербовъ и Албанцевъ [1]).

Но напрасно южные Славяне ожидали своего спасенія отъ Польши. Польша давно забыла и пренебрегла своимъ славянскимъ призаніемъ: вмѣсто того, чтобы сдѣлаться средоточіемъ и защитою всѣхъ лавянъ, она выслала на „схизматическихъ" Русскихъ толпы необуз-й своей шляхты, на „еретическихъ" Чеховъ—хищныхъ Лисовчиковъ, довершила, наконецъ, свою государственную мудрость кровавыми йнами съ соединеннымъ съ нею народомъ Русскимъ, котораго изъ ѣхъ силъ стремилась передѣлать изъ „схизматиковъ" въ уніатовъ католиковъ. Вмѣсто не понимающей своего славянскаго призванія и дающей Польши, выдвигается другое государство славянское—Россія.

VIII.

Русскіе и Югославяне.

Общее происхожденіе Русскихъ и южныхъ Славянъ.—Стремленія Руси къ югу.—Русскіе и Югославянскіе князья.

Взаимныя отношенія Русскихъ и Югославянъ отчасти сходны съ ношеніями, которыя существовали между Чехами и Поляками. Связи жду Русью и южными Славянами, особенно православными, были давнѣйшихъ временъ самыя тѣсныя и проявлялись во всѣхъ обстяхъ жизни обоихъ народовъ.

Многія племена, принявшія впослѣдствіи названіе Руси, произволи себя изъ южныхъ дунайскихъ странъ, „гдѣ есть нынѣ угорска мля и болгарска", такъ Поляне, Древляне, Дреговичи, Полочане, ловѣне и Сѣверяне и пр. На оборотъ, изъ этихъ сѣверныхъ пле-енъ, въ первыхъ столѣтіяхъ по Р. Х., множество выходцевъ перелилось въ южныя альпскія, дунайскія и балканскія страны, до саго моря Адріатическаго и Эгейскаго. Здѣсь, на Дунаѣ и на Бал-

[1]) Paprocki: Gwałt na pogany (1595); P. Grabowski: Zdanie syna Koronnego o ciu rzeczach rzpltéj Polskiéj należących (1595), Polska niżna (1596); Wereszczyński 597 на сеймѣ, Pisma polityczne, wyd. Turowskiego 72); Rysiński: Satyr na twarz pltéj (1640); письмо Мясковскаго, польскаго посла въ Царьградѣ, 1641 года iemcewicz: Zbiór pamiętników V. 78). О Гербуртѣ, Збаражскомъ и Гавинскомъ ворено выше. Сравн. также политическое стихотвореніе Клёновича: Rożar 597).

[illegible]

[illegible] Руссы на Дунаѣ [illegible] и въ XI вѣкѣ, и еще въ самомъ концѣ того вѣка князь Василько Владиміровичъ думалъ о завоеваніи Болгаріи. На нижнемъ Дунаѣ, близъ его устьевъ, соприкасались владѣнія русскихъ и болгарскихъ государей; здѣсь еще во второй половинѣ XII вѣка галицко-русскій князь Ярославъ Осмомыслъ „затворилъ Дунаю ворота, суды рядя до Дуная" [1]).

Князья югославянскіе и русскіе находились и позже въ дружественныхъ отношеніяхъ. Такъ, напримѣръ, царь болгарскій Іоаннъ II Асѣнь искалъ убѣжища на Руси и съ помощью русскихъ полковъ завладѣлъ своею отчиной (1210—1217 гг.). Сербскій король Стефанъ Драгутинъ,

[1]) Сравн. Повѣсть временныхъ лѣтъ и Слово о полку Игоревѣ.

жилъ въ дружелюбныхъ отношеніяхъ съ Владиміро-волынскимъ княземъ Василіемъ Романовичемъ († 1269 г.), „очень любезнымъ его пріятелемъ"; въ его Русскую землю посылалъ онъ часто своихъ пословъ съ многочисленными подарками церквамъ и монастырямъ, вообще оказывая ему большое уваженіе „глаголами сладкими и великолѣпными дарами царскими". Галичско-русскій князь Ростиславъ Михайловичъ былъ угорскимъ баномъ въ сербской Мачвѣ, а его сынъ Михаилъ (Мича) занялъ, вѣроятно, и болгарскій столъ (1258 г.). Въ войскѣ болгарскаго царя Михаила Страшимировича (1330 г.) былъ полководцемъ одинъ Русскій, по имени Иванъ, и пр. [1]).

Событіями на славянскомъ югѣ всегда интересовались на Руси, и многія такія событія, жизнеописанія сербскихъ и болгарскихъ государей и святителей, и разные разказы „сербскихъ и болгарскихъ лѣтописцевъ", вошли и въ русскіе хронографы и лѣтописи [2]).

2. Отношенія турецкихъ Югославянъ къ Руси, къ русскимъ царямъ и къ казакамъ.—Петръ Великій и Югославяне.

Болѣе тѣсныя сношенія между Русскими и Югославянами завязались послѣ паденія независимости югославянскихъ государствъ и все больше усиливавшагося возрастанія силы турецкой. На несчастіе порабощенныхъ Турками единовѣрцевъ и единоплеменниковъ обращаютъ свое вниманіе Русскіе, угрожаемые съ востока и съ юга равно опасными врагами—Татарами. Еще въ XV—XVI вѣкахъ русскіе лѣтописцы плачутъ съ пророкомъ Іереміей надъ „запустѣніемъ Бѣлаграда и всей Сербской земли отъ безбожныхъ Турокъ", и увѣщеваютъ „храбрыхъ мужественныхъ сыновей Русскихъ беречь свое отечество, Русскую землю, отъ поганыхъ, чтобъ она не пострадала отъ нихъ, какъ

---

[1]) Акрополита гл. 13, 20; Сербск. лѣтоп. архіеп. Данiила (изд. Даничича 40). О Ростиславѣ см. статьи Палацкаго (Časop. Česk. Mus. 1842) и Палаузова (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1851); дочери Ростислава Кунигунда и Грифила вышли первая за чешскаго короля Премысла II, вторая за польскаго князя Лешка. О Иванѣ Русскомъ см. Кантакузина I, 172.

[2]) Сравн. прекрасныя сочиненія А. Попова: Обзоръ хронографовъ русской редакціи, Изборникъ русск. хрон. (сравн. Rad jugoslav. akad. XIII, 213). Изъ русскихъ лѣтописей особенно Никоновская разказываетъ о событіяхъ на славянскомъ югѣ. О сраженіи Косовскомъ упоминаетъ и спутникъ русскаго митрополита Пимена, Игнатій, провожавшій его въ Царьградъ 1389 г. (Сахаровъ: Путешествія русскихъ людей).

страдаютъ отъ Турковъ Болгаре, Греки, Албанцы, Хорваты и Босна“ [1]).

Порабощенные Турками, Югославяне обращались за помощью во всѣ стороны, особенно же къ сосѣднимъ королямъ Угорскимъ, къ императорамъ Римско-нѣмецкимъ и къ обоимъ сѣвернымъ славянскимъ государямъ, королю Польскому и царю Русскому. Отъ ихъ общаго союза ожидали они освобожденія отъ турецкаго ига. У православныхъ Югославянъ пріобрѣли себѣ большія симпатіи особенно единовѣрные цари Русскіе, значеніе которыхъ на цѣломъ востокѣ возвысилось особенно послѣ завоеванія ими Татарскихъ ханствъ Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго. Русскіе цари съ XVI вѣка стали все больше и больше обращать на себя вниманіе православныхъ Болгаръ и Сербовъ, которые съ нетерпѣніемъ ждали своего освобожденія отъ единовѣрныхъ и единоплеменныхъ Русскихъ царей. Лучше всѣхъ выразилъ эту надежду знаменитый Хорватъ Крижаничъ [2]). Сверхъ того, явился и планъ—впрочемъ не удавшійся—освободить Болгаръ и Сербовъ отъ духовнаго ига Фанаріотовъ: русскій патріархъ Іоакимъ въ концѣ XVII вѣка задумалъ присоединить православныхъ Югославянъ къ Московскому патріархату [3]).

Симпатіи православныхъ Югославянъ къ Русскимъ царямъ становились все живѣе, по мѣрѣ того какъ все яснѣе выдавались планы Римскихъ императоровъ и королей Угорскихъ на счетъ политическаго и религіознаго положенія этихъ Югославянъ. Уже въ 1688 году Аѳонскій архимандритъ Исаія, отъ имени патріарховъ Царьградскаго и сербскаго (Арсенія Церноевича) и господаря Валашскаго, вызываетъ молодыхъ царей Русскихъ выступить за освобожденіе православныхъ Грековъ, Славянъ и Румынъ, которые съ радостью ожидаютъ царскія войска; онъ просилъ, чтобы цари не дозволили занять православныя земли католическими войсками императора и Венеціанъ; эти на-

---

[1]) А. Поповъ: Изборникъ изъ русскихъ хронографовъ 81; Софійская лѣтоп. П. С. Р. Л. VI, 232. «Королевство Сербское» и «царство Болгарское» описываютъ еще русскіе космографы XVIII вѣка (Поповъ: Изборникъ 461, 520).

[2]) Свидѣтельствъ о возлагаемыхъ на царей русскихъ надеждахъ Югославянъ не станемъ приводить подробно: ихъ слишкомъ много.

[3]) Ламанскій: О слав. рукоп. въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ 118. Сравн. Отзывъ русскаго священника Лукьянова о Фанаріотахъ (начала XVIII вѣка), въ Русскомъ Архивѣ 1863, 179.

роды, Румыны, Сербы и Болгаре, не любятъ Нѣмцевъ и будутъ имъ помогать только въ случаѣ крайней нужды [1]).

Кромѣ Русскихъ царей, обращали на себя вниманіе южныхъ Славянъ и военныя товарищества, расположенныя на всѣхъ южныхъ окраинахъ русскаго міра—казаки, особенно болѣе близкіе къ Дунаю и къ Черному морю—Запорожцы. Казаки, перенявъ походы Русскихъ X вѣка на югъ, съ половины XVI вѣка стали наступать на общаго врага христіанства, съ одной стороны воюя съ Крымскими Татарами, съ другой же—нападая на Румынскія княжества и подходя къ берегамъ Болгаріи и подъ самый Царьградъ. Припомнимъ себѣ подвиги Вишневецкаго, Свирговскаго, Богданка, Конашевича-Сагайдачнаго и другихъ. Отъ Хмельницкаго ожидали освобожденія Румыны и Югославяне; они въ самомъ началѣ возстанія просили его безпрестанно объ этомъ, и Хмельницкій приготовлялся уже „промышлять надъ Турскимъ царемъ". Надежды турецкихъ христіанъ возрасли особенно послѣ подданства Малороссіи Русскому царю; эти христіане ждали только появленія царскихъ войскъ и казаковъ на Дунаѣ чтобы возстать [2]).

Это значеніе казаковъ относительно турецкихъ Югославянъ хорошо поняли и Поляки, которые сами указывали Туркамъ на опасность возвышенія малорусскаго казачества. „Хмельницкій", говоритъ въ 1654 году польскій посолъ въ Царьградѣ, „явно провозглашаетъ, что онъ воюетъ за православную вѣру; онъ стремится къ присоединенію къ единовѣрной Москвѣ, къ завоеванію православныхъ государствъ Молдавіи и Валахіи. Еслибъ ему удалось создать изъ южной Руси и Румыніи одно государство, то оно имѣло бы большую притягательную силу на православныя страны – Болгарію, Сербію и Грецію, находящіяся подъ турецкимъ владычествомъ" [3]).

Югозападные Русскіе имѣли, впрочемъ, часто случай познакомиться съ воинственными Югославянами и у себя дома. Сербскіе наемные воины стали являться въ Польшѣ и въ югозападной Руси въ XVI вѣкѣ, да и раньше. „Казаки Сербы" упоминаются въ началѣ XVII

---

[1]) Соловьевъ, Ист. Россіи XIV, 54; Slawische Bibliothek II, 282.

[2]) Соловьевъ, Ист. Россіи X, 261, 375.

[3]) Grabowski Ambr.: Ojczyste spominki I. 95. Сравн. также письма Легата Комуловича 1593 г. казакамъ и казацкому гетману (Theiner: Monum. hist. Polon. III. 210).

вѣка на Волыни, въ службѣ князя Іоанна Острожскаго; наемные сербскіе воины часто являются и въ войнахъ казацкихъ; они окружали Выговскаго и Юрія Хмельницкаго, и въ числѣ ихъ былъ и полковникъ Брацлавскій Иванъ Сербинъ [1]).

Русское государство хотя значительно усиливалось, но все-таки не было тогда еще такъ сильно, чтобъ освободить своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ отъ турецкаго ига, и слѣдовательно, не могло еще исполнить горячее желаніе Крижанича. Между Русскимъ царствомъ и дунайскими Славянами жили еще тогда хищные Татары крымскіе; на него съ подозрѣніемъ стали смотрѣть и Польша, и императоръ. Кромѣ того, у Русскихъ царей было еще другое, болѣе близкое имъ дѣло, чѣмъ освобожденіе далекихъ Югославянъ: вѣдь почти вся югозападная Русь находилась еще въ чужихъ, иновѣрныхъ рукахъ, хотя и родственныхъ, подъ властью Польши, и только черезъ сто лѣтъ послѣ Крижанича удалось Россіи присоединить по крайней мѣрѣ бо́льшую часть этой „отчины св. Владиміра".

Но не смотря на эти препятствія, Россія никогда не теряла изъ виду своихъ южныхъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ. Вопросъ объ ихъ освобожденіи поднялъ особенно Петръ Великій, „православный царь Славянскій", какъ его назвали сами Югославяне. Этотъ государь Русскій понялъ идею славянскую, какъ никто до него и послѣ него. Онъ, съ одной стороны, всячески старался воспользоваться умственными способностями западныхъ и южныхъ Славянъ для своего преобразовываемаго государства, съ другой же — нисколько не скрывалъ своего намѣренія освободить Югославянъ отъ турецкаго ига, „чего до послѣдняго издыханія желать не перестану", какъ онъ самъ пишетъ въ 1697 году изъ Голландіи патріарху Адріану. Для него было лишнимъ, что одинъ вступившій въ русскую службу Югославянинъ, Сава Владиславичъ изъ Герцеговины, указывалъ на важность для Россіи жителей Черной Горы, Болгаріи, Сербіи, Македоніи, Босны и Далмаціи, одного съ Русскими вѣроисповѣданія и языка, которые всѣ готовы взяться за оружіе противъ Турокъ за общую славу и религію [2]).

---

[1]) Акты о казакахъ I, 203; Костомаровъ: Гетманство Выговскаго (Ист. Монографіи II, 82).

[2]) Макушевъ: Матеріалы для исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ Рагузской республикой, 7.

За то и всѣ Югославяне, не только православные, но и католическіе, были въ восторгѣ отъ предпріимчиваго Русскаго царя; Хорватъ Витезовичъ и Дубровничане Гродичъ и Ружичъ прославляютъ его высокопарными одами и приглашаютъ его освободить весь христіанскій востокъ и прогнать Турокъ изъ Царьграда [1]). Таково и было намѣреніе Петра, когда онъ началъ войну съ Турціей (1711 г.). Готовясь освободить „стонущихъ подъ варварскимъ игомъ Грековъ, Румынъ, Болгаръ и Сербовъ“, онъ вызываетъ Югославянъ возстать противъ Турокъ по примѣру своихъ предковъ „славянскаго языка“. Югославяне были готовы на все и съ восторгомъ принимали Югославянина Милорадовича, „посла христіанскаго православнаго Славянскаго царя“; онъ побуждаетъ къ войнѣ и воинственныхъ Черногорцевъ „чтобъ освободить христіанскій народъ и прославить славянское имя“, и замѣчаетъ имъ, что они „съ Русскими одного рода, одной вѣры, одного языка“ [2]).

Всѣ эти надежды однако погибли вслѣдствіе несчастнаго Прутскаго мира. Но не смотря на это печальное событіе, Петръ признавалъ услуги Югославянъ, особенно Черногорцевъ, которыя они оказали ему „ради единовѣрія и единоязычія съ нами, и подражая древнія славы предковъ вашихъ словенскаго единоплеменнаго съ вами народа“, продолжалъ сноситься съ ними, и по возможности, поддерживать ихъ, если не оружіемъ, то по крайней мѣрѣ деньгами, книгами церковными и другими, учителями и проч. „Будь намъ второй апостолъ, просвѣти и насъ, какъ просвѣтилъ своихъ людей, да не скажутъ враги наши: Гдѣ есть Богъ ихъ?“ Съ такими словами обращаются къ нему Сербы посредствомъ своего архіепископа Моисея Петровича, прибывшаго въ Россію поздравить Петра съ Ништадтскимъ миромъ.

Кромѣ турецкихъ Славянъ, и Сербы, поселившіеся въ Угріи питали къ Петру живѣйшія симпатіи, тѣмъ больше, что они не нашли въ своей новой родинѣ ожидаемаго счастья ни въ политическомъ, ни въ религіозномъ отношеніи. Ихъ воеводу держалъ императоръ въ тюрьмѣ, ихъ православная вѣра подвергалась безпрестаннымъ преслѣ-

---

[1]) Чтенія 1862, II; Макушевъ: Матеріалы 74, 90.

[2]) Сравн. истор. пѣснь у Милутиновича: Исторія Црне-Горе, 50. О сношеніяхъ Черногорцевъ съ Россіей сравн. Макушева: Задунайскіе и Адріатическіе Славяне, 151.

дованіямъ со стороны угорско-хорватскихъ католиковъ. Уже въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣковъ Сербскій патріархъ Арсеній, да и самъ воевода Юрій Бранковичъ, обращались къ Русскому царю за помощью, по поводу разныхъ притѣсненій православной религіи; но заступничество царя и его пословъ при Вѣнскомъ дворѣ въ пользу угорскихъ Сербовъ было напрасно [1]). Угорскіе Сербы два раза отправляли особыхъ пословъ къ Русскому царю, прося его взглянуть на нихъ бѣдныхъ и считать ихъ своими вѣрноподданными, и предлагая свои услуги противъ Турокъ „своему православному царю". Да, они, безпрестанно оскорбляемые въ своей религіи, ждали вооруженной помощи со стороны Россіи [2]). Эти-то симпатіи угорскихъ Сербовъ къ Россіи и безпокоили Вѣнскій дворъ; онъ не хотѣлъ принять помощи Петра противъ возставшихъ Мадьяръ (1707 г.), опасаясь, что Русскій царь могъ бы утвердиться въ Угріи, опершись на живущихъ здѣсь православныхъ Сербовъ [3]).

Это значеніе Россіи у Югославянъ осталось и въ послѣдующее время. Они видѣли въ Россіи государство, которое соединено съ ними „единовѣріемъ, единоязычіемъ и единокровіемъ", и отъ котораго они ожидали спасенія „какъ Израиль иногда въ Египтѣ" [4]).

---

[1]) Раичъ: Исторія разныхъ словенскихъ народовъ IV, 336; Гласник друштва серб. словесности XVI, 260.

[2]) Сравн. письмо Ракоцы 1722 г. (Fiedler: Actenstücke zur Geschichte Franz Rákóczy's II, 520).

[3]) Вкратцѣ здѣсь начертанныя отношенія Петра къ Югославянамъ обширно описалъ особенно Соловьевъ: Ист. Россіи т. XIV—XVIII. Сравн. также Чтенія 1872, II.—Замѣтимъ здѣсь, что исторія Петра Великаго явилась у Югославянъ раньше, чѣмъ у самихъ Русскихъ. Въ 1772 году издалъ Димитрій Өеодоси въ Венеціи на славянскомъ языкѣ «Житіе и славныя дѣла государя императора Петра Великаго»; онъ написалъ эту книгу потому, что Югославяне «отъ Россіянъ того ожидать уже и утомились» (Голикова Дѣянія Петра Великаго вышли 1788—1790; сочиненія Неплюева и Крекшина—записки). По донесеніямъ русскаго посла въ Царьградѣ, Вешнякова, 1745 г., самое пріятное чтеніе турецкихъ Славянъ—жизнь Петра Великаго, которую они имѣютъ на разныхъ своихъ нарѣчіяхъ не только въ прозѣ, но и въ стихахъ, и даютъ богатыя награды тѣмъ, кто лучше напишетъ такую жизнь (Соловьевъ Ист. Россіи XXII, 92).

[4]) Сравн. между прочими многими свидѣтельствами по этому предмету особенно ходатайство Ѳ. Прокоповича 1730 года у императрицы Анны въ пользу угорскихъ Сербовъ (Русскій Архивъ 1863, 357) и письмо Черногорскаго митрополита Савы Московскому митрополиту Платону 1776 года объ упадкѣ сербской церкви въ Турціи (Гласник серб. друштва 1867, 357).

3. Взаимныя сношенія нѣкоторыхъ Русскихъ и Югославянъ. Симеонъ Суздальскій у Югославянъ. Герберштейнъ, Комуловичъ, Гундуличъ на Руси.

Русскіе и Югославяне, сходясь лично другъ съ другомъ, чувствовали, разумѣется, свое родство и сходство. Это сознаніе хорошо выразилъ спутникъ русскаго митрополита Исидора во Флоренцію. Симеонъ изъ Суздаля, въ описаніи своего путешествія (1437 г.). О Хорватахъ („Ховратянахъ"), черезъ страну которыхъ онъ проѣзжалъ, онъ замѣчаетъ, что у нихъ „языкъ съ Руси, а вѣра латинская"; сравнивая же нарѣчія, которыя слышалъ въ сѣверной и южной Германіи, онъ говоритъ, что они отличаются „яко Русь съ Сербы" [1]).

Этимъ родствомъ Югославянъ и Русскихъ не разъ пользовались римскіе императоры и папы, отправляя къ Русскимъ царямъ послами южныхъ Славянъ или людей, знающихъ ихъ языкъ. Сигизмундъ изъ Герберштейна, дворянинъ Краинскій, который два раза (въ 1517 и 1526 годахъ) былъ въ Москвѣ посломъ императора, сознаетъ, что знаніе словенскаго языка принесло ему большую пользу на Руси, такъ какъ *словенскій языкъ одинаковый съ русскимъ и Московскимъ* [2]).

Въ концѣ XVI вѣка (1593—1597 гг.) посломъ папы въ Польшѣ и на Руси былъ Югославянинъ, далматскій іезуитъ Александръ Комуловичъ. Онъ, по порученію папы, долженъ былъ побуждать къ войнѣ съ Турками польскаго короля, польскихъ вельможъ, румынскихъ господарей, казаковъ и русскаго царя; послѣдняго онъ долженъ былъ уговаривать освободить христіанскіе народы „одного языка съ Русскими, или мало отъ него отличающагося", которые вопятъ подъ турецкимъ игомъ и съ радостью пріймутъ „своихъ собственныхъ родственниковъ" въ государи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Комуловичъ долженъ былъ стараться и объ уніи русской церкви съ Римомъ; папа надѣялся, что царь будетъ дѣйствовать въ такомъ духѣ и ради самого посла, замѣтивъ—думаетъ папа,—что уже болѣе семисотъ лѣтъ со времени введенія христіанства на Руси не случилось, „чтобъ отъ святаго престола былъ къ нимъ посланъ кто-либо *знающій ихъ языкъ*".

---

[1]) *Новиковъ:* Древняя россійск. вивліоѳика (2-е изд., VI, 35, 47); *Сахаровъ:* Путешествія русскихъ людей, 84, 88.

[2]) Въ Rerum moscovit. commentarii (предисловіе) и въ своей автобіографіи (Fontes rer. austr. Scriptores, I, 70). То же самое утверждаетъ и его землякъ *Вальвазоръ* (1689). Сравн. выше о посольствѣ Чеха Гейделя.

На это послѣднее обстоятельство папа не перестаетъ напирать, повторяя царю и Борису Годунову, что къ нимъ послалъ Славянина, такъ какъ онъ „знаетъ и вашъ языкъ“ [1]).

Особенно интересно посольство императора Леопольда въ Москву (1655 г.), когда тотъ старался о заключеніи мира между Польшей и Московскою Русью. Во главѣ этого посольства стоялъ Дубровничанинъ Аллегретти (Алегретичъ). Въ числѣ его свиты находился и его землякъ, Францискъ Гундуличъ, сынъ извѣстнаго поэта. Посольство, прибывъ въ Москву, принято было очень радушно. Самъ царь Алексѣй Михайловичъ, узнавъ, что Алегретичъ „славянскаго языка“, очень обрадовался, такъ какъ онъ считалъ возможнымъ говорить съ нимъ непосредственно на своемъ языкѣ. То же самое было и съ царскими уполномоченными при посольствѣ. Когда замѣтили, что они хорошо понимаютъ другъ-друга, пустились въ дружескій разговоръ о разныхъ дѣлахъ; между прочимъ, одинъ царскій дворянинъ замѣтилъ Гундуличу, что слѣдовало бы всѣмъ государямъ назначать въ послы людей, знающихъ языкъ страны, такъ какъ нельзя всегда и во всемъ положиться слѣпо на переводчиковъ. За придворнымъ обѣдомъ, царь Алексѣй бесѣдовалъ особенно съ Гундуличемъ, оба на своихъ природныхъ языкахъ, и вообще былъ съ нимъ болѣе любезенъ, чѣмъ съ другими членами посольства, которые не знали говорить „по нашему“ [2]).

4. Духовныя связи Русскихъ и православныхъ Югославянъ. «Славянскій» языкъ.

Важнѣйшимъ соединительнымъ звеномъ Славянъ южныхъ и Русскихъ сдѣлалось христіанство и церковный языкъ „словѣнскій“ или „славянскій“, на который апостолы Кириллъ и Меѳодій перевели богослужебныя книги для южныхъ и западныхъ Славянъ. У послѣд-

---

[1]) *Новиковъ*: Древн. росс. вивл. XII, 456; *Turgenev*: Monum. Russ. histor. II, 46. Срвн. Памятники дипломат. сношеній древней Россія, X, 393; *Theiner*: Monum. hist. Polon. III, 210. Комуловичъ, во время своего пребыванія въ Польшѣ (1595 г.), обратилъ польскаго историка Іоах. Бѣльскаго въ католицизмъ. (Kron Polska, продолженіе, изд. Туровскаго, стр. 1725).

[2]) Описаніе посольства Гундуличемъ, въ сборникѣ Dubrovnik (1868 г., 57). Срвн. Памятники дипломат. сношен. III, 253, *Соловьева*: Ист. Росс. X, 397, и выше. Описаніе Московіи (De rebus Moschorum) Хорвата *Главинича*, спутника императорскихъ пословъ въ Москвѣ, Мейерберга и Кальвуччи (1661 — 1663), знаемъ только по заглавію (*Adelung*: Reisende in Russland, II, 333).

нихъ, вслѣдствіе разныхъ историческихъ событій, славянское богослуженіе скоро замѣнено было латинскимъ; но за то оно перешло къ болѣе многочисленнымъ Славянамъ сѣвернымъ. Русь приняла христіанство изъ Царьграда, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и славянское богослуженіе, и славянскій языкъ, который употреблялся въ Болгаріи, въ Сербіи и отчасти и въ Хорватіи, и на которомъ явились и зачатки литературы.

Такимъ образомъ, Славяне русскіе, болгарскіе и сербскіе вступили въ духовное общеніе. Святители церквей болгарской и сербской сдѣлались и святителями церкви русской, и на оборотъ. Такъ св. Петка, Іоаннъ Рыльскій, Георгій Срѣдецкій, Сава, Стефанъ, царь „великаго и славнѣйшаго сербскаго языка“; свв. Ольга, Мстиславъ, Борисъ и Глѣбъ, и другіе „рушьскіе“ князья и духовныя лица [1]). Славянскія книги (то-есть, преимущественно переводы съ греческаго), писанныя въ Болгаріи и Сербіи, стали переходить и на Русь. Такъ, переводы Библіи и другихъ богослужебныхъ книгъ, житія святыхъ (напримѣръ, паннонскія легенды о свв. Кириллѣ и Меѳодіѣ), разныя статьи религіознаго, моральнаго и философскаго содержанія, собираемыя въ такъназываемые изборники (Изборникъ 1073 года переписанъ былъ для русскаго князя Святослава съ изборника болгарскаго царя Симеона); Номоканонъ или Кормчая книга [2]), филологическія статьи (напримѣръ, граматика Іоанна Экзарха, статья о письменахъ черноризца Храбра), лѣтописи сербскія и болгарскія, жизнеописанія сербскихъ и болгарскихъ государей, юго-славянскіе переводы греческихъ хронографовъ, которыми пользовались и русскіе лѣтописцы (напримѣръ, Несторъ хронографомъ Георгія Амартола), и пр. Наконецъ, посредствомъ болгарскихъ переводовъ Русскіе познакомились и съ разными сказа-

---

[1]) Срвн., напримѣръ, въ Описаніи рукоп. Румянцевск. музея прологи, псалтыри, службы и др. Ламанскаго: Слав. рукоп. въ Бѣлградѣ, Загребѣ, 112, и др. И Кіевскій архимандритъ Зах. Копыстенскій (1621, срвн. выше) приводитъ много сербскихъ и болгарскихъ святыхъ, мощи которыхъ хранятся до сихъ поръ, такъ св. Савы въ Милешевѣ, Симеона Немани въ Студеницѣ, кралей Стефановъ въ Сопочанахъ, Дечанахъ, Морачѣ, князя Лазаря въ Раваницѣ, деспота Стефана въ Крушедолѣ, св. Іоанна Рыльскаго въ Рыльскомъ монастырѣ и др. (Опис. рукоп. синод. библ. II, 3, стр. 340).

[2]) Окт. 1260 г. русскій митрополитъ Кириллъ просилъ болгарскаго деспота Якова Святослава о доставленіи кормчей книги. Святославъ велѣлъ ее списать (1262 г.) и послалъ Кириллу, архіепископу «всея русьскыя земля, благодрьжавнаго родия моего, ихъ же отрасль и корень азъ быхъ святыхъ прѣотьць моихъ».(Извѣстія Импер. Акад. Наукъ, X, 203. Срвн. Описаніе рукоп. Румянцевск. музея, 291).

ніями восточнаго и западнаго міра (объ Акирѣ, о Дракулѣ, о Варлаамѣ и Іоасафѣ, о Соломонѣ и Китоврасѣ, объ Александрѣ Македонскомъ и пр.), съ апокрифическими сочиненіями — „болгарскими баснями“, какъ ихъ на Руси называли еще въ XVI вѣкѣ, и пр. [1]).

Такимъ путемъ завязались очень близкія и тѣсныя сношенія между славянскимъ югомъ и востокомъ, сношенія по единовѣрію и единоязычію. Вслѣдствіе этихъ сношеній создалась одна общая литература болгарско-сербско-русская, разработываемая на одномъ языкѣ „словенскомъ“ или „славянскомъ“. Этотъ языкъ, конечно, принималъ извѣстные оттѣнки—болгарскій, сербскій и русскій, смотря по тому, писалъ ли на немъ Болгаринъ, Сербъ или Русинъ [2]). Но не смотря на эти оттѣнки, сходство всѣхъ этихъ нарѣчій было такъ сильно, что на Руси распространилось мнѣніе, что „словѣньскый языкъ и русьскый единъ есть“ [3]). Этотъ славянскій языкъ остался долго общимъ литературнымъ языкомъ Русскихъ, Болгаръ и Сербовъ, пока мѣстныя нарѣчія не развились въ самостоятельные литературные языки. Однако, церковный языкъ не пересталъ отстаивать свое значеніе и впослѣдствіи, особенно въ языкахъ болгарскомъ и русскомъ, въ которыхъ замѣтно вліяніе славянскаго языка до сихъ поръ. Въ церквахъ же православныхъ Славянъ остался до сихъ поръ языкъ славянскій, именно русской редакціи.

Впрочемъ, не смотря на сходство литературнаго языка у всѣхъ православныхъ Славянъ, они всѣ знали объ его оттѣнкахъ югославянскихъ и русскихъ и вообще о разницѣ славянскихъ языковъ. Такъ, вышеупомянутый Русскій, Симеонъ изъ Суздаля, сравнивая нѣмецкія нарѣчія, замѣчаетъ, что они отличаются „яко Русь съ Сербы“. Другой Русскій XVI вѣка, Нилъ Курлятевъ, признавая, что у Русскихъ и у Сербовъ есть „единъ нашъ языкъ, сирѣчь словеньскій, да мы говоримъ по своему языку чисто и шумно, а они говорятъ моложаво,

---

[1]) О множествѣ такихъ рукописей разныхъ редакцій срвн. Описанія библіотекъ Румянцевской, Синодальной, Царскаго, Хлудова и др. Срвн. также *А. Попова*: Обзоръ русск. хронографовъ.

[2]) На эту пеструю смѣсь книжнаго языка жалуются Русскіе XV—XVI вв. и замѣчаютъ, что прежніе переводчики, «не зная хорошо нашего языка, перевели ово словенскы, и ино сербскы, и другая болгарскы, ихже неудоволишася преложити на рускый языкъ»; поэтому считалось нужнымъ объяснять нѣкоторыя слова этихъ славянскихъ языковъ (Іоаннъ Экзархъ болгарск. 196, Рукописи Царскаго № 327).

[3]) П. С. Р. Л., I, 12.

и въ писаніи рѣчи наши съ ними не сходятся". Съ другой стороны, Сербы жалуются, что имъ трудно рукописи „бугарскога езыка прѣставлѣти на срьбскы езыкъ", и что „вельми тежько нашему србьскому езыку на чтеніе, яко мнозѣмь не знати, чьто чьтуть, рускыхь рѣчей не разумѣюще" [1]).

Вслѣдствіе единовѣрія Русскихъ, Болгаръ и Сербовъ, священники послѣднихъ двухъ народовъ особенно же изъ Болгаръ, переходили на Русь не только въ первомъ вѣкѣ введенія христіанства на Руси, но и позже. Такъ, напримѣръ, русскіе митрополиты Кипріанъ (1376—1406 гг.) и Григорій Цамблакъ (1415—1419 гг.) были православные Юго-славяне—Сербъ и Болгаринъ. Первый не зная достаточно русскаго языка, вводилъ сербскіе обороты и изрѣченія въ славянскій книжный языкъ на Руси, что — по свидѣтельству Курлятева — дѣлалось здѣсь еще и въ XVI вѣкѣ [2]). При избраніи Григорія въ митрополиты на Литовскую Русь, владыки литовско-русскіе прямо ссылаются на примѣръ самостоятельныхъ церквей болгарской и сербской. „Такъ поступили и у прежде насъ крещеныхъ Болгаръ, нашихъ сродниковъ", говорятъ владыки и великій князь литовско-русскій Витовтъ, „епископы и поставили себѣ первосвятителя. Такъ и епископы сербскіе поставили себѣ первосвятителя, и даже до днесь есть первосвятитель въ Сербіи, имѣя подъ собой многихъ епископовъ. Вѣдь Сербія не такъ велика, какъ Русь, находящаяся подъ властью великаго князя Александра Витовта" [3]). Особенно же послѣ порабощенія Югославянъ Турками, стало являться много болгарскихъ и сербскихъ духовныхъ лицъ на Руси, прося о помощи [4]).

Изъ духовныхъ лицъ, перешедшихъ изъ южныхъ Славянъ на

---

[1]) Русская псалтырь 1552 г. Рукописи Царскаго № 327; Сербск. цвѣтная тріодь 1374 г. (Учен. Записки II отд. Импер. Акад. Наукъ, т. II, 2, стр. 102), сербск. рук. 1585 г. (*Петковичъ*: Обзоръ аѳон. древн. 57).

[2]) «Кипріанъ по гречьскы гораздо не разумѣлъ и нашего языка довольно не зналъ же, и онъ мнился, что поправилъ псалмы по нашему, а большее неразуміе въ нихъ написалъ въ рѣчахъ и словехъ все по сербски написалъ». (Предисловіе къ псалтыри 1552 г. Рукописи Царскаго № 327).

[3]) Акты западной Россіи I, №№ 24, 25. О патріархатахъ болгарскомъ и сербскомъ разказывается въ Кормчей книгѣ (въ началѣ), о сербскомъ также въ одномъ Московскомъ сборникѣ XVI вѣка (Опис. рукоп. синодальн. библ. II, 3, стр. 648) и др.

[4]) Срвн. *Голубинскій:* Краткій очеркъ исторіи православн. церк. болгарской, сербской и румынской (1871), Чтенія 1866, IV (Охрод. архіеп.), 1867, IV (мон. Хиландар.), Starine jugoslav. akad. IV, и др.

[illegible] Руси [illegible] XV вѣкѣ, [illegible] [1].

[illegible] Курбскій [illegible] Ягайло [illegible] [illegible]

Когда же [illegible] XVI вѣка [illegible] южной Руси [illegible] Библія славянская, то [illegible] рукописи и книги по многимъ монастырямъ греческимъ, сербскимъ и болгарскимъ, и вообще „по всѣмъ странамъ роду нашего языка словенскаго": и послѣ окончанія перевода этой Библіи (1581 г.), русскій князь Константинъ Острожскій объявляетъ этотъ важный трудъ „избраннымъ въ народѣ русскомъ, сыномъ церкве восточныя, и всѣмъ съгласующимся языку словенскому и съединяющимися тояжде церкви православію" [2]). Въ такомъ смыслѣ говоритъ и знаменитый современникъ Острожскаго, князь Андрей Курбскій; онъ занимался и литературой, и переводами „на вожделѣнный и любимый праотцевъ прирожденный языкъ словенскій", не только изъ „любви къ единоплеменной Россіи, но и всему словенскому языку". Курбскій такого высокаго мнѣнія о славянскомъ языкѣ, что считаетъ даже невозможнымъ хорошій переводъ съ него на другой языкъ; по его мнѣнію, „еслибы и не мало ученыхъ совокупилось, словенска языка клоняющіе чины грамматическіе и прелагающіе въ польскую барбарію, ложити не возмогутъ" [3]).

Подобно тому на Руси издавались разныя богослужебныя книги „въ общую пользу великаго и славнаго народа россійскаго и прочихъ народовъ преславнѣйшаго языка словенска" и „ко спасенію душамъ христіанскаго народа многочисленнаго словенскаго языка"; обращаются „къ избраннымъ въ народѣ великороссійстѣмъ и въ прочихъ сыномъ сущемъ церкве восточныя, и всѣмъ согласующимся языку словенскому и соединяющимся тояжде церкве православію"; радуют-

[1]) О всемъ этомъ особенно статью *Некрасова* въ Запискахъ Новороссійскаго университета 1871, VI.
[2]) Предисловіе къ Острожской Библіи.
[3]) Сказанія кн. Курбскаго II, 158, 165.

ся, что книги выходятъ „цнымъ и родовитымъ языкомъ словенскимъ“, „въ всѣхъ странахъ языка словенскаго, намъ единомудръныхъ и съгласныхъ“, гдѣ богослуженіе отправляется „богоугоднымъ языкомъ словенскимъ въ Великой и Малой Русіи, въ Сербѣхъ и Болгарѣхъ и по инымъ странамъ“ [1]).

Словари и граматики „славянскаго“ языка, издаваемые на Руси, назначаемы были не только для Русскихъ, но и для остальныхъ православныхъ Славянъ. Такъ, Памва Берында издаетъ свой „Лексиконъ славенороссійскій“ (Кіевъ, 1627) для всѣхъ Славянъ, у которыхъ въ богослуженіи употребляется „широкій и великославный языкъ словенскій, въ Великой и Малой Россіи, Сербіи, Болгаріи и по инымъ сторонамъ“. Также и „Граматики словенскія правильное синтагма“ (1619 г.) Мелетія Смотрицкаго распространилась не только по всей Руси Литовской и Московской, но и у Югославянъ, у которыхъ еще во второй половинѣ XVIII вѣка издана для Сербовъ (1755 г.) и для Хорватовъ, отправляющихъ богослуженіе по-славянски (переведено на латинскій языкъ Совичемъ до 1774 года) [2]).

„Славянскимъ“ или „словенскимъ“ языкомъ Русскіе вообще очень дорожили, предпочитая его своему мѣстному нарѣчію, и даже возставали противъ употребленія послѣдняго въ церкви и въ школѣ; здѣсь вездѣ долженъ былъ господствовать одинъ только „словенскій языкъ, плодоноснѣйшій отъ всѣхъ языковъ и Богу любимійшій“ [3]). Съ конца XVI вѣка на Руси издавались „словенскія“ или „славенскія“ гра-

---

[1]) Эти фразы собраны изъ разныхъ богослужебныхъ книгъ (библій, миней, октоиховъ, тріодей и др.), печатанныхъ особенно въ XVII в. въ Кіевѣ, Львовѣ, Евю, Москвѣ и другихъ мѣстахъ югозападной и сѣверовосточной Руси.

[2]) Смотрицкій, въ описаніи своего путешествія въ Палестину (Apologia peregrinaticy do Krajów wschodnich, 1628) говоритъ, между прочимъ, что онъ въ Св. землѣ отправлялъ литургію не на обыкновенномъ тамъ языкѣ греческомъ, а на славянскомъ, такъ какъ онъ молился «za ciebię przenajmilszy mój narodzie ruski i za wszystkie te narody, które jezykiem słowieńskim stworzyciela chwalą». Въ томъ же самомъ сочиненіи Смотрицкій выражаетъ желаніе, чтобы всѣ славянскіе народы жили въ церковномъ единствѣ.

[3]) Срвн. посланіе русскаго монаха Аѳонскаго, Іоанна изъ Вишни, князю Острожскому по поводу Брестской уніи. (Акты южной и западной Россіи II, 210); уставы братскихъ училищъ Львовскаго, Луцкаго, Кіевскаго (Памятники Кіевск. коммисс. I, 115; II, 66; III, 39) и пр. Въ письменностяхъ югозападной Руси говорится вообще о типографіяхъ, школахъ и семинаріяхъ «греческого и словенского языка», иногда и «руского языка». (Срвн., напримѣръ, Акты западн. Россіи III, 301; IV, 38, 42, 112, 172, 506 и пр.).

матики (Зизанія, Смотрицкаго, Максимова), а не „простаго русскаго діалекта"; позже составляли „граматику славянороссійскую или Московскую" (Копіевичъ, 1706 г.). Еще авторъ первой русской граматики (на латинскомъ языкѣ) Лудольфъ (1696 г.) свидѣтельствуетъ, что „безъ помощи славянскаго языка никто изъ Русскихъ не можетъ писать или разсуждать объ ученыхъ предметахъ, а въ домашней жизни не употребляется славянскій языкъ потому, что многихъ словъ житейскаго быта нѣтъ въ тѣхъ книгахъ, изъ которыхъ почерпается языкъ славянскій. Поэтому, считается правиломъ: говорить по-русски, а писать по-славянски" [1]). Это господство славянскаго языка прекратилось только со временъ преобразованій Петра, или скорѣе, съ Ломоносова, хотя не сразу; но слѣды его остались и до сихъ поръ [2]).

Духовное единство всѣхъ православныхъ Славянъ проявилось опять, когда въ половинѣ XVII вѣка, побужденіемъ Московскаго патріарха Никона „пастыря словенскаго стада Христова", издавна тянувшееся дѣло объ исправленіи церковныхъ книгъ, наконецъ привели въ исполненіе. Тогда собирали въ Москву изъ греческихъ и югославянскихъ земель, особенно же изъ Аѳонскихъ монастырей, много греческихъ и „харатейныхъ словенскихъ и сербскихъ древнихъ книгъ"; такія „ветхія словенскія" книги и рукописи прислали Никону и патріархи Сербскій и Охридскій. Послѣдній, Гавріилъ Раичъ, явился и самъ лично на Московскомъ соборѣ (1655 г.) [3]).

Исправленныя богослужебныя книги русско-славянскія разсылались потомъ и къ Сербамъ и Болгарамъ, у которыхъ существовавшія въ XV и XVI вѣкахъ типографіи давно упали. Такимъ образомъ, Русь, освобожденная отъ ига азіятскихъ варваровъ, отплатила своимъ прежнимъ учителямъ, своимъ несчастнымъ, попавшимъ въ тяжкое иго, единоплеменникамъ и единовѣрцамъ на славянскомъ югѣ, поддерживая у нихъ религіозное образованіе [4]).

---

[1]) О русско-славянскихъ граматикахъ до Ломоносова см. введеніе къ изданію грам. Ломоносова Давыдовымъ (въ Ученыхъ Запискахъ II отдѣл. Импер. Акад. Наукъ, кн. III; срвн. также кн. I, 254).

[2]) Интересны, напримѣръ, причины, по которымъ Тредьяковскій (1730 г.) пишетъ простымъ русскимъ языкомъ, а не «темнымъ словенскимъ».

[3]) Срвн., между прочимъ, предисловіе къ новому Служебнику (Москва, 1655), и Гласник српског ученог друштва 1869 г. (VI, 55).

[4]) При введеніи въ Россіи лѣтосчисленія отъ Рождества Христова (1699 г.) ссылались на обычай не только остальной Европы, «но и народовъ славянскихъ, которые съ восточною нашею церковью во всемъ согласны, какъ Во-

5. Русскіе и Югославяне католики. Исправленіе хорватско-глагольскихъ книгъ.

Вліяніе славянскаго языка, употребляемаго въ русской церкви, не ограничилось одними только православными Югославянами, но распространилось и на часть Югославянъ римско-католическаго исповѣданія, именно на Хорватовъ.

Мы уже видѣли выше, что у Хорватовъ католиковъ, населяющихъ адріатическое прибрежье, богослуженіе издавна отправлялось на двухъ языкахъ, на латинскомъ и на славянскомъ, писанномъ глаголицей,—на послѣднемъ съ половины XIII вѣка, съ разрѣшенія папы.

Славянскій языкъ въ богослуженіи оставленъ папами и принявшимъ унію съ римско-католическою церковью православнымъ Славянамъ, Сербамъ и Русскимъ. Церковно-славянскій языкъ, употребляемый въ церкви хорватской, уніатско-сербской и уніатско-русской, конечно, не имѣлъ ужь одинаковаго характера, подвергнувшись болѣе или менѣе сильному вліянію мѣстныхъ нарѣчій. При тогдашнемъ положеніи славянской—если такъ позволительно выразиться—филологіи въ Римѣ и даже у самихъ Славянъ, не всегда умѣли отличить разницу церковно-славянскаго языка, употребляемаго у Славянъ католиковъ, уніатовъ и православныхъ; они довольствовались тѣмъ фактомъ, что у большей части Славянъ употребляется въ церкви не латинскій и не греческій, а „славянскій" языкъ. Поэтому не удивительно, что могло возникнуть духовное единеніе Русскихъ не только съ православными Югославянами, но даже и съ католиками. Такъ, уже въ концѣ XV вѣка одинъ католикъ Югославянинъ участвовалъ въ переводѣ полной Библіи славянской на Руси. Доминиканецъ Веніаминъ, „родомъ Словѣнинъ, а вѣрою латинянинъ", прибывшій около 1490 года на Русь, здѣсь въ Новгородѣ (1493 г.), повелѣніемъ архіепископа Геннадія, перевелъ Маккавейскія книги съ латинскаго языка на „русскій" [1]).

Когда первый царь Лжедимитрій, желая распространить въ своемъ государствѣ чтеніе Библіи, потребовалъ отъ извѣстнаго іезуита Поссевина доставить ему печатную славянскую Библію и другія бо-

---

лохи, Молдавы, Сербы, Далматы, Болгары, Черкасы (то-есть, Малороссіяне) и Греки». (Полн. Собраніе Законовъ №№ 1735, 1736; *Соловьевъ*, Ист. Россіи, XIV, 325.

[1]) Опис. рукоп. Румянц. муз. 164; Опис. рукоп. синод. библ. I, 128.

гослужебныя книги, то Поссевинъ отыскалъ служебникъ, Новый Завѣтъ и маленькій катехизисъ, печатанные для Далматовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обратился къ тогдашнему Тосканскому герцогу, который занимался печатаніемъ книгъ на разныхъ языкахъ, и просилъ его обратить вниманіе на изданіе славянскихъ книгъ для Московскаго государства. Разумѣется, главною цѣлью Поссевина было подготовить подчиненіе руской церкви папѣ и въ этомъ государствѣ [1]).

Вслѣдствіе Брестской церковной уніи и присоединенія значительной части русской церкви, по крайней мѣрѣ въ польско-литовскихъ владѣніяхъ, къ римско-католической, въ Римѣ ближе познакомились съ обрядами и съ языкомъ, употребляемымъ въ русской церкви, не только по теоріи, но и на практикѣ: русскіе уніатскіе священники часто пребывали въ Римѣ и лично знакомились съ пребывающими здѣсь юго-славянскими священниками. Не надо забывать, что именно тогда распространялось и у самихъ Славянъ мнѣніе, что ихъ прародина—Русь, и что русско-славянскій языкъ—о строгомъ раздѣленіи чисто-русскаго и церковно-славянскаго языковъ тогда нечего было и думать—есть самый чистый славянскій языкъ.

Такимъ образомъ Югославяне и Русскіе приходили къ взаимному сравненію „славянскаго" языка, употребляемаго въ ихъ церквахъ; это сравненіе имѣло и практическія послѣдствія. Когда въ первой половинѣ XVII вѣка ощутилась надобность новаго изданія славянскихъ богослужебныхъ книгъ для Хорватовъ, то папская столица поручила это изданіе монаху хорватскому, позже епископу Рафаилу Леваковичу, который прожилъ нѣкоторое время въ Польшѣ и въ карпатской Руси и выказалъ значительное усердіе въ обращеніи „схизматиковъ особенно нашего языка" [2]). Нѣкоторое вліяніе русско-славянскаго языка замѣтно уже въ его служебникѣ (1631 г.). Къ исправленію его Часослова (бревіарія), одобреннаго уже въ 1635 г. двумя русскими цензорами въ Римѣ, приставленъ ему на помощь русскій епископъ Холмскій, Меѳодій Терлецкій, который тогда пребывалъ въ Римѣ по поводу важныхъ для всей русской церкви вопро-

---

[1]) Ciampi: Esame critico con documenti inediti della storia di Demetrio, 190. Костомаровъ: Смутное время, I, 252. «Катихизисъ» есть, вѣроятно, упомянутая книга Будинича.

[2]) Срвн. біографію и письма Леваковича у Кукулевича: Književnici u Hrvatah, 136.

совъ, особенно же по вопросу о распространеніи уніи на Руси и въ другихъ славянскихъ странахъ [1]).

Оба Славянина, Леваковичъ и Терлецкій, взялись за часословъ и псалтырь. Они собрали старыя книги и рукописи югославянскія (имерскія) и такія, которыя искони употребляетъ церковь русская и вся славянская; послѣ того стали исправлять текстъ по вульгатѣ, то-есть, выбрасывать нѣкоторыя „простонародныя слова далматскаго языка", которыя, по произволу писателей, замѣшались въ древніе югославянскіе часословы, даже и въ послѣдній переводъ Леваковича, и замѣнять ихъ „чистыми словами славянскими", которыя находились въ „не искаженныхъ" изданіяхъ русскихъ. Такимъ образомъ была пересмотрѣна ими псалтырь и очищена отъ чужихъ далматскихъ словъ, такъ что стала во всемъ согласна съ псалтырью желаемаго часослова [2]).

Отъ этого уравненія церковно-славянскаго языка у Югославянъ и у Русскихъ югославянскіе священники въ Римѣ ожидали уже тогда, большихъ успѣховъ въ будущемъ, для распространенія католицизма или уніи между „далеко и широко въ Европѣ распространенными народами славянскими" [3]).

Помощью русскихъ священниковъ пользовались и при вторичномъ исправленіи югославянскихъ служебника и часослова Пастричемъ (1688, 1706 гг.), и особенно при третьемъ исправленіи служебника, предпринятомъ въ 1741 году, по порученію Задерскаго архіепископа Змае-

---

[1]) Терлецкій дѣйствовалъ въ 1628 — 1629 гг. какъ миссіонеръ уніи между православными Сербами въ Хорватской Военной Границѣ, около Копривницы, Крижевцевъ, Марчи и др. — Къ уніи съ Римомъ побуждали тогда Русь, между прочимъ, и примѣромъ «волоскихъ, сербскихъ и болгарскихъ бискуповъ», которые заявили готовность подчиниться папѣ (письмо короля Сигизмунда 1595 г., Акты Зап. Россіи, IV, стр. 107), и примѣромъ патріарха сербскаго и болгарскаго Іоны, который въ 1601 г. со всѣми митрополитами, епископами, воеводами, князьями и главарами царства Сербскаго отступилъ отъ Царьградскаго патріарха и поддался папѣ. (Swięte pobudki do jedności świętéj w cerkwi Ruskiéj wielce potrzebnéj, въ сборникѣ: Prawa i przywileje od królów Polskich, nadane obywatelom religiej greckiej w jedności z kościołem rzymskim będące, Wilno, 1632, p. 60—62).

[2]) Предисловіе Терлецкаго къ изданію псалтыри и часослова Леваковича (1648).

[3]) Срв. бреве папы Иннокентія къ часослову 1648 г., предисловіе далматскаго іезуита Кашича къ славянскимъ переводамъ римскаго ритуала (1640 г.) и Новаго Завѣта (рукоп.).

вича, священникомъ Караманомъ, который пробылъ нѣкоторое время и въ Россіи. Тогда введенъ въ церковныя книги и русскій акцентъ.

Такимъ образомъ, церковный языкъ славянскій, употребляемый въ богослуженіи католическихъ, уніатскихъ и православныхъ Славянъ, принялъ вездѣ одинаковый характеръ. Когда же появилось мнѣніе о необходимости введенія простаго нарѣчія югославянскаго въ богослуженіе, Караманъ, будучи уже архіепископомъ Задерскимъ (1753 г.), сталъ защищать единство церковно-славянскаго языка у всѣхъ Славянъ отъ моря Адріатическаго до Ледовитаго; это единство, быть можетъ, и проложитъ путь къ уніи другихъ, пока еще „схизматическихъ", Славянъ съ Римомъ [1]).

Заключеніе.

Прослѣдивъ внимательно взаимныя сношенія Славянскихъ народовъ съ древнѣйшихъ временъ до XVIII вѣка, мы видимъ, что Славяне хотя и лишились національнаго единства, но не лишились, вмѣстѣ съ тѣмъ, сознанія племеннаго родства и никогда не переставали считаться членами одного рода. Это сознаніе видно не только въ ихъ духовной, литературной жизни, но заявляло свою силу и въ политическихъ ихъ сношеніяхъ: народы Славянскіе ищутъ себѣ другъ у друга правителей „славянскаго рода", и если и ссорятся, то все-таки, въ концѣ концовъ, приходятъ къ убѣжденію, что имъ слѣдуетъ жить „въ согласіи и въ вѣчной нераздѣльной любви братской, какъ людямъ одного языка и народа славянскаго".

Такъ было у Славянъ до XVII—XVIII вѣка.

---

[1]) Identità della lingua letterale slava e necessità di conservar la ne' libri sacri (рукоп., извлеченіе у Энгеля: Geschichte v. Serwien, 457). Объ исправленіи глагольскихъ книгъ у Югославянъ см. особенно Assemanni: Calendaria ecclesiae universae, I, 114, IV, 426; также Копитара (Glagol. Cloz.), Шафарика (Slowen. u. glagol. Schriftthum) и др.